

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ЭДГАРА ПО
ВЪ ПЕРЕВОДѢ СЪ АНГЛІЙСКАГО
К. Д. БАЛЬМОНТА, ТОМЪ ПЯТЫЙ

БИОГРАФІЯ, ЭВРИКА,
ПИСЬМА, ПОСЛѢСЛОВІЕ

МОСКВА 1912
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„СКОРПИОНЪ“

МОСКВА.—1912.

ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФИИ А. И. МАМОНТОВА
МОСКВА, ЛЕОНТЬЕВСКИЙ ПЕР., Д. № 5.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Очеркъ жизни Э. По	1
Эврика	109
Письма	245
Послѣсловіе	303

К. БАЛЬМОНТЪ
ОЧЕРКЪ ЖИЗНИ
ЭДГАРА ПО

...doubting, dreaming dreams no mortal ever
dared to dream before...

The Raven

ЗАМѢЧАНІЕ. Предлагаемый очеркъ жизни Эдгара По представляетъ изъ себя не болѣе какъ краткую сводку того, что мнѣ казалось въ ней наиболѣе важнымъ и общеинтереснымъ. При составленіи его я опирался, главнымъ образомъ, на три изслѣдованія:—

The Life of Edgar Allan Poe. By William F. Gill. Illustrated. London. 1878.

Edgar Allan Poe, his Life, Letters, and Opinions. By John H. Ingram. With Portraits of Poe and his Mother. 2 vols. London. 1880.

Life and Letters of Edgar Allan Poe. By James A. Harrison (Illustrated). 2 vols. New-York. 1902 and 1903.

Въ значительной степени, всѣ три изслѣдованія повторяютъ одно другое, находясь одно отъ другого въ естественной временной зависимости. Въ работѣ Гилля, хотя и сильно устарѣвшей, есть доселѣ очень много цѣннаго. Изслѣдованіе Ингрэма, по своей точкѣ зрѣнія чисто-біографической, является пока наилучшимъ. Вышедшая значительно позднѣе работа Гаррисона включаетъ въ себѣ очень много новыхъ матеріаловъ, и чисто-литературныя его оцѣнки и сужденія весьма любопытны и краснорѣчивы, но онъ грѣшитъ нагроможденіемъ лишніхъ свѣдѣній, заставляющихъ насъ слишкомъ близко соприкасаться съ незначительными личностями той эпохи, которымъ лишь тамъ и надлежитъ оставаться, ибо не все нужно тащить къ зеркалу Вѣчности. Я старался въ своемъ очеркѣ быть строго-лѣтописнымъ, и, имѣя ввиду неразъ еще вернуться къ Эдгару По, говорю отъ самого себя лишь то, что было строго необходимо сказать. Англійскія души не могутъ никакъ обойтись безъ обвиненія или оправданія, приближаясь къ существу исключительному. Если что-нибудь изъ этого проскользнуло и въ мои строки, это вынужденно. Я полагаю, что такіе гении, какъ Эдгаръ По, выше какого-либо обвиненія или оправданія. Можно пытаться объяснять красный свѣтъ планеты Марсъ. Обвинять его или оправдывать смѣшно. И странно обвинять или оправдывать вѣтеръ Пустыни, съ ея песками и далями, съ ея Ужасомъ и Красотой, вѣтеръ, рождающій звуки, невѣдомые не бывшимъ въ Пустынь.

1. Дѣтство, Отрочество, Юность.

Эдгаръ По былъ изъ древняго Ирландскаго рода. Его дѣдъ съ отцовской стороны, Генераль Давидъ По, въ раннемъ возрастѣ былъ взятъ своими родителями въ Соединенныя Штаты, полюбилъ свою новую родину, и, въ послѣдствіи, весьма отличился во время Войны за Независимость. Генераль По въ точномъ смыслѣ слова былъ патриотомъ. Чтобы одѣть, накормить, и пристойно устроить, ввѣренныхъ ему, голодныхъ и оборванныхъ солдатъ, онъ лишилъ себя всего своего наслѣдства. Американское Правительство, въ послѣдствіи, не возмѣстило его убытковъ, къ крайнему негодованію одного изъ ближайшихъ друзей Генерала По, знаменитаго Лафайэтта, который, посѣтивъ Америку въ 1824 году, нашелъ вдову Генерала По скорѣй въ стѣсненномъ положеніи, нежели въ состояніи благополучія, — ту самую женщину, которая въ 1781-мъ году сама выкроила и наблюдала за приготовленіемъ сотенъ одѣяній для героическихъ оборванцевъ Лафайэтта. „Baltimore gazette“, Балтиморская газета, тѣхъ

дней со старомодной трогательностью описывает это свиданіе: «Генераль Лафайэттъ чувствительно обнялъ Мистрисъ По, восклицая въ то же время со слезами, „Въ послѣдній разъ, какъ я обнялъ васъ, *Madame*, вы были моложе и болѣе цвѣтушей, чѣмъ теперь.“ Онъ поспѣшилъ, со своею свитой, могилу Генерала По на „Первомъ Пресвитеріанскомъ Кладбищѣ“, и, ставъ на колѣни, поцѣловалъ землю, бывшую надъ покойникомъ, и плача воскликнулъ, „*Ici repose un coeur noble!*“ — „Здѣсь покоится благородное сердце!“ — справедливая дань памяти благого, ежели не великаго чловѣка».

Старшій сынъ Генерала По, носившій его имя, Давидъ, былъ опредѣленъ родителями къ юриспруденціи. Но карьера адвоката его не плѣняла. Онъ увлекся — частью веселыми пирушками, частью сценическими зрѣлищами, и основалъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими своими юношамитоварищами, нѣкое сообщество для развитія вкуса къ драмѣ. Засѣданія этого малаго клуба происходили въ одной просторной комнатѣ, въ домѣ, принадлежавшемъ Генералу По. Каждую недѣлю на нихъ читались отрывки изъ старинныхъ драматурговъ и игрались ходкія пьесы тѣхъ дней. Пренебреженіе къ юриспруденціи и увлеченіе драматургіей окончилось любовью Давида По въ юную, красивую, и большеглазую, англійскую актрису, Элизабетъ Арнольдъ, которой Судьба предназначила даровать міру Эдгара По. Ея судьба, вообще, была изумительна. Какъ гласятъ біографы, эта красивая дѣвушка имѣла въ себѣ всѣ элементы духа, будучи „дѣвушкой безъ какой-либо страны“: она родилась среди океана, въ то время какъ ея мать, пересѣкая Атлантику, уѣзжала изъ Англии въ Америку; ея мать, родивъ ее, умерла, отца у ней не было, и кто-то чужой, сжалившись надъ ней, пріютилъ ее, воспиталъ, и приготовилъ къ сценѣ. Любопытно отмѣтить, что при первомъ дебютѣ своемъ, въ августовскій вечеръ 1797-го года, въ Нью-Йоркѣ, она

выступила въ пьесѣ, которая называлась „Балованное дитя“. „Каждый, кто взглянетъ на портретъ Элизабетъ Арнольдъ“, справедливо говоритъ Гаррисонъ, „не можетъ не почувствовать, что именно такое воздушное лицо должно было быть у Морэллы, Элеоноры, и Лигеи. Это лицо эльфа, духа, Ундины, которой надлежало стать матерью самаго эльфнаго, самаго неземнаго изъ поэтовъ. Такимъ образомъ, въ жилахъ Эдгара По слились богатые токи Ирландской, Шотландской, Англійской, и Американской крови, и сліяли въ немъ въ одно Кельтійскій мистицизмъ, Ирландскую пламенность, Шотландскую мелодію, тонкую, съ радужными краями, фантазію Шелли и Кольриджа, и живую независимость заатлантическаго Американца, въ которомъ возродились всѣ отличительныя свойства Стараго міра, и которому всѣ эти сокровища музыки и воображенія, страсти и тайны были дарованы какой-нибудь фейной крестной матерью. Элизабетъ Арнольдъ отличалась въ пѣніи, танцѣ, и драматической игрѣ, и ей было такъ же легко исполнять роль Офеліи и Корделіи, какъ изобразить съ изяществомъ Польскій танецъ подъ волюнку Давида По“. Эдгаръ По впослѣдствіи всегда лелѣйно относился къ памяти своей матери, и въ самую блестящую пору своей жизни, онъ однажды сказалъ, что никакой графъ никогда не былъ такъ гордъ своимъ графствомъ, какъ онъ своимъ происхожденіемъ отъ женщины, которая, хотя изъ хорошей семьи, не поколебалась посвятить драмѣ свою короткую карьеру гения и красоты. Но, если такъ думалъ поэтъ Эдгаръ По, не такъ полагалъ Генераль Давидъ По, и бракъ отца и матери будущаго поэта былъ однимъ изъ тѣхъ осужденныхъ браковъ, которые возникаютъ мгновенно, соединяя для слѣпнаго внезапнаго счастья, и долгихъ зоркихъ часовъ заботы и нищеты, двухъ юныхъ влюбленныхъ. Родители отреклись отъ сына, и примирились съ нимъ лишь послѣ рожденія перваго ребенка,

Вилльяма. Отъ сцены къ сценѣ, молодая талантливая актриса и юный влюбленный актеръ, не имѣвшій особаго дарованія, вели бродячую жизнь. Отъ Чарльстона къ Нью-Йорку, отъ Нью-Йорка къ Бостону, отъ Бостона къ Ричмонду, отъ Ричмонда къ Вашингтону, и еще, и много разныхъ еще, съ малыми дѣтьми, въ злополучныхъ повозкахъ того времени, загроможденныхъ театральнымъ хламомъ.

Въ высшей степени достопримѣчательно, что какъ разъ за девять мѣсяцевъ передъ рожденіемъ поэта, 18-го Апрѣля 1808-го года, Мистеръ и Мистрисъ По выступили въ трагедіи Шиллера „Разбойники,“ въ соучастіи со старыми своими друзьями, Мистеромъ и Мистрисъ Эшеръ.

Эдгаръ По родился въ Бостонѣ 19-го Января 1809-го года, и Гаррисонъ называетъ этотъ годъ звѣзднымъ годомъ въ историческомъ календарѣ, ибо въ этотъ *Annus Mirabilis* родились его любимые поэты, Элизабетъ Баррэттъ-Баррэттъ, впоследствии Броунингъ, которой какъ „благороднѣйшей изъ представительницъ ея пола“, онъ посвятилъ въ 1845-мъ году „Ворона и Другія Поэмы“, и Альфредъ Теннисонъ, котораго онъ называлъ величайшимъ поэтомъ изъ когда-либо жившихъ; Чарльзъ Дарвинъ, Шопенъ и Мендельсонъ, Линкольнъ и Гладстонъ. Не забудемъ, также, что въ этомъ году, двумя мѣсяцами позднѣе, родился и родственникъ Эдгару По, Гоголь, самый фантастическій изъ Русскихъ писателей.

Когда Эдгару было лишь два года, его мать и его отецъ почти одновременно умерли отъ чахотки, оставивъ троихъ дѣтей, — Элизабетъ Арнольдъ умерла въ Декабрѣ мѣсяцѣ, въ холодномъ мѣсяцѣ незабвеннаго Ворона. Двоихъ малыхъ сиротъ пріютили чужіе люди, Эдгаръ былъ усыновленъ богатымъ Шотландскимъ купцомъ Джономъ Алленомъ, поселившимся въ Виргинію; Розали, младшій ребенокъ, другимъ Шотландцемъ Мэккензи, а

старшій ребенокъ, Вилльямъ, былъ взятъ дѣдомъ, Генераломъ По. Сохранился рассказъ о томъ, что, когда Мистеръ Аллэнъ и Мистеръ Мэккензи, услышавъ, что любимица публики, Мистриссъ По, тяжело больна, пришли къ ней, они нашли ее въ нищенскомъ помѣщеніи на соломенной постели, въ домѣ не было ни монетъ, ни пищи, ни дровъ, вся одежда была заложена или продана, дѣти были полуодѣтыя и полуголодныя, а младшій ребенокъ былъ въ оцѣпенѣніи, ибо старуха, за нимъ присматривавшая, *чтобы успокоить его и придать ему силы*, накормила его хлѣбомъ, намоченнымъ въ джинѣ. Устрашающая картина, въ которой для Эдгара По было много предвѣщательнаго.

Черезъ двѣ недѣли послѣ смерти Мистрисъ По, театръ, въ которомъ она играла, сгорѣлъ въ Святочный вечеръ, и во время этого страшнаго пожара погибло шестьдесятъ человекъ. Объ этомъ пожарѣ знали повсюду въ Соединенныхъ Штатахъ, и много лѣтъ спустя о немъ рассказывали. Упорное преданіе повѣствовало также, что въ этотъ вечеръ оба По сгорѣли въ театрѣ заживо.

Маленькій Эдгаръ уже въ два года обращалъ на себя вниманіе живостью и умомъ, которые свѣтились въ его дѣтскихъ глазахъ. Это жена Аллена, плѣнившись ребенкомъ, убѣдила своего мужа усыновить его, ибо у нихъ, несмотря на нѣсколько лѣтъ супружества, дѣтей не было. Эдгаръ вошелъ въ сажиточный, и даже богатый, домъ, въ которомъ пріемная мать любила его до самой своей смерти, а пріемный отецъ гордился своимъ пріемышемъ, преждевременно являвшимъ различные таланты,—хотя временами былъ скоръ на руку, и, будучи вспыльчивъ, порою сурово наказывалъ мальчика. Къ возрасту пяти-шести лѣтъ Эдгаръ умѣлъ читать, писать, рисовать, писать красками, и декламировать стихи на забаву обѣдающихъ гостей; на забаву же ихъ, наученный Мистеромъ Алленомъ быть пріятнымъ для гостей, онъ становился на стулъ,

поднималъ стаканъ съ разбавленнымъ виномъ, и, дѣлая самыя жеманныя ужимки, провозглашалъ тостъ за всѣхъ, граціозно прихлебывалъ вино, и съ шаловливымъ смѣхомъ опять садился на свое мѣсто, при общемъ одобреніи пировавшихъ. Онъ былъ одѣтъ какъ маленькій принцъ, у него была лошадь пони, на которой онъ ѣздилъ верхомъ, собственныя собаки, чтобы сопровождать его, и ливрейный грумъ. У него всегда были въ достаточномъ количествѣ карманныя деньги, и въ дѣтскихъ играхъ у него всегда была какая-нибудь любимица, которую, пока прихоть длилась, онъ засыпалъ подношеніями — плодами, цвѣтами, и подарками. Въ связи съ однимъ изъ такихъ дѣтскихъ увлеченій, онъ влѣзъ на дерево, свалился въ находившійся передъ нимъ прудъ, и едва не утонулъ. Онъ не всегда слушался Мистера Аллена, и, однажды, когда ему грозило суровое наказаніе, явилъ необыкновенную для пятилѣтняго возраста находчивость. Онъ попросилъ Мистрисъ Алленъ заступиться за него, но когда та сказала, что она не можетъ въ это вмѣшиваться, онъ отправился въ садъ, собралъ хорошую связку прутьевъ, вернулся домой, и молчаливо протянулъ ихъ Мистеру Аллену. „Это зачѣмъ?“ спросилъ тотъ. „Чтобы высѣчь меня“, отвѣтилъ мальчикъ, сжавъ за спиною руки, поднявъ голову, и пристально устремивъ на своего блюстителя напряженный взглядъ большихъ потемнѣвшихъ глазъ. Какъ и предвидѣлъ пятилѣтній Эдгаръ, Мистеръ Алленъ былъ побѣжденъ этимъ мужествомъ. Но даже и тогда, когда дѣло кончалось не столь благополучнымъ образомъ, Эдгаръ не чувствовалъ злопамятности по поводу дѣйствительной, или мнимой обиды. Тотчасъ же послѣ какого-нибудь наказанія, онъ могъ съ истинной сердечностью охватить своими рученками шею пріемнаго отца и цѣловать его. Онъ былъ живымъ, свѣтлымъ, и привязчивымъ ребенкомъ, — стремительнымъ и своенравнымъ, это такъ, но никогда не угрюмымъ и

не зловольнымъ. Красивый баловень, маленькій любимецъ, голосъ котораго, по собственнымъ его словамъ, сказаннымъ впоследствии, былъ закономъ въ домѣ, и который въ томъ возрастѣ, когда дѣти едва оставляютъ свои помочи, на коихъ водятъ ихъ, былъ вполне предоставленъ своей собственной волѣ, и былъ господиномъ своихъ поступковъ. Если бы жизнь продолжала этотъ означенный для него путь, а не привела рѣзкимъ поворотомъ къ чудовищному нагроможденію препятствій, превышающихъ силы отдѣльнаго человѣка!

Въ Юнѣ 1815-го года, за день передъ битвой при Ватерлоо, Мистеръ Аллэнъ отправился съ семьею своею въ Англію, по одному дѣлу, которое, какъ онъ думалъ, задержитъ его тамъ лишь на малое время, на самомъ же дѣлѣ онъ остался тамъ на цѣлыхъ пять лѣтъ. вмѣстѣ съ нимъ былъ и Эдгаръ, который совершилъ, такимъ образомъ, памятное морское путешествіе въ томъ возрастѣ, когда впечатлѣнія западаютъ въ душу наиболѣе глубоко, и, оставаясь пять лѣтъ въ Англіи, захватилъ своимъ зоркимъ умомъ и чувствомъ гениальнаго ребенка все очарованіе этой отъединенной и таинственной страны. Онъ былъ отданъ въ школу въ Стокъ-Ньюингтонѣ, — тогда одно изъ предмѣстій Лондона. Этотъ пригородъ, — вѣрнѣе селеніе, — состоялъ въ то время изъ одной длинной улицы, усаженной развѣсистыми вязами, и бывшей остаткомъ одной изъ проложенныхъ Римлянами дорогъ. Тѣнистая аллея, зеленая лужайка, тѣни Елизаветы, Анны Болейнъ, ея злополучнаго возлюбленнаго, Графа Перси, старинное зданіе, зачаровавшее ребенка своею готическою мрачною красотой, и позднѣе описанное имъ съ поэтической точностью въ одномъ изъ любимыхъ его разсказовъ „Вильямъ Вильсонъ“. Въ одной изъ священныхъ загоронокъ большой школьной комнаты, съ дубовымъ потолкомъ и готическими окнами, засѣдалъ, въ свое время, долго скрывавшій свое преступленіе, и воспѣтый

поэтами, знаменитый убійца, Евгений Арамъ. Когда въ воскресное послѣполуденъе тяжелыя ворота зданія со скрипомъ раскрывались и выпускали на волю маленькаго мечтателя и его товарищей, они шли подъ гигантскими узловатыми деревьями, среди которыхъ нѣкогда жилъ другъ Шекспира, Эссексъ, или смотрѣли съ удивленіемъ на толстыя стѣны и глубокія окна и двери, съ ихъ тяжелыми замками и засовами, за которыми былъ написанъ „Робинзонъ Крузо“.

Здѣсь Эдгаръ По впервые правильно учился Англійскому языку, Латинскому, Французскому, и математикѣ. А совсѣмъ недалеко отъ него, на небольшомъ разстояніи отъ Стокъ-Ньюингтона, жили въ то время гениальные юноши, Байронъ, Шелли, и Китсъ, которые въ это памятное пятилѣтіе выступили со своими звонкими пѣснями.

Преподобный Докторъ Брэнсби, сохранившій въ рассказѣ „Вильямъ Вильсонъ“ истинный свой ликъ и даже свое имя, оказалъ на Эдгара По сильное вліяніе, не только своими постоянными цитатами изъ Горация и Шекспира, но и благороднымъ пониманіемъ души ребенка. Онъ запомнилъ своего маленькаго Американскаго воспитанника, и годы спустя вспоминалъ сочувственно объ его способностяхъ, и съ осужденіемъ говорилъ, что у мальчика всегда было слишкомъ много карманныхъ денегъ.

Пять лѣтъ въ Англии и дважды совершенное океанское путешествіе предрѣшили многое въ развитіи отличительныхъ чертъ Эдгара По, какъ поэта, и дали ему возможность впослѣдствіи вѣрно найти себя: „Грезить“, восклицаетъ Эдгаръ По въ своемъ рассказѣ „Свиданіе“, „грезить было единственнымъ дѣломъ моей жизни, и я поэтому создалъ себѣ, какъ вы видите, бесѣдку грезъ“. Эта идеальная бесѣдка грезъ, обрисовывающаяся передъ нами во всѣхъ духовно-плѣнительныхъ сказкахъ пѣвучаго сновидца, возникла въ своихъ тѣневыхъ очерта-

ніяхъ впервые въ старинной Англїи, а морская волна и ропотъ морского вѣтра нашептали ему рассказы о тѣхъ воздушныхъ существахъ, которыя движутся передъ нами въ такихъ его произведенїяхъ, какъ „Манускриптъ, найденный въ бутылкѣ“, „Нисхожденіе въ Мальстрѣмъ“, или „Островъ Феи“. Вліяніе океанскаго путешествія на дѣтскій умъ Эдгара превосходно отмѣчаетъ Гаррисонъ. «Ни одинъ добросовѣстный біографъ», говоритъ онъ, «не преминетъ отмѣтить, какіе любопытные психологическіе эффе́кты Моря должны были быть оказаны на впечатлительный характеръ По въ продолженіи длительныхъ океанскихъ путешествій почти столѣтіе тому назадъ, когда мѣсяць было быстрымъ переѣздомъ черезъ сѣдую Атлантику, и преждевременно разившійся ребенокъ, сперва шести, потомъ двѣнадцати-тринадцати лѣтъ, провель мѣсяць, или цѣлыхъ два мѣсяца, существованія, на преломленіи лѣта, среди блесковъ Іюньскихъ морей. Никто не изобразилъ вѣтеръ въ мириадѣ его магическихъ очертаній, и формъ, и ощущеній, или воду въ ея безконечныхъ различностяхъ цвѣта и движенія, болѣе четко, чѣмъ авторъ „Артура Гордона Пима“, „Манускрипта, найденнаго въ бутылкѣ“, и „Паденія дома Эшеръ“. Эолова рьяность фантазіи поэта, Шелліевская многогранность фразы и ритма, съ которыми онъ живописуетъ вѣтеръ и воду, бурю и тишь, прудокъ и озеро, истолковывая тысячекратныя тайны воздуха, и выпуская на волю, изъ ихъ запертыхъ уединеній съ несчетными складками, трепеты внушенія и ужаса, должны были, по крайней мѣрѣ, зародиться въ эти замедленныя отроческія странствія по Океану. Оба раза онъ пересѣкъ Атлантику въ Іюнь, когда лучезарность звѣздъ являетъ себя во всей ихъ красотѣ на преломленіи лѣта, и когда „полумѣсяць Астарты алмазной“ и звѣздные гіероглифы неба выступаютъ въ лазурн сгустками огня, дабы навсегда быть сложенными въ сокровищницу въ звѣздныхъ поэмахъ и

въ звѣздныхъ намекахъ. „Манускриптъ, найденный въ бутылкѣ“ есть водная поэма съ начала до конца, написанная въ тотъ ранній возрастъ, когда юноша живо помнилъ эти впечатлѣнія. Зефироподобныя, изъ паутины сотканныя, женщины Сказокъ суть воплощенія шепчущихъ вѣтровъ; ихъ движенія суть вѣтерковыя волнообразности воздуха, идущаго надъ склоняющимися колосьями; ихъ мелодическіе голоса суть лирическіе возгласы вѣтра, возжаждавшаго говорить членораздѣльною рѣчью черезъ горла, подобныя флейтамъ; и полны страсти, и отягощены значеніемъ, музыкальныя измѣненія выраженія, что свѣваются съ ихъ губъ какъ благовопія, вздохомъ исшедшія изъ цвѣточныхъ чашъ».

Въ 1820-мъ году путники были опять дома, въ Виргиніи, желанной Эдгару По по многимъ причинамъ, а въ послѣдствіи возлюбленной имъ и за то, что имя этой области совпадало съ именемъ жены его, которую онъ *идолопоклоннически* любилъ. Полудѣтскія впечатлѣнія наши върное выраженіе: 1821-й—22-й годъ былъ начальнымъ періодомъ созиданія стиховъ.

Въ 1822-мъ году Мистеръ Аллэнъ помѣстилъ своего пріемнаго сына въ школу, въ городѣ Ричмондѣ, въ Штатѣ Виргинія, гдѣ Аллэны опять поселились. Воспоминанія сверстниковъ и сверстницъ неизмѣнно рисуютъ Эдгара По красивымъ, смѣлымъ, причудливымъ, и своенравнымъ, черты, которыя онъ сохранилъ на всю жизнь. Нѣкоторыя подробности дѣтскихъ шалостей до странности совпадаютъ съ тѣми литературными приемами, которые позднѣе предстали какъ отличительныя особенности творческаго дарованія Эдгара По. Кто-то рассказываетъ: „Съ отцомъ и съ матерью мы отправились провести Святочный вечеръ съ Аллэнами. Среди игрушекъ, приготовленныхъ для нашихъ забавъ, была нѣкая змѣя, длинная, гибкая, глянцевитая, раздѣленная какъ-бы на суставы, которые были соединены проволоками, и ребенокъ, взявъ змѣю за хвостъ,

могъ заставить ее извиваться и бросаться кругомъ, самымъ жизнеподобнымъ образомъ. Это отвратительное подобіе змѣи Эдгаръ взялъ въ руку, и, пугая, прикоснулся имъ къ моей сестрѣ Джэнь до тѣхъ поръ, пока она почти не обезумѣла“. Наивный человѣкъ прибавляетъ: „Этого низкаго поступка я ему не могъ простить доселѣ“. Вѣроятно, позднѣе этотъ человѣкъ не могъ ему простить и такихъ его сказокъ, какъ „Черный Котъ“ или „Сердце-Изобличитель“. Другой разсказъ изъ тѣхъ дней еще болѣе опредѣлителенъ: «Однажды, въ домѣ моего отца было засѣданіе „Джентльмэнскаго Клуба Игры въ Вистъ“. Члены Клуба, и немногіе изъ приглашенныхъ гостей, собрались и усѣлись за столиками, разставленными тутъ и тамъ въ большой залѣ, и все было такъ гладко и спокойно, какъ это было въ нѣкоторую „Ночь подъ Рождество“, о которой мы читали, какъ вдругъ появилось привидѣніе. Привидѣніе, несомнѣнно, ожидало, что все общество игроковъ въ вистъ будетъ испугано, и, дѣйствительно, они были приведены въ нѣкоторое движеніе. Генераль Уинфильдъ Скоттъ, одинъ изъ приглашенныхъ гостей, съ рѣшимостью и быстротою стараго солдата, прыгнулъ впередъ, какъ будто онъ руководилъ нападеніемъ на маневрахъ. Докторъ Филиппъ Торнтонъ, изъ Раппагэннока, другой гость, былъ, однако, ближе къ двери и болѣе проворенъ. Привидѣніе, увидя, что его тѣснятъ, начало отступать, пятясь кругомъ по комнатѣ, но не отвращая своего лица отъ врага, и, когда Докторъ дотянулся до него, и попытался схватить привидѣніе за носъ, привидѣніе хлопнуло его по плечу длинной палкой, которую оно держало въ одной рукѣ, въ то время какъ другой противоборствовало, чтобы не быть схваченнымъ за простыню, облекавшую его тѣло. Когда, наконецъ, оно вынуждено было сдаться, и маска снята была съ его лица, Эдгаръ смѣялся такъ сердечно, какъ это дѣлало когда-либо раньше какое-нибудь привидѣніе». Очень опредѣ-

лителенъ еще слѣдующій рассказъ: „Одинъ школьникъ, Сэльденъ, сказалъ кому-то, что По лгунъ или мошенникъ. Будущій поэтъ услыхалъ объ этомъ, и вскорѣ между мальчиками возгорѣлся бой. Сэльденъ былъ дороднѣе По, и нѣкоторое время онъ его знатно тузилъ. Слабый мальчикъ, повидимому, подчинился ему безъ особаго сопротивленія. Вдругъ По опрокинулъ чашу вѣсовъ, и къ великому удивленію зрителей, превесыма поколотилъ своего соперника. Когда его спросили, почему онъ позволилъ Сэльдену такъ долго тузить его, По отвѣчалъ, что онъ ждалъ, когда его противникъ задохнется, передъ тѣмъ какъ показать ему кое-что въ искусствѣ боя“.

Въ Ричмондской школѣ Эдгаръ По сдѣлалъ большіе успѣхи во Французскомъ языкѣ и въ Латинскомъ, но еще большіе въ плаваніи и въ бѣгѣ. Одинъ изъ его товарищей говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что Эдгаръ По былъ своевольнымъ, капризнымъ, склоннымъ быть повелительнымъ, и, хотя исполненнымъ благородныхъ порывовъ, не всегда добрымъ, или даже любезнымъ, и такимъ образомъ, онъ не былъ повелителемъ, или даже любимцемъ школы. Было тутъ нѣчто и другое, болѣе важное для психологіи школьниковъ. Объ Эдгарѣ По знали, что родители его были актеръ и актриса, и что онъ зависѣлъ отъ доброты того, кто взялъ его какъ пріемнаго сына. Все это вмѣстѣ вліяло, повидимому, на мальчиковъ такъ, что мѣшало имъ выбрать его вождемъ. Нужно еще сказать, что Мистеръ Аллэнъ гордился своимъ красивымъ и одареннымъ пріемышемъ, но онъ не испытывалъ къ нему отеческой привязанности,—чувство, котораго всегда хотѣло впечатлительное сердце этого тонко-чувствительнаго существа. Трудно оцѣнить, съ какихъ раннихъ дней запала горечь въ сердце Эдгара По, и какъ рано зоркій его умъ увидѣлъ несоотвѣтствіе между внутренними достоинствами отдѣльнаго человѣка и внѣшнимъ отношеніемъ къ нему другихъ людей.

Очень интересны воспоминанія объ Эдгарѣ По Доктора Эмблера: „Я помню моего стараго школьнаго сверстника, Эдгара Аллена По. Я провелъ мои ранніе годы въ городѣ Ричмондѣ, и въ промежутокъ времени 1823-го — 24-го года, я былъ въ постоянной съ нимъ близости. Никто изъ живущихъ, смѣю сказать, не имѣлъ наилучшаго случая познакомиться съ его тѣлесными свойствами, ибо два лѣта мы раздѣвались ежедневно для купанья, и учились плавать въ томъ-же самомъ прудкѣ, въ бухточкѣ Шоко. Эдгаръ По не выказывалъ способности къ плаванію; позднѣе, однако-же, онъ сдѣлался знаменитъ, свершивъ плаваніе отъ Уорвика до Моста Майо“. Самъ Эдгаръ По, говоря объ этомъ случаѣ своей жизни, замѣчаетъ: „Любой плаватель черезъ пороги въ мои дни переплылъ-бы Геллеспонтъ, и ничего бы особеннаго объ этомъ не думалъ. Я проплылъ отъ Набережной Лодлэма до Уорвика (шесть миль) подъ жаркимъ Іюньскимъ солнцемъ противъ одного изъ самыхъ сильныхъ теченій, какія вообще вѣдомы въ рѣкѣ. Проплыть двадцать миль въ тихой водѣ, было-бы достиженіемъ сравнительно легкимъ. Я бы не такъ ужъ много думалъ и о попыткѣ переплыть Британскій Каналь изъ Довера въ Калэ“. Легкость такой попытки есть, конечно, поэтическое преувеличеніе, но фактъ того, что онъ проплылъ шесть миль, засвидѣтельствованъ его сверстниками, впоследствии, Полковникомъ Майо и Докторомъ Кэбеллемъ. Майо, проплывъ три мили, отказался отъ дальнѣйшаго состязанія, а Эдгаръ По, несмотря на крайне жаркій день, доплылъ до конца, но, когда онъ вышелъ изъ воды, все лицо его, шея, и спина были покрыты волдырями. Онъ, однако, не казался очень усталымъ, и немедленно послѣ такого свершенія, предпринятаго на пари, пошелъ назадъ пѣшкомъ въ Ричмондъ.

Полковникъ Майо рассказываетъ еще о другомъ, болѣе опасномъ, предпріятіи. Однажды, посреди зимы, когда они стояли на берегахъ Рѣки Іакова, Эдгаръ По поддразни-

валь своего товарища, и манилъ прыгнуть въ воду, чтобы доплыть съ нимъ до извѣстной точки. Послѣ того какъ они нѣкоторое время барахтались въ полузамерзшемъ потоцѣ, они достигли свай, на которыхъ покоился тогда Мостъ Майо, и весьма были рады, что могутъ остановиться и попытаться достичь берега, взобравшись по устою до Моста. Достигши Моста, они, однако-же, замѣтили, къ своему смятенію, что помость заходитъ на нѣсколько футовъ надъ устоемъ, и восхождение этимъ способомъ есть невозможность. Имъ не оставалось ничего другого, какъ спуститься и направиться обратно тѣмъ-же путемъ, что они и сдѣлали, измученные и полузамерзшіе: Эдгаръ По достигъ суши совершенно истощенный, а Майо былъ подобранъ дружеской лодкой въ ту самую минуту, когда онъ началъ тонуть. Достигши берега, Эдгаръ По былъ схваченъ страшнымъ приступомъ рвоты, и оба пловца были больны въ теченіи нѣсколькихъ недѣль. — Полковникъ Майо помнитъ Эдгара По какъ надменнаго, красиваго, горячаго, и своевольнаго юношу, не нерасположеннаго къ рукопашной схваткѣ, но съ большой умственной силой, и съ всегдашней готовностью уцѣпиться за какую-нибудь трудную умственную проблему.

Въ то время когда Эдгаръ По былъ въ Ричмондской школѣ, онъ пришелъ однажды къ одному изъ своихъ товарищей, мать котораго звалась Елена Стэннердъ. Собственно ея имя было Джэнъ, но Эдгаръ По не любилъ имя Джэнъ, и замѣнилъ его означительнымъ именемъ Елена. Войдя въ комнату, эта лэди взяла его за руку и сказала ему нѣсколько ласковыхъ словъ, и эта ласка чужого человѣка до такой степени сильно потрясла мальчика-юношу, что онъ онѣмѣлъ и былъ близокъ къ потерѣ сознанія. Эта напряженная чувствительность къ чужой добротѣ по отношенію къ нему была одной изъ самыхъ выдающихся чертъ характера Эдгара По за всю его жизнь. Елена Стэннердъ сдѣлалась повѣренной его полудѣтскихъ

скорбей, но проклятіе, преслѣдовавшее Эдгара По всю его недолгую жизнь, пожелало, чтобы черезъ нѣсколько мѣсяцевъ она лишилась разсудка и умерла. И мальчикъ, помнившій потомъ эту ласковую тѣнь всю жизнь, приходилъ къ ней на могилу много мѣсяцевъ спустя послѣ ея смерти, и чѣмъ темнѣе и холоднѣе была ночь, тѣмъ онъ дольше оставался на могилѣ, чтобы ушедшей было не такъ холодно въ гробу.

Эдгару По было суждено, чтобы всю жизнь его сопровождала тѣнь. Призракъ безумной Елены проходить черезъ его сказки и баллады, не покидая его никогда, какъ призрачно-прекрасный ликъ его матери, заключенный въ медальонъ, былъ при немъ до смертнаго его часа.

Если такъ быстро порвалось первое идеальное соотношеніе его души съ женской душой, приблизительно въ это-же время онъ узналъ и первое любовное разочарованіе. Сара Эльмира Ройстеръ, юная дѣвушка шестнадцати лѣтъ, полюбила Эдгара По, который былъ старше ея лишь на годъ, и онъ полюбилъ ее. „Онъ былъ джентльмэнъ, въ истинномъ смыслѣ этого слова“, писала она много лѣтъ спустя. „Онъ былъ однимъ изъ самыхъ очаровательныхъ и утонченныхъ людей, которыхъ я когда-либо видѣла. Я восхищалась имъ болѣе чѣмъ какимъ-либо человѣкомъ когда-нибудь“. Эта юношеская любовь длилась до поступленія Эдгара По въ Университетъ въ 1826-мъ году. Онъ написалъ ей оттуда нѣсколько писемъ, но ей не пришлось ихъ прочесть, не по неаккуратности почты. Ея отецъ перехватилъ ихъ. Она узнала объ этомъ лишь тогда, когда семнадцати лѣтъ Миссъ Ройстеръ сдѣлалась Мистрисъ Шельтонъ. Тривиальный романъ, какихъ въ мірѣ были милліоны. Но не каждая душа обманутаго получаетъ глубокую царапину въ сердцѣ. И судьбѣ было угодно, чтобы Эдгаръ По встрѣтился со своей Эльмирой передъ самой смертью и вторично сталъ ея женихомъ, но какъ съ невѣстой юности его

разлучила жизнь, такъ съ невѣстою предсмертныхъ дней его разлучила смерть.

2. Юность, Творчество.

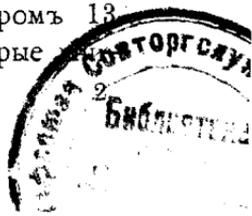
Виргиніевскій Университетъ, въ который поступилъ Эдгаръ По въ 1826-мъ году, расположенъ въ очаровательной мѣстности, окруженной горами и описанной позднѣе поэтомъ въ „Сказкѣ Извилистыхъ Горъ“. У юнаго мечтателя, любившаго одиночество, и совершавшаго въ горахъ долгія прогулки наединѣ съ самимъ собой, или въ обществѣ вѣрной собаки, были излюбленныя тропинки, которыхъ не зналъ никто, лѣсныя лужайки, тѣнистыя чащи, лабиринты изъ серебряныхъ рѣкъ, горные обрывы, и облака, поднимающіяся кверху изъ ущелій, туда, къ лазури и къ Солнцу, какъ устремляется къ Солнцу восходящая дымка мечты.

Этотъ Университетъ былъ только что открытъ, и въ немъ, не въ примѣръ прочимъ Американскимъ Высшимъ Школамъ, были усвоены правила полной свободы студентовъ, что послужило имъ, впрочемъ, къ ущербу. Неподросшіе юноши хотѣли походить на старшихъ, а старшіе весьма усердно играютъ въ карты,—итакъ, вполне фешенебельно играть въ карты. Дьяволъ карточной игры былъ первымъ изъ демоновъ, повстрѣчавшихся Эдгару По на его жизненной дорогѣ, и именно этотъ дьяволъ обусловилъ начальный ходъ его жизненныхъ злополучій.

Вступленіе Эдгара По въ Университетъ ознаменовалось забавнымъ приключеніемъ, очень похожимъ на Эдгара По. Онъ поселился въ одной комнатѣ съ юнымъ землякомъ, Майльсомъ Джорджемъ. Совсѣмъ вскорости,—оттого-ли что Майльсъ отказался вмѣсто Эдгара открыть дверь Уэртенбэкеру, который, какъ бібліотекаръ и факультетскій секретарь, каждое утро обходилъ университетское общежитіе, чтобы осмотрѣть студентовъ, одѣты-ли они,

и готовы-ли для работы, оттого-ли, что Эдгаръ не былъ расположенъ въ понедѣльное утро сосчитать грязное бѣлье и отдать его прачкѣ,—но только они поссорились. Они не перешли, конечно, низкимъ образомъ отъ слова къ дѣлу, но, по старому доброму обычаю, назначили другъ другу бой, удалились въ поле по близости отъ Университета, раза два схватились, сообщили другъ другу, что они вполне удовлетворены, пожали другъ другу руку, и возвратились въ Университетъ самыми горячими друзьями, но не обитателями одной и той же комнаты. Послѣ этого малаго поединка Эдгаръ По поселился въ комнатѣ, означенной числомъ 13.

Близкій университетскій другъ Эдгара По, Тэкеръ, описываетъ Эдгара тѣхъ дней какъ любителя всякаго рода атлетическихъ и гимнастическихъ игръ. Карты и вино были распространенной забавой среди студентовъ. Страсть Эдгара По къ сильнымъ напиткамъ, какъ говоритъ Тэкеръ, уже тогда отличалась совершенно особеннымъ свойствомъ. Если онъ видѣлъ искусительный стаканъ, онъ испивалъ его сразу, безъ сахара и безъ воды, залпомъ, и безъ малѣйшаго видимаго удовольствія. Очевидно лишь для дѣйствія, не для вкуса. Одного стакана ему было совершенно достаточно: вся его нервная система отъ этихъ нѣсколькихъ глотковъ приходила въ сильнѣйшее возбужденіе, находившее исходъ въ непрерывномъ потокѣ сумасбродной чарующей рѣчи, которая неудержимо и сиреноподобно зачаровывала каждого слушателя. Другіе современники отрицаютъ, однако, чтобы въ это время онъ былъ подверженъ вину, и отмѣчаютъ только его неудержимую страсть къ картамъ, и страсть къ сочинительству. Эдгаръ По любилъ читать Тэкеру свои произведенія, и если его другъ что-нибудь особливо хвалилъ, тогда онъ сзывалъ нѣсколькихъ друзей и читалъ написанное вслухъ. Маленькая комната подъ номеромъ 13 нерѣдко наполнялась юными слушателями, которые

мали какому-нибудь странному дикому разсказу, захваченные вымысломъ и самою интонаціей повѣствующаго голоса. Юный поэтъ былъ при этомъ очень щепетилень, и, когда одинъ изъ слушателей, желая подшутить, сказалъ разъ, что имя героя, Гэффи, встрѣчается слишкомъ часто, гордый духъ художника не стерпѣлъ, и, прежде чѣмъ кто-нибудь успѣлъ помѣшадь, вся повѣсть уже пылала въ каминѣ. И говорятъ, что всю жизнь Эдгаръ По не очень любилъ имя Гэффи.

Картежная игра была настолько распространена среди студентовъ, что университетское начальство, наконецъ, рѣшило положить этому предѣлъ. Итакъ, войдя въ переговоры съ гражданскими властями, оно рѣшило уловить юныхъ игроковъ, и вручить каждому изъ наиболѣе отмѣченныхъ предложеніе явиться на судъ. Въ одинъ прекрасный день Шерифъ, съ доброю свитой, стоялъ въ дверяхъ какой-то изъ аудиторій, какъ разъ въ то время когда утренній колоколъ долженъ былъ прозвучать, и соотвѣтственные юноши, при перекличкѣ, должны были получить повѣстки. Однако уловляемые были вовсе не такъ просты, чтобы тотчасъ попасться въ сѣти врага. Имъ не надо было и слова предостереженія. Одна тѣнь Шерифа, съ его людьми, была достаточно краснорѣчива. Съ Эдгаромъ По, въ качествѣ вождя, всѣ они, кто какъ могъ, ринулись черезъ открытыя окна, а нѣкоторые черезъ противоположную дверь, и были таковы. Шерифъ, его свита и профессоръ были въ полномъ обладаніи пустой аудиторіей. Началась погоня по горячимъ слѣдамъ. Но тѣ, кто считалъ себя наиболѣе нацѣленной дичью, не направились, конечно, въ свои комнаты, гдѣ ихъ было-бы легко найти, а по безлюднымъ путямъ, хорошо вѣдомымъ Эдгару По, бѣжали въ царство обрывистыхъ горъ. Они знали, что неладно это—возвращаться въ Университетъ до наступленія ночи. Нѣкоторые, въ торопливомъ бѣгствѣ, успѣли—таки захватить одну—другую колоду

картъ, дабы сократить часы само назначеннаго изгнанія. Убѣжищемъ былъ красивый горный долъ, въ мѣстѣ почти недоступномъ, далеко отъ пробитаго пути. Бѣглецы оставались здѣсь безъ скуки три дня.

Очень живописно еще другое студенческое приключеніе тѣхъ дней, но неизвѣстно, былъ-ли Эдгаръ По однимъ изъ его участниковъ. Компания пирующихъ студентовъ шла вдоль дороги, лежащей между селеніемъ и Университетомъ, какъ вдругъ передъ юношами неожиданно предсталъ Профессоръ Моральной Философій и Политической Экономіи. Большинство студентовъ бѣжало; но одинъ, въ послѣдствіи очень видный адвокатъ презрѣлъ утайку. „Я“, сказалъ онъ, „такой-то, изъ Тускалузы, слишкомъ твердый, чтобъ летѣть*) и слишкомъ гордый, чтобы сдаться“. „И“, сказалъ Профессоръ, „пожалуй, слишкомъ пьяный, чтобъ стоять“.

Конечно, не въ однихъ подобныхъ забавахъ проходила жизнь Эдгара По въ Университетѣ. Онъ превосходно овладѣлъ Французскимъ и Латинскимъ языкомъ. Онъ могъ совершенно легко читать и говорить на обоихъ языкахъ, хотя его отношеніе къ иностраннымъ языкамъ было не отношеніе ученаго, а отношеніе поэта. Къ Греческому онъ былъ довольно равнодушенъ. У него была поразительная память, и ему было достаточно заглянуть въ страницу, чтобы уже знать ее. Уэртенбэкеръ, имѣвшій достаточно случаевъ видѣть близко Эдгара По въ его студенческіе дни, въ послѣдствіи писалъ о немъ въ своихъ воспоминаніяхъ: „Эдгару По было немножко болѣе семнадцати лѣтъ, когда онъ записался въ число студентовъ (родился 19-го Января 1809-го года—сталъ студентомъ 14-го Февраля 1826-го). Онъ записался на лекціи древнихъ и современныхъ языковъ, и изучалъ Латинскій, Греческій, Французскій, Испанскій, и Итальянскій языки. Я

*) Не вполне передаваемая игра смысла: *fly* значить *летѣть* и *убѣгать*.

самъ былъ членомъ трехъ послѣднихъ классовъ, и могу засвидѣтельствовать, что онъ довольно правильно посѣщалъ лекціи, былъ успѣшнымъ студентомъ, и получилъ отличіе на окончательномъ экзаменѣ Латинскаго языка и Французскаго. Въ то время это была величайшая почесть, какую могъ получить студентъ. Это давало право на дипломъ касательно двухъ этихъ языковъ. Профессоръ Итальянскаго языка однажды предложилъ студентамъ изложить въ Англійскихъ стихахъ отрывокъ изъ Тассо. На слѣдующую лекцію оказалось, что одинъ только Эдгаръ По былъ способенъ это сдѣлать. Я помню, что Эдгаръ По часто читалъ книги по Исторіи. Какъ библіотекаръ, я не разъ имѣлъ съ нимъ официальное соприкосновеніе, но лишь въ концѣ учебнаго года я однажды встрѣтился съ нимъ въ обществѣ. Послѣ того какъ мы провели вечеръ вмѣстѣ въ одномъ частномъ домѣ, онъ пригласилъ меня на обратномъ пути къ себѣ въ комнату. Была холодная Декабрьская ночь, и огонь въ его каминѣ почти совсѣмъ выгорѣлъ. Тогда онъ взялъ нѣсколько сальныхъ свѣчей, разломалъ небольшой столъ, и вскорѣ огонь весело пылалъ. Во время нашей бесѣды онъ съ сожалѣніемъ говорилъ о крупной суммѣ денегъ, которую онъ растратилъ, и о сдѣланныхъ долгахъ. Если моя память мнѣ не изменяетъ, онъ оцѣнилъ свой долгъ въ 2.000 долларовъ (4.000 рублей), и хотя это были карточные долги, онъ серьезно и торжественно заявилъ, что онъ честью обязанъ уплатить при первой же возможности все до послѣдняго цента. Достоверно онъ не былъ обычно невоздержанъ, но могъ случайно участвовать въ пирушкѣ. Я часто видалъ его въ аудиторіи и въ библіотекѣ, но ни разу не видѣлъ, чтобы онъ былъ, хотя въ самой малѣйшей степени, подъ вліяніемъ опьяняющихъ напитковъ. Среди профессоровъ онъ имѣлъ репутацію трезваго, спокойнаго, и добропорядочнаго юноши, и поведеніе его единообразно было поведеніемъ разумнаго и воспитан-

наго джентльмена. Эдгаръ По разстался съ Университетомъ 15-го Декабря 1826-го года; ему не хватало мѣсяца до возраста восемнадцати лѣтъ. Уѣхавъ, онъ болѣе не вернулся въ Университетъ, и я думаю, что та ночь, когда я у него былъ, была его послѣдней студенческой ночью. Я заключаю это не по памяти, а изъ того факта, что, не имѣя болѣе надобности въ своихъ свѣчахъ и столѣ, онъ обратилъ ихъ въ топливо“.

Эти воспоминанія дополняются воспоминаніями его сверстника Бёрролла, впоследствии тоже прикосновеннаго къ Литературѣ: „Мои воспоминанія объ Эдгарѣ По рисуютъ его полумальчикомъ, росту, приблизительно, пять футовъ три дюйма, нѣсколько кривоногимъ, но отнюдь не мускулистымъ, или способнымъ къ физическимъ упражненіямъ. Лицо у него было женственное, съ тонко-четкими чертами, глаза темные, влажно блестящіе, и выразительные. Одѣвался онъ хорошо и чисто. Онъ былъ очень привлекательнымъ товарищемъ, веселымъ и прямодушнымъ, а исполненная разнообразія предварительная жизнь дала ему знаніе людей, и познакомила его съ картинами, которыя были новы для простодушныхъ провинціаловъ, въ чью среду онъ попалъ. Но чѣмъ онъ производилъ наибольшее впечатлѣніе на товарищей, это своими замѣчательными достиженіями въ области классическихъ языковъ“. Говоря объ аналитическихъ способностяхъ Эдгара По, Бёрроллъ наивно прибавляетъ: «Среди наиболѣе выдающихся даней этимъ экстраординарнымъ силамъ анализа и метафизическаго разсужденія, можетъ быть замѣчено, что Жюль-Вернь, въ одной изъ своихъ повѣстей, называетъ Эдгара По самымъ способнымъ аналитическимъ писателемъ современности, и для расшифрованія криптографической тайны въ своемъ собственномъ повѣствованіи примѣняетъ математическій методъ „Золотого Жука“». Похвала Жюль-Верна, конечно, можетъ быть пріятной, но вполне справедливо спросить,

существовалъ ли бы, вообще, Жюль-Вернь, если бы ранѣе его не существовалъ Эдгаръ По, и существовалъ ли бы, скажемъ вскользь, столь прославленный Уэльсъ,—оба прямые ученики и подражатели Американскаго генія.

Джонъ Уиллисъ, товарищъ Эдгара По по Университету, въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ, что у него было много благородныхъ качествъ и больше генія и гораздо больше разнообразія таланта, чѣмъ у кого-либо изъ тѣхъ, кого ему приходилось встрѣчать въ жизни. „Характеръ у него“, прибавляетъ Уиллисъ, „былъ скорѣе сдержанный, у него было мало близкихъ друзей“. Другой товарищъ по Университету, Томасъ Боллингъ, говоритъ объ Эдгарѣ По: „Я былъ знакомъ съ нимъ въ его юные дни, но это, приблизительно, все. Мое впечатлѣніе было и есть, что никто не могъ бы сказать, что онъ *зналъ* его. У него было меланхолическое лицо всегда, и даже улыбка—потому что я не припомню, чтобы на моихъ глазахъ онъ когда-нибудь смѣялся—казалась вынужденной. Когда онъ принималъ участіе, вмѣстѣ съ другими, въ атлетическихъ упражненіяхъ, причемъ онъ превосходилъ всѣхъ способностью вспрыгнуть высоко или прыгнуть далеко, По, все съ тѣмъ же самымъ, всегда грустнымъ, лицомъ, участвуя въ томъ, что было забава для другихъ, казалось, скорѣе выполнялъ задачу, чѣмъ развлекался. Однажды, бѣжа по слегка наклонной плоскости, онъ прыгнулъ на двадцать футовъ, что было болѣе, чѣмъ могли бы сдѣлать другіе, хотя нѣкоторые достигали девятнадцати футовъ“. Пауэлль говоритъ въ своихъ „Американскихъ Авторахъ“, что у По была привычка покрывать стѣны своей спальни набросками углемъ; Уиллисъ утверждаетъ, что у него былъ рисовальный талантъ, и что стѣны его студенческой комнаты были сплошь покрыты карандашными рисунками. Боллингъ вспоминаетъ, что, когда онъ однажды разговаривалъ съ своимъ экцен-

тричнымъ товарищемъ, Эдгаръ По продолжалъ дѣлать какой-то набросокъ карандашомъ, какъ будто онъ писалъ, и когда гость, шутя, воззвалъ къ вѣжливости, Эдгаръ По отвѣтилъ, что онъ весь вниманіе, и доказалъ это своими замѣчаніями, касательно-же кажушагося недостатка вѣжливости, скасалъ, что онъ пытался *раздѣлить свой умъ*— продолжать разговоръ и въ то-же самое время писать что-нибудь разумное о предметѣ совершенно различномъ. Боллингъ нѣсколько разъ уловлялъ его въ этихъ попыткахъ мыслительнаго дѣленія, и онъ говоритъ, что стихи, возникавшіе въ подобныхъ условіяхъ, бывали сриёмованы вполне хорошо. Мы можемъ припомнить здѣсь Дюпена Уголовной Трилогіи Эдгара По.

Итакъ, что-же дало Эдгару По краткое пребываніе въ Университетѣ? Время его проходило въ занятіи древними и новыми языками, въ чтеніи, въ занятіи тѣми спортивными играми, которыя и теперь поглощаютъ значительную часть времени Англо-Саксонскаго студенчества, въ одинокихъ прогулкахъ по Голубымъ Горамъ и обрывистымъ утесамъ, и въ бѣшеной игрѣ въ карты.

Среди своевольныхъ, роскошно живущихъ, юношей, которыхъ онъ всѣхъ превышаетъ данными своего ума и генія, и за которыми, за каждымъ, стоитъ родная семья, что снизойдетъ къ юношескимъ продѣлкамъ, пожурить и тутъ-же посмѣется, потрунить надъ любимыми, и ужъ во всякомъ случаѣ не опорочитъ имя родного сына, заплатитъ карточные его долги,—среди этой толпы, молчаливый геній-подкидышь, зависящій отъ пріемнаго отца, но еще болѣе зависящій отъ прихотей и порывовъ своего страстнаго я, которое должно осуществиться, должно выразиться, на радость или горе, все равно. Дальнихъ путей не видно. Даль окутана дымкой голубой и манящей. Что скрываетъ эта дымка? Въ юности намъ всегда кажется, что счастье.

Эдгаръ По вернулся домой, въ свой—не свой домъ.

Невѣста его вышла замужъ за другого, а пріемный его отецъ, Аллэнъ, которому, не по заслугамъ, онъ далъ въ вѣчности имя, неразрывно связанное съ именемъ Эдгара По, обошелся съ нимъ вовсе не по отцовски. Онъ отказался заплатить его долги *чести*. Произошла ссора. Рыцарски-ли думающій юноша примирится съ такимъ униженіемъ? Безотчетно и безразсчетно ставя крестъ на цѣлой полосѣ жизни, юноша покинулъ свой—не свой домъ—и очутился одинъ въ цѣломъ мірѣ.

Въ 1827-мъ году Эдгаръ По былъ въ Бостонѣ, въ городѣ, гдѣ онъ родился, и почему именно онъ пріѣхалъ въ этотъ городъ, осталось тайной. Не отвѣчаютъ-ли на это *почему* тотъ фактъ, что онъ всю жизнь не разставался съ медальономъ, въ которомъ хранился ликъ его матери? Мы не знаемъ. Во всякомъ случаѣ, въ этомъ городѣ еще жили тогда, а можетъ быть, живутъ и доселѣ, люди, чьи старшіе знали мать Эдгара По, имя однихъ было Эшеръ, имя другихъ было Вильсонъ, два имени, которыхъ намъ ужь не забыть.

Въ Бостонѣ появилась маленькая книжечка стиховъ, заглавный ея листокъ гласилъ:

ТАМЕРЛАНЪ

И

ДРУГІЯ ПОЭМЫ

БОСТОНЦА.

«У юныхъ голова кружится, и сердце бьется горячо,

Ошибки дѣлаютъ, а зрѣлость потомъ ихъ будетъ направлять».

Куперъ.

БОСТОНЪ:

Кальвинъ Ф. С. Томасъ... Печатникъ.

1827.

Этотъ маленькій томикъ, коего лишь сорокъ было тиснуто экземпляровъ, былъ напечатанъ девятнадцатилѣтнимъ издателемъ, Томасомъ, тогда жившимъ въ Бостонѣ. Томасъ переѣхалъ потомъ на западъ, и умеръ въ Спрингфильдѣ, въ Миссури, въ 1876-мъ году, не зная, кого когда-то онъ впервые вывелъ въ свѣтъ. Этотъ маленькій томикъ нынѣ большая библиографическая рѣдкость, и при продажѣ Макъ-Ки, въ ноябрѣ 1900-го года, онъ былъ означенъ въ 2.050 долларовъ (4.100 рублей), и немедленно былъ купленъ Мистеромъ Хальси, по внесеніи задатка въ 500 долларовъ. Въ предисловіи къ этому томику, юный поэтъ сообщаетъ, что большая часть стиховъ была написана въ 1821-мъ—22-мъ году, то-есть, когда автору было двѣнадцать-тринадцать лѣтъ. «Они, конечно, не предназначались для печати», говоритъ онъ; «почему они печатаются теперь, это не касается никого, кромѣ него. Въ „Тамерланъ“ онъ попытался изобразить безуміе даже *рисковать* лучшими чувствами сердца на алтарѣ *Честолобія*. Онъ сознаетъ, что въ поэмѣ есть недостатки, и льститъ себя мыслью, что онъ могъ бы съ малыми хлопотами исправить ихъ, но, непохожій въ этомъ на своихъ предшественниковъ, онъ слишкомъ любитъ свои раннія произведенія, чтобы исправлять ихъ *въ своемъ старомъ возрастѣ*. Онъ не скажетъ, что онъ равнодушенъ къ успѣху этихъ поэмъ—успѣхъ могъ бы побудить его къ другимъ попыткамъ, но онъ можетъ спокойно утверждать, что отсутствіе успѣха отнюдь не повліяетъ на него въ рѣшеніи, уже принятомъ. Это значитъ бросать критикѣ вызовъ. Такъ да будетъ».

Поэма „Тамерланъ“, какъ нужно было ожидать, исполнена Байронизма, но отдѣльныя строки столько-же характерны для обычнаго, въ тѣ времена, среди юныхъ и молодыхъ поэтовъ—и въ какія времена не обычнаго?—романтизма, сколько они отличительны въ частности для основныхъ личныхъ свойствъ Эдгара По. Тамерланъ

исполненъ врожденной гордости, и онъ—въ привычной властной чарѣ дневного сновидѣнья. Развѣ это въ маломъ не настоящій Эдгаръ По, какимъ онъ былъ всю свою жизнь? И первая строчка поэмы, „Въ часъ смертный радость утѣшенья!“, если ее сопоставить съ смертнымъ чахомъ Эдгара По, какъ онъ лѣтописно рассказанъ намъ одной изъ склонявшихся къ нему женщинъ, теряетъ свою обычность, и становится вѣщей строкой. Отдѣльныя мѣста этой полу-дѣтской поэмы уже даютъ чувствовать проснувшагося, но еще не выявившагося, поэта, имѣющаго звучный голосъ.

Зовешь ты чаяніемъ это,
Надеждой—тотъ огонь огня!
Но нѣтъ мнѣ сна и нѣтъ привѣта,
Въ томъ только пытка для меня,
Въ томъ агонія возжеланья...

Или эти строки:—

Дождь палъ на голову мою,
Незащищеннаго,—и нынѣ
Отягощенный я стою.
И вѣтеръ тяжкій по равнинѣ
Меня, промчавшись, оглушилъ,
И обезумилъ, ослѣпилъ.

Или эти строки:—

Нѣтъ словъ, увы, чтобъ начертить,
Какъ это радостно любить.
Какъ это любо быть любимымъ!
Какъ то лицо изобразить
Въ его огнѣ неизъяснимомъ,
Гдѣ болѣе чѣмъ красота,
И каждая его черта—
Въ моемъ умѣ—какъ тѣни съ дымомъ,
Летить на вѣтрѣ ихъ чета.

Или эти строки:—

Въ одной тебѣ имѣлъ я бытіе:
Весь міръ, и все, что онъ въ себѣ содержитъ,
Здѣсь на землѣ—и въ воздухѣ—и въ морѣ—

Его услада—малость скорбной доли,
И новый всталъ восторгъ—мечта вдали,
Туманная, тшета видѣній ночью—
И дымныя ничто, что были чѣмъ-то —
(Вотъ тѣни съ ними свѣтъ, еще воздушнѣй,
Чѣмъ ежели бъ сказаль я тѣневой!)—
На крыльяхъ на туманныхъ улетали,
И, въ смутности, явились они
Какъ образъ твой—твой ликъ—и имя—имя!
Два разныя—два существа родныя.

Малыя поэмы, слѣдующія за „Тамерланомъ“, сливаются по своему настроенію съ этими тѣневыми строками. Въ одномъ стихотвореніи онъ восклицаетъ:—

О, если бы юность моя сновидѣньемъ была безконечнымъ,
Сновидѣньемъ единымъ была до поры, когда вѣчности лучъ,
Пробудивъ мою душу отъ сна, это завтра содѣлалъ бы вѣчнымъ.

И еще одинъ отрывокъ:—

Мой духъ съ рожденья, въ ранней мглѣ,
Презрѣлъ запретъ, летѣть спѣша,—
Теперь, идя по всей землѣ,
Куда-жъ идешь, моя душа?

Восемнадцатилѣтній юноша, въ смутномъ очеркѣ, явилъ себя поэтомъ, и затѣмъ, въ теченіи цѣлаго ряда лѣтъ, отъ 1827-го до 1833-го года, жизнь его, въ описаніяхъ биографовъ, принимаетъ противорѣчивые лики, и мы не знаемъ, былъ, или не былъ онъ въ какой-то годъ этого пятилѣтія въ Европѣ, куда онъ будто поѣхаль сражаться за Грековъ, какъ, достовѣрно, онъ хотѣлъ въ 1831-мъ году сражаться противъ Русскихъ за Поляковъ,— былъ-ли онъ, или не былъ въ Марселѣ, или иномъ Французскомъ приморскомъ городѣ,— и не очутился ли онъ, какъ то рассказываютъ, и какъ рассказываль онъ самъ, въ Петербургѣ, гдѣ съ нимъ произошло будто-бы обычное осложненіе на почвѣ ночного кутежа, и лишь съ помощью Американскаго посла онъ избѣжалъ Русской тюрьмы. Или онъ, на

самомъ дѣлѣ, какъ увѣряютъ другіе, подъ вымышленнымъ именемъ Эдгара Перри, просто-на-просто служилъ въ Американской арміи, укрывшись, такимъ образомъ, отъ докучныхъ взоровъ? Одно вовсе не устраняетъ возможности другого, и если легенда, которую можно назвать *Эдиаръ По на Невскомъ Проспектѣ*, есть только легенда, какъ радостно для насъ, его любящихъ, что эта легенда существуетъ!

Какъ бы то ни было, промежутокъ времени между 1827-мъ годомъ и 1829-мъ, такъ же какъ промежутокъ времени между 1831-мъ и 1833-мъ, затянута неизвестностью, или освѣщена указаніями, которыя представляются недостовѣрными и неполно убѣдительными. Ингрэмъ говоритъ, что въ 1827-мъ году, къ концу Іюня, Эдгаръ По, какъ кажется, отбылъ изъ Соединенныхъ Штатовъ въ Европу. Онъ стремился въ Грецію, и, быть можетъ, поэма „Аль Аараафъ“, такъ же какъ стихотвореніе „Занте“, навѣяны путевыми впечатлѣніями. Можетъ быть, однако, эти поэтическія строки имѣютъ столь же мало цѣнности въ качествѣ точнаго біографическаго указанія, какъ строки Лермонтова—

«Вотъ у ногъ Іерусалима,
Богомъ сожжена,
Безглагольна, недвижима
Мертвая страна
«Дальше, вѣчно чуждый тѣни,
Моеъ желтый Ниль
Раскаленные ступени
Царственныхъ могиль».

Есть, однако, на протяженіи всѣхъ томовъ Эдгара По, неуловимыя, но осязательныя указанія, что онъ воочію видѣлъ Грецію, Италію, и Францію. Но поэтъ можетъ видѣть своимъ умственнымъ окомъ все. Одинъ изъ біографовъ Эдгара По Ганнэй, говоритъ: «Мнѣ любо думать объ Эдгарѣ По, какъ находящемся на Средиземномъ морѣ, съ его страстной любовью къ красивому,—„въ годъ

Апрѣльской крови“, — въ климатѣ непрерывно роскошномъ и нѣжащемъ—всѣ его воспріятія чарующаго усиленныя тамъ до волшебной напряженности». Есть смутное указаніе, что Эдгаръ По былъ въ это время и въ Англіи, оставался нѣкоторое время въ Лондонѣ, познакомился съ другомъ Шелли, Лэй-Гентомъ, и жилъ литературнымъ заработкомъ. Есть продиктованное самимъ Эдгаромъ По романтическое повѣствованіе о томъ, что онъ прибылъ въ нѣкій Французскій портъ, былъ вовлеченъ изъ-за какой-то дамы въ ссору, а потомъ и въ игру стальными остріями, въ каковой схваткѣ былъ раненъ своимъ противникомъ. Отнесенный къ себѣ домой, онъ впалъ въ лихорадку. Бѣдная женщина, ухаживавшая за нимъ, рассказала о немъ нѣкоей знатной Шотландской Лэди, та сжалилась надъ нимъ, приходила къ нему, и своими голубыми глазами внушила ему поэму „Святые Глаза“. Эта Шотландская Лэди убѣдила его вернуться въ Америку, а можетъ быть и помогла ему это сдѣлать. Въ Мартѣ 1829-го года, имѣя мало что, кромѣ чемодана, нагруженнаго книгами и рукописями, Эдгаръ По прибылъ въ свой—не свой домъ, какъ разъ на другой день послѣ похоронъ Мистрисъ Аллэнъ, которая была единственнымъ истиннымъ его другомъ и заступницей въ фальшиво къ нему относившемся домѣ. Мистеръ Аллэнъ не слишкомъ былъ обрадованъ пріѣздомъ своего пріемнаго сына, и вскорѣ Эдгаръ По снова отправился на всѣ четыре стороны.

Это одинъ разказъ—если слѣдовать Ингрэму, наилучшему біографу Эдгара По, но издавшему свое изслѣдованіе въ 1880-мъ году, когда многіе документы изъ жизни Эдгара По еще были неизвѣстны. Версія Гаррисона, издавшаго свою работу въ 1902-мъ—1903-мъ году, имѣетъ кажущуюся фактическую убѣдительность, но далеко не полную. Онъ говоритъ, что въ 1827-мъ году Эдгаръ По зачислился въ Бостонѣ въ армію Соединен-

ныхъ Штатовъ, подъ вымышленнымъ именемъ Эдгара А. Перри. Гаррисонъ ссылается на профессора Вудберри, который устанавливаетъ этотъ фактъ черезъ Секретаря Военнаго Министерства Роберта Линкольна. По этимъ даннымъ, которыя у Гаррисона подробно не обозначены, Эдгаръ По—Эдгаръ Перри два года образцово исполнялъ воинскую службу, получилъ чинъ Сержанта-Майора, повышение, означавшее, въ такомъ возрастѣ, большую честь и дававшееся не иначе какъ за настоящія услуги,—и вскорѣ послѣ смерти Мистрисъ Аллэнъ, 28-го Февраля 1829-го года, вернулся въ Ричмондъ. Свидѣтельство полковника такого-то и капитана такого-то, конечно, есть вещь превосходная. Представляется, однако, весьма любопытнымъ, какимъ образомъ у Эдгара Перри значатся въ воинскомъ описаніи каштановые волосы и свѣтлый цвѣтъ лица, такъ же какъ ростъ его означенъ въ пять футовъ восемь дюймовъ,—когда у Эдгара По были черные волосы и очень смуглый оливковый цвѣтъ лица, ростъ же его былъ средній и даже нѣсколько ниже средняго. Потомъ, фраза въ отчетѣ, „офицеры, подъ командой которыхъ онъ служилъ, умерли“, звучитъ очень плачевно, и напоминаетъ весьма распространенную привычку многое сваливать на мертвыхъ. Я не оспариваю Гаррисона, я лишь указываю на странная *несообразности* этого *фактическаго* разсказа. Затѣмъ, самъ-же Гаррисонъ, сопоставляя образцовое поведение Эдгара Перри и невозможное поведение Эдгара По, поступившаго въ 1830-мъ году въ военную школу въ Вестъ-Пойнтъ, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ уволеннаго оттуда, за упорное несоблюдение дисциплины, изумляется и говоритъ: „Единственное объясненіе заключается въ томъ, что или По и Перри были различными существами, или *Бѣсъ Извращенности* Эдгара По находился тогда въ восходящей линіи, и, узнавъ въ Октябрѣ (роковой мѣсяцъ Эдгара По) о вторичномъ бракѣ Мистера Аллэна, онъ умышленно разрушилъ свой превос-

ходный рекордъ, и нарочно, неподчиненіемъ дисциплинѣ и невыполненіемъ обязанностей, вызвалъ надъ собою военный судъ и былъ изгнанъ изъ Школы, имѣя въ виду заниматься литературой“. Затѣмъ, Гаррисонъ-же говоритъ въ главѣ пятой, описывая промежутокъ времени 1831 — 1836: „Въ этомъ именно пунктѣ—отъ Марта 1831-го года до лѣта 1833-го года—біографія Эдгара По соскользаетъ въ *полусумракъ* почти полной неизвѣстности. Теперь, если когда-либо вообще, случились эти странствія новаго Одиссея, о которыхъ говоритъ Бэруэлль, Мистрисъ Шельтонъ, Мистеръ Ингрэмъ, даже Мистрисъ Аллэнъ (въ ея письмѣ къ полковнику Эллису),—путешествіе въ Россію, Французское приключеніе, и пр.,—причемъ, рассказъ о первомъ путешествіи Эдгаръ По оставилъ неопровергнутымъ въ біографіи его, написанной Хирстомъ, повѣствованіе же о второмъ, какъ передаютъ, онъ сообщилъ самъ Мистрисъ Шью въ исповѣди, сдѣланной во время болѣзни, на предполагавшемся смертномъ одрѣ. Пробѣлъ въ два съ половиною года слабо освѣщенъ лишь письмомъ Эдгара По къ Вилльяму Гвинну, одному Балтиморскому издателю, отъ 6-го Мая 1831-го года, гдѣ говорится о второмъ бракѣ Мистера Аллена, упоминается о собственномъ сумасбродномъ поведеніи Эдгара По, и сообщается просьба о какой-нибудь работѣ, съ оговоркой—„плата—наименьшее соображеніе“. Другой просвѣтъ—просвѣтъ весьма сомнительнаго свойства—даетъ нѣкая „Мэри Эдгара По“, къ которой мы вернемся. Чрезвычайно интереснымъ документомъ изъ этой эпохи является также, недавно найденное, слѣдующее, собственноручное письмо Эдгара По къ полковнику Тэйеру:

«Нью-Йоркъ, Марта 10-го, 1831.

„Сэръ: не имѣя болѣе никакихъ узъ, которыя связывали-бы меня съ родной моею страной—ни надеждъ—ни друзей—я намѣреваюсь, при первой возможности, направиться въ Парижъ, съ

цѣлью получить, черезъ поддержку Маркиза де Ла Файетта, назначеніе (если возможно) въ Польскую Армію.

„Въ случаѣ вмѣшательства Франціи въ пользу Польши, это легко можетъ быть осуществлено—во всякомъ случаѣ, это будетъ мопмъ единственно выполнимымъ планомъ дѣйствій.

„Цѣль этого письма—почтительно попросить васъ оказать мнѣ такую помощь, какая находится въ вашей власти во исполненіе моихъ намѣреній.

„Свидѣтельство „о пребываніи“ въ моемъ классѣ, есть все, чего я имѣю право ожидать.

„Что-нибудь еще—какое-нибудь письмо къ какому-нибудь другу въ Парижѣ—или къ Маркизу—будетъ добротой, которой я никогда не забуду.

„Съ глубокимъ почтеніемъ, вашъ покорный слуга,

Эдгаръ А. По».

Впредь до дальнѣйшихъ изысканій тайна остается тайной.

Вернемся нѣсколько назадъ. Въ началѣ 1829-го года, какъ говоритъ біографъ Дидье, мы находимъ Эдгара По въ Балтиморѣ, съ рукописью небольшого томика стиховъ, который черезъ нѣсколько мѣсяцевъ былъ напечатанъ въ видѣ тоненькой книги in-ostavo, въ переплетѣ съ красными крапинками и желтымъ корешкомъ. Въ книжкѣ семьдесятъ одна страница. На шестой посвященіе: „Кто глубже всѣхъ испьетъ—сюда“. Заглавный листокъ этого сборника стиховъ гласитъ:—

АЛЬ-ААРААФЪ

ТАМЕРЛАНЪ

и

МАЛЫЯ ПОЭМЫ

Эдгара А. По.

БАЛТИМОРА

Хатчъ и Дѣннингъ.

1829.

Малыя Поэмы, за небольшимъ исключеніемъ, вошли въ позднѣйшія изданія Эдгара По. Одно изъ этихъ стихотвореній достопримѣчательно тѣмъ, что въ немъ, почти дословно, встрѣчается четырнадцать строкъ, которыя потомъ были выдѣлены и передѣланы въ стихотвореніе, называющееся „Сонъ во Снѣ“, напечатанное черезъ годъ послѣ его смерти. Въ связи съ напечатаніемъ этого сборника, у Эдгара По завязалась переписка съ Джономъ Нилемъ, тогда издателемъ „The Yankee and Boston Literary Gazette“, „Янки и Бостонской Литературной Газеты“, имя котораго должно быть съ благодарностью сохранено въ памяти, ибо онъ первый привѣтствовалъ юношу Эдгара По, и всю жизнь относился къ нему съ настоящимъ добросердечіемъ, хотя не былъ съ нимъ близокъ. Передъ опубликованіемъ своего второго тома стиховъ, Эдгаръ По послалъ Нилю нѣсколько стихотворныхъ отрывковъ, и просилъ его чистосердечно высказаться. На столбцахъ своей газеты издатель отвѣчалъ: „Если Э. А. П. изъ Балтимора,—строки котораго о Небѣ—хотя онъ признается, что онъ смотритъ на нихъ какъ на безусловно высшее, чѣмъ что-либо въ общемъ уровнѣ Американской поэзіи, кромѣ двухъ, трехъ указываемыхъ бездѣлицъ—являются, пусть и бессмыслицей, скорѣй бессмыслицей изысканной,—захочетъ отнестись къ себѣ справедливо, онъ могъ-бы создать красивую и, быть можетъ, величественную поэму. Есть добрыя основанія, чтобы оправдать подобную надежду въ такихъ строкахъ, какъ эти—

Долы дымные—потоки
Тѣневые—и лѣса,
Что глядятъ какъ небеса;
Формы ихъ неразличимы,
Съ дровъ капли—словно думы.
.....
....Лунный свѣтъ,
Надъ деревней, надъ полями,
Надъ чертогами, вездѣ—

Надъ лѣсами и морями,
По землѣ и по водѣ—
И надъ лугомъ, что крылами
Въ грезѣ вѣетъ—надо всѣмъ,
Что дремотствуетъ межъ тѣмъ —
Ихъ заводить совершенно
Въ лабиринтъ своихъ лучей.
Глубока и сокровенна,
Глубока, подъ мглой лучей,
Страсть дремоты тѣхъ тѣней.

У насъ нѣтъ больше мѣста для другихъ строкъ“.

Въ отвѣтъ на это слабое признаніе его способности создать что-нибудь достойное, Эдгаръ По, проникнутый истинной признательностью, поспѣшилъ отвѣтить слѣдующимъ письмомъ:—

«Я молодъ—мнѣ еще нѣтъ двадцати—я *поэтъ*—если глубокое почитаніе всей красоты можетъ сдѣлать меня таковымъ—и хочу быть имъ въ общепринятомъ смыслѣ слова. Я отдалъ-бы міръ, чтобы воплотить хотя половину тѣхъ мыслей, которыя проплываютъ въ моемъ воображеніи. (Кстати, помните-ли вы, или читали-ли вы когда-нибудь, восклицаніе Шелли о Шекспирѣ, „Какое число мыслей должно было проплыть и быть въ ходу, прежде чѣмъ могъ возникнуть такой авторъ!“). Я взываю къ вамъ, какъ къ человѣку, любящему ту-же самую красоту, которую я обожаю — красоту природнаго голубого неба и солнцемъ осіянной земли—не можетъ быть связи болѣе сильной, чѣмъ брата съ братомъ. И не то много, что они любятъ одинъ другого а то, что они оба любятъ одного и того же отца—ихъ чувства привязанности всегда бѣгутъ въ одномъ и томъ же направленіи—по тому же самому руслу, и не могутъ не смѣшиваться. Я праздный и съ дѣтства былъ празднымъ. Поэтому про меня не можетъ быть сказано, что—

«Я оставилъ призванье для этого празднаго дѣла,
Долгъ презрѣлъ—повелѣнья отца не свершилъ»—
ибо у меня нѣтъ отца—нѣтъ матери.

Я собираюсь выпустить въ свѣтъ томъ „Поэмъ“— большая часть которыхъ написана до того, какъ мнѣ было пятнадцать лѣтъ. Говоря о „Небѣ“, издатель „Янки“ говоритъ, „Онъ могъ бы написать красивую, если даже не величественную поэму“— (самыя первыя слова ободренія, которыя, сколько припомню, я когда-либо слышалъ). Я вполне увѣренъ, что до сихъ поръ я еще не написалъ ни таковой поэмы, ни иной—но что я *могу*, въ этомъ я даю клятву—если мнѣ дадутъ время.

Поэмы, подлежащія опубликованію, суть „Аль-Аараафъ“, „Тамерланъ“, одна около четырехсотъ строкъ, другая около трехсотъ, съ нѣсколькими небольшими стихотвореніями. Въ „Аль-Аараафѣ“ есть добрая поэзія и много экстравагантности, выбросить которую у меня не было времени.

„Аль-Аараафъ“ — сказка о другомъ мірѣ — о звѣздѣ, открытой Тихо-Браге, которая появилась и исчезла такъ мгновенно—или скорѣе, тутъ нѣтъ никакой сказки. Я прилагаю отрывокъ о дворцѣ главенствующаго божества; какъ вы увидите, я предположилъ, что многія изъ утраченныхъ ваяній нашего міра улетѣли (въ духѣ) на звѣзду Аль-Аараафъ—изящное мѣсто, болѣе подходящее къ ихъ божественности:—

Высоко, на эмалевой горѣ,
Средь исполинскихъ воздымаясь пастбищъ,
Громада возносилась колоннъ,
Не бременя собою свѣтлый воздухъ,
Паросскій мраморъ, солнца свѣтъ пріять
Закатнаго, двойной свѣтилъ улыбкой
На волны тѣ, что искрились внизу.
Изъ звѣздъ былъ полъ, расплавленныхъ, что пали
Черезъ черный воздухъ, серебра свой путь,
Серебряный рождая въ смерти саванъ,
Телерь же устеливъ дворецъ Небесъ.
Верховный куполь былъ на тѣхъ колоннахъ,
На нихъ онъ возвышался какъ вѣнецъ,
Алмазъ округлый былъ окномъ блестящимъ,

Въ пурпурный воздухъ этотъ кругъ глядѣль.
Но взоры Серафима зрѣли дымность,
Туманностью тотъ міръ окутанъ былъ:
Тамъ былъ оттѣнокъ изсѣда-зеленый,
Который для могилы Красоты
Природа возлюбила, онъ таился
Вкругъ архитравовъ, одѣвалъ карнизъ,
И каждый Херувимъ, что былъ изваянъ,
Изъ мраморныхъ своихъ глядя жилищъ,
Земнымъ смотрѣлъ въ тѣни глубокой ниши.
Въ богатомъ этомъ мірѣ—статуй рядъ,
Ахэйскихъ, также фризы изъ Тадмора,
Персѣполиса, Бальбека, изъ безднъ
Гоморры обольстительной! О, волны
Теперь наль ней—такъ поздно! Не спасти!»

Кромѣ того, юный Эдгаръ приводитъ другой отрывокъ,
о „Молчаніи“:—

Нашъ міръ—міръ словъ: мы говоримъ «Молчанье»,
Когда хотимъ означить мы покой,
Но это—только слово, лишь названье.
Природа—говорить. И даже рой
Созданій идеальныхъ—съ сновидѣнныхъ
Воздушныхъ крылъ звукъ вѣтъ тѣневой,—
Но то не такъ, какъ въ высяхъ совершенныхъ,
Но то не такъ, когда въ выси нѣмой
Проходить возлаголаніе Бога,
И красный глѣбеть вихрь...

Кромѣ того, онъ приводитъ два, довольно длинные, отрывка изъ „Тамерлана“, и слѣдующія строки изъ того безъимяннаго стихотворенія, которое, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, возникло какъ его „Сонъ во Снѣ“:—

Радость та, что сномъ жила—
Днемъ-ли—ночью-ли ушла—
Какъ видѣнье-ли—какъ свѣтъ—
Что мнѣ, разъ ея ужъ нѣтъ?
Я стою на берегу,
Бурю взглядомъ стерегу,
И держу въ рукахъ моихъ
Горсть песчинокъ золотыхъ—

Какъ ихъ мало! Всѣ онѣ
Соскользаютъ внизъ къ волнѣ!
Сны-ли это? Нѣтъ, они
Скрылись ярко, какъ огни,
Словно молнія-змѣя
Въ мигъ—и такъ исчезну я.

Джонъ Ниль отвѣтно привѣтствовалъ Эдгара По, и говорилъ, что, если другіе отрывки, со всѣми ихъ недостатками, такъ же цѣнны, авторъ „заслужилъ стоять высоко, очень высоко во мнѣніи сіяющаго братства“. Онъ убѣждалъ также юнаго поэта не столько опираться на свое настоящее, сколько, преслѣдуя высокую цѣль, преодолевать настоящее, упорно вѣруя въ будущее. Истинную сердечность отношенія къ Нилу, Эдгаръ По сохранилъ навсегда.

Аль-Аараафъ—название звѣзды, которая, будучи, вѣроятно, солнцемъ, однимъ изъ солнцъ, въ послѣднемъ праздникѣ своего сгорания, появилась внезапно на небѣ, достигла въ нѣсколько дней лучезарности, превышающей блескъ Юпитера, такъ же внезапно исчезла, и болѣе не появлялась никогда. Аль-Аараафъ—Магометанскій Эдемъ—Чистилище, мѣстопребываніе тѣхъ, кто слишкомъ хорошъ для Ада, но къ Небу не подходитъ—

Въ сторонѣ отъ Вѣчности Небесъ—
И однако жъ какъ вдали отъ Ада!

Это сіяющій міръ, исполненный цвѣтовъ, звуковъ, нѣжныхъ дуновеній, краснаго огня сердца. Этотъ міръ качается на золотомъ воздухѣ, какъ водяная лилія на осіянной водѣ, оазисъ въ пустынѣ благословенныхъ, ему свѣтятъ четыре блестящія солнца.

Земного ничего—одинъ лишь лучъ,
(Очей красы), отброшенный цвѣтами—
Земного ничего, лишь дрожь-напѣвъ,
Мелодія среди лѣсныхъ прогалинь.—
Иль голосъ сердца, гдѣ кипѣла страсть,
Звукъ радости, столь мирно отошедшей,

Что словно ропоть въ раковинѣ онѣ,
Какъ эхо долженъ быть и такъ пребудеть—
О, ничего изъ всей земной золы—
Но вся краса—и всѣ цвѣты съ Любовью—
Вся красота—всѣ пышности цвѣтовъ,
Что увиваютъ наши здѣсь бесѣдки,
Украсили тотъ міръ въ дали, въ дали—
Свѣтило то бродячее зажгли.

Тамъ растетъ драгоценный цвѣтокъ, что сродни высочайшимъ звѣздамъ—пчела, прикоснувшись къ нему, пьянѣетъ, такія тамъ лиліи, что вотъ ощущаешь тѣнь мѣры любви, тѣнь Сафо; расцвѣты бѣлогрудые въ бальзамическомъ воздухѣ, подобные преступной красотѣ, наказанной, и тѣмъ болѣе, прекрасной; цвѣты, что своимъ благовоніемъ дышутъ лишь въ ночь; хризантема златого Перу — подсолнечникъ, что всегда обращаетъ свой ликъ къ солнцу, и затягиваетъ свой дискъ золотистою дымкой; змѣподобные алоэ, что, раскрываясь, умираютъ, а, умирая, дышатъ запахомъ ванили; лотосы, съ длинными, длинными стеблями, такъ что дотянутся до самой поверхности воды, и качаются на влагѣ воскипѣвшаго потока; пурпурный, нѣжный гиацинтъ; цвѣты какъ чаши, которымъ поручено на куреньяхъ своихъ возносить до небесъ звуки пѣсни. Тамъ собираются облакомъ свѣтящимся летучія свѣтлянки, и, свѣпившись, какъ одинъ златистый кругъ, какъ одна золотая огромная точка, вдругъ разлетаются, какъ несчетные, блестящей чертой повторенной, въ даль уходящіе летучіе лучи. Тамъ можно слышать звукъ, возникающій при смѣнѣ свѣтовъ, ибо явственно слышалъ не разъ ясно-видецъ и слышачій—звукъ тьмы, по мѣрѣ того какъ она заполняетъ весь горизонтъ. Міръ достойный — для дѣвушки-ангела и ея серафима-любовника. Тамъ живительный геній, духъ жизни въ жизни, духъ живой красоты міра, тотъ женственный геній, который правитъ нескончаемой музыкой, явственно слышимой душѣ въ безмѣрномъ ночномъ молчаніи. Имя свѣтлой этой тѣни Ли-

гейя. Черезъ десять лѣтъ, или скорѣе, она возникнетъ въ страстномъ умѣ какъ образъ красивѣйшей женщины, и самой любящей, и самой страстной, ибо она волей побѣждаетъ смерть,—теперь-же, въ умѣ провидца-юноши, брошеннаго въ мѣрѣ, и болѣе пустыннаго въ мѣрѣ, чѣмъ одинъ единственный цвѣтокъ, качающійся на краѣ срыва, надъ кипящимъ моремъ, что тамъ внизу, она загорается свѣтомъ тѣневымъ, и вызываетъ въ юношѣ такой восторженный исаломъ себѣ:—

КЪ ЛИГЕЙЯ.

(Изъ поэмы Аль-Аараафъ).

Лигейя! Лигейя!
Красивый мой сонъ.
Ты въ мысляхъ,—и, мѣня,
Рождается звонъ.
Твоя ль эта воля
Быть въ лепетахъ грезь?
Иль, новая доля,
Какъ тотъ Альбатросъ,
Нависшій на ночи,
(Какъ ты на вѣтрахъ),
Слѣлять твои очи
За музыкой въ снахъ?
Лигейя! куда бы
Ни глянулъ твой ликъ,
Всѣ магіи—слабы,
Напѣвъ—твой двойникъ.
И ты ослѣпила
Столь многихъ во снахъ—
Но новая сила
Скользить по стрункъ—
Звукъ капель изъ тучи
Цвѣтокъ оболеть,
И пляшетъ пѣвучій,
И ливнемъ поеть—
И, лепеть рождая,
Взростаетъ трава,

И музыка, тая,—
Жизнь міра,—жива.
Но дальше, вольнѣе,
Туда, гдѣ ручей
Подъ сѣткой, Лигейя,
Тѣхъ лунныхъ лучей—
Къ затону, гдѣ млѣнье,
Тамъ греза жива,
И звѣздъ отраженья
На немъ - острова—
На брегѣ растенья
Глядятъ въ водоемъ,
И дѣвы-видѣнья
Захвачены сномъ—
Тамъ дальше инныя,
Что спали съ пчелой,
Въ тѣ сны луговые
Войди къ нимъ мечтой—
Роса гдѣ повисла,
Склонись къ нимъ въ тиши,
Пѣвучія числа
Въ ихъ сонѣ надыши—
И ангель вздохнетъ ли
Въ дремотѣ ночной,
И ангель уснетъ ли
Подъ лдяной луной—
Въ поляхъ многосѣвныхъ
Качая свирѣль,
Ты чисель напѣвныхъ
Построй колыбель!

Лѣтомъ 1830-го года Эдгаръ По, ища какого-нибудь прочнаго положенія, поступилъ въ Военную Академію въ Вестъ-Пойнтѣ, основанную въ 1802-мъ году, дабы снабжать молодую Сѣверо-Американскую Республику, надлежаще вымуштрованными, воинами. Образование и содержаніе тамъ было даровымъ, и, кромѣ того, каждый кадетъ получалъ ежемѣсячную стипендію въ двадцать восемь долларовъ. Четырехлѣтній курсъ и строгая дисциплина. Какъ гласитъ оффиціальныи рапортъ, въ концѣ

концовъ, изъ общаго числа 204, лишь 26 кадетовъ, ко времени рапорта, оказались безъ черныхъ отмѣтокъ, сопровождающихъ ихъ имена. Одинъ изъ товарищей Эдгара По, товарищей не только по кадетству, но и по карцеру, Джайбсонъ, говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что По, въ то время, казался старше своихъ лѣтъ, у него былъ усталый, измученный, недовольный взглядъ, который не легко было забыть тѣмъ, кто съ нимъ близко соприкасался. Между прочимъ, его очень сердила нѣкая школьная шутка на его счетъ: кто-то, остря надъ его усталымъ видомъ, сказалъ, что онъ выхлопоталъ для своего сына пріемъ въ школу, но сынъ его померъ, и вотъ отецъ поступилъ вмѣсто умершаго сына. Эта злая школьная шутка хорошо рисуетъ намъ духовную разницу между Эдгаромъ По тѣхъ дней и его товарищами-кадетами.

Чѣмъ, собственно, былъ занятъ Эдгаръ По въ теченіи немногихъ мѣсяцевъ своего кадетства? Онъ занимался, конечно, математикой, какъ то полагалось, жадно поглощалъ разнообразныя книги, какія только можно было достать въ школьной библіотекѣ, поражалъ своихъ товарищей обширными свѣдѣніями по Англійской литературѣ, и читалъ имъ на память длинныя отрывки изъ разныхъ авторовъ, въ прозѣ и въ стихахъ, причемъ рѣдко повторялъ, или никогда не повторялъ, тѣ-же самыя отрывки дважды передъ одною и тою-же аудиторіей; писалъ стихотворныя „пасквили“ на приставниковъ и учителей; и вскорѣ, возненавидѣвъ однообразную рутину военной дисциплины, рѣшилъ бросить Военную Школу, но, такъ какъ этого онъ не могъ сдѣлать законнымъ порядкомъ, ибо нуждался въ позволеніи пріемнаго отца, Аллена, какового тотъ не далъ, Эдгаръ По, съ свойственной ему систематичностью, разъ за разомъ, не явился на перекличку, не явился на парадъ, не явился въ церковь, не явился тутъ-то, не явился туда-то, ослушался въ томъ-то, отказался исполнить приказаніе такое-то. Въ результатѣ—то, чего онъ

и хотѣлъ: онъ предсталъ передъ военнымъ судомъ, и былъ исключенъ изъ Школы, или, какъ гласило постановленіе, „Кадетъ Эдгаръ А. По увольняется отъ службы Соединеннымъ Штатамъ, и не будетъ болѣе считаться членомъ Военной Академіи послѣ 6-го Марта 1831-го года“.

Итакъ, Эдгаръ По снова былъ свободенъ, снова одинъ, лицомъ къ лицу съ міромъ, и первое, что онъ сдѣлалъ, онъ напечаталъ новый сборникъ стиховъ. Товарищи-кадеты, всѣ подписались на полученіе экземпляровъ этого сборника, и были совершенно разочарованы. Тамъ были какіе-то непостижимые стихи—и не было ни одной изъ сатиръ на профессоровъ и прислужниковъ!

Заглавный листокъ книги гласилъ—

ПОЭМЫ

ЭДГАРА А. ПО

Tout le monde a raison.—Rochefoucault.

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ.

НЬЮ-ЙОРКЪ.

Опубликовано Эламомъ Блиссомъ

1831.

Въ сборникѣ 124 страницы, и посвященіе гласитъ: „Съверо Американскому Кадетскому Корпусу этотъ томъ почтительно посвящается“. Въ видѣ предисловія напечатано письмо къ нѣкому, очевидно, миѳическому, мистеру Б., излагающее литературный символъ вѣры Эдгара По, оставшійся въ общихъ чертахъ неизмѣннымъ на всю его жизнь. Тамъ есть, между прочимъ, слѣдующія, любопытныя строки:

«Было сказано, что критическій разбор какой-нибудь хорошей поэмы можетъ быть написанъ тѣмъ, кто самъ не поэтъ. Согласно съ *Вашимъ* и *моимъ* представленіемъ о поэзіи, я чувствую, что это ложно: чѣмъ менѣе критикъ одаренъ поэтически, тѣмъ менѣе справедлива критика, и наоборотъ. Въ виду этого, и такъ какъ на свѣтѣ мало людей, подобныхъ Вамъ, я былъ-бы столь-же пристыженъ одобреніемъ всего міра, какъ горжусь *Вашимъ*. Кто-нибудь другой могъ-бы замѣтить: „Шекспиръ пользуется одобреніемъ всего міра, и однако Шекспиръ величайшій изъ поэтовъ. Такимъ образомъ, міръ, повидимому, судитъ справедливо. Почему же вы должны были-бы стыдиться его благопріятнаго сужденія?“ Трудность заключается въ истолкованіи слова „сужденіе“, или „мнѣніе“. Дѣйствительно, это мнѣніе всего міра. Но оно столь-же ему принадлежитъ, какъ книга тому человѣку, который ее купилъ; онъ не написалъ книгу, но она—его; міръ не создалъ мнѣнія—но оно ему принадлежитъ. Глупецъ, напримѣръ, считаетъ Шекспира великимъ поэтомъ—но глупецъ никогда не читалъ Шекспира.

«Я не вѣрю въ Вордсворта. Что въ юности у него были ощущенія поэта—это я допускаю—въ его писаніяхъ есть проблески крайней утонченности—(а утонченность есть истинное царство поэта—его *El Dorado*)—но они имѣютъ видъ лучшихъ воспоминаемыхъ дней; и проблески, въ лучшемъ случаѣ, весьма малое доказательство настоящаго поэтическаго огня—мы знаемъ, что нѣсколько цвѣтковъ, тамъ и сямъ, возникаютъ ежедневно въ расщелинахъ ледника. Онъ достоинъ осужденія за то, что онъ истратилъ свою юность въ созерцаніи съ цѣлью поэтизировать въ зрѣломъ возрастѣ. Съ возростаніемъ его способности сужденія, свѣтъ, который долженъ былъ сдѣлать ее очевидной, поблекъ. Его сужденія, такимъ образомъ, слишкомъ корректны. Это трудно понять—но древніе Германскіе Готы поняли-бы это, они, имѣв-

шіе обыкновеніе обсуждать важныя государственныя дѣла дважды: одинъ разъ пьяными, и одинъ разъ трезвыми— трезвыми, чтобы не погрѣшить въ точности—пьяными, дабы не утратить силы выраженія.

«О Кольриджѣ я могу говорить лишь съ чувствомъ глубокаго почтенія. Что за подъемъ ума! Что за гигантская сила! Онъ лишній разъ подтверждаетъ очевидность того факта „que la plupart des sectes ont raison dans une bonne partie de ce qu'elles annoncent, mais non pas en ce qu'elles nient“ („что большинство сектъ право въ значительной части того, что они проповѣдуютъ, но неправо въ томъ, что они отрицаютъ“). Онъ заключилъ, какъ въ тюрьму, свои собственныя представленія, благодаря тому, что поставилъ преграду передъ представленіями другихъ. Прискорбно думать, что такой умъ похоронилъ себя въ метафизикѣ, и какъ цвѣтокъ Никтанта, все свое благоуханіе отдаетъ лишь ночи. Читая его поэтическія произведенія, я трепещу, какъ тотъ, кто стоитъ надъ вулканомъ, и по темнотѣ, черными взрывами исходящей изъ кратера, узнаетъ объ огнѣ и свѣтѣ, которые колыхаются тамъ, внизу.

«Что такое поэзія?—Поэзія! Это, подобное Протею, представленіе, со столькими же наименованіями, какъ девятиименная Корцира. Я какъ-то обратился къ одному ученому: „Дайте мнѣ опредѣленіе поэзіи“.— „Très volontiers“,—и, подойдя къ книжному шкафу, онъ принесъ мнѣ Д-ра Джонсона, и придавилъ меня опредѣленіемъ. О, тѣнь безсмертнаго Шекспира! Я представляю себѣ грозный взглядъ твоихъ духовныхъ очей, глянувшихъ на богохульство этой грубой Большой Медвѣдицы. Подумайте о поэзіи, нѣтъ, только подумайте о поэзіи и потомъ о Д-рѣ Самьюелѣ Джонсонѣ! Подумайте обо всемъ, что есть воздушнаго и подобнаго феямъ, и потомъ, обо всемъ, что есть отвратительнаго и тяжеловѣснаго, подумайте объ огромномъ грузѣ, о Слонѣ! И потомъ—поду-

майте о Бурѣ—о Снѣ въ Лѣтнюю Ночь—о Просперо—
объ Оберонѣ—и Титаніи—!

„Поэма, какъ я думаю, можетъ быть противопоставлена научной работѣ въ томъ смыслѣ, что *непосредственная* ея задача—наслажденіе, а не истина; она можетъ быть противопоставлена также роману, въ томъ смыслѣ, что ея задача—*неопредѣленное* наслажденіе, вмѣсто опредѣленного, и она остается поэмой лишь въ той мѣрѣ, въ какой эта цѣль достигнута. Романъ представляетъ воспринимаемые образы черезъ посредство опредѣленныхъ, поэзія черезъ посредство неопредѣленныхъ, ощущений, для достиженія чего *существенное* значеніе имѣетъ музыка, ибо восприниманіе нѣжнаго звука есть самое неопредѣленное изъ нашихъ воспріятій. Музыка, въ соединеніи съ мыслью, доставляющей удовольствіе, есть поэзія; музыка безъ мысли—есть просто музыка; мысль безъ музыки есть проза, въ силу крайней своей опредѣленности». Книга содержитъ въ себѣ всего на всего одиннадцать поэмъ: „Введение“ („Романсъ“), „Къ Еленѣ“ („О, Елена, твоя красота для меня...“), „Израфель“, „Осужденный Городъ“ (позднѣе передѣланный и переименованный въ „Городъ на Морѣ“), „Фейная Страна“, „Ирэнэ“ („Спящая“), „Пѣанъ“ (первоначальный набросокъ „Линоръ“), „Долина Нисъ“ (позднѣе „Долина Тревоги“), „Аль-Аараафъ“, Сонетъ „Знаніе“, и „Тамерланъ“. Книжечка облечена въ зеленый переплетъ. Изумрудный стебель надежды уже расцвѣлъ здѣсь пышнымъ цвѣтомъ. Въ концѣ концовъ, въ намекахъ и въ ускользающихъ очеркахъ, здѣсь почти весь Эдгаръ По. Какъ хорошо говоритъ Гаррисонъ, «за три года наступило удивительное усиленіе точности, опредѣленности, ясной четкости и музыкальности. Что раньше было невѣрнымъ, какъ хоръ шепчущихъ тростниковъ вдоль берега рѣки, смутнымъ, какъ *crescendo* и *diminuendo*, идущихъ оступью, вѣтровъ въ ночи,—собралось въ сосредоточенную форму, и сдѣлалось воплощеннымъ въ стансахъ

„Елены“ и „Израфеля“. Поэтъ двадцати одного года еще неловокъ, неуклюжъ, спотыкается въ риѳмѣ и въ размѣрѣ, онъ новичекъ въ изяществахъ стиха, но уже его наводятъ неизреченныя словесныя мелодіи, столь-же сладостныя для чувства, какъ Спенсеръ *) въ журчащемъ токъ нѣкоторыхъ строкъ, столь-же неловокъ какъ Уитманъ, въ прерывахъ и зіяніяхъ другихъ строкъ: томикъ 1831-го года есть зримое рожденіе великаго поэта, коего полное появленіе на свѣтъ потребуеетъ еще пятнадцатилѣтняго промежутка времени. Возрастающая тонкость воспріятія и чувства, ощущеніе магической красоты міра, и таинства въ этомъ, сознаніе гармоній, что истекаютъ, какъ изъ ключа, изъ самыхъ словъ въ ихъ гласныхъ и согласныхъ сочетаніяхъ и контрастахъ, поэзія, которая существуетъ въ Смерти, въ Приговорѣ, въ Скорби, въ Грѣхѣ (доведенная до крайности его подражателемъ и почитателемъ Бодлэромъ во „Fleurs du Mal“) — все это наводитъ пластическое юное воображеніе своими нѣжными и ярко-живыми умягченіями, и звучитъ ему прямо на ухо, въ его тонкій слухъ, зовомъ тритона рога, маня его къ новымъ, и, порой, еще болѣе счастливымъ, полямъ». Гаррисонъ отмѣчаетъ также, что какъ разъ за годъ передъ этимъ, Тэннисонъ выпустилъ въ свѣтъ „Поэмы, главнымъ образомъ Лирическія“, и, конечно, этотъ сборникъ не содержитъ ничего болѣе тонкограннаго и дремотнаго по чарѣ, чѣмъ одновременныя произведенія Эдгара По, между тѣмъ какъ поэма „Аль-Аараафъ“ можетъ счастливо соперничать съ изданной, въ томъ-же самомъ году, увѣнчанной поэмой Тэннисона „Тимбукту“.

Основное различіе между Эдгаромъ По и Тэннисономъ, сладкогласнымъ пѣвцомъ счастливой Англіи, въ ея

*) Эдмундъ Спенсеръ (1553—1598), напѣвный создатель „Царицы Фей“.

ликъ узорнаго довольства, хорошо выражено юношескими строками Эдгара По:

Лишь тамъ я могъ любить душою,
Гдѣ Смерть смѣшалась съ красотою—
Иль Бракъ, Судьба, и Пропастъ дней,
Возстали между мной и ей.

Послѣ этого блестящаго выступленія въ мірѣ поэтическаго творчества, отъ 1831-го года до 1833-го, жизнь Эдгара По снова затянута мглой, ибо мы о ней ничего не знаемъ. Выше упоминалась нѣкая Мэри, „sweetheart“, влюбленность, юнаго Эдгара По. Разсказъ объ этой дѣйствительной или мнимой влюбленности помѣщенъ въ одномъ Американскомъ журналѣ въ 1889-мъ году, и Гаррисонъ воспроизводитъ его. Эта Мэри говоритъ, что первый годъ по оставленіи Кадетскаго Корпуса Эдгаръ По провелъ со своей теткой, съ матерью своей будущей жены, Биргиніи, Мистрисъ Клеммъ, въ Балтиморѣ. Эдгаръ По былъ красивый очаровательный молодой человекъ, который писалъ стихи, каждая юная дѣвушка въ него влюбилась-бы — и Мэри, конечно, влюбилась. Волосы у него были черные и тонкіе какъ шелкъ, носъ длинный и прямой и четкія черты лица, блѣдно-оливковый цвѣтъ кожи, красивый ротъ, музыкальный голосъ, глаза большіе, сѣрые и пронзительные, печальный, меланхолическій взглядъ, и притомъ такой, что какъ будто онъ могъ читать сокровенныя ваши мысли. Между влюбленными встали препятствіемъ бѣдность Эдгара По, и одинъ стаканъ вина. Эдгаръ По напечаталъ въ нѣкоторомъ Балтиморскомъ изданіи насмѣшливое стихотвореніе къ Мэри,—тогда, кромѣ бѣдности и одного стакана вина, выступилъ на сцену обычный театральннй дядюшка влюбленной Мэри, между дядей невѣсты и отвергнутымъ женихомъ произошло бурное объясненіе, Эдгаръ По выхватилъ изъ рукава бичъ изъ воловьей шкуры, отхлесталъ театральнаго дядю, и, бросивъ хлыстъ къ ногамъ

своей возлюбленной, воскликнул: „Вотъ, я отдаю вамъ это въ подарокъ!“

Не много нужно проникательности, дабы оцѣнить по достоинству сію побасенку. Будемъ ждать, когда, до сихъ поръ найденная, Балтиморская поэма къ Мэри будетъ найдена, и тогда постараемся повѣрить словамъ Гаррисона, что „статья безсвязна и ошибочна въ нѣкоторыхъ своихъ утверженіяхъ, но очевидно внушена личнымъ знакомствомъ съ По въ его ранніе годы“.

Гораздо болѣе логическими кажутся слова Ингрэма, говорящаго, что всѣ попытки, сдѣланныя до сихъ поръ для объясненія того, что Эдгаръ По дѣлалъ, и гдѣ онъ блуждалъ, въ означенные два года, окончательно потерпѣли фіаско. „Утверженіе“, говоритъ Ингрэмъ, „что онъ жилъ въ Балтиморѣ, со своей теткой, Мистрисъ Клеммъ, не согласуется съ фактомъ: ея собственная корреспонденція доказываетъ, что *она никогда не знала*, гдѣ былъ ея племянникъ въ это междуцарствіе своей исторіи, а самъ поэтъ, повидимому, никогда не далъ какого-либо надежнаго ключа для выясненія истины. Пауэлль, въ своемъ благомысленномъ, но нѣсколько опирающемся на воображеніе, очеркѣ жизни По, утверждаетъ, что рыцарски чувствующій юноша, оставилъ Ричмондъ съ намѣреніемъ предложить свои услуги Полякамъ въ ихъ героической борьбѣ противъ Россіи“. Что намъ объ этомъ думать, мы въ точности не знаемъ, но фактъ существованія собственноручнаго письма Эдгара По, относящагося къ этому, передъ нами на лицо. Какъ бы то ни было, будемъ думать—какъ думалъ низверженный король Попель, говорящій въ „Балладинѣ“ Словацкаго рыцарю Киркору: „Да приметъ Небо замыселъ какъ дѣло“.

Въ достовѣрно историческомъ ликѣ, Эдгаръ По снова возникаетъ передъ нами осенью 1833-го года, какъ нищенски-голодный и божески-блистательный создатель изумительнаго разсказа „Манускриптъ найденный въ бу-

тылкѣ“, отъ котораго не отказался-бы ни геній Свифта, ни геній любого чтеца человѣческихъ душъ, и какъ создатель не менѣ страшнаго и не менѣ глубиннаго разсказа „Нисхождение въ Мальстрёмъ“. Здѣсь *incipit tragoedia*, здѣсь исходная точка всей блестящей параболы, начало кометнаго пути Эдгара По,—и случилось это по слѣдующему поводу.

Осенью 1833-го года издатели еженедѣльнаго литературнаго журнала „Saturday Visitor“, „Субботній Гость“, возникшаго въ Балтиморѣ за годъ передъ этимъ, и печатавшагося тогда Уильмеромъ, предложили премію въ сто долларовъ и въ пятьдесятъ долларовъ за лучшій разсказъ и лучшую поэму, какіе будутъ доставлены сосязателями. Когда Эдгаръ По узналъ объ этомъ, онъ послалъ шесть, имѣвшихся у него, разсказовъ, и стихотвореніе „Колизей“. По тщательномъ разсмотрѣннн присланнаго матеріала, три, весьма извѣстные, въ свое время и въ своемъ мѣстѣ, литературные джентльмена, единогласно присудили объ преміи невѣдомому тогда юношѣ, Эдгару По, но затѣмъ, нѣсколько измѣнивъ рѣшеніе, присудили премію за лучшую поэму другому, въ виду того, что уже одна премія Эдгару По была присуждена. Не удовольствовавшись этимъ, судьи состязанія напечатали 12-го Октября 1833-го года слѣдующую замѣтку въ „Субботнемъ Гостѣ“:

«Среди прозаическихъ очерковъ нѣкоторые отличались различными и отмѣнными достоинствами, но совсѣмъ своеобразная сила и красота очерковъ, посланныхъ авторомъ „The Tales of the Folio Club“, не оставляютъ никакой возможности для колебанія въ этой области. Согласно съ этимъ, мы присудили премію за разсказъ, называющійся „Ms. Found in a Bottle“, „Манускриптъ, найденный въ бутылкѣ“. Врядъ-ли было бы справедливо, по отношенію къ автору собранія этихъ разсказовъ, сказать, что выбранный разсказъ есть лучшій изъ шести, имъ предложенныхъ. Мы не можемъ не сказать, что, какъ благодаря собственной репутации автора, такъ и во имя удовольствія для общества, весь сборникъ разсказовъ долженствуеь

быть опубликованнымъ. Разказы эти чрезвычайно выдѣляются необызданнымъ сильнымъ и поэтическимъ воображеніемъ, богатымъ слогомъ, изобильной изобрѣтательностью, и разнообразной и любопытной образованностью.

(Подписано) Джонъ П. Кеннеди.

Д. Х. Б. Латробъ.

Джэмсъ Х. Миллеръ».

Одинъ изъ судей, Латробъ, подробно разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, какъ происходило присужденіе премій. Онъ повѣствуетъ, какъ одна рукопись за другой отправилась въ корзинку, ибо одни произведенія были обычнымъ неприемлемымъ бредомъ, другія простымъ плагиатомъ; онъ разсказываетъ, какъ онъ, Латробъ, будучи младшимъ изъ трехъ, читалъ рукописи вслухъ, и когда, пробѣжавши про себя первую страницу четкой рукописи того, кто оказался Эдгаромъ По, онъ сказалъ, что, кажется, есть наконецъ что-то похожее на достойное преміи, остальные двое со смѣхомъ усомнились, и, усѣвшись поудобнѣе со своими сигарами въ комфортабельныхъ креслахъ, стали слушать. Немного нужно было прочесть, чтобы слушатели сдѣлались заинтересованными. За первымъ разсказомъ послѣдовалъ второй и третій, и такъ до конца, причемъ чтеніе прерывалось лишь такими возгласами какъ „Превосходно!“, „Первоклассно!“, „Какъ странно!“.

«Во всемъ, что они слушали», говоритъ Латробъ, «былъ гений; тутъ не было невѣрной грамматики, ни слабаго словосочетанія, ни дурно поставленнаго знака препинанія, ни изношенныхъ общедоступностей, ни сильной мысли, впавшей въ слабость. Логика и воображеніе сочетались въ рѣдкой соразмѣрности. Временами авторъ создавалъ въ умѣ свой собственный міръ и затѣмъ описывалъ его — міръ, столь зачарованный, столь странный — и въ то-же время такой волшебной-четкой, что онъ казался въ ту минуту имѣющимъ всю правду дѣйствительности... Когда чтеніе кончилось, трудно было выбрать, что лучше. Снова были перечитаны отрывки изъ отдѣль-

ныхъ разсказовъ, и наконецъ, выборъ остановился на „Манускриптѣ, найденномъ въ бутылкѣ“. Одинъ изъ разсказовъ назывался „Нисхожденіе въ Мальстрёмъ“, и нѣкоторое время онъ былъ предпочтенъ...

Кеннэди, авторъ книги „Horse-Shoe Robinson“, и другихъ популярныхъ книгъ, очень заинтересовался столь успѣшнымъ, хотя невѣдомымъ, состязателемъ, и письмомъ пригласилъ его къ себѣ въ гости. Отвѣтъ Эдгара По, гдѣ лаконизмъ словъ, исполненныхъ полноувѣсной значительности, занесенъ въ его обычныя, четко выписанныя, буквы, является однимъ изъ самыхъ краснорѣчивыхъ, страстныхъ, въ своей Англійской сдержанности, воплей человѣка въ пустынѣ—и не человѣка въ пустынѣ, а одинокаго существа среди несчетнаго множества другихъ существъ, чужихъ, враждебныхъ, и глядящихъ, и подглядывающихъ. Пользуясь словами Ингрэма, можно сказать, что немногіе, вѣроятно, смогутъ вообразить, какъ сердце истекало кровью, когда перо писало эти слова:—

«Ваше приглашеніе къ обѣду ранило меня остро. Я не могу придти по причинѣ самаго унижительнаго свойства—мой внѣшній видъ. Вы можете представить себѣ мое уничиженіе, когда я открываю вамъ это, но это необходимо».

Побуждаемый благороднѣйшими чувствами, Кеннэди отыскалъ юношу, и, какъ онъ записалъ въ своемъ дневникѣ, нашелъ его совершенно одинокимъ и почти умирающимъ съ голоду. Кеннэди навсегда остался искреннимъ, безкорыстнымъ, и благожелательнымъ другомъ Эдгара По. Онъ отнесся къ нему, въ ту минуту жизни, не какъ къ чужому, хотя-бы и любопытному, а какъ къ родному, котораго уважаютъ и любятъ. Въ дневникѣ Кеннэди есть запись: „Я далъ ему свободный доступъ къ моему столу, и возможность пользоваться одной изъ моихъ лошадей для верховой ѣзды, когда онъ пожелаетъ; въ дѣйствительности, я приподнялъ его съ самаго срыва отчаянія“.

Съ этой минуты жизненный путь Эдгара По вполне четко означился. Но собственный гений и одно чужое доброжелательное сердце очень недостаточны, чтобы безтрепетно идти по тропинкамъ, выложеннымъ битымъ стекломъ.

Латробръ въ тѣхъ „Воспоминаніяхъ“, изъ которыхъ выдержки уже были приведены, подробно описываетъ свои впечатлѣнія отъ Эдгара По тѣхъ дней:

«...Я сидѣлъ за своимъ письменнымъ столомъ, въ понедѣльникъ, послѣ опубликованія разсказа „Манускриптъ, найденный въ бутылкѣ“, когда ко мнѣ вошелъ какой-то джентльмэнъ, и рекомендовался какъ авторъ разсказа, говоря, что онъ пришелъ поблагодарить меня, какъ одного изъ членовъ Комитета, за оказанную ему честь. Воспоминаніе объ этой встрѣчѣ съ Минстеромъ По, единственной въ моей жизни, очень четко въ моей памяти, и мнѣ нужно сдѣлать лишь небольшое усиліе моего воображенія, чтобы увидѣть его сейчасъ передъ собой такъ явственно, какъ если-бы я видѣлъ кого-нибудь изъ окружающихъ. Онъ былъ скорѣе ниже средняго роста, и, однако, о немъ нельзя было бы сказать, что онъ маленькій человѣкъ. Общій видъ его былъ чрезвычайно благолѣпный, и онъ держался прямо и хорошо, какъ тотъ, кто былъ приученъ къ этому. Онъ былъ одѣтъ въ черное, и его сюртукъ былъ застегнутъ до самаго горла, гдѣ онъ встрѣчался съ чернымъ галстукомъ, какой носили въ это время почти всѣ. Не было замѣтно ни одной полоски бѣлаго. Верхнее платье, шляпа, сапоги, и перчатки, очевидно, вѣдали лучшіе свои дни, но что касается починки и чистки щеткой, видимо, все было сдѣлано, чтобы они были представительными. На большинствѣ людей одежда имѣетъ изношенный и жалкій видъ, но вокругъ этого человѣка было что-то, что возбуждало глядящему критиковать его одежду, и описанныя подробности были припомнены лишь позднѣе. Впечатлѣніе, од-

нако, было таково, что премія, назначенная Мистеру По, не была некстати... *Джентльмэнъ* было написано во всей его наружности. Его манеры были спокойны и увѣренны, и, хотя онъ пришелъ поблагодарить за то, что онъ считалъ достойнымъ благодарности, не было ничего приторно вѣжливаго въ томъ, что онъ говорилъ или дѣлалъ. Черты его лица я не могу описать въ подробности. У него былъ высокій лобъ, замѣчательный своими большими выпуклостями на вискахъ. Это было отличительное свойство его головы, вы замѣчали эту особенность сразу, и забыть ее я не могъ бы никогда. Выраженіе лица его было серьезное, почти печальное, кромѣ тѣхъ минутъ, когда онъ увлекался разговоромъ, тогда выраженіе его лица дѣлалось оживленнымъ и перемѣнчивымъ. Его голосъ, я помню, былъ очень пріятенъ по тону, онъ былъ выразительно-переливный, почти ритмическій, и слова его были выбраны хорошо и безъ колебанія... Я спросилъ его, чѣмъ онъ занятъ, что онъ пишетъ. Онъ отвѣтилъ, что онъ занятъ Путешествіемъ на Луну, и тотчасъ-же вдался въ нѣсколько ученое разсужденіе о законахъ тяготѣнія, о высотѣ земной атмосферы, и летательныхъ способностяхъ воздушныхъ шаровъ, оживляясь, по мѣрѣ того какъ рѣчь его продолжалась. Вдругъ, говоря отъ перваго лица, онъ началъ Путешествіе: описавъ предварительныя приготовленія, какъ ихъ можно найти въ одномъ изъ его разсказовъ, называющемся „Приключеніе нѣкоего Ганса Пфюоля“, онъ оставилъ землю, и дѣлаясь все болѣе и болѣе воодушевленнымъ, сталъ описывать свои ощущенія, по мѣрѣ того какъ онъ восходилъ все выше и выше, пока, наконецъ, онъ не достигъ той точки въ пространствѣ, гдѣ притяженіе Луны превозмогало надъ притяженіемъ Земли, тамъ происходила внезапная опрокинутость лодочки, и великое смятеніе среди тѣхъ, кто въ ней находился. Къ этому времени, говорившій сдѣлался столь возбужденнымъ, говорилъ такъ быстро, и

такъ жестикулировалъ, что, когда перевернутость лодочки произошла, и онъ, для большей выразительности, хлопнулъ въ ладони и топнулъ ногой, я былъ увлеченъ съ нимъ въ пространство, и вполне могъ бы вообразить, что я былъ спутникомъ въ его воздушномъ странствіи. Когда онъ окончилъ свое описаніе, онъ извинился за свою возбужденность, надъ которой онъ посмѣялся самъ-же. Разговоръ перешелъ на другіе предметы, и онъ скоро простился со мною. Я болѣе не видѣлъ его никогда... Что я слыхалъ о немъ потомъ, опять и опять, и годъ за годомъ, наряду съ тѣми другими, кто говоритъ по-Англійски, объ этомъ упоминать бесполезно,—слышалъ о немъ въ выраженіяхъ хвалы иногда, иногда въ выраженіяхъ осужденія, до нынѣ, когда онъ ушелъ, оставя за собой славу, которая будетъ длиться, пока будетъ длиться нашъ языкъ, и я могу о немъ думать только какъ объ авторѣ, который далъ міру „Ворона“ и „Колокола“, и много еще другихъ жемчужинъ благороднаго стиха, озарилъ эту мощь Англійской рѣчи въ прозаическихъ сочиненіяхъ, не менѣе логическихъ, чѣмъ вообразительныхъ, и я забываю злоупотребленіе, которое, съ основаніемъ или безъ основанія, невѣжество, предразсудокъ, или зависть, нагромоздили на его памяти».

Послѣ этого событія Эдгаръ По сразу сдѣлался знаменитостью, какъ сразу сдѣлался знаменитостью Байронъ, и уже до конца своихъ дней онъ былъ виденъ. Какъ въ свѣтѣ пожара. Отмѣтимъ, что, согласно собственному утвержденію Эдгара По, рассказъ „Манускриптъ, найденный въ бутылкѣ“ былъ имъ написанъ уже въ 1831-мъ году. Нужно многое умѣть сжечь въ себѣ, чтобы въ двадцать лѣтъ быть способнымъ написать такой рассказъ. Но все творчество Эдгара По ясно указываетъ, что много въ его жизни было сожженныхъ жизней.

3. Любовь, Борьба.

Очень тяжело и даже мучительно судить живыхъ, судить кого бы то ни было, но еще тяжелѣе и еще мучительнѣе судить мертвыхъ. Живой, въ свое оправданіе, или просто въ разъясненіе, можетъ говорить, и можетъ *однимъ* словомъ совершенно опрокинуть кажущуюся явность видимыхъ фактовъ, какъ однимъ камнемъ, вырвавъ его изъ-подъ основанія, мы можемъ разрушить башню, или, положивъ его на вершинѣ, мы можемъ закрѣпить узкое построеніе въ томъ видѣ, какъ оно возникло. Нѣкоторые факты, однако же, столь убѣдительны, что врядъ ли какія-нибудь слова, сказанныя или несказанныя, живыхъ или мертвыхъ, могутъ измѣнить къ нимъ отношеніе, факты, о которыхъ не можетъ быть двухъ мнѣній. Казуистически построивъ доказательства, я, быть можетъ, смогу оправдать себя въ томъ, что, родивъ ребенка, я предалъ его небреженію и не былъ достаточно къ нему нѣженъ,—ибо возникновеніе его въ моей жизни предопредѣлено Судьбой, неспрашивавшей у меня, хочу я или не хочу въ моей жизни—ребенка. Но и этотъ аргументъ есть доводъ мнимый. Что же сказать обо мнѣ, если я самъ, по доброй своей волѣ, по прихоти своего сердца, взялъ къ себѣ на воспитаніе чужого ребенка, воспиталъ его до извѣстнаго возраста, весьма юнаго, пріучилъ его къ роскоши и къ полному своеволю, далъ ему предвкушеніе моихъ богатствъ,—малыхъ или большихъ, но богатствъ,—и я, старшій, стоящій въ жизни твердо на двухъ своихъ ногахъ, я, вдвойнѣ отецъ, ибо я отецъ добровольный,—поссорившись съ своимъ сыномъ—*изъ-за чего бы то ни было*, по моей винѣ, или по его, *все равно*—вышвырнулъ его вонъ изъ своего дома, или равнодушно предоставилъ ему убираться на всѣ четыре стороны, а умирая, даже не упомянулъ его имени въ своемъ завѣщаніи? Такъ сдѣлалъ Алленъ съ Эдгаромъ

По. Если въ видѣ оправданія выставятъ семейную ссору, о которой ничего точнаго неизвѣстно, извѣстное же имѣетъ видъ клеветы—клеветы со стороны замѣстительницы его пріемной матери, любившей его, какъ мать родная, клеветы со стороны мачихи въ опредѣленномъ смыслѣ этого слова—я не буду даже слушать обвиненіе, и скажу съ самаго начала—оно лживо. Ибо, когда человѣкъ, занявши твердую позицію, и, тѣмъ самымъ, вытѣснивъ другого, начинаетъ говорить и наговаривать на вытѣсненнаго, его роль презрѣнна. Я продолжу свой доводъ—и скажу, что, на мой взглядъ, если красиво и естественно, что мать любитъ своего ребенка, десятикратно красивѣе и, въ высшемъ благородномъ порядкѣ, десятикратно естественнѣе, если мачиха любитъ своего пасынка или надчерицу и, любя, смягчаетъ углы, а не обостряетъ ихъ, и, любя, прощаетъ юныя вины, если когда-либо какія-либо вины существовали.

Въ каждомъ учебникѣ Исторіи Литературы имя геніального Американскаго сказочника и пѣснопѣвца, имя одного изъ величайшихъ поэтовъ, какіе жили на землѣ, означается—Эдгаръ Аллэнъ По. Нужно разъ навсегда выкинуть вонъ лишнюю прибавку къ имени Эдгара По. Въ царствѣ свѣта и славы, въ царствѣ звуковъ и красокъ, въ царствѣ воли и своеволія, самодурству нѣтъ мѣста. Среди именъ, каждое изъ которыхъ означаетъ существо крылатое, въ великомъ святилищѣ міровыхъ славъ, не можетъ быть мѣста для тѣхъ, кто не только не способенъ на полетъ, но и не видитъ полета летучихъ.

Въ 1834-мъ году, въ мѣсяцѣ Мартѣ Аллэнъ умеръ, какъ чужой для Эдгара По, унося съ собою несправедливую неразрѣшенную ссору. И да не скажемъ о немъ болѣе ни слова.

Кто сколько-нибудь прикосновененъ къ литературнымъ кругамъ, тотъ хорошо знаетъ, сколько боли, не-

вѣрности, страха, и униженія заключается въ двухъ словахъ *жить литературой*. И чѣмъ острѣй, идеальнѣй, воздушнѣй талантъ, чѣмъ онъ своеобразнѣе и причудливѣе, тѣмъ страшнѣе и страшнѣе становится осложненіе. Чѣмъ сгущеннѣе творчество, чѣмъ выразительнѣе оно въ своей немногословности, тѣмъ труднѣе положеніе пишущаго, который, создавъ драгоцѣннѣйшее ожерелье изъ двѣнадцати словъ, изъ двѣнадцати строкъ, изъ трехъ-четырехъ страницъ, вѣдь не сумѣетъ же внудить той человѣческой разновидности, которая называется *Издатель*, что слитокъ золота, который можно подержать на ладони, драгоцѣннѣе пѣлой глыбы свинца, которую не сдвинешь. Въ грубой и грубо-честной торговлѣ мѣновыми цѣнностями очевиднаго достоинства, легко требовать справедливости и получить ее,—въ той сложной сѣти соотношеній, которая называется литературой, идеальная справедливость, въ смыслѣ признанія дара, и чисто-дѣловая справедливость, въ смыслѣ достодолжной оплаты литературнаго труда, есть вещь почти невозможная. Какъ можно было бы внудить кому-нибудь, что разсказъ юнаго Эдгара По „Тѣнь“, въ которомъ три-четыре страницы, или стихотвореніе „Червь Побѣдитель“, въ которомъ всего нѣсколько строфъ, полноцѣннѣе, чѣмъ полное собраніе сочиненій, того или иного, зауряднаго писателя. Какъ можно было бы втолковать кому-нибудь, что для созданія такихъ изумительностей, нужно не только быть геніемъ, но нужно быть геніемъ рѣдкостнымъ, и, мало того, нужно, чтобы этотъ геній, отмѣченный среди геніевъ, наложилъ на себя священный искусь, не опредѣленнаго въ дняхъ и мѣсяцахъ, творческаго молчанія. Только тогда, изъ незримыхъ поземельному оку сердечныхъ глубинъ, будутъ выброшены на верхній воздухъ эти слитки золота, эти смарагды, рубины, и алмазы.

Байрону легко было быть Байрономъ. Во-первыхъ, его талантъ былъ лишь талантомъ, лишь рѣдко дости-

гавшимъ геніальности, во-вторыхъ, направленіе его мысли и свойство его таланта, вполне совпадали съ общимъ теченіемъ умственной эпохи, требовавшей этой монотонной маршіальной напѣвности отъединеннаго, но все же человѣческаго, слишкомъ человѣческаго, гордаго я. Его произведенія были обречены на большой и даже на огромный успѣхъ, какъ самъ онъ былъ обреченъ на то, чтобы не оставить никакого прочнаго вліянія въ Англійской и Европейской литературѣ, и, не создавъ школы, не имѣть преемниковъ,—кромѣ современниковъ, слишкомъ часто именуемыхъ, совершенно невѣрно, Байронистами, ибо *общія умственныя теченія* были тогда таковы, и мы легко даемъ ходкую кличку цѣлому движенію, несправедливо означая его именемъ одного изъ отмѣченныхъ удачей *соучастника*. Кромѣ того, и быть можетъ, превыше всего, Байронъ жилъ въ Англии, и въ Европѣ, гдѣ ужь много сотенъ лѣтъ была готовая литературная аудиторія, а не въ Америкѣ, гдѣ общество состояло, да и теперь состоитъ, главнымъ образомъ, изъ искателей доллара и учредителей дѣловыхъ предпріятій, и гдѣ умственная грубость и художественная тупость—господствующій фактъ. И Байрону, какъ разъ кстати пришлось его лордство и его богатство. Многое измѣнилось бы въ его жизни и его судьбѣ, если бъ не было ни того, ни другого. Благословимъ его судьбу—но не лучше ли другая, хотя и мучительная, съ ущербамы явными и съ внутреннимъ блескомъ сокровеннымъ?

И Шелли, который неизмѣримо интереснѣе какъ личность, нежели Байронъ, и гораздо плодотворнѣе и своеобразнѣе его какъ поэтъ, въ концѣ концовъ, легко было быть Шелли. Вся обстановка его жизни, всѣ историческія и личныя обстоятельства ея клонились къ тому, чтобы закрѣпить его духовный ликъ въ тѣхъ чертахъ, которыя были ему дарованы Судьбой, а не исказить ихъ. Красивый цвѣтокъ, который часто смотритъ печально,

но въ красивомъ саду онъ растетъ, и если часто онъ обрызганъ росой, какъ слезами, онъ отъ этого только еще живѣй и еще красивѣй. И Шелли была дана Судьбой радость, не только не нуждаться самому—бера его жизнь въ цѣломъ—но и имѣть возможность бросать золотые кружочки золотыхъ возможностей своимъ друзьямъ и любимымъ. И Шелли могъ пѣть свои пѣсни жаворонка, могъ создавать волшебный садъ для своей Царевны Мимозы, не думая ни о чемъ, кромѣ поэтической улады, и, написавъ одно изъ своихъ несравненныхъ видѣній, въ которыхъ звѣзды цѣлуются съ цвѣтами и вѣтры поютъ убѣдительно, онъ не долженъ былъ, роняя розы въ грязь, мучительно размышлять о необходимости продать свое сновидѣніе. Жизнь Шелли волшебная греза исполненная и великой жертвы, но жертвы, внесенной въ тотъ свѣтлый воздухъ, гдѣ рождаются сияющіе вѣнцы. Землѣ съ ея кровью и грязью, съ ея сумасшедшимъ опьяненіемъ жестокостью и жесткостью, нужны еще и другія жертвы, смущающія своимъ ликомъ и возбуждающія въ душѣ не только глубокое сочувствіе, но, быть можетъ, и оставляющія въ ней скорбное недоумѣніе.

Несмотря на огромное количество чисто-журнальной работы, выполненной Эдгаромъ По въ его короткую жизнь, и несмотря на общее утверженіе лицъ, имѣвшихъ съ нимъ дѣло, что онъ былъ работникомъ необычайно честнымъ и прилежнымъ, несмотря на успѣхъ, который онъ создавалъ своимъ сотрудничествомъ разнымъ журналамъ, отдавая имъ свой гений, свой умъ, свою рачительность, свою великую любовь къ слову, онъ всю жизнь прожилъ въ скудной обстановкѣ, часто былъ въ бѣдности, нерѣдко былъ въ такой бѣдности, которая уже становилась нищетой. Время отъ времени, кромѣ того, на него находило злое навожденіе, обусловленное причинами сложными, и, въ концѣ концовъ, лежавшими внѣ его контроля. Но съ начала до конца, за всю свою

жизнь, среди всѣхъ своихъ испытаній, онъ остался самимъ собой, онъ не принизилъ своего генія, а вознесъ его въ неземной его отъединенности, и во всемъ своемъ творествѣ, достойномъ быть такъ названнымъ, лучезарно сохранилъ свое божеское я, озаренное высокими свѣтильниками, чьи имена Любовь, Смерть, Искушеніе, и Ужась.

Благодаря Кеннеди и благодаря собственному своему дарованію, Эдгаръ По пристроился при „Southern Literary Messenger“, „Южномъ Литературномъ Вѣстникѣ“, который издавался Томасомъ Уайтомъ въ Ричмондѣ. Въ 1834-мъ и 1835-мъ году у Эдгара По уже были написаны такія поэмы, какъ „Къ одной изъ тѣхъ, которыя въ раю“ и „Колизей“, и такіе рассказы какъ „Береника“, „Свиданіе“, „Морелла“, „Гансъ Пфоолль“, „Король Чума“, „Метценгерштейнъ“ и, „Тѣнь“. Но съ прискорбіемъ мы можемъ видѣть, что, кромѣ поименованныхъ вещей, написанныхъ и частью напечатанныхъ за этотъ періодъ, въ 1835-мъ году Эдгаръ По напечаталъ ни много ни мало какъ *сорокъ* еще другихъ рассказовъ и журнальныхъ статей. Конечно, можно находить чрезвычайно вѣрнымъ замѣчаніе Англійскаго писателя Мерэдита, что работать можно неограниченное число часовъ, и что умъ устаетъ только тогда, когда онъ отдыхаетъ, но нѣтъ ли глубокаго умственнаго и душевнаго переутомленія въ такомъ письмѣ Эдгара По, написанномъ имъ къ Кеннеди:

Ричмондъ, Сентября 11-го 1835.

«Дорогой Сэръ,—я получилъ вчера письмо отъ Доктора Миллера, въ которомъ онъ говорить мнѣ, что вы въ городѣ. Я спѣшу поэтому написать вамъ,—и выразить письменно то, что я всегда находилъ невозможнымъ выразить устно—мое глубокое чувство благодарности за вашу частую и дѣйствительную помощь и доброту. Благодаря вашему вліянію, Мистеръ Уайтъ пригласилъ меня помогать ему въ издательскихъ обязанностяхъ касательно журнала—съ жалованьемъ 520 долларовъ въ годъ. Положеніе это пріятно для меня по многимъ причинамъ—но увъ! какъ кажется, ничто не мо-

жетъ мнѣ доставить радости — или, хотя-бы, малѣйшаго удовольствія. Простите меня, если въ этомъ письмѣ вы найдете много безсвязнаго. Чувства мои въ данную минуту, по-истинѣ, въ жалостномъ состояннн. Я испытываю такую угнетенность духа, какой я никогда раньше не чувствовалъ. Я напрасно боролся противъ влннн этой меланхолн — *вы повѣрите мнѣ*, когда я вамъ скажу, что я все еще чувствую себя жалкимъ, несмотря на значительное улучшенн моихъ обстоятельствъ. Я говорю, что вы повѣрите мнѣ, и это по той простой причинѣ, что человекъ, который пишетъ, чтобы оказать *впечатлннн*, тотъ не пишетъ такъ. Сердце мое открыто передъ вами — если оно достойно чтенн, читайте его. Я несчастенъ, и я не знаю почему. Утѣшите меня — потому что вы можете. Но сдѣлайте это скоро — или будетъ слишкомъ поздно. Напишите мнѣ тотчасъ. Убѣдите меня, что это достойно, что это необходимо — жить, и вы явите себя дѣйствительно моимъ другомъ. Убѣдите меня дѣлать то, что нужно. Я не понимаю подъ этимъ — я не разумѣю, что вы могли-бы считать то, что я пишу вамъ сейчасъ, шуткой — о, пожалѣйте меня! ибо я чувствую, что мои слова безсвязны — но я овладѣю собою. Вы не сможете не замѣтить, что у меня такая угнетенность духа, которая погубитъ меня, если она будетъ долго продолжаться. Напишите-же мнѣ, и скоро. Побудите меня дѣлать то, что нужно. Ваши слова будутъ имѣть болѣе вѣса для меня, чѣмъ слова другихъ — потому что вы были моимъ другомъ, когда никто другой не былъ имъ. Не обманите ожиданнн, — если вы цѣните спокойствнн вннего духа потомъ.»

Нѣсколькнхъ строкъ изъ отвѣта Кеннеди Эдгару По, — писателя и человекъ способнаго на художественную чуткость и на добрый порывъ сердца, одного изъ немногнхъ дѣйственно благнхъ, встрѣченнхъ Эдгаромъ. По на жизненномъ пути, — можетъ быть совершенно довольно, чтобы отгнннть степень духовнаго одиночества Эдгара По среди его современнковъ, и разнцу уровня его души и современнхъ ему душъ. Кеннеди пишетъ: —

«Мой дорогой По, — мнѣ горестно видѣть васъ въ такомъ тягостномъ состояннн, на которое указываетъ ваше письмо. — Это странно, что какъ разъ въ то время, когда всѣ хвалятъ васъ, и когда Судьба начала улыбаться на обстоятельства вашей жизни, доселѣ злополучныя, вы можете быть захвачены этой преподлѣйшей хандрой. — Это, однако, свойственно вашему возрасту и вашему темпераменту испытывать такня потрясенн, — но будьте увѣрены, нужно лишь

немного рѣшимости, чтобы овладѣть противникомъ навсегда. — Вставайте рано, живите благородно, заводите знакомства, которыя васъ будутъ развлекать, и я не сомнѣваюсь, что вы пошлете къ Чорту всѣ эти сердечныя предчувствія. — Вы, безъ сомнѣнія, будете успѣвать отнынѣ въ литературѣ и будете умножать вашу *комфортъ* такъ же, какъ укрѣплять вашу репутацію, которая вездѣ дѣлается болѣе прочной въ общественномъ уваженіи, о чемъ я съ истинной радостью сообщаю вамъ. Не могли-бы вы писать какіе-нибудь фарсы въ манерѣ Французскихъ Водевилей? Если вы можете—(а я думаю, что вы можете —) вы отлично могли бы пустить ихъ въ оборотъ, продавая театральнымъ антрепренерамъ въ Нью-Йоркѣ. — Мнѣ хочется, чтобы вы направили ваши мысли соотвѣтственно этому указанію».

Буки-азъ, буки-азъ. Страшно жить среди такихъ людей. Еще страшнѣе думать, что это чистосердечныя слова неглупаго человѣка, продиктованныя настоящимъ желаніемъ дать добрый совѣтъ *молодому писателю*.

Эдгаръ По отдавалъ почти всѣ свои силы „Южному Литературному Вѣстнику“ съ 1835-го года до 1838-го, но уже къ Январю 1837-го года, онъ долженъ былъ сложить съ себя редакторскія обязанности и искать иныхъ жизненныхъ возможностей. Журналъ же за двѣнадцатимѣсячный срокъ египетскаго труженичества Эдгара По, отъ 700 подписчиковъ дошелъ до 5.000. Въ чисто дѣловомъ отношеніи, можно сказать, что кровь и мозгъ не роскошествующаго генія удачно превращались въ золотыя монеты, находившія гостепріимный пріютъ въ издательской копилкѣ. Теперь, до самой смерти въ жизни Эдгара По будетъ мелькать панорама различныхъ городовъ. Балтимора, Чарльстонъ, Нью-Йоркъ, Бостонъ, Ричмондъ, Вашингтонъ, Норфолькъ, Ричмондъ — это былъ пестрый узоръ въ краткой жизни его матери, Элизабетъ Арнольдъ. Балтимора, Ричмондъ, Бостонъ, Нью-Йоркъ, Филадельфія, — Филадельфія, Нью-Йоркъ, Ричмондъ, Балтимора — подобный-же узоръ, фатальная астрологія, въ жизни Эдгара По.

Но отнынѣ уже не одинъ будетъ проходить свою дорогу этотъ поэтъ кометной судьбы. Въ жизни его возникла Долина Многоцвѣтныхъ Травъ. Въ неправдоподобности своей, и въ странной, волнующей, почти страшной, красотѣ, страшной, ибо дѣйствительной, и столь необычной, возникла любовь между полудѣвочкой Виргиніей, двоюродной сестрой Эдгара, единственной дочерью сестры его отца, Мистрисъ Клеммъ, — и Эдгаромъ По, который на тринадцать лѣтъ былъ старше своей двоюродной сестры. Онъ видѣлъ ее еще ребенкомъ, когда посѣтилъ Балтимору, завершивъ свое кадетство, — когда-же между ними возникла любовь, ей, родившейся 13-го Августа*) 1822-го года, было всего двѣнадцать-тринадцать лѣтъ. Они рѣшили обвѣнчаться. Троюродный братъ, Нэйльсонъ По, узнавъ объ этомъ, возсталъ на таковое рѣшеніе, и предложилъ Мистрисъ Клеммъ отдать ему на воспитаніе Виргинію до того, когда она вступитъ въ возрастъ, подходящий для замужества. Противъ этого ревностно возсталъ Эдгаръ По, не менѣе рьяно возмутилось сердце дѣвочки, и мать согласилась на ихъ бракъ. По свидѣтельству Вилльяма Гилля, они негласно обвѣнчались въ Балтиморѣ, но годъ Эдгаръ былъ въ разлучности со своей женой-ребенкомъ, а въ 1836-мъ году они формально обвѣнчались въ Ричмондѣ 16-го Мая. Въ вѣнчальномъ документѣ ошибочно или облыжно сказано, что Виргиніи Клеммъ полностью двадцать одинъ годъ. Быть можетъ, это какая-нибудь своеобразная Американская формула, равносильная слову *совершеннолѣтняя?*

Греза смѣшалась съ дѣйствительностью, и въ жизни Эдгара По была истинная Элеонора-Морэлла-Лигейя. И если не она его, а онъ ее училъ, воспитывалъ, и передалъ ей свои знанія, тогда какъ Лигейя и Морэлла учатъ возлюбленного своего, — что можно намъ знать о двухъ любившихъ,

*) Гаррисонъ даетъ дату 22-го Августа, Ингрэмъ даетъ 13-ое.

скрытно любившихъ, и вмѣстѣ бывшихъ? Красивая, живая, нѣжно любящая, и страстно влюбленная, большеглазая дѣвочка-женщина, которой Судьба предназначила въ двадцать пять лѣтъ умереть отъ чахотки, съ лицомъ, напоминающимъ созданія Бёрнъ-Джонса и Данте Россетти, Виргинія слишкомъ совпадала со всѣми основными духовными чертами Эдгара По, чтобы не входить глубоко въ его душу, и не возбуждать въ немъ тѣ сложныя мысли, и тѣ изысканно-рѣдкія настроенія, которыя проходятъ передъ нами на озаренныхъ страницахъ его сказокъ, поэмъ, и философскихъ діалоговъ.

Разставшись съ редакторскимъ мѣстомъ въ „Южномъ Литературномъ Вѣстникѣ“, Эдгаръ По, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, очутился въ Нью-Йоркѣ и поселился на Saginaw Street, въ домѣ подъ номеромъ 113½. Жалостная деревянная лачуга, въ преизбыткѣ дававшая мѣсто не только Эдгару По и Виргиніи съ ея матерью, но и тремъ-четыремъ нахлѣбникамъ, которыхъ Мистрисъ Клеммъ взяла, дабы сколько-нибудь поправить хозяйственныя дѣла. Одинъ изъ нихъ, Вилльямъ Гоуэнсъ, впоследствии богатый и эксцентричный книгопродавецъ, оставилъ въ своихъ воспоминаніяхъ цѣнное свидѣтельство: «Въ теченіи восьми мѣсяцевъ, или болѣе „въ одномъ домѣ мы были, одинъ столъ насъ кормилъ“. Въ теченіи этого времени, я много видалъ Эдгара По и имѣлъ случай часто соприкасаться съ нимъ, и я долженъ сказать, что я никогда не видалъ его хотя-бы подѣ малѣйшимъ впечатлѣніемъ напитка, или снисходящимъ до какого-либо вѣдомаго порока. Это былъ одинъ изъ самыхъ вѣжливыхъ, джентльменскихъ, и умныхъ, собесѣдниковъ, какихъ я встрѣчалъ въ теченіи моихъ путешествій и остановокъ въ различныхъ частяхъ земного шара; кромѣ того, у него было добавочное побужденіе быть благимъ человѣкомъ, какъ и хорошимъ супругомъ, ибо у него была жена несравненной красоты и очарованія; глаза ея могли-бы со-

перничать съ глазами какой-нибудь гуріи, а лицо ея могло-бы бросить вызовъ генію какого-нибудь Кановы; характеръ и настроеніе чрезвычайной нѣжности; кромѣ того, она, повидимому, столь же была предана ему и каждому его интересу, какъ юная мать своему первенцу... У Эдгара По была замѣчательно пріятная и предрасполагающая наружность, то, что женщины рѣшительно называли-бы—*красивый*». — „Она была превосходной лингвисткой и отличной музыкантшей, и она была *такой-такой красивой*“, вспоминаетъ о Виргиніи ея мать. „Какъ часто Эдди говорилъ: никого нѣтъ такой красивой, какъ нѣжная моя маленькая жена. Эдди былъ домосѣдомъ по всѣмъ своимъ привычкамъ, онъ рѣдко выходилъ изъ дому на какой-нибудь часъ, безъ того, чтобы съ нимъ не была его любимица Виргинія, или я. Онъ былъ, поистинѣ, исполненный нѣжныхъ чувствъ добрый супругъ, и преданный сынъ по отношенію ко мнѣ. Онъ былъ исполненъ порывовъ, великодушный, привязчивый, и благородный. Вкусы его были очень простыя, а восхищеніе его всѣмъ, что было благимъ и красивымъ, очень было большимъ... Мы трое жили только другъ для друга“.

Гаррисонъ, приводя автобіографическія слова Эдгара По изъ „Элеоноры“ и „Береники“, говоритъ: „Здѣсь По рисуетъ свой собственный силуэтъ изъ облачной страны памяти и самоанализа: сновидецъ, поэтъ, безумный, монотоніакъ, если вы хотите, страстно преданный мечтательности, столь-же страстно, какъ Индусъ закрѣпляетъ на всю свою жизнь свой взглядъ на мистическомъ лотосѣ, неизреченномъ цвѣткѣ, который возноситъ свою чашу надъ грязнымъ иломъ Жизни; пламенный любовникъ, послѣдній древней расы. лихорадочно влюбленный въ Красивое, одинокій, затопленный поэтическими видѣніями, чье око для Невѣдомаго почти небесно ясно, между тѣмъ какъ каждый шагъ въ текущей Дѣйствительности—преткновеніе“.

Мысль Эдгара По уходила далеко, ей грезился Полюсъ, ей грезились грани, предѣльное во всемъ, и отсюда—соприкосновеніе съ Запредѣльнымъ. Онъ пишетъ „Повѣствованіе Артура Гордона Пима“, гдѣ картины смерти, ужаса, рѣзни, отъединеннаго сосредоточенія всѣхъ настроеній впечатлительнаго человѣка, странствующаго по невѣдомымъ Южнымъ морямъ, написаны съ той четкостью и силой, которыхъ можно искать у Де-Фо, съ тѣмъ чисто-Англійскимъ даромъ достигать правдоподобія въ неправдоподобномъ и неизбѣжнаго въ невозможномъ, съ тѣмъ умѣніемъ обращаться запросто съ Ужасомъ, которые понятны лишь постояннымъ путникамъ морей, умѣющимъ быстро и увѣренно ходить по палубѣ корабля, опрокидывающагося на бокъ, но имѣющимъ на сушѣ, быть можетъ, странную походку. Птица Южныхъ морей—Альбатросъ.

Изданное въ 1838-мъ году въ Нью-Йоркѣ, „Повѣствованіе Артура Гордона Пима“ мало имѣло успѣха въ Америкѣ, въ Англійи-же оно имѣло успѣхъ большой и было перепечатано, Англичане приняли эту повѣсть за фактическое описаніе дѣйствительнаго путешествія.

Въ 1838-мъ году, въ концѣ года, Эдгаръ По переселился со своею семьей въ Филадельфію, и пробылъ, въ этой литературной столицѣ тогдашней Америки до 1844-го года. По видимости, тамъ легче было найти возможность обезпечиться правильнымъ литературнымъ заработкомъ.

Мистеръ Александъръ, издатель „Gentleman's Magazine“, „Джентльмэнскаго Журнала“, и основатель Филадельфійской „Saturday Evening Post“, „Субботней Вечерней Почты“, годъ спустя послѣ смерти Эдгара По, писалъ о немъ, вспоминая о знакомствѣ въ связи съ журнальными отношеніями: «Я имѣлъ долгое и близкое соприкосновеніе съ нимъ, и съ радостью пользуюсь случаемъ засвидѣтельствовать о единообразной мягкости его нрава и

сердечной добротѣ, которыя отличали Мистера По за все наше знакомство. При всѣхъ своихъ недостаткахъ, онъ былъ джентльмэнъ, чего не можетъ быть сказано о нѣкоторыхъ изъ тѣхъ, кто предпринялъ неизящную задачу чернить имя Эдгара По, „драгоценную жемчужину его души“. Что у Мистера По были недостатки, наносившіе серьезный ущербъ его собственнымъ интересамъ, никто, конечно, не будетъ отрицать. Они были, къ сожалѣнію, слишкомъ хорошо извѣстны въ литературныхъ кругахъ Филадельфіи, если даже и было какое-нибудь желаніе скрывать ихъ. Но онъ одинъ былъ тутъ лицомъ страдательнымъ, а не тѣ, кто извлекалъ выгоду изъ его высокихъ, выдающихся талантовъ». Другой современникъ, Клэркъ, такъ рисуетъ семейную жизнь Эдгара По тѣхъ дней: «Ихъ маленькій садъ лѣтомъ, и домъ ихъ зимой, тонули въ роскошныхъ виноградныхъ лозахъ и другихъ вьющихся растеніяхъ, и были щедро разукрашены изысканными цвѣтами, по выбору поэта. Эдгаръ По былъ образцомъ общежительнаго и домашняго достоинства. Это было для насъ счастьемъ соучаствовать въ томъ или иномъ возникшемъ наслажденіи красотою цвѣтовъ и наблюдать восторженность, съ которой эта, связанная истинно взаимнымъ чувствомъ, чета являла свои цвѣточные вкусы. Мы привыкли также пользоваться здѣсь гостепріимствомъ, которое всегда дѣлало домъ Эдгара По домомъ его друзей. Передъ нами встаютъ нѣкоторые отдѣльные случаи изъ этого, радостно вспоминаемаго, знакомства, добрыя отношенія между женщинами нашихъ семей, въ особенности въ часы болѣзни, которые превратили, въ большой степени, жизнь Виргиніи въ источникъ мучительной заботы для всѣхъ, кто имѣлъ радость знать ее и быть свидѣтелемъ постепеннаго угасанія ея хрупкаго тѣла. Но она была изысканною картиной страдающей очаровательности, всегда храня на красивомъ своемъ лицѣ улыбку резигнаціи и всегда встрѣчая своихъ друзей ласковымъ привѣтливимъ взглядомъ. Эдгаръ По

преданно любилъ ее, и ни превратности судьбы, ни даже тотъ демонъ, который наводдалъ его въ роковомъ кубкѣ, не могли исказить или уменьшить эту привязанность, и несмотря на то, что она была очень напряженная, отвѣтная привязанность была столь-же сильна и столь-же неистребима въ душѣ его Аннабель-Ли, его нѣжной жизненной спутницы, чувство которой такъ трогательно и печально закрѣплено въ словахъ поэмы:

Я любилъ, былъ любимъ, мы любили вдвоемъ,
Только этимъ мы жить и могли.

„Были оба дѣтьми“, „она была дитя“, говоритъ поэма; и, въ дѣйствительности, самъ По былъ мало чѣмъ инымъ въ повседневныхъ переплетенностяхъ и отвѣтственности жизни. Когда, разрушивъ чару своего простого фейнаго домика, они покинули Филадельфію для Нью-Йорка, мы получили въ подарокъ нѣкоторые изъ любимыхъ ихъ цвѣтовъ, и, въ сохранности, они остаются доселѣ въ нашемъ домѣ, какъ память тѣхъ счастливыхъ дней съ Эдгаромъ и Виргиніей».

Нить изложенія уже нѣсколько разъ соприкоснулась вскользь съ однимъ мучительнымъ и чрезвычайно важнымъ обстоятельствомъ въ жизни Эдгара По. Временами онъ былъ одержимъ. Черезъ нѣкоторые промежутки времени, разной длительности, онъ переживалъ неустрашимый приступъ нѣкоего наводженія. Имя этого наводженія—Алкоголь. Многіе люди прикасаются къ вину, пьютъ вино не только иногда, при томъ или иномъ случаѣ, но и каждый день и по нѣсколько разъ въ день, не испытывая отъ этого никакого видимаго ущерба, и не возбуждая этимъ ничьихъ нареканій. Но есть также чрезмѣрно тонкія сочетанія впечатлительности и нервной раздражительности. Есть натуры, которыя не выносятъ прикосновенія къ вину, въ то же время испытывая къ нему, временами, неудержимое, или очень трудно удер-

жимое, влеченіе,—двойственное отношеніе человѣческой души къ пропасти, когда человѣкъ стоитъ на срывѣ. Знаешь, что убьешься или разобьешься, и все таки срывъ тянетъ, притягиваетъ, втягиваетъ. Все злополучіе тѣхъ людей, которые переживаютъ эти исключительныя состоянія навождаемости, заключается въ томъ, что они сами обыкновенно не подозрѣваютъ пришествія роковой минуты, подкрадывающейся всегда—несмотря ни на какую повторность—въ первый разъ и совершенно неожиданно. И если даже для человѣка съ заурядной воспріимчивостью къ вину возможно въ однихъ случаяхъ совершенно безнаказанно, не теряя своего разума и воли, осуществить весьма длительный и многочасовой кутежъ, въ другихъ же случаяхъ даже незначительное количество вина вызываетъ у него полную утрату душевнаго равновѣсія,—для натуръ съ впечатлительностью къ вину болѣзненнойю вовсе нельзя безнаказанно приближаться къ нему, и одного стакана достаточно, чтобы вызвать полубезумное состояніе. Иногда такое полубезумное состояніе совершенно не видно постороннему человѣку, ибо въ такомъ настроеніи есть своя строгая систематика. Лишь близкіе, друзья, хорошо знающіе даннаго человѣка, видятъ по разнымъ неувимостямъ, по малой приподнятости бровей, или по какому-нибудь еле замѣтному систематическому и непривычному движенію, что воля претерпѣла потрясеніе, и въ личности на время возникла другая личность. Частичныя условія—та или иная степень, и тотъ или иной родъ предварительной душевной и умственной утомленности, присутствіе неприятнаго человѣка, наличность огорченія или заботы, отсутствіе любящаго близкаго, который незамѣтно, во-время, сумѣетъ сказать какое-нибудь, быть можетъ, самое незначительное, но въ данную минуту безусловно необходимое, слово, сдѣлаетъ самое на видъ пустяжное движеніе, и этимъ, однако, предупредить движеніе душевной лавины—играютъ роль

винтовъ, блоковъ, и рычаговъ, и маховыхъ колесъ—и одинъ неуловимый атомъ можетъ уберечь человѣка отъ искаженія, униженія, и, быть можетъ, уродства, и, быть можетъ, смерти, давъ ему лишь художественное ощущение, что вотъ близко прошла стороною гроза—и одинъ атомъ можетъ вызвать движеніе сложнаго сцѣпленія причинъ, унося внизъ и вкось по наклону, съ послѣдствіями неисчислимыми.

Я сказалъ искаженіе и униженіе. Не только это. Не забудемъ, что вино есть и путь познанія. При извѣстномъ сочетаніи обстоятельствъ и при наличности извѣстныхъ душевныхъ данныхъ, вино мгновенно распахиваетъ въ душѣ двери въ тайныя горницы, создаетъ въ ней глубокіе просвѣты, рождаетъ огненные изломы, которые, своими рѣзкими поворотами, даютъ возможность взглянуть на предметъ, будто-бы давно намъ извѣстный, съ совершенно новой точки зрѣнія, заставляютъ меня съ секундною быстротой ощутить первичную радость жизни,— зрѣніе обостряется, глазъ видитъ линіи и краски, которыхъ онъ передъ этимъ не замѣчалъ, вокругъ заурядныхъ предметовъ вырастаетъ тонкій золотистый ореоль, предметы превращаются какъ бы въ одушевленные живыя существа и дѣлаются увѣнчанными, слухъ слышитъ звукъ по иному, и для него возникаютъ новые звуки, а обычная грубость тѣхъ или иныхъ голосовъ одухотворяется, опрокидываясь въ идеальность, и дѣлаясь какъ бы подвижнымъ веществомъ творчества, подобно тому какъ на глину, изъ которой мы лѣпимъ, мы не можемъ въ ваяніи смотрѣть какъ на грязную землю. Греки говорили, что съ виномъ въ человѣка входитъ духъ вещей. Это одно изъ самыхъ тонкихъ опредѣлений дѣйствія вина на чловѣческую душу. Такія или подобныя состоянія, хоть разъ, или нѣсколько разъ, испытывалъ, конечно, каждый, и самый заурядный, человѣкъ, которому случалось опьяняться, но заурядный человѣкъ, не имѣя въ себѣ Божескаго

дара, не можетъ связывать этихъ просвѣтовъ съ нѣкоторымъ внѣсознательнымъ творческимъ процессомъ, и, обычно, очень быстро забываетъ объ этихъ зарничныхъ мигахъ совершенно. Художникъ не забываетъ никакихъ своихъ переживаній, и, извлекая, даже помимо своей воли, творческой опытъ рѣшительно изъ всего, не можетъ, конечно, не извлекать творческаго опыта и изъ такихъ состояній,—что, однако, не даетъ намъ никакого логическаго права говорить, будто онъ дѣлаетъ стихи изъ вина. Надо также помнить, что отвлеченныя разсужденія о чемъ-нибудь суть одно, а осуществленіе чего-нибудь въ соприкосновеніи съ дѣйствительностью весьма способно видоизмѣняться, уклоняясь отъ кажущейся неизбѣжности и какъ-бы предначертанности, и впадая въ предначертанность иную, опредѣлить которую мы безсильны. Есть нѣкоторыя вещи, которыя мѣняются не только отъ прикосновенія къ нимъ повседневности, но и отъ простаго прикосновенія къ нимъ словъ. Есть вещи, о которыхъ совсѣмъ не надо говорить, или надо говорить магически, ибо, возникая въ выявленности словъ, они мгновенно перерождаются въ самой своей сущности. Есть морскія дѣвы, живущія далеко отъ людскаго, и если людская рука схватитъ сирену и повлечетъ ее на берегъ, человѣкъ не увидитъ красавицы, а увидитъ лишь скользкое чудо—морскую медузу.

Быть можетъ, вовсе не нужно было бы говорить о томъ, что Эдгаръ По иногда наводдался виномъ, если бы объ этомъ уже не говорили многіе и не сказали столько лжей. Я устраняю изъ своего разсужденія всякій разговоръ о нравственной оцѣнкѣ явленія, — если художникъ даже дѣлаетъ надъ собою сознательные опыты. Неужели, когда я пишу картину, нужно много разговаривать о томъ, что у меня руки запачкались краской! Въ данномъ-же случаѣ, сознательныхъ опытовъ и не было, а бывали лишь приступы навожденія, съ которыми самъ навождаемый

боролся и испытывалъ великую душевную боль, отъ того, что духъ навождающій оказывался иногда сильнѣе его противоборствующей воли.

Нѣкоторые свидѣтельства современниковъ и біографовъ стоить повторить.

Прежде всего, раньше словъ людей постороннихъ, чрезвычайно означительны, хотя изъяснительны лишь отчасти, слова самого Эдгара По, написанныя имъ, въ отвѣтъ кому-то, 4-го Января 1848-го года, приблизительно черезъ годъ послѣ смерти Виргиніи: «Вы говорите, „можете-ли вы *намекнуть* мнѣ, какое это было „страшное злополучіе“, которое вызвало „неправильности, столь глубоко оплакиваемыя“? Да, я могу сдѣлать болѣе, чѣмъ намекнуть. Это „злополучіе“ было самымъ большимъ, какое только можетъ постичь человѣка. Шесть лѣтъ тому назадъ, у жены, которую я любилъ, какъ никакой человѣкъ никогда не любилъ до того, порвался кровеносный сосудъ, когда она пѣла. Въ жизни ея отчаялись. Я простился съ нею навсегда и пережилъ всѣ агоніи ея смерти. Она поправилась отчасти, и я снова надѣялся. Въ концѣ года кровеносный сосудъ опять порвался. Я пережилъ въ точности ту же самую картину... Потомъ опять — опять — и даже еще разъ опять, въ различные промежутки времени. Каждый разъ я чувствовалъ всѣ предсмертныя ея пытки — и при каждомъ усиленіи недуга я любилъ ее еще болѣе горячо, и уцѣплялся за ея жизнь съ еще болѣе безнадежнымъ упрямствомъ. Но по тѣлеснымъ свойствамъ своимъ я впечатлителенъ — нервенъ въ весьма необыкновенной степени. Я сдѣлался безумнымъ, съ долгими промежутками ужасающаго здравомыслія. Во время этихъ припадковъ абсолютной безсознательности, я пилъ — одинъ Богъ знаетъ, какъ часто, и сколько именно. Какъ оно и полагается, мои враги приписали безуміе напитокку, болѣе чѣмъ самый фактъ питія безумію. Поистинѣ, я уже почти оставилъ всякую надежду на прочное из-

леченіе, когда я нашелъ нѣкоторое излеченіе въ *смерти* моей жены. Эту смерть я могу вынести и выношу, какъ приличествуетъ человѣку. Чего я *не* могъ бы больше выносить безъ полной потери разума, это ужаснаго, никогда не кончающагося, колебанія между надеждой и отчаяніемъ. И въ смерти того, что было моей жизнью, я получилъ новое—но, о, Боже!—какое печальное существованіе».

Уиллисъ говоритъ: „Мы слышали отъ одного чловека, знавшаго его (Эдгара По) хорошо, что отъ одного стакана вина все его существо внутренно было опрокинуто; демонъ дѣлался верховенствующимъ, и, хотя никакихъ внѣшнихъ знаковъ опьяненія не было видимо, воля его ошутительно дѣлалась безумной“. Лэтто говоритъ: „Каковы бы ни были его отпаденія, что бы онъ самъ о себѣ ни говорилъ (Бёрнсъ былъ равно неостороженъ и равно говорилъ въ своихъ заблужденіяхъ), Американскій поэтъ обычнымъ испивателемъ вина не былъ никогда; и однако же, это обвиненіе возникало опять и опять“. Гилль говоритъ: „Его излишества были немногочисленны, и между ними большіе промежутки времени, они или являлись слѣдствіемъ причудъ крайней мозговой угнетенности, или бывали случайнымъ уклоненіемъ отъ его, обычно твердаго, сопротивленія тому, что было для него пагубнымъ гостепріимствомъ“. Какъ говорилъ одинъ, хорошо его знавшій въ Ричмондѣ, джентльмэнъ, „онъ побѣждалъ болѣе искушеній на дню, чѣмъ большинство дѣлаютъ это въ теченіи года“. Гаррисонъ говоритъ: «Нѣтъ, однако, сомнѣній, что По предавался возбужденіямъ черезъ неправильные промежутки времени и подъ давленіемъ сильныхъ искушеній. Чтобы онъ былъ какимъ-нибудь привычнымъ пьяницей или привычнымъ поѣдателемъ опиума, этому противорѣчитъ какъ единогласное свидѣтельство его близкихъ друзей—тѣхъ, которые дѣйствительно его *знали*—такъ и цѣлыя нагромо-

жденія рукописей, исписанныхъ изысканнымъ почеркомъ, рукописей, писавшихся во всѣ часы дня и ночи, при всѣхъ обстоятельствахъ добраго здоровья и недобраго здоровья, поспѣшно или въ спокойствіи, — оставшіеся свидѣтели тѣлеснаго состоянія безусловно противоположнаго состоянію того, кто подверженъ бѣлой горячкѣ. Никакой поѣдатель опиума, никакая обычная жертва спиртныхъ напитковъ, не смогли-бы писать этимъ твердымъ, четкимъ, стойкимъ, восхитительно разборчивымъ, женскимъ почеркомъ. Случай Эдгара По никогда не былъ научно діагностированъ какимъ-нибудь свѣдущимъ неврологомъ, который-бы обладалъ патологическимъ и литературнымъ матеріаломъ и свободою отъ предубѣжденія, необходимыми, чтобы сдѣлать понятнымъ читателямъ этотъ случай — болѣе особенный, чѣмъ „Факты въ дѣлѣ Мистера Вальдемара“. Самъ По наиболѣе близко подходитъ къ нему въ своей страшной сказкѣ „Гопъ-Фрогъ“ гдѣ онъ описываетъ — не можешь не подумать, что автобіографически — страшное дѣйствіе одного отдѣльнаго стакана вина на уродливаго калѣку. Его мозгъ всегда былъ въ горячкѣ, нѣкій вулканъ въ немъ бѣшенствовалъ внутренними пламенями, и горѣлъ расплавленной лавой нервной раздражительности: прибавить одну отдѣльную каплю внѣшняго возбuditеля, это значило заставить ее перелиться черезъ край, и разрушить или опустошить все, что въ предѣлахъ досягнуенія. Есть темпераменты, которые приходятъ въ міръ опьяненные, какъ „Богомъ пьяный Спиноза“, столь полные до краевъ духовнымъ огнемъ, что нѣтъ болѣе мѣста ни для чего другого. Такіе темпераменты опасно сочетаются съ истеріей и безуміемъ, но нужно только глянуть въ литературныя лѣтописи земного шара, чтобы тотчасъ-же найти тамъ разныхъ Сафо, Лукановъ, Тассо, Паскалей, Бѣрнсовъ, Хэльдериновъ, Коллинзовъ. Что По сохранялъ до конца безусловное умственное здравіе и увеличивалъ возвы-

шенную разумность и совершенство своего стиля до самых Вратъ Смерти, это историческій фактъ, весьма вразумительный и для литературнаго историка, и для патолога».

Между 1838-мъ годомъ и 1844-мъ, Эдгаръ По создалъ, или пересоздалъ изъ раньше имъ написанныхъ набросковъ, такія неувядаемыя поэмы и сказки какъ „Молчаніе“, „Заколдованный Замокъ“, „Паденіе дома Эшеръ“, „Человѣкъ Толпы“, „Маска красной Смерти“, „Сердце Изобличитель“, и „Черный Котъ“. 1845-ый годъ есть верховная точка, ибо въ этомъ году появился „Воронъ“, доставившій ему міровую славу и имѣвшій такой успѣхъ у изысканныхъ немногихъ, а одновременно и у большой толпы, какого не имѣло, и, по видимости, не будетъ имѣть никогда, ни одно лирическое стихотвореніе такихъ же размѣровъ. Эдгаръ По, вообще, умѣлъ достигать трудно достижимаго соединенія высокой художественной цѣнности произведенія съ возможностью дѣйствовать на самую разнородную публику. „Журналъ Грээма“, которому Эдгаръ По отдавалъ нѣкоторое время всю полноту своего сотрудничества, съ 5.000 подписчиковъ дошелъ до 37.000. Разсказъ Эдгара По „Золотой Жукъ“, переведенный на всѣ иностранныя языки, на одномъ Англійскомъ языкѣ, вскорѣ послѣ его напечатанія, разошелся въ количествѣ 300.000 экземпляровъ. Но при такомъ успѣхѣ, внутреннемъ и внѣшнемъ, Эдгаръ По не имѣлъ дара извлекать изъ своего творчества достаточнаго количества долларовъ. Ему платили гроши. Кромѣ того,—Эдгаръ По усердно писалъ критическія статьи—наиболѣе слабая область его творчества, ибо слабъ и ничтоженъ самый предметъ критики—Американская словесность,—и именно благодаря этому онъ приобрѣлъ множество враговъ, тѣмъ болѣе обиженныхъ, чѣмъ меньше они имѣли права обижаться на точное засвидѣтельствованіе ихъ литературныхъ размѣровъ и достоинствъ. Гаррисонъ гово-

рить: «Съ опубликованіемъ въ 1840-мъ году Сказокъ „Гротески и Арабески“, Эдгаръ По находился въ обстановкѣ безпримѣрнаго духовнаго богатства, не только по тому, что онъ уже свершилъ, но также и по тому, что онъ общалъ. Ляуэлль, Готорнъ, Мотли, Эмерсонъ, Лонгфелло, Брайантъ, Ирвингъ были его непосредственными современниками и собратьями по искусству: лѣсныя прогалины вокругъ него — тогдашніе журналы — звучали напѣвными мужскими и женскими голосами; литературныя звѣрушки (animalcules), жажущія признанія, кишѣли повсюду и наполняли повременную печать своими пѣсенками. Среди нихъ По вскорѣ сталъ возноситься какъ гигантъ, и даже, величественно себя державшій, Ирвингъ, который долгое время фигурировалъ въ качествѣ верховнаго жреца Американской литературы, призналъ его геній — Ирвингъ, который въ сороковыхъ годахъ былъ для Америки тѣмъ, чѣмъ Гёте былъ для Германіи, и Вольтеръ для Франціи».

Признаніе признаніемъ, но литературныя звѣрушки самая злокачественная раса изъ живущихъ на землѣ, и, всегда ужаленныя собственною безталанностью, они умѣютъ жалить другихъ, талантомъ не обиженныхъ, — заставить страдать уже однимъ своимъ противнымъ прикосновеніемъ. А если ихъ много, и они связаны въ Mutual Adoration Society (Общество Взаимнаго Обожанія)? Gore!

Для живописи Американскихъ литературныхъ нравовъ, сообщу, что одинъ изъ тогдашнихъ литераторовъ, обиженныхъ критическимъ отзывомъ Эдгара По, въ отвѣтъ на литературную критику, печатно заявилъ, что Эдгаръ По не только безпросвѣтный мошенникъ, но и просто-на-просто поддѣльватель векселей. Эдгару По ничего не оставалось, какъ прибѣгнуть къ гласности и поручить Суду выясненіе правдивости или лживости такого обвиненія. Наглець, имени котораго я не дарю чести воз-

никновенія въ Русскихъ буквахъ, послѣ печатнаго опроверженія со стороны Эдгара По, отвѣтилъ вторично наглѣйшимъ выпадамъ. Эдгаръ По прибѣгъ къ Суду, Судъ выяснилъ полную лживость обвиненія, и клеветникъ долженъ былъ уплатить большой штрафъ, а кромѣ того, благоразумно бѣжалъ изъ того Штата, въ которомъ онъ развивалъ таковую литературную дѣятельность. Другой клеветникъ, имя котораго давно пора позабыть совершенно, но который игралъ нѣкую роль въ литературной Америкѣ той эпохи, въ свое время весьма прославился печальною славой, ухитрившись неисповѣдимыми способами помѣстить въ Посмертномъ изданіи произведеній Эдгара По, подъ видомъ біографіи поэта, отвратительный памфлетъ на него, что дало Боллэру возможность не неумѣстно воскликнуть: „Такъ, значитъ, въ Америкѣ не запрещаютъ собакамъ входить на кладбище“. Но не будемъ останавливаться слишкомъ долго на такихъ существованіяхъ, которыя по существу своему призрачны, хотябы они и имѣли временную возможность отравлять жизнь гениальнаго человѣка. Вспомнимъ Дантевское „*Guai da e passa*“, „Взгляни и пройди“, и не будемъ бесплодно скорбѣть, что мухи, безпокоившія создателей Пирамидъ, до сихъ поръ еще не истреблены.

Есть иная боль въ жизни генія, иная жестокая предопредѣленность, и никто не сказалъ объ этомъ лучше, нежели самъ Эдгаръ По. Въ своихъ афористическихъ замѣткахъ, называющихся „Внушеніями“, онъ говоритъ: «То, что люди называютъ „гениемъ“, есть состояніе умственнаго недуга, проистекающаго изъ недолжнаго господствованія какой-либо одной изъ его способностей. Произведенія такого генія никогда не здоровы сами по себѣ, и, въ особенности, они всегда изобличаютъ общую умственную недужность... Что поэты (употребляя это слово всеохватно и включая въ это понятіе художниковъ вообще) суть *genus irritabile, rasa раздражительная*, это

хорошо понятно, но *почему*, этого, повидимому, вообще не вилятъ. Художникъ *есть* художникъ только въ силу его изысканнаго чувства Красоты, чувства, доставляющаго ему восхищенный восторгъ, но въ то-же самое время включающаго въ себя, или подразумевающаго, равно изысканное чувство Безобразія, диспропорціи. Такимъ образомъ зло — несправедливость — сдѣланная поэту, который дѣйствительно *есть* поэтъ, возбуждаетъ его до степени, которая, обычному воспріятію, кажется несоразмѣрной со зломъ. *Никогда* поэты не *видятъ* несправедливости тамъ, гдѣ ея не существуетъ,—но очень часто они видятъ ее тамъ, гдѣ люди не поэтически настроенные вовсе не видятъ никакой несправедливости. Такимъ образомъ, поэтическая раздражительность не имѣетъ никакого отношенія къ „темпераменту“ въ заурядномъ смыслѣ слова, но она просто связана съ болѣе чѣмъ обычнымъ ясновидѣніемъ относительно злого, несправедливаго:—причемъ, это ясновидѣніе *есть* ничто иное, какъ логически сопутствующее обстоятельство, связанное съ живыми воспріятіями надлежащаго — справедливости — соответствія — словомъ *то καλόν* (красивое). Но одно ясно—что человѣкъ, который не „раздражителенъ“ (для обычнаго воспріятія) *не поэтъ*». Еще одинъ отрывокъ изъ замѣтокъ Эдгара По, исполненный глубокаго смысла, таящагося между строкъ: „Мало *есть* людей съ той особенной впечатлительностью, что *есть* корень генія, которые бы, въ ранней своей юности, не растратили много изъ умственной своей энергіи тѣмъ, что *они жили слишкомъ быстро*; и, въ болѣе поздніе годы, приходитъ непобѣдимое желаніе всхлестывать воображеніе до такой точки, какой оно могло-бы достигъ въ обычной, нормальной, или хорошо упорядоченной жизни. Настоячивое стремленіе къ искусственному возбужденію, которое, къ несчастью, отличало слишкомъ многихъ выдающихся людей, можетъ, такимъ образомъ, быть рассматриваемо какъ душевная недохватка, или необхо-

димость—усиліе вновь получить потерянное—борьба души, дабы занять положеніе, которое, при другихъ обстоятельствахъ, ей надлежало-бы“.

Побуждаемый этой чрезмѣрной впечатлительностью къ красотѣ и соразмѣрности, видя живымъ воображеніемъ цѣлое множество связующихъ нитей, которыя естественно тянутся отъ одного художественнаго произведенія къ другому, сочетая единствомъ и какъ-бы заимствованіемъ совершенно независимыя другъ отъ друга художественныя достиженія, Эдгаръ По легко впалъ въ ошибку, которая ставила его въ ложное положеніе и вызвала не одну вражду къ нему: въ своихъ критическихъ отзывахъ онъ, иногда, слишкомъ легко обвинялъ въ плагиатѣ. Часто такія обвиненія были и умѣстны, но они несправедливы были по отношенію къ такому, напримѣръ, выдающемуся поэту какъ Лонгфелло, мало-творческому, но истинно-тонкому. Вѣрны по этому поводу слова Гаррисона: „Если бы По случайно вспомнилъ изъ запасовъ своей обширной и точной начитанности Чосера, который весь сіяетъ и звучитъ воспоминаніями о Данте и Боккаччіо; Шекспира съ Плутархомъ и Кельтійскими повѣствованіями за нимъ; Мильтона, насыщеннаго классическими вкусами; и Тэннисона, любимца его собственнаго сердца, сплошь исполненнаго воспоминаній о Гомерѣ и Виргиліи,—онъ, быть можетъ, не напалъ бы такъ яростно на Лонгфелло, нѣжнѣйшаго и очаровательнѣйшаго изъ хамелеоновой школы поэтовъ, самая сущность которыхъ—окрашиваться тѣмъ, и приобрѣтаетъ выдыханіе того, чѣмъ они питаются. И кто, во всякомъ случаѣ, не предпочтетъ сверкающую шелковую нить кокона первичному тутовому листку, который послужилъ ему веществомъ“. Самъ Эдгаръ По, нѣсколько позднѣе, съ мѣткостью сказалъ, что, какъ доказываетъ всякая Исторія Литературы, самыхъ частыхъ и самыхъ осязательныхъ примѣровъ плагиата мы должны искать въ произведеніяхъ наиболѣе выдающихся поэтовъ.

Однако. Въдь мы какъ чужіе, и съ точки зрѣнія чисто исторической, историко-литературной, можемъ быть справедливы—и къ Лонгфелло, у котораго не слишкомъ громкое, но настоящее имя, и къ любому NN, у котораго имени нѣтъ, не должно быть, и не можетъ быть, если даже у него было громкое имя въ теченіи двадцати четырехъ часовъ, или двадцати четырехъ дней, или даже, быть можетъ, цѣлыхъ двадцати четырехъ лѣтъ. И не въ именахъ, какъ въ именахъ, тутъ дѣло, а въ томъ, что имена суть живыя сущности, литературныя имена суть означенія живыхъ личностей, играющихъ ту или иную опредѣленную дѣйственную роль. Какъ поэтъ среди поэтовъ, какъ писатель среди живущихъ писателей, я могу оборонять свое внутреннее я отъ всякаго вмѣшательства въ мою внутреннюю жизнь спорныхъ шумовъ и гамовъ текущаго дня. Я могу, и быть можетъ, я долженъ, совершенно уклониться отъ выказыванія и высказыванія своего отношенія къ тому или иному литературному Сегодня. Преслѣдовать лишь свою отдѣльную, личную, художественную цѣль. „Schaffe, Künstler, rede nicht“. Твори, художникъ, не говори. Не разговаривай, художникъ, твори и созидай. Эта участь—благая, и, быть можетъ, для художника, наипредпочтительная.

Но, съ другой стороны, если у художника умъ аналитическій, а не только мечтательный? Если обстоятельства его жизни помѣстили его въ самое средоточіе кипящей литературной дѣятельности, и въ неизбѣжность ежедневнаго, внутренняго и внѣшняго, соприкосновенія съ истинными и ложными величинами минуты? Если изъ ста величинъ минуты, девяносто, или всѣ девяносто девять, преувеличены, размѣшены произвольно, до нестерпимости нехудожественно и ложно, если вся эта игра славъ, дѣятельностей, и репутаций, есть игра—краплеными картами, подъ аккомпаниментъ фальшиваго оркестра? И если у меня, въ этой недоброй комнатѣ находящагося, не только анали-

зирующій, четко вилящій, умъ, но и расовая предрасположенность къ борбѣ, къ бою? Сочетаніе условій жестокое. Или нужно тотчасъ-же бѣжать изъ этой недоброй комнаты, имѣть смѣлость показаться трусомъ, и бѣжать, дабы сохранить неприкосновеннымъ свое внутреннее священное я—или, если подлѣ и неуменъ, приспособиться къ обстоятельствамъ — или вступить въ неравный бой и быть побѣжденнымъ.

Эдгаръ По былъ по крови Ирландцемъ. Ирландцы въ большой степени обладаютъ тѣмъ свойствомъ, которое фрэнологи называли *combative*. Въ низшей формѣ, это свойство простая драчливость, человѣкъ есть забіяка; въ высшей это — вѣчное желаніе умственной схватки, битвы съ непосредственными сущностями, каковы суть живые люди, или съ отвлеченными сущностями, каковы суть мыслительныя цѣнности. Иногда, просто желаніе боя какъ боя. Въ Эдгарѣ По временами какъ-бы возникалъ Мексиканскій богъ Тецкатлипока, который назывался *дразнителемъ той и другой стороны*. Подобныя жизненные битвы прекрасны, а иногда и смѣшны, и жалостны, въ силу неизбежнаго Донъ-Кихотства. Но, если на мигъ они даже бываютъ смѣшны, трагедія подходит быстро и необманно. И у Ницше она возникаетъ какъ безуміе, кончающееся сумасшествіемъ, а у Эдгара По, въ заревномъ свѣтѣ, она возникаетъ какъ личная разрушенная жизнь, безуміе, самоубійственная надорванность, и быстрая преждевременная смерть.

Въ 1845-мъ году Эдгаръ По—знаменитый поэтъ „Ворона“, передъ нимъ раскрыты всѣ двери, онъ владѣеть вниманіемъ, онъ приходитъ въ гости въ тотъ или другой домъ, и по его прихоти въ комнатѣ воцаряется полумракъ, передъ тѣмъ какъ онъ начнетъ, магнетическимъ своимъ голосомъ, читать вслухъ бессмертную поэму. У него есть друзья. У него также много враговъ, которые носятъ маску раболѣпной почтительности—и ждутъ своего часа.

Онъ пишетъ одинъ за другимъ критическіе очерки, составившіе нѣкоторое цѣлое, какъ „The Literati of New-York“, галерея портретовъ, нарисованныхъ быстрой увѣренной рукой, не несправедливой и вовсе не унижающей до зарисовки каррикатуръ, но портретовъ, быть можетъ, тѣмъ болѣе жестокихъ, чѣмъ болѣе они вѣрны. Портретныя галереи живыхъ людей могутъ, вообще, раздражать; однихъ, потому что они нарисованы такими, каковы они суть, другихъ, потому что люди имъ непріятные чрезвычайно пріятными изображены, третьихъ, потому что въ галереѣ вовсе нѣтъ никакого ихъ портрета, четвертыхъ, пятыхъ, седьмыхъ, и сотыхъ, по самымъ разнообразнымъ причинамъ. Вообще, подходить слишкомъ близко къ осиному гнѣзду—а литературные круги, любой страны и любой эпохи, должны быть именно такъ наименованы—есть занятіе рискованное. По мѣрѣ того какъ создавались очерки „Нью-Йоркскихъ Литераторовъ“, подготавлилась почва для бойкота сказочника и поэта. Многие журналы, которые ранѣе были-бы гостепріимными для той или иной поэтической страницы, подписанной красивымъ именемъ Эдгара По, превратились для него въ закрытую дверь, въ силу связи съ тѣмъ или инымъ обиденнымъ или обиженнымъ. И когда лѣтомъ 1846-го года, побуждаемый собственной усталостью, и, главнымъ образомъ, быстро усиливавшейся болѣзненностью своей жены Виргиніи, Эдгаръ По поселился въ деревенской обстановкѣ, въ маленькомъ Голландскомъ коттэджѣ, въ Фордгамѣ—въ тѣ дни удлиненноепредмѣстье Нью-Йорка—материальное положеніе Эдгара По сдѣлалось очень затруднительнымъ. Онъ впалъ въ безденежье. Боязнь за жизнь Виргиніи и собственное переутомленіе создали ту тревожность духа, при которой творчество, болѣе или менѣе, немислимо. Чѣмъ настойчивѣе была необходимость зарабатывать, тѣмъ болѣе сокращалась возможность работать. Онъ оказался замкнутымъ въ магическій кругъ, скрѣпы

котораго ковали Забота, Нужда, Вражда, и Одиночество.

Поэтъ „Ворона“ совсѣмъ не походилъ на эту сильную, смѣлую, но въ смѣлости чрезвычайно осторожную, птицу, которая живетъ только въ уединенныхъ горахъ и въ дремучихъ лѣсахъ, и на очень высокихъ зданіяхъ, не посѣщаемыхъ людьми, всегда ставя пространственную преграду между собой и возможнымъ врагомъ. Въ мірѣ крылатыхъ онъ скорѣе напоминаетъ длиннокрылаго альбатроса, котораго онъ любилъ въ юности, и который, какъ извѣстно, умѣетъ легко перелетать моря, и шутя перенесется отъ страны къ странѣ, но ходить по землѣ не умѣетъ вовсе.

Онъ напоминаетъ мнѣ также любимую птицу моего дѣтства, красиваго чернаго бархатнаго стрижа, который быстро и неумоимо летаетъ высоко въ синемъ небѣ, выше самыхъ высокихъ колоколенъ, и съ пронзительной напѣвностью свиститъ въ вечернемъ воздухѣ.

Не такъ давно, въ Бретани, въ Морбиганѣ, гдѣ весною и лѣтомъ такъ красиво цвѣтетъ желтый и синій верескъ, и звучатъ цѣлый долгій день кристаллическіе голоса сотенъ жаворонковъ, я былъ однажды, раннимъ утромъ, разбуженъ въ своей комнатѣ страннымъ, ритмически шуршащимъ и красиво прерывистымъ, звукомъ. Раскрывъ глаза, я увидалъ, что это стрижъ залетѣлъ, черезъ окно, въ мою комнату, а улетѣть не могъ. Онъ метался по верхнимъ угламъ, ударяясь въ потолокъ, и, наконецъ, зацѣпившись лапками за длинную кисейную занавѣску, соскользнулъ на полъ, и когда, вскочивъ съ постели, я подбѣжалъ къ нему, онъ безпомощно ударялъ крыльями объ полъ, дѣлая судорожныя напрасныя усилія приподняться и смотря на меня своими черными, немного испуганными, но больше враждебными, и упрямыми глазами. Я взялъ его въ свою руку, у него сильно билось сердце, и онъ съ силой старался вырваться изъ руки, и

раза два уклонулъ мои пальцы, но вырваться не могъ; лишь черезъ сколько-то секундъ, когда я достаточно налюбовался имъ, я, стоя у окна, разжалъ свои пальцы, и стремительно, ни разу не оглянувшись, какъ бы брошенный впередъ однимъ неукротимымъ порывомъ, онъ улетѣлъ въ утреннее небо.

Я помню еще другого стрижа изъ временъ моего дѣтства въ Русской деревнѣ. У насъ былъ очень большой деревянный домъ, и я любилъ смотрѣть изъ сада, его окружавшаго, какъ, свистя, — и съ свистомъ разрѣзая своими черными крыльями вышній воздухъ, — стрижь съ размаху влеталъ въ свою норку, въ свое гнѣздо, тамъ высоко подъ крышей. Онъ никогда не ошибался въ своемъ полетѣ, и не замедляя этого молниеносно быстрого лета, всегда мѣтко и вѣрно попадалъ въ свою малую норку. Но однажды, на закатѣ солнца, утомился ли онъ необычно долгимъ полетомъ, или почувствовалъ въ норкѣ что-то неладное, что-то, быть можетъ, постороннее, или просто пришла его судьба, но только чуть-чуть онъ ошибся, влетая въ свою норку, и именно въ силу замедленности своего, всегда столь вѣрнаго, полета, онъ ударился о край пути къ гнѣзду, и убился. Онъ былъ еще полуживой, умирающей, весь горячій, и черезъ минуту остывшій, когда я его взялъ въ свою дѣтскую руку. И у него, у этого быстрого чернаго гостя вечерняго голубого воздуха, глаза, еще за мгновенье столь зоркіе, были затянуты блѣдной дымкой.

4. Смерть Любви, любовь къ Любви, Смерть.

Произнося одну изъ своихъ публичныхъ лекцій, имѣвшую, какъ и другія, большой успѣхъ, именно Разсужденіе о Поэтическомъ Принципѣ, Эдгаръ По такъ опредѣляетъ впечатлительность поэта: „Поэтъ признаетъ амброзію, питающую его душу, въ блестящихъ свѣтилахъ,

которыя сіяютъ на небѣ, въ завиткахъ цвѣтка, въ грозобразномъ скопленіи низкихъ кустарниковъ, въ колыханіи нивъ, въ косвенномъ уклонѣ высокихъ Восточныхъ деревьевъ, въ голубыхъ даляхъ горъ, въ группировкѣ облаковъ, въ мерцаніи полусокрытыхъ источниковъ, въ сверканіи серебряныхъ рѣкъ, въ спокойствіи глухихъ озеръ, въ отражающихъ звѣзды глубинахъ уединенныхъ водоемовъ. Онъ воспринимаетъ ее въ пѣніи птицъ, въ Эоловой арфѣ, во вздохахъ ночного вѣтра, въ сѣтующемъ ропотѣ лѣса, въ бурунѣ, бьющемся о берегъ съ жалобой, въ свѣжемъ дыханіи лѣсовъ, въ запахѣ фіалки, въ чувственномъ ароматѣ гіацинта, въ исполненномъ намековъ ароматѣ, который доходитъ до него на вечерней волнѣ съ отдаленныхъ неоткрытыхъ острововъ, черезъ пространство дымныхъ океановъ, безграничныхъ, неизслѣдованныхъ. Онъ владѣетъ ею во всѣхъ благородныхъ мысляхъ, во всѣхъ немірскихъ побужденіяхъ, во всѣхъ священныхъ порывахъ, во всѣхъ рыцарскихъ, великодушныхъ, исполненныхъ жертвы, дѣяніяхъ. Онъ чувствуетъ ее въ красотѣ женщины, въ граціи ея походки, въ блескѣ ея глазъ, въ мелодіи ея голоса, въ ея нѣжномъ смѣхѣ, въ ея вздохѣ, въ гармоническомъ шелестѣ ея платья. Онъ глубоко чувствуетъ ее въ притягательномъ ея очарованіи, въ ея пламенномъ энтузіазмѣ, въ ея нѣжномъ милосердіи, въ ея мягкомъ и благоговѣйномъ терпѣніи; но больше всего, о, безмѣрно больше всего, онъ преклоняется передъ нею, онъ молится ей, въ вѣрѣ, въ чистотѣ, въ силѣ, во всемъ божественномъ величіи ея любви". Возводя радужный мостъ, строя постепенность усиливающихся чувствъ, Эдгаръ По кончаетъ свой нѣжно-страстный симфоническій вскрикъ именемъ Женщины, указаніемъ на Любовь. И если что-нибудь дѣйствительно играло главенствующую роль въ его жизни, особенно въ послѣдніе ея годы, это любовь и жажда любви, ненасытимая любовь къ Любови. Черта

эта сказалась въ исключительной страстной его привязанности къ Виргиніи, что была полюблена какъ полуребенокъ, любима какъ женщина, многократно воспѣта и въ поэмахъ и въ сказкахъ, какъ женщина-призракъ, женщина-духъ. Эта черта сказалась въ безумной любви Эдгара По къ Еленѣ Уитманъ, къ *Еленѣ тысячи сновъ*, въ любви, оставшейся безъ должнаго отзыва, ибо отзывъ запоздалъ, а для Эдгара По—любовь, которая замедлила въ колебаніи, не есть любовь. Эта черта сказалась въ романтической дружбѣ Эдгара По, дружбѣ влюбленной, съ такими женщинами, какъ красивая поэтесса Огудъ, добрый геній—Мистрисъ Шью, и трогательная, въ своемъ чарующемъ простодушіи, Анни. Но любовь, когда ей отдаются, не насыщаетъ душу вулканическую. Чѣмъ больше любишь, тѣмъ больше хочется любить, и сердце сгораешь, перегорѣвшая нить жизни порывается.

Въ сохранившихся письмахъ Эдгара По къ женщинамъ, связаннымъ съ его судьбой, и въ письмахъ этихъ женщинъ, сквозить, при всѣхъ недомолвкахъ, такъ много, такъ много, что они должны быть прочитаны почти безъ изъясненій и какихъ-либо дополненій,—голоса звучать, интонаціи намъ слышны, мы слышимъ и слушаемъ даже тишину, краснорѣчиво наступающую между однимъ возгласомъ и другимъ,— мы угадываемъ выраженіе лицъ и движеніе фигуръ, хотя мы отдѣлены рѣшеткой и садомъ и лунною ночью отъ говорящихъ, что тамъ, вонъ тамъ, въ странномъ ночномъ озаренномъ домѣ.

Фрэнсисъ Локки—красивая дѣвушка. Выдающійся художникъ Огудъ непремѣнно хочетъ написать ея портретъ, и пишетъ, и рассказываетъ ей въ это время о томъ, что съ нимъ бывало въ его путешествіяхъ, и эта дѣвушка становится его женой, уѣзжаетъ съ нимъ въ Англію, печатаетъ тамъ томъ стиховъ, называя ихъ „Гирляндой изъ дикихъ Цвѣтовъ“. Художественная чета возвращается на родину, и Фрэнсисъ Огудъ встрѣчается съ Эдгаромъ

По, который уже отмѣтилъ ея дарованіе, и написалъ о ней слова: „Не писать поэзію, не превращать ее въ дѣйствіе, не думать ею, не грезить ею и ею не быть— это совершенно внѣ ея власти“. Мистрисъ Осгудъ описываетъ первую встрѣчу съ Эдгаромъ По: — «Моя первая встрѣча съ поэтомъ была въ Astor House. За нѣсколько дней передъ этимъ, Мистеръ Уиллисъ вручилъ мнѣ за табльд'отомъ эту странную, исполненную трепета, поэму, озаглавленную „Воронъ“, говоря, что авторъ хочетъ знать мое мнѣніе о ней. Ея дѣйствіе на меня было столь особенное, столь похожее на дѣйствіе „неземной, зачарованной музыки“, что я почти съ чувствомъ страха услышала объ его желаніи познакомиться со мной. Но я не могла-бы отказать, не имѣя вида неблагодарной, ибо я какъ разъ слышала объ его восхищенной и пристрастной хвалѣ моихъ писаній въ его лекціи объ Американской Литературѣ. Я никогда не забуду того утра, когда Мистеръ Уиллисъ позвалъ меня въ гостинную, чтобы принять его. Съ своею приподнятою, гордой, красивой головой, съ темными своими глазами, сверкающими электрическимъ свѣтомъ чувства и мысли, съ особеннымъ, неподражаемымъ сліяніемъ нѣжности и надменности въ выраженіи и въ манерахъ, онъ привѣтствовалъ меня спокойно, важно, почти холодно; однако-же, съ такой отличительной серьезностью, что я никакъ не могла не почувствовать, что я нахожусь подъ глубокимъ впечатлѣніемъ. Съ этого мгновенія до его смерти мы были друзьями». Подъ магнетическимъ вліяніемъ Эдгара По Фрэнсисъ Осгудъ научилась пѣть „болѣе смѣлыя пѣсни“, и въ большихъ ея глазахъ не разъ промелькнула свѣтлая тѣнь пролетающаго Израфеля. Вотъ ея строки къ Эдгару По.

Мнѣ міру не сказать, какимъ горю я сномъ,
Едва коснешься ты до лютни сладкогласной;
Безумья сколько въ томъ, Искусства сколько въ томъ,
Сливаясь въ Красоту, напѣвъ рождаютъ страстный;—

Но это знаю я: огнистый министрель,
Небесный Израфель, пѣвецъ иного міра,
Пѣвучести свои вложилъ въ твою свирѣль,
И звонъ его струны твоя пріяла лира.

Поэтесса оставила намъ, также, красивый проблескъ, который даетъ намъ возможность заглянуть въ обстановку Эдгара По тѣхъ дней:—«Это въ его собственномъ простомъ, но поэтическомъ уютѣ, Эдгаръ По явился мнѣ въ самомъ красивомъ свѣтѣ. Шаловливый, исполненный чувства, остроумный, переменнo послушный и своенравный, какъ избалованный ребенокъ—для своей юной нѣжной и обожаемой жены, и для всѣхъ, кто приходилъ къ нему, у него было, даже при выполнении самыхъ мучительныхъ литературныхъ обязанностей, какое-нибудь доброе слово, какая-нибудь ласковая улыбка, какое-нибудь, полное изящества и учтивости, вниманіе. За своимъ письменнымъ столомъ, подъ романтическимъ портретомъ своей любимой Линоръ, онъ могъ просиживать часъ за часомъ, терпѣливо, усердно, и не жалуясь, заноса своимъ изысканно-четкимъ почеркомъ, и съ быстротою почти сверхчеловѣческой, мысли-молнии, „рѣдкостныя и лучистыя фантазіи“— по мѣрѣ того какъ они вспыхивали въ его волшебномъ и всегда бодрствующемъ мозгѣ. Помню одно утро къ концу его пребыванія въ этомъ городѣ (Нью-Йоркѣ), когда онъ казался особенно веселымъ и свѣтлымъ. Виргинія, нѣжная его жена, написала мнѣ, настоятельно приглашая придти къ нимъ, и я поспѣшила на Anny Street. Онъ какъ разъ кончалъ серію своихъ очерковъ о Нью-Йоркскихъ литераторахъ. „Смотрите“, сказалъ онъ торжествующе смѣясь, и развертывая нѣсколько небольшихъ узкихъ свитковъ бумаги, „я покажу вамъ, по различію въ длинѣ свитковъ, различныя степени уваженія, въ каковомъ я пребываю къ вамъ, людямъ литературнымъ. Въ каждомъ изъ свитковъ одинъ изъ васъ закрученъ и спол-

на обсужденъ. Помоги-ка мнѣ, Виргинія!“ И одинъ за другимъ онъ сталъ развертывать ихъ. Наконецъ они приступили къ свитку, который казался нескончаемымъ. Виргинія со смѣхомъ побѣжала къ одному углу комнаты съ однимъ концомъ, а ея мужъ къ противоположному углу съ другимъ. „Чья же это столь удлинненная нѣжность?“ спросила я. „Послушайте-ка ее“, воскликнулъ онъ, „какъ будто ея маленькое тщеславное сердце не сказало ей, что это она сама“..»

Другая свидѣтельница жизни Эдгара По за послѣдній ея періодъ, когда онъ поселился въ деревенской обстановкѣ, Мистрисъ Гэвъ-Никольсъ, рассказываетъ намъ очень живописно о своемъ первомъ посѣщеніи Фордгама:—«Я нашла поэта, и его жену, и мать его жены—которая была его теткой—живущими въ маленькомъ коттеджѣ, на вершинѣ холма. Тамъ былъ одинъ акръ, или два, зеленого газона, огороженнаго вокругъ дома, газонъ былъ гладокъ какъ бархатъ, и чистъ какъ коверъ, за которымъ очень хорошо смотрять. Тамъ были большія старыя вишневыя деревья, бросавшія вокругъ себя широкую тѣнь. Комнатки... Передъ домомъ хорошо было сидѣть лѣтомъ подъ тѣнью вишенъ. Когда я въ первый разъ была въ Фордгамѣ, По, какимъ-то образомъ, поймалъ совершенно подростшую птицу, рисоваго желтушника *). Онъ посадилъ ее въ клетку, которую подвѣсилъ

*) „Рисовый желтушникъ живетъ въ Сѣверной Америкѣ лѣтомъ... По пути на Югъ онъ залетаетъ въ Центральную Америку и главнымъ образомъ въ Вестъ-Индію... Пока самки высиживаютъ яйца, самцы, задирая другъ друга, гоняются въ лѣсу злаковъ... Пѣніе одного самца полздориваетъ другихъ, скоро ихъ поднимается на воздухъ множество... Пѣніе этой птицы нравится даже избалованному уху. Звуки, издаваемые рисовымъ желтушникомъ, отличаются разнообразіемъ, быстро, и повидимому безъ всякаго порядка, слѣдуютъ одинъ за другимъ, и повторяются съ такимъ усердіемъ, что нерѣдко пѣніе одного самца можно принять за пѣніе полудюжины“. (Брэмъ. Жизнь животныхъ. Птицы).

на гвоздѣ, вбитомъ въ стволъ вишневаго дерева: Птица, неспособная быть плѣнницей, была такъ же безпокойна, какъ ея тюремщикъ, и непрерывно прыгала самымъ неукротимымъ устрашеннымъ образомъ изъ одной стороны клѣтки въ другую. Я пожалѣла ее, но По непремѣнно хотѣлъ ее приручить. Такъ стоялъ онъ тамъ, скрестивъ руки передъ плѣненной птицей, вѣря въ достиженіе невозможнаго. Такой красивый и такой безстрастный въ своей волшебной умственной красотѣ. „Вы несправедливы“, сказалъ онъ мнѣ спокойно въ отвѣтъ на мои упреки. „Эта птица великолѣпный пѣвецъ, и какъ только она сдѣлается ручной, она будетъ улаживать нашъ домъ своимъ музыкальнымъ дарованіемъ. Вамъ бы нужно услышать, какъ она звенитъ своими радостными колокольчиками“. Голосъ По былъ сама напѣвность. Онъ всегда говорилъ тихо, когда, въ самомъ страстномъ разговорѣ, онъ заставлялъ своихъ слушателей внимать своимъ мнѣніямъ, утвержденіямъ, мечтаніямъ, отвлеченнымъ разсужденіямъ, или зачарованнымъ грѣзамъ. Мистрисъ По на видъ была совершенно юной; у нея были большіе черные глаза и жемчужная бѣлизна лица, совершенно блѣднаго. Ея блѣдное лицо, ея блестящіе глаза, и ея волосы, цвѣта воронова крыла, придавали ей неземной видъ. Чувствовалось, что она какъ-бы духъ отходящій, и когда она кашляла, было очевидно, что она быстро близится къ умиранію. Мать, высокая, сильная женщина, была нѣкотораго рода всемірнымъ Провидѣніемъ для своихъ странныхъ дѣтей. По былъ въ это время очень угнетенъ. Его крайняя бѣдность, болѣзнь его жены, и его собственная неспособность писать были достаточнымъ объясненіемъ этого. Мы пробыли въ домѣ съ полчаса, какъ пришли новые гости, среди которыхъ были и дамы, и всѣ мы отправились гулять. Мы бродили въ лѣсу, и было очень весело, пока кто-то не предложилъ, въ качествѣ забавы, прыгать. Я думаю, что вѣрно это былъ самъ По, онъ былъ

искусенъ въ этомъ спортѣ. Два-три джентльмена согласились прыгать съ нимъ, и, хотя одинъ изъ нихъ былъ высокаго роста и былъ охотникомъ, По далеко опередилъ ихъ всѣхъ. Но, увы, его штилеты, долго ношенные и заботливо содержимыя, на той и другой ногѣ лопнули отъ великаго прыжка, который сдѣлалъ его побѣдителемъ. Я жалѣла бѣдную птицу въ ея суровой и безнадежной тюрьмѣ, но теперь я жалѣла бѣднаго По еще больше. Я была увѣрена, что у него не было другихъ башмаковъ, сапогъ, или штилетъ. Кто среди насъ могъ-бы предложить ему денегъ, чтобы купить другую пару? Если у кого-нибудь были деньги, кто имѣлъ-бы безстыдство предложить ихъ поэту? Когда мы вернулись къ котѣджу, я думаю, всѣ чувствовали, что мы не должны заходить и видѣть злополучнаго безбашмачнаго сидящимъ или стоящимъ среди насъ. Я, однако, забыла въ домѣ книгу стиховъ По, и вошла, чтобы взять ее. Бѣдная старая мать глянула на его ноги со смятенностью, которой я никогда не забуду. „Эдди“, сказала она, „какъ могли вы порвать ваши штилеты?“ По, казалось, впалъ въ полуоцѣпенѣлое состояніе, какъ только онъ увидалъ свою мать. Я рассказала о причинѣ несчастья, и она увлекла меня въ кухню. „Не скажете-ли вы Мистеру— (Журнальный Обзорѣватель) о послѣдней поэмѣ Эдди? Если онъ только возьметъ поэму, у Эдди будетъ пара башмаковъ. У него есть рукопись—я относилъ ее на послѣдней недѣлѣ, и Эдди говорить, что это его лучшая вещь. Вѣдь вы скажете?“ Мы уже читали поэму въ конклавѣ, и Небо да проститъ насъ, мы ничего въ ней не поняли. Если бы она была написана на одномъ изъ утраченныхъ языковъ, мы такъ же мало могли-бы извлечь смысла изъ ея пѣвучихъ гармоній. Я, помню, сказала, что это вѣрно лишь мистификація, которую По выдаетъ за поэзію, чтобы увидѣть, какъ далеко его имя можетъ налагать свою власть на людей. Но тутъ

была ситуація. Обозрѣватель былъ дѣйственнымъ орудіемъ въ разрушеніи штиблетъ. „Конечно, они напечатываютъ поэму“, сказала я, „и я попрошу К— поскорѣе все это устроить“. Псѣма была оплачена тотчасъ и опубликована вскорѣ. Я думаю, что, въ собраніи стиховъ Эдгара По она разсматривается какъ чистосердечное произведеніе поэзіи. Но тогда она принесла поэту пару штиблетъ и двѣнадцать шиллинговъ въ придачу».

Чѣмъ болѣе ухудшалось состояніе Виргиніи, тѣмъ болѣе и болѣе угнетенъ былъ Эдгаръ По, тѣмъ менѣе и менѣе могъ онъ писать, тѣмъ сильнѣй и сильнѣй становилась нужда въ домѣ, и каждое новое ухудшеніе здоровья или обстоятельство жизни приносило съ собою немедленно умноженные числа новыхъ ухудшеній. Эдгаръ По посылалъ въ редакціи журналовъ свои рукописи. Редакціи посылали ему обратно его рукописи, а въ придачу нѣкоторыя доброхотныя души посылали анонимныя письма умирающей женщинѣ, прилагая къ нимъ вырѣзки изъ газетъ, содержащихъ ту или иную пасквильную выходку противъ Эдгара По. „Настала осень“, продолжаетъ свое повѣствованіе Мистрисъ Никольсъ. „Я видѣла ее (Виргинію) въ ея спальнѣ. Все было тамъ такъ чисто, такъ опрятно, такъ скудно, и такъ поражено бѣдностью, что сердце у меня разрывалось, при видѣ этой страдальицы. Вкругъ постели не было занавѣсей, это была лишь солома, снѣжно-бѣлое стеганое одѣяло, и простыни. Погода была холодная, и у больной были приступы страшнаго озноба, сопровождающіе чахоточный жаръ. Она лежала на соломенной постели, закутанная въ плащъ своего мужа, а на груди у нея лежала большая, черепахового цвѣта, кошка. Удивительная кошка какъ будто чувствовала всю свою великую полезность. Плащъ и кошка были для страдающей единственными способами согрѣться, развѣ только ея мужъ держалъ ея руки, а мать согрѣвала ей ноги. Мистрисъ Клеммъ страстно любила свою дочь, и

ея смятенность, вызванную этимъ недугомъ, и бѣдностью, и злополучіями, было страшно видѣть“.

Мистрисъ Никольсъ, вернувшись въ Нью-Йоркъ, обратилась къ Мистрисъ Шью, прекрасной въ своей невѣдомости, женщинѣ, которая жила совершенно внѣ литературныхъ вліяній, ничего даже не читала изъ написаннаго Эдгаромъ По, и не знала его лично, но тотчасъ откликнулась на зовъ, позаботилась объ умирающей, подружилась съ Эдгаромъ По, и это ей посвящены два вдохновенныя его пѣснопѣнія, „Изъ всѣхъ, кому тебя увидѣть — утро“ и „Недавно тотъ, кто пишетъ эти строки“.

Друзья, гдѣ же друзья бываютъ въ такія минуты? Или, дѣйствительно, сердца мужскія слѣпы и умы мужскіе глухи, и только женское сердце слышитъ таинственный зовъ Судьбы, до женскаго сердца доходятъ призрачные голоса, и немедленно зажигаютъ въ немъ ускоренный дѣйственный токъ напѣвной крови? Одинъ изъ друзей Эдгара По, Уиллисъ, ничего лучшаго не придумалъ, какъ напечатать въ нѣкоторомъ журналѣ сообщеніе о болѣзни и нуждѣ Эдгара По и его жены, и воззвать къ общественной благотворительности. Можно себѣ представить, съ какимъ ужасомъ Эдгаръ По читалъ эти печатныя строки, и съ какимъ чувствомъ онъ писалъ, пошедшее по всѣмъ газетамъ, письмо, гдѣ, сцѣпивъ зубы, сообщалъ, что, конечно, благодаря долгой болѣзни, у него въ монетахъ недостатокъ, и было-бы безуміемъ это отрицать, но что совершенно невѣрно, чтобы онъ страдалъ отъ лишеній внѣ размѣровъ своей способности страдать. Къ этимъ, приблизительно, днямъ относится *нѣжный* разсказъ Эдгара По, „Бочка Амонтильядо“. Другой другъ, въ письмахъ самый привлекательный изъ друзей Эдгара По, Чиверсъ, писалъ ему 21-го Февраля 1847-го года.

«Мой дорогой другъ... я скорблю о вашей женѣ, ибо она испытываетъ страданія—но я еще болѣе скорблю о васъ, потому что, судя по тому, что вы говорите, она близка къ Ангеламъ, а вы собираете

вашу силу, чтобы бороться против Дьявола, и вести переговоры съ его эмиссарами—*лунцами*. Если вы прїѣдете на Югъ, чтобы здѣсь жить, я буду заботиться о васъ такъ долго, какъ вы будете жить—хотя, если существовала когда-либо на землѣ совершенная тайна, это вы—и одна изъ самыхъ *таинственныхъ*. Но прїѣзжайте на Югъ, и живите со мною, и мы будемъ обо всемъ говорить на досугѣ... Я буду въ Нью-Йоркѣ въ мартѣ, и надѣюсь васъ увидѣть... Вѣрьте, что я истинный другъ Эдгара А. По; и если вы не повѣрите, это не составитъ разницы—я все-же буду вашимъ другомъ. Передайте мое искреннее почтеніе вашей женѣ, и скажите ей отъ меня, чтобы она еще надѣялась на радость здѣсь, на землѣ, внѣ болѣзни; но что, какова бы ни была ея судьба въ этой жизни, есть покой въ Небѣ. Есть Мѣсто, гдѣ Ангелы восклицаютъ,

Приходи, приходи, въ край нетлѣнный,
Поспѣшай, поспѣшай,
Къ Небесамъ, въ чистый край,
Гдѣ ты отдыхъ найдешь неизмѣнный.
Вашъ навсегда

Томасъ Чиверсъ.

P. S. Эти строки, въ сущности, не письмо, но я лишь пишу вамъ, чтобы сказать, что Нью-Йоркъ не такое мѣсто, гдѣ можно жить счастливо. Я жилъ тамъ, и знаю *все* объ этомъ.

Прїѣзжайте на Югъ»!

Это письмо было написано въ Февралѣ, а 29-го Января въ Фордгамѣ, около Нью-Йорка, Эдгаръ По писалъ Мистриссъ Шью:

«Мой самый добрый—мой самый дорогой другъ,—бѣдная моя Виргинія еще живетъ, но угасаетъ быстро, и теперь испытываетъ сильныя страданія. Да дастъ ей Богъ жизни, пока она не увидитъ васъ и не поблагодаритъ васъ еще разъ... Прїѣзжайте—о, прїѣзжайте завтра».

Мистрисъ Шью прїѣхала и приняла прощальный привѣтъ умирающей. 30-го Января Виргинія умерла, а Эдгаръ По не отозвался на красивый зовъ „На Югъ, на Югъ“. Но, быть можетъ, очень жаль, что онъ не поѣхалъ тогда на Югъ.

Смертныя пелены. Что-жъ въ нихъ особеннаго? Они возникаютъ въ жизни каждого. Они неизбѣжны, какъ

бѣлый туманъ надъ вечернимъ лугомъ. Мы думаемъ о нихъ въ раннемъ дѣтствѣ, когда видимъ, какъ крестьянскія женщины стелятъ подъ солнцемъ бѣлые холсты. Они похожи на бѣлый снѣгъ, который каждый годъ затягиваетъ остывшія равнины. Въ нихъ ничего нѣтъ особеннаго, ничего устрашительнаго. Но когда тотъ, кто видѣлъ и холсты и туманъ, и снѣга увидитъ любовь свою закутанную въ смертныя пелены, онъ слышитъ звонны незримыхъ колоколенъ, и впервые онъ понимаетъ больше, чѣмъ это можетъ быть выражено въ словахъ.

„Мистрисъ Шью была такъ добра къ ней“, говоритъ Мистрисъ Клеммъ. „Она ухаживала за ней, пока она жила, какъ если бы это была ея дорогая сестра, а когда она умерла, она одѣла ее для могилы въ красивое полотно. Если бы не она, моя любимица, *Виргинія*, была-бы положена въ могилу въ бумажной матеріи. Я никогда не смогу высказать мою благодарность за то, что моя любимица была похоронена въ нѣжномъ полотнѣ“.

Ленъ голубой расцвѣталъ и отцвѣлъ. Онъ превратился въ бѣлое полотно. Изъ своей смерти, голубой цвѣтокъ свиль бѣлыя-бѣлыя смертныя пелены.

Эдгаръ По впалъ въ оцѣпенѣніе. Ночью онъ вставалъ и уходилъ на могилу, чтобы долго скорбѣть тамъ. Потомъ снова имъ овладѣвало оцѣпенѣніе.

Можно-ли жить, когда любовь умерла? Нельзя. И жизнь, казалось, быстро его оставляла. Но любовь къ Любви держитъ душу на землѣ, даже и тогда, когда любовь умерла. Эдгару По суждено было прожить еще два года съ половиной. И онъ снова жилъ. И онъ снова любилъ. Но эти любви были только любовью къ Любви. А эта жизнь, со всѣми ея зорями, кровавыми и запоздалыми, со всѣми ея мучительными движеніями осужденнаго, котораго сжигаютъ передъ огромною глазѣющей толпой, напоминаетъ вопль *Св. Терезы*: „*У yo тшего, porque no тшего*“, — И я умираю, потому что я не умираю.

Мистрисъ Шью, которая дала Виргиніи, на смертномъ ея ложѣ, торжественное обѣщаніе не покинуть ея Эдди, сдержала это обѣщаніе въ размѣрахъ обычной жизни, обычнаго человѣка, съ обычными взглядами на условности жизни. Единственная дочь доктора, и сама получившая медицинское образованіе, она видѣла, что Эдгаръ По близокъ къ смерти, и сдѣлала все, отъ нея завистѣвшее, чтобы спасти его. Призракъ Мистрисъ Шью мелькаетъ передъ нами въ ласковомъ свѣтѣ, когда она беретъ за руку Эдгара По, и, считая пульсъ, замѣчаетъ, что даже тогда, когда онъ, повидимому, здоровъ, у него лишь десять правильныхъ ударовъ крови, а затѣмъ начинается перебой. Она видится намъ наклоняющейся надъ Эдгаромъ По, когда онъ въ ея домѣ, какъ усталый ребенокъ, засыпаетъ на двѣнадцать часовъ опѣпенѣлымъ сномъ, и она призываетъ къ нему знаменитаго врача, который говоритъ, что лѣвая часть мозга у него ранена, и что онъ долженъ умереть молодымъ,—а легкомысленный поэтъ, проснувшись, даже не подозреваетъ, что вотъ только что онъ былъ опасно боленъ. Мы видимъ ее съ Эдгаромъ По въ церкви во время полночной службы, дѣтски радующейся на то, что онъ, какъ *настоящій посьтитель церкви*, слѣдитъ за службой, держитъ страницу ея молитвенника, поэтъ съ ней псалмы,—видимъ волнующейся и безпокоящейся, когда, дойдя до строки, „Человѣкъ онъ скорбей, и знакомъ былъ съ печалью“, онъ быстро выходитъ изъ церкви, слишкомъ взволнованный, чтобы оставаться,—и снова тихонько радующейся въ то мгновеніе, когда, послѣ проповѣди, вся община молящихся встаетъ, чтобы пѣть гимнъ, „Иисусъ, души моей Спаситель“, и онъ опять возникаетъ рядомъ съ ней, и, блѣдный, звучнымъ своимъ голосомъ, поэтъ слова гимна. Эдгаръ По, всю жизнь молившійся Морю и Горамъ и Лѣсамъ и Вѣтру, и такъ далекій отъ Христа, что во всѣхъ его произведеніяхъ это слово не встрѣ-

чается ни разу, и весь,—какъ въ блестящія латы закованный рыцарь,—замкнутый въ свои лучезарныя пѣснопѣнія—рядомъ съ этой, простодушно молящейся, не читавшей ни его сказокъ, ни его поэмъ! Мы видимъ ее шаловливо поддразнивающей Эдгара По, когда онъ приходитъ къ ней усталый, и говорить, что онъ долженъ написать какую-нибудь поэму, а несносные колокола такъ звучать, что мѣшаютъ ему о чемъ-нибудь думать,—и она съ улыбкой беретъ перо и листъ бумаги, и пишетъ на немъ „Колокола“ Эдгара По, и приписываетъ строку „Колокольчики, маленькіе серебряные колокольчики“, и онъ пишетъ первую строфу, и она внушаетъ снова „Тяжелые желѣзные колокола“, и онъ пишетъ вторую строфу, и изъ этого первичнаго наброска, въ восемнадцать строкъ, возникаетъ потомъ бессмертная поэма, о которой уже нельзя не вспомнить, слыша звукъ колокола, и которая явилась заупокойною службой по самомъ поэтѣ врядъ ли подозрѣвавшемъ предвѣщательную значительность строкъ, которыя онъ создавалъ. И еще одинъ проблескъ съ ней связанный. Мы читаемъ: «Лишенный товарищества и сочувствія своей ребенка-жены, онъ мучился тѣмъ, что было для него изысканною агоніей крайней брошенности. Ночь за ночью, онъ вставалъ, безсонный, съ постели, и, одѣвшись, шелъ къ могилѣ утраченной, и, бросаясь на холодную землю, горько плакалъ цѣлыми часами. Тотъ самый наводящій страхъ, который владѣлъ имъ, когда онъ писалъ „Ворона“, владѣлъ имъ теперь, и до такой степени, что онъ не могъ болѣе спать, если около его постели не сидѣлъ какой-нибудь другъ. Мистрисъ Клеммъ, егосегадшняя преданная утѣшительница, наиболѣе часто исполняла обязанности сидѣлки. Поэтъ, легши въ постель, звалъ ее, и, между тѣмъ какъ она гладила свою рукой его широкій лобъ, онъ предавался безумнымъ полетамъ фантазіи въ Эдемъ своихъ сновъ. Онъ никогда не говорилъ и не двигался въ такія мгновенія, развѣ,

если рука удалялась отъ его лба; тогда, съ дѣтской наивностью, продолжая лежать съ полузакрытыми глазами, онъ восклицалъ: „Нѣтъ, нѣтъ, еще не—!“ Мать или другъ оставались съ нимъ, пока онъ совершенно не засыпалъ, тогда бывшій съ нимъ тихонько оставлялъ его».

Этотъ другъ, что съ нимъ былъ, убаюкивая, и тихонько его оставлялъ—кто онъ былъ?—Не она, что любила напѣвность и любила дѣлать добро, и любила помогать, помогла, но не до конца, ушла?—Ушла, какъ всѣ ушли—исчезла изъ жизни своенравнаго, причудливаго, и огорченнаго,—какъ листокъ,—что сѣять такой нѣжный и свѣжій весной,—совсѣмъ естественно, просто, отпадаетъ отъ вѣтки съ наступленіемъ осени.

„Но въ страшный мигъ, о, милый другъ, я не приду къ тебѣ“.

Три яркія событія изъ послѣднихъ двухъ лѣтъ Эдгара По необходимо еще отмѣтить, хотя бѣглымъ указаніемъ. Возникновеніе „Эврики“; страстное увлеченіе, страстная любовь къ поэтессѣ Еленѣ Уитманъ; и воздушная, идеальная любовь-дружба, влюбленная дружба, съ самой очаровательной послѣ Виргиніи, и наиболѣе искренно его любившей, но бывшей чужою женой, трогательной „Анни“.

Несмотря на всѣ потрясенія, творческая энергія такого кипучаго ума, какъ вулканической умъ Эдгара По, не могла не накопляться и не проявляться. Онъ всю жизнь делѣялъ планъ основать свой собственный журналъ, гдѣ Эдгаръ По могъ бы цѣликомъ и сполна быть Эдгаромъ По. Эта мысль много разъ какъ-бы приближалась къ воплощенію, и каждый разъ блуждающій огонекъ обманывалъ. Этотъ огонекъ заманилъ его окончательно въ сѣть послѣднихъ событій, внутренне какъ-бы и не связанныхъ причинно, а внѣшне, все-же, кончившихся его смертью. Но, прежде чѣмъ онъ отправился въ послѣднее свое

странствіе для осуществленія литературныхъ плановъ онъ успѣлъ написать философскую космогоническую поэму „Эврика“, которая безмѣрно удалена отъ вопросовъ текущаго дня. Онъ думалъ, что здѣсь онъ, дѣйствительно, нашелъ Архимедовъ рычагъ, и былъ такъ увѣренъ въ подавляющемъ успѣхѣ книги, что убѣждалъ издателя, сумѣвшаго заинтересоваться такою отвлеченностью, напечатать 50.000 экземпляровъ. Издатель устранилъ два нуля— и напечаталъ 500 экземпляровъ. Дѣловому чело-вѣку врядъ-ли пришлось раскаиваться.

Страница любви между Эдгаромъ По и Еленой Уитманъ, быстро возникшей и быстро порвавшейся, врядъ-ли можетъ быть рассказана безъ примѣшиванія словъ о личномъ къ тому отношеніи рассказывающаго, но говорить вопросительно, или судительно, о томъ, почему и какъ это могло случиться, что двое, искренно другъ друга любившихъ, не соединились,—не значило-ли-бы это неумѣстно врываться въ чужое Святая Святыхъ, и пытаться докончить картину, которую не кончилъ—художникъ. Эдгаръ По, то была душа огненно стремительная, быстрая, непреклонная—кому поспѣтъ за нимъ—для него, какъ для ребенка, или какъ для верховнаго царя—„Все, что я хочу, я хочу сейчасъ“. Какъ жаль! какъ жаль! Нельзя горячими, хоть любящими, перстами раскрыть сегодня ту цвѣточную чашу, которая раскроется—раскрылась-бы—раскроется—завтра—послѣ завтра. Испанская поговорка гласитъ, „Mañana sera otro día“, Завтра будетъ другой день. Одно чувство не умѣетъ торопиться, другое чувство не умѣетъ ждать. При полной правдѣ двухъ такихъ свойствъ двухъ разныхъ сердецъ, если основана можетъ быть мелодія между двумя этими сердцами, то лишь на дисгармоніи.

Елена Уитманъ написала томъ красивыхъ стиховъ. Многія ея строки и строфы указываютъ на чрезвычайно близкое сродство съ душой Эдгара По, но не предвѣща-

тельно-ли было въ ея жизни то, что она родилась въ одинъ и тотъ-же день, какъ и Эдгаръ По, 19-го Января — но на шесть лѣтъ раньше. Шестъ лѣтъ ей нужно было ждать, чтобы двѣ, таинственно связанныя, жизни начали осуществляться на одной и той-же планетѣ. Полюбивъ Эдгара По, она не сумѣла, или не смогла, соединиться съ нимъ, но любила его какъ призракъ до конца дней, а умерла она въ глубокой старости, въ 1878-мъ году, и это никто иной, а именно она, заступилась за него, мертваго, когда умственная чернь сплела вокругъ красиваго умершаго свои беззастѣнчивыя низкія лжи. Ея небольшая, но красивая и выразительная, книжка, „Эдгаръ По и его критики“, послужила началомъ обратнаго, въ сторону справедливости, теченія въ умахъ современниковъ по отношенію къ Эдгару По. Но мнѣ нуженъ одинъ часъ, одинъ день счастья съ любимой, а не полстолѣтія памяти обо мнѣ. И развѣ одну любящую улыбку можно промѣнять на пышный мавзолей, пусть даже на Египетски красивую гробницу! И въ лицѣ Елены Уитманъ то же противорѣчіе: у нея красивые влекушіе духовные глаза — и жадный чувственный ротъ. Такія лица бывають у тѣхъ, кто любитъ зажигать любовь, и тотчасъ-же, испуганный ею, убѣгаетъ. Эти губы алчуть любви, но не насыщаются любовью. И въ самой манерѣ одѣваться у ней было то же противорѣчіе: она любила шелкъ, кружевные шарфы, полувоздушныя ткани, черезъ которыя нѣжно сквозить красивое тѣло, но она любила въ то же время носить вокругъ шеи черную бархатную ленту, къ которой, какъ медальонъ, какимъ-то другомъ подаренный, былъ приколотъ маленькій гробъ, изваянный изъ темноцвѣтнаго дерева.

На послѣднее свое письмо къ ней, Эдгаръ По не получилъ никакого отвѣта. Она говоритъ, что она *не смѣла* отвѣтить. А на зовъ сирены, возникшій послѣ разрыва, какъ напечатанное ея стихотвореніе „Нашъ Ост-

ровъ Сновъ“, поэтъ съ морскою душой не отвѣтилъ ничего. И, вѣрно, онъ хранилъ крѣпко въ своемъ сердцѣ ея образъ, но до самой смерти онъ не упоминалъ ея имени.

Совершенно другое существо Анни. Къ ней прильнула та кроткая сторона души Эдгара По, та дѣтская его нѣжность, которая, больше или меньше, существуетъ въ каждомъ поэтѣ, а въ Эдгарѣ По достигала верховности. Быть можетъ, они могли бы быть такъ счастливы другъ съ другомъ, какъ только это возможно. Но слова чужая жена, чужой мужъ, которыя мы произносимъ легко и презрительно, для Англичанина или Американца имѣютъ совсѣмъ другую убѣдительность, не только наклоняя въ ту или другую сторону ихъ внѣшнее поведеніе, но и столько же владея ихъ сердцами, какъ извѣстная степень тепла и холода владетъ землей—и позволяетъ въ одномъ случаѣ расцвѣсть горячимъ гвоздикамъ, а въ другомъ лишь подснежникамъ и незабудкамъ. Анни была незабудка, подснежникъ, фіалка. Онъ называлъ ее троицннъ цвѣтъ. Онъ зналъ, что у нея происходитъ въ сердцѣ, онъ зналъ и сердце свое. Онъ не написалъ ей ни одного страстнаго зазывающаго пѣснопѣнія. Онъ написалъ ей тотъ странный, неожиданный, гимнъ „Къ Анни“, гдѣ онъ любить и смѣетъ любить, но гдѣ онъ, живой для себя, для другихъ—мертвецъ.

Созрѣваютъ высокіе колосья. Изъ зеленыхъ становятся желтыми. Нива шумитъ по особенному. Золотится, шуршитъ, переливается. Встрѣчается колось съ колосомъ. Нужно ихъ срѣзать. Часъ.

Послѣдніе дни пришли къ Эдгару По. И конецъ сочелся съ началомъ. Онъ провелъ свои послѣдніе, солнечные, счастливые дни въ городѣ своего дѣтства—Ричмондѣ.

„На Югъ, на Югъ!“ Этотъ зовъ, не только звучащій въ письмѣ друга, но и въ сердцѣ того, къ кому

направлень былъ зовъ, осуществился. Въ городѣ своего дѣтства, озаренномъ лучами южнаго солнца, Эдгаръ По снова проходилъ по улицамъ, знакомымъ съ дѣтства, по тропинкамъ, знакомымъ съ дѣтства, среди людей, которыхъ онъ зналъ, когда былъ ребенкомъ, маленькимъ принцемъ, и когда былъ влюбленнымъ семнадцатилѣтнимъ юношей. Онъ былъ на Югѣ, гостепріимномъ, радушномъ, который онъ любилъ, какъ любилъ его—тотъ Праотецъ Англійскихъ Министрелей—Чосеръ, становившійся на колѣни передъ первой весенней маргариткой; ибо онъ полагалъ, что маргаритка есть королева цвѣтовъ, и воскликнувшій, во влюбленной жаждѣ улыбки, и счастья, свое пѣвучее „Южанинъ я!“

Краткое лѣто въ осени, пышное лѣто прощальныхъ свиданій. Въ Англійской рѣчи есть выраженіе для подобныхъ расцвѣтовъ. Ихъ называютъ Индійскимъ лѣтомъ.

Эдгаръ По встрѣтилъ старыхъ друзей, нашелъ новыхъ, читалъ имъ своего „Воропа“, говорилъ свои безсмертныя слова о Красотѣ и Поэзій, встрѣтилъ свою, мало ему вѣдомую, родную сестру, Розали, которая гордилась своимъ братомъ, но сама, надѣленная отъ природы полуспящимъ умомъ, еле-еле умѣла писать. Онъ встрѣтилъ и влюбленность своихъ юныхъ дней, Миссъ Ройстеръ, что давно уже стала, и много лѣтъ была, Мистрисъ Шельтонъ, а теперь была вдова,—и, повинувась своему капризному сердцу, онъ пришелъ къ ней съ возгласомъ, „Эльмира, вы ли это? Oh! Elmira is it you?“ По-Русски нужно было бы сказать: „Эльмира, это ты? Вотъ я—и вновь съ тобой“. Она спѣшила въ церковь, когда онъ къ ней пришелъ—и не могла же пропустить посѣщенія церкви. Все-жъ они свидѣлись, снова, и снова. И опять она стала его невѣстой. И была бы, вѣрно, его женой, если бы, почти наканунѣ свадьбы, Судьба не позвала его въ болѣе далекій путь.

Ричмондцы были довольны видѣть Эдгара По. Зная, что поэтъ хочетъ начать новый литературный путь, и что, конечно, ни новый журналъ, ни какое-либо иное предпріятіе безъ денегъ не осуществишь, они явили себя истинно гостепріимными. Эдгаръ По былъ приглашенъ прочесть какую-нибудь лекцію по своему выбору, и цѣна за входъ была назначена пять долларовъ. Триста человѣкъ биткомъ набили залу въ старомъ Exchange Hotel. Онъ прочелъ о „Поэтическомъ Принципѣ“, очаровалъ своихъ слушателей, старая Виргинія привѣтствовала своего знаменитаго сына, и, направляясь въ Нью-Йоркъ, онъ могъ оставить Ричмондъ, имѣя въ карманѣ полторы тысячи долларовъ. Онъ простился съ своею Эльмирой, не на долго, но въ сердцѣ у него было злое предчувствіе, что онъ ее не увидитъ болѣе, и онъ ее дѣйствительно больше не увидалъ.

«Вечеръ кануна», рассказываетъ Мистрисъ Уэйссъ, «того дня, который былъ назначенъ для его отъѣзда изъ Ричмонда, Эдгаръ По провелъ у моей матери. Онъ не захотѣлъ пойти въ залу, гдѣ собрались гости, говоря, что предпочитаетъ посидѣть спокойно въ гостиной. Онъ говорилъ о своемъ будущемъ, и, словно въ юности, предвосхищалъ, предвидѣлъ его съ такимъ радостнымъ увлеченіемъ. Онъ сказалъ, что эти послѣднія немногія недѣли въ обществѣ его старыхъ и новыхъ друзей, были самыми счастливыми, какія онъ зналъ за нѣсколько лѣтъ, и что, когда онъ снова покинетъ Нью-Йоркъ, всѣ тревоги и мученія его прошлой жизни будутъ за нимъ. Никогда не видала я его такимъ веселымъ и такимъ исполненнымъ надеждъ, какъ въ этотъ вечеръ. Онъ говорилъ увѣренно о своемъ задуманномъ журналѣ „The Stylus“. Говоря о своихъ собственныхъ произведеніяхъ, Эдгаръ По выражалъ убѣжденность, что онъ написалъ лучшія свои поэмы, но что въ прозѣ онъ еще можетъ превзойти все то, что онъ уже сдѣлалъ. Онъ уходилъ

послѣднимъ изъ дома. Мы стояли на крыльцѣ,—и, пройдя нѣсколько шаговъ, онъ остановился, обернулся, и снова приподнялъ свою шляпу въ послѣднемъ прощаніи. Въ это самое мгновеніе блестящій метеоръ появился на небѣ, какъ разъ надъ его головой, и исчезъ на востокѣ. Мы говорили объ этомъ смѣясь; но съ печалью я вспомнила объ этомъ позднѣе».

Эдгаръ По долженъ былъ сперва прибыть въ Балтимору по рѣкѣ Іакова, водный просторъ которой онъ измѣрилъ отчасти въ своемъ знаменитомъ юношескомъ плаваніи. Что съ нимъ было по прибытіи въ Балтимору, неизвѣстно. Говорятъ, что онъ встрѣтился съ друзьями, попалъ на именинный праздникъ, и красивая хозяйка дома попросила его чокнуться съ нимъ. И на поднятый бокаль онъ поднялъ отвѣтный бокаль. Дальнѣйшее было предопредѣлено. Можетъ быть, однако, это вовсе не такъ, и роковыя, приготовленныя, полторы тысячи долларовъ побудили неизвѣстнаго, выслѣживавшаго, подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ, приблизиться къ нему, и отравить его какимъ-нибудь наркотическимъ средствомъ. Мы не знаемъ, и вѣроятно никогда не узнаемъ, какъ въ точности все это было, но только онъ занялъ мѣсто въ поѣздѣ, который уходитъ изъ Балтиморы въ Филадельфію,—кондукторомъ, обходившимъ вагоны, былъ найденъ на полу въ безсознательномъ состояніи,—пальто его и чемоданъ безвозвратно исчезли и никогда не были найдены,—кондукторъ довезъ его до станціи Навге de Ггасе, гдѣ скрещиваются два поѣзда, и посадилъ его въ поѣздъ, возвращающійся въ Балтимору. Онъ прибылъ въ Балтимору вечеромъ, и послѣ невѣдомыхъ блужданій, или такихъ блужданій, о которыхъ существуютъ лишь сомнительныя свидѣтельства, кѣмъ-то, на какой-то уличной скамейкѣ, былъ признанъ, подобранъ въ безпомощномъ состояніи, и отвезенъ въ больницу.

То былъ мѣсяць Октябрь, мѣсяць Листопада, послѣд-

ній мѣсяць Осени, глядящій въ наступающую зиму. Нѣсколько дней онъ пробылъ въ больницѣ въ тревожномъ полусознательномъ состояніи, и умеръ на разсвѣтѣ 7-го Октября 1849-го года, въ воскресное утро.

Мистрисъ Мэри Моранъ, жена врача того Балтиморскаго госпиталя при одномъ Коллэджѣ, гдѣ умеръ Эдгаръ По,—послѣдняя женщина, которая наклонилась къ умирающему поэту,—сохранила для насъ лѣтопись послѣднихъ его часовъ: «Когда въ госпиталь принесли молодого человѣка въ оцѣпенѣніи, было предположено, что онъ изнемогъ отъ опьяненія. То были дни выборовъ, и городъ былъ въ очень безпорядочномъ состояніи. Мы скоро увидѣли, что это какой-то джентльмэнъ; и такъ какъ наша семья жила во флигелѣ при зданіи Коллэджа, докторъ помѣстилъ его въ комнату, которой легко было достигать по коридору, ведущему изъ нашего флигеля. Я помогала ухаживать за нимъ здѣсь, и въ одинъ изъ промежутковъ сознательности, онъ спросилъ меня, есть ли какая-нибудь надежда для него. Думая, что онъ говоритъ о физическомъ своемъ состояніи, я сказала: „Мой мужъ думаетъ, что вы очень больны, и если вы хотите отдать какія-нибудь распоряженія касательно вашихъ дѣлъ, скажите, я запишу ихъ“. Онъ отвѣтилъ: „Я разумѣлъ, надежда для такого злосчастнаго, какъ я, за предѣлами этой жизни“. Я увѣрила его, что Великій Цѣлитель сказалъ, что есть. Я потомъ прочла ему четырнадцатую главу изъ Благовѣстія Святого Іоанна, дала ему успокоительное питье, вытерла бисеринки пота съ его лица, поправила его подушку, и оставила его. Немного спустя мнѣ принесли вѣсть, что онъ умеръ. Я сдѣлала ему саванъ, и помогла убрать его тѣло для погребенія».

Напоминаю начальныя и конечныя слова четырнадцатой главы Евангелія отъ Іоанна: „Да не смущается сердце ваше; вѣруйте въ Бога и въ Меня вѣруйте; въ домѣ

Отца Моего обителей много; а если-бы не такъ, Я ска-
заль бы вамъ: Я иду приготовить мѣсто вамъ; и когда
пойду и приготовлю вамъ мѣсто, приду опять и возьму
васъ къ Себѣ, чтобы и вы были, гдѣ Я; а куда Я иду,
вы знаете, и путь знаете... Уже не много Мнѣ говорить
съ вами... Но, чтобы мѣръ зналъ, что Я люблю Отца, и
какъ заповѣдалъ Мнѣ Отецъ, такъ говорю: встаньте,
пойдемъ отсюда“.

Тишина. Великая тишина. И потомъ пронзительный
воплъ: „Анни, мой Эдди умеръ“... И долгій, спутанный,
дрожашій, отвѣтный вопль нѣжнаго женскаго юнаго го-
лоса: „О, моя Мать, моя любимая, любимая Мать, что я ска-
жу вамъ—какъ могу я утѣшить васъ—о, Мать, узнавъ
о смерти, я сказала, нѣтъ, нѣтъ, это не вѣрно, мой
Эдди не можетъ быть мертвымъ, нѣтъ, это не такъ...“

Есть Море. Печальное Море, которое всегда шумить
и пѣнится, и создаетъ мгновенные узоры, таюшіе слеза-
ми и пѣной вокругъ пустыннаго острова, что возносится
надъ водною громадой, какъ одинокій утесъ. Отъ утра
и до вечера, во всю долгую ночь, отъ вечерней зари до
утренней, свѣтятъ-ли звѣзды, или небо затянуто туча-
ми, горитъ-ли въ нѣжно-голубой синевѣ огнемечущее
Солнце, или въ тусклость и мертвенно-синемъ небѣ встаетъ
запоздалая ладья убывающаго желтаго Мѣсяца, ласковъ-
ли вѣтеръ, или собирается буря, которая топить корабли,
вкругъ одинокаго острова-утеса шумить и шумить и
плещетъ и пѣнится неустающее тоскующее Море, движе-
ньями волнъ своихъ рисующее узоры, которые всегда
повторяются и каждое мгновенье возникаютъ въ первый
разъ. На островѣ-утесѣ нѣтъ человѣческой жизни.
Тамъ проходятъ только стройныя невещественныя тѣни,
живущія своей особой жизнью въ часы Новолунія. и

умирающія въ первый же мигъ Полнолуныя, чтобы снова возродиться, когда тонкій серпъ, начальный, намекающій, явить въ прозрачной лазури серебряный свой гіероглифъ. Люди не живутъ на этомъ островѣ. Они могутъ къ нему только приближаться. Не живутъ на немъ даже и птицы, онѣ только вьются вокругъ него и вѣютъ надъ нимъ своими крыльями, въ часы, когда буря топить корабли. Такъ стоитъ тотъ островъ-утесъ надъ водой, и будетъ такъ стоять, а Море, которое никогда не рассказываетъ своихъ тайнъ, никогда не скажетъ, почему онъ такой, этотъ островъ. Оно только съ утра и до ночи, съ ночи до утра, обнимаетъ его безконечнымъ своимъ волненьемъ, и бросаетъ пѣну, и переливается, и шумитъ, шумитъ.

К. Бальмонтъ.

St.-Brèvin l'Océan.

1911. Сентябрь.

Бретань.

ЭВРИКА

ПОЭМА ВЪ ПРОЗѢ

(Опытъ о Вещественной и Духовной Вселенной).

[Тѣмъ немногимъ что любятъ меня и кого я люблю—тѣмъ что чувствуютъ скорѣй чѣмъ тѣмъ что думаютъ—свидѣцамъ и тѣмъ что вѣрятъ въ сны какъ въ единую дѣйствительность—я отдаю эту Книгу Истинѣ, не какъ Истину-Глаголящую, а во имя Красоты, что пребываетъ въ ея Истинѣ—дѣлающей ее истинной. Имъ я предлагаю твореніе это какъ Созданіе Искусства только—скажемъ какъ Повесть: или, если мое притязаніе не слишкомъ высоко, какъ Поэму.

Что я здѣсь воздвигаю, есть истинно:— потому оно не можетъ умереть:—или если какими-либо средствами будетъ затоптано нынѣ такъ, что умереть, оно „снова возстанетъ для Жизни Безконечной“.

И все же, какъ Поэму лишь хочу я чтобы судили произведеніе это, когда я умру].

Съ смиреніемъ по-истинѣ искреннимъ—даже съ чувствомъ благоговѣйной боязни—начертываю я вступительныя слова этого произведенія: ибо изъ всѣхъ вообразимыхъ предметовъ я приближаю читателя къ самому торжественному—самому объемлющему—самому трудному—самому величественному.

Какія выраженія найду я достаточно простыя въ ихъ возвышенности—достаточно возвышенныя въ ихъ простотѣ—чтобы лишь указать мой замыселъ?

Я вознамѣрился говорить о *Физической, Метафизической, и Математической—о Вещественной и Духов-*

ной Вселенной:—о ея Сущности, ея Происхожденіи, ея Сотвореніи, ея Настоящемъ Состояніи, и Участи ея. Я буду, при этомъ, настолько отваженъ, что зову на судъ заключенія, и такимъ образомъ, дѣйствительно, подвергну сомнѣнію прозорливость людей величайшихъ и наиболѣе справедливо почитаемыхъ.

Въ самомъ началѣ да будетъ мнѣ позволено возвѣстить—не теорему, которую я надѣюсь доказать—ибо, что бы ни утверждали математики, *нѣтъ*, въ этомъ мірѣ по крайней мѣрѣ, *такой вещи* какъ доказательство; но руководящую мысль, которую, на протяжении этой книги, я буду непрерывно пытаться внушить

Мое общее предложеніе таково:—*Въ Начальномъ Единствѣ Перваго Существа заключается Вторичная Причина Всего и Всѣхъ, съ Зародышемъ ихъ Неизбѣжнаго Уничтоженія.*

Для разъясненія этой мысли я предлагаю сдѣлать такой оглядь Вселенной, чтобы умъ былъ способенъ дѣйствительно пріять и воспріять впечатлѣніе личной ея цѣльности.

Тотъ, кто съ вершины Этны досужно устремить свои глаза кругомъ, впечатлится главнымъ образомъ *размахомъ* и *разностью* раскрывшейся картины. Лишь быстро крутясь, на своихъ пяткахъ, смогъ бы онъ надѣяться постичь панораму въ возвышенности ея *единства*. Но такъ какъ на вершинѣ Этны, *никакому* человѣку не приходила мысль крутиться на своихъ пяткахъ, никто никогда и не вобралъ въ свой мозгъ полную единственность перспективы; и, такимъ образомъ, съ другой стороны, какія-бы соображенія ни заключались въ этой единственности, они еще не имѣютъ дѣйствительнаго существованія для человечества.

Я не знаю ни одного разсужденія, въ которомъ вообще сдѣланъ былъ бы какой-нибудь оглядь Вселенной—употребляя это слово въ самомъ объемлющемъ и единственно

законномъ его примѣненіи; и, вполне уместно будетъ упомянуть здѣсь, что подь словомъ „Вселенная“, вездѣ, гдѣ она употребляется въ этомъ очеркѣ безъ означающей оговорки, я разумѣю *наикрайне постижимую протяженность пространства со всѣмъ, духовнымъ и вещественнымъ, что можетъ быть вообразено существующимъ въ объемъ этой протяженности*. Говоря же о томъ, что обычно разумѣется подь словомъ „Вселенная“, я буду ограничительно означать, „Вселенная звѣздъ“, „звѣздная Вселенная“. Почему такое различіе сочтено необходимымъ, будетъ видно въ послѣдующемъ.

Но даже среди разсужденій объ ограниченной въ дѣйствительности, хотя всегда и принимаемой за неограниченную, Вселенной *звѣздъ*, я не знаю ни одного, въ которомъ бы оглядѣ, даже этой ограниченной Вселенной, былъ сдѣланъ такъ, чтобы удостовѣрять выводы, истекающіе изъ ея *личной цѣльности*. Самое тѣсное къ этому приближеніе было сдѣлано въ „Космосѣ“ Александра фонъ Гумбольдта. Онъ представляетъ предметъ, однако, *не* въ его личной цѣльности, а въ его общности. Его тема, въ послѣднемъ ея выводѣ, есть законъ *каждой* части только физической Вселенной, поскольку этотъ законъ относится къ законамъ *каждой другой* части этой чисто физической Вселенной. Его замыселъ есть просто сліятельный. Словомъ, онъ обсуждаетъ всеобщность вещественнаго отношенія, и разоблачаетъ оку Философіи всякаго рода выводы, которые доселѣ были скрытыми *за* этой всеобщностью. Но какъ бы однако ни была превосходна сжатость, съ которой онъ разсмотрѣлъ каждую отдѣльную точку своей области, простая множественность этихъ разматриваемыхъ точекъ обусловливаетъ, необходимо, обиліе подробностей, и такимъ образомъ закрученность мысли, каковая исключаетъ всякій *личный, самоотдѣльный, характеръ* впечатлѣнія.

Мнѣ кажется, что, стремясь къ этому послѣднему ре-

зультату, и черезъ него къ послѣдствіямъ, заключеніямъ, внушеніямъ, умозрѣніямъ, или, если ничего лучшаго не представится, къ простымъ догадкамъ, могущимъ отсюда возникнуть, мы нуждаемся въ чемъ-то вродѣ умственнаго коловращенія на пятахъ. Мы нуждаемся въ такомъ быстромъ вращеніи всего вокругъ центральной точки зрѣнія, что, въ то время какъ мельчайшія подробности исчезаютъ совершенно, даже и болѣе значительные предметы сливаются въ одно. Среди исчезающихъ мелочей, въ оглядѣ такого рода, были бы всѣ исключительно земные предметы. Земля разсматривалась бы въ ея планетныхъ отношеніяхъ только. Человѣкъ въ такомъ оглядѣ становится человѣчествомъ, человѣчество членомъ міровой семьи Разумовъ.

И теперь, прежде чѣмъ продолжать собственное наше разсужденіе, да будетъ мнѣ позволено попросить у читателя вниманія къ двумъ - тремъ выдержкамъ изъ нѣсколько примѣчательнаго письма, найденнаго въ закупоренной бутылкѣ, плававшей по *Mare Tenebrarum* (*Море Мракотъ*) — океанъ хорошо описанный Пубійскимъ географомъ. Птоломеемъ Гѣфестіономъ, но мало кѣмъ посѣщаемый въ наши дни, за исключеніемъ лишь развѣ Трансценденталистовъ и нѣкоторыхъ другихъ нырляльщиковъ за причудами. Дата этого письма, признаюсь, удивляетъ меня совсѣмъ особенно, еще больше чѣмъ его содержаніе, ибо, повидимому, оно было написано въ *два* тысячи *восемь* сотъ сорокъ *восьмомъ* году. Что касается тѣхъ отрывковъ, которые я намѣренъ переписать, они, я думаю, говорятъ за себя сами.

«Знаете ли вы, мой дорогой другъ», говоритъ пишуцій, обращаясь, безъ сомнѣнія, къ какому-то современнику, «знаете ли вы, что врядъ ли болѣе, чѣмъ *восемь* сотъ или *девять* сотъ лѣтъ тому назадъ, метафизики впервые согласились освободить людей отъ странной фантазіи, что существуетъ *лишь два* *проходимыя* дороги къ *Иправдѣ!*»

Увѣруйте въ это, если вы можете! Представляется, однако, что давно, давно тому назадъ, въ ночи Времени, жилъ нѣкій Турецкій философъ по имени Аріесъ, а по прозванію Тоттль*). [Здѣсь, возможно, авторъ шельма разумѣлъ Аристотеля; наилучшія имена жалостно искажаются въ два или три тысячелѣтія]. «Слава этого великаго человѣка зависѣла главнымъ образомъ отъ его доказательства, что чиханіе есть естественная мѣра предосторожности, съ помощью которой чрезмѣрно-глубокіе мыслители получаютъ способность изгонять лишніи идеи черезъ носъ; но онъ снискалъ врядъ ли менѣе цѣнную знаменитость какъ основатель, или во всякомъ случаѣ какъ принципіальный распространитель, того, что было наименовано дедуктивной или *априорной* философіей. Онъ исходилъ изъ того, что онъ считалъ аксіомами, или само-очевидными истинами: и нынѣ хорошо извѣстный фактъ, что *нѣтъ* истинъ само-очевидныхъ, дѣйствительно, ни въ малѣйшей степени не возстасть на его умозрѣнія: для его цѣли было достаточно, чтобы разсматривавшіяся истины были очевидны. Отъ аксіомъ онъ послѣдовалъ, логично, къ выводамъ. Наиболѣе прославленными учениками его были нѣкій Туклпдъ, геометръ» [разумѣй Эвклидъ], «и нѣкій Кантъ, Голландецъ, родоначальникъ того разряда Трансцендентализма, который, лишь съ перемѣною буквы *C* на *K*, нынѣ носитъ его имя» **).

«Прекрасно, Аріесъ Тоттль процвѣталъ верховно, до пришествія нѣкоего Хогга ***), по прозванію „Эттриккъ Пастухъ“, который проповѣдовалъ совершенно отличную систему, каковую онъ наименовалъ *апостериорной* или индуктивной. Его планъ всецѣло полагался на ощущеніе. Его приемы были наблюденіе, анализъ, и фальсифи-

*) *Aries* по-Латински *Баранъ, Овень, Госвенная подпора: tottie* по-Англійски *быть нетвердымъ на ногахъ. К. Б.*

**) *Kant*—Кантъ; *Sant*—Лицемѣрие. *К. Б.*

***) *Hog*—свинья; *hoggish*—свинскій. *К. Б.*

кація фактовъ — *instantiae Naturae*, настоящее Природы, какъ они иногда назывались аффектированно — и подведе- ние ихъ подъ общіе законы. Словомъ, въ то время какъ подъ способомъ Аріеса основаніемъ были *поимена*, въ способѣ Хогга основаніемъ были *phenomena*; и такъ ве- лико было восхищеніе, возбужденное этой послѣдней си- стемой, что, при первомъ ея введеніи, Аріесъ впасть во всеобщее пренебреженіе. Въ концѣ концовъ, однако, онъ вновь укрѣпилъ подъ собою почву, и ему было позволено раздѣлить царство Философій съ его болѣе современнымъ соперникомъ; ученые удовольствовались возбраненіемъ всѣхъ *другихъ* состязателей, прошлыхъ, настоящихъ, и будущихъ; положили конецъ всякому спору о дан- номъ предметѣ, издавъ Мидійскій законъ, гласящій, что Аристотелевская и Бэконовская дороги суть, и по праву должны быть, единственно возможные пути къ знанію: „Бэконовская“, вы должны знать, мой дорогой другъ», добавляетъ въ данномъ мѣстѣ авторъ письма, «это было прилагательное, изобрѣтенное какъ эквивалентъ Хогговскому, и въ то же время болѣе исполненное до- стоинства и благозвучія.

«Теперь я увѣряю васъ самымъ положительнымъ обра- зомъ», продолжаетъ письмо, «что я изображаю эти об- стоятельства честно; и вы можете легко понять, какъ ограниченія такіа нелѣпая съ перваго же взгляда должны были дѣйствовать въ эти дни, замедляя ходъ истиннаго Знанія, которое дѣлаетъ свои наиболѣе важныя поста- тельныя движенія — какъ покажетъ вся Исторія — *прыж- ками*, видимо интуитивными. Эти древнія идеи осуждали изслѣдованіе на ползаніе; а мнѣ не надо внушать вамъ, что ползаніе, среди разновидностей передвиженія, есть въ своемъ родѣ вещь первостатейная; но, если черепаха увѣ- рена въ ногѣ, должны ли мы на этомъ основаніи подрѣ- зать крылья орламъ? Втеченіи нѣсколькихъ столѣтій такъ велико было ослѣпленіе касательно Хогга въ осо-

бенности, что настоящимъ образомъ положенъ былъ предѣлъ всякому мышленію, собственно такъ именуемому. Ни одинъ человѣкъ не смѣлъ высказать истину, которой онъ чувствовалъ себя обязаннымъ только передъ своей душой. Не представляло важности, была ли истина доказуема какъ таковая; ибо догматизирующие философы этой эпохи разсматривали только *дорогу*, при прохожденіи которой, какъ проповѣдовали, она была достигнута. Конецъ, для нихъ, вовсе не былъ обстоятельствомъ какой-нибудь важности: „Средства!“ вопили они— „взглянемъ на средства!“— и если при разсмотрѣніи средствъ оно оказывалось не подходящимъ ни подъ категорію Хогга, ни подъ категорію Аріеса (что означаетъ баранъ), что жъ, тогда ученые не шли далѣе, но, называя мыслителя глупцомъ, и въ видѣ наложенія клейма давая ему прозвище „теоретика“, впредь уже не желали имѣть дѣла ни съ *нимъ*, ни съ его истинами.

«Теперь, мой милый другъ», продолжаетъ авторъ письма, «нельзя утверждать, чтобы черезъ ползучую систему исключительно усвоенную люди могли достигъ максимальнаго количества истины, даже въ какомъ-либо длинномъ рядѣ вѣковъ; ибо подавленіе воображенія такое зло, которое не уравновѣшивается даже *абсолютною* достовѣрностью этихъ улиточныхъ ходовъ. Но ихъ достовѣрность была очень далека отъ абсолютной. Ошибка нашихъ предковъ была совершенно схожею съ ошибкою того мудреца премудраго, который воображаетъ, что онъ необходимо долженъ видѣть предметъ тѣмъ болѣе четко, чѣмъ болѣе близко держитъ его къ глазамъ. Они ослѣпляли себя, кромѣ того, неосязаемымъ щекочущимъ Шотландскимъ нюхательнымъ табакомъ *подробностей*; и такимъ образомъ, восхваленные факты Хоггистовъ отнюдь не всегда были фактами — обстоятельство малой важности, если-бы не допущеніе, что они всегда таковыми *были*. Однако, жизненная зараза Бэконизма—самый прискорбный источникъ ошибки здѣсь—заклучалась въ его склонности швырять власть

и почитаніе въ руки людей просто воспрнимающихъ, въ руки этихъ пискарей среди тритончиковъ, микроскопическихкихъ ученыхъ, откапывателей и разносчиковъ мелочныхъ фактовъ, но большей части, изъ области физическаго знанія—фактовъ, которые они кромсали и продавали по мелочамъ за одну и ту-же самую цѣну на проѣзжей дорогѣ; ихъ цѣнность зависѣла, какъ предполагалось, просто отъ факта ихъ фактичности, безъ отношенія къ ихъ прямѣимости или непрямѣимости, въ развитіи тѣхъ конечныхъ и единственно неподложныхъ фактовъ, что называются Закономъ.

«На лицѣ земномъ», продолжастъ это письмо, «никогда не существовало лицемѣровъ и тирановъ болѣе несноснаго, болѣе нестерпимаго разряда, нежели эти индивидуумы, внезапно, такимъ образомъ, вознесенные Хогговской философій до ситуаціи, къ которой они вовсе не подходятъ, эти персоны, перенесенныя изъ кухонныхъ судомоенъ въ гостинныя Знанія, и изъ чулановъ на каюдры. Ихъ символъ вѣры, ихъ текстъ, и ихъ проповѣдь, заключались, равно, въ одномъ словѣ „фактъ“—но по большей части, они даже не знали смысла одного этого слова. Что до тѣхъ, кто дерзаль тревожить ихъ факты, съ цѣлью привести ихъ въ порядокъ и воспользоваться ими, ученики Хогга обращались съ ними безъ милосердія. Всѣ попытки обобщенія встрѣчались немедленно словами: „тереотическій“, „теорія“, „теоретикъ“—всякая мысль, словомъ, прямо воспринималась ими какъ личное имъ оскорбленіе. Разрабатывая Естествознаніе во исключеніе Метафизики, Математики, и Логики, многіе изъ этихъ философовъ Бэконовскаго рода—одномысленные, однобокіе, и одноногіе—были болѣе жалостно беспомощны, болѣе жалко невѣжественны, передъ лицомъ всѣхъ постыжимыхъ цѣлей знанія, чѣмъ самый безграмотный мужикъ, который доказываетъ, что онъ знаетъ по крайней мѣрѣ что-нибудь, допуская, что онъ не знаетъ совершенно ничего.

«И наши предки не имѣли никакихъ лучшихъ основаній толковать о *достоверности*, когда слѣдовали, въ слѣпомъ довѣрїи, по *апріорному* пути аксіомъ, или пути Барана. Въ безчисленныхъ пунктахъ этотъ путь былъ врядь-ли такъ прямъ какъ бараній рогъ. Простая истина заключается въ томъ, что Аристотелевцы воздвигали свои замки на основаніи гораздо менѣе надежномъ, чѣмъ воздухъ; *ибо такія вещи какъ аксіомы никогда не существовали и никогда не могутъ существовать вовсе*. Чтобы не видѣть этого, или хотя-бы не заподозрить, они должны были быть, на самомъ дѣлѣ, весьма слѣпыми; ибо даже въ ихъ собственное время, многія изъ ихъ давно допущенныхъ „аксіомъ“, были оставлены: напримѣръ: „*ex nihilo nihil fit*“, или „вещь не можетъ дѣйствовать тамъ, гдѣ ея нѣтъ“, или „нѣтъ антиподовъ“, или „тьма не можетъ происходить изъ свѣта“. Эти и многочисленныя подобныя положенія, первоначально принятыя безъ колебанія, какъ „аксіомы“, или неотрицаемыя истины, были, даже въ періодъ, о которомъ я говорю, разсматриваемы какъ совершенно неприемлемыя: сколь-же нелѣпо было со стороны этихъ людей упорствовать на необходимости опираться, какъ на незыблемомъ, на томъ основаніи, измѣнчивость котораго столь много разъ явила себя!

«Но, даже благодаря свидѣтельству, доставляемому ими самими противъ нихъ-же самихъ, легко уловить этихъ *апріорныхъ* резонеровъ въ грубѣйшей нерезонности — легко показать бесплодность — неосвязаемость ихъ аксіомъ вообще. Передо мною лежитъ» — нужно замѣтить, что мы продолжаемъ слова письма — «передо мной сейчасъ лежитъ книга, напечатанная приблизительно тысячу лѣтъ тому назадъ. Грамотникъ удостовѣряетъ меня, что это рѣшительно умнѣйшая древняя книга по данному предмету, каковой есть Логика. Авторъ, который былъ весьма цѣнимъ въ свое время, былъ нѣкто Миллеръ или Милль; о немъ рассказываютъ, отмѣчая это какъ обстоятельство

нѣкоторой важности, что онъ обыкновенно ѣздилъ верхомъ на мельничной лошади, которую онъ называлъ Иеремія Бентамъ:—но заглянемъ въ самую книгу.

«А!—„Способность или неспособность понимать“, говорить Мистеръ Милль, весьма умѣстно, „ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть принята какъ мѣрило аксіомной истины“. Но что это осязательный трюизмъ, не будетъ отрицать никто, владѣющій своимъ здравымъ смысломъ. Не допустить данное положеніе, это значить подсказывать обвиненіе въ перемѣнчивости, взводимое на самую Истину, коей самый титулъ есть синонимъ Стойкаго. Если способность понимать брать какъ мѣрило Истины, тогда истина для *Давида Юма* была-бы очень рѣдко истиной для *Иосифа*; и девяносто девять сотыхъ того, что неотрицаемо на Небѣ, было-бы доказуемо какъ ложность на Землѣ. Итакъ, положеніе Мистера Милля основательно. Я не могу принять, чтобы оно было *аксіомой*; и это просто потому, что я показываю, что *никакихъ* аксіомъ не существуетъ; но съ тонкимъ ограниченіемъ, которое не можетъ быть придирчиво зацѣплено ни даже самимъ Мистеромъ Миллемъ, я готовъ принять, что, *если* какая-нибудь аксіома *существуетъ*, тогда положеніе, о которомъ мы говоримъ, имѣетъ полнѣйшее право быть разсматриваемо какъ аксіома—что *болѣе* абсолютной аксіомы *нѣтъ*—и, слѣдственно, каждое послѣдующее положеніе, которое вступить въ столкновеніе съ этимъ, первично выставленнымъ, должно быть или ложнымъ въ самомъ себѣ—то есть, не аксіомой—или, если допустить его аксіомность, должно сразу уничтожать и себя и предшественника своего.

«А теперь, логикою самого ихъ возвѣстителя, распробуемъ какую-нибудь изъ возвѣщенныхъ аксіомъ. Даруемъ Мистеру Миллю наилучшую игру. Не будемъ искать зауряднаго розыгрыша. Мы выберемъ для разсмотрѣнія не аксіому заурядную — не аксіому того, что, — столь-же

нелѣпо, сколь просто подразумѣваемо — онъ опредѣляетъ, какъ классъ второразрядный — какъ будто какая-нибудь положительная истина черезъ опредѣленіе можетъ стать, болѣе или менѣе положительной истиной: мы выберемъ, говорю я, не аксіому безспорности, столь спорной, какъ имѣющаяся быть найденной у Эвклида. Мы не будемъ говорить, на примѣръ, о такихъ положеніяхъ, какъ то, что двѣ прямыя линіи не могутъ замыкать пространство, пли, что цѣлое больше, чѣмъ какая либо изъ его частей. Мы доставимъ логизирующему *всѣ* преимущества. Мы сразу приступимъ къ положенію, которое онъ разсматриваетъ какъ верховную высъ безспорности — какъ квинтъ-эссенцію аксіомной неотрицаемости. Вотъ: — „Противорѣчія не могутъ быть *оба* вѣрны — то-есть, не могутъ сосуществовать въ природѣ“. Здѣсь Мистеръ Милль разумѣетъ, на примѣръ, — и я даю самый вѣскій постижимый примѣръ, — что какое-нибудь дерево должно быть пли деревомъ пли не деревомъ — что оно не можетъ быть въ одно и то-же самое время деревомъ *и* не деревомъ: все это вполне разумно само по себѣ, и примѣчательно отвѣтствуетъ въ качествѣ аксіомы, пока мы не сопоставимъ это положеніе съ аксіомой, на которой настаивалось за нѣсколько страницъ перелъ этимъ; другимъ словами — словами, которыя я уже ранѣе употреблялъ — пока мы не распробуемъ это логикою собственнаго возвѣстителя аксіомъ. „Дерево“, увѣряетъ Мистеръ Милль, „должно быть деревомъ или не деревомъ“. Прекрасно: а теперь, да будетъ мнѣ позволено спросить его *почему*. На этотъ маленькій вопросъ есть только одинъ отвѣтъ — я зову любого изъ живущихъ изобрѣсти другой. Единственный этотъ отвѣтъ таковъ: — „Потому что мы находимъ это *невозможнымъ* понять, что дерево можетъ быть чѣмъ-нибудь кромѣ дерева или не дерева“. Вотъ, повторяю я, единственный отвѣтъ Мистера Милля — онъ не будетъ *притязать* на внушеніе другого; и однако же, согласно съ собственнымъ его по-

казаніемъ, его отвѣтъ ясно есть вовсе не отвѣтъ—ибо не потребоваль-ли онъ уже отъ насъ допустить, *какъ аксіому*, что способность или неспособность понять, *ни въ какомъ случаѣ* не можетъ быть принята какъ мѣрило аксіомной истины? Такимъ образомъ вся—абсолютно *вся* его аргументація—на морѣ безъ руля. Пусть не указываютъ, что исключеніе изъ общаго правила должно быть сдѣлано въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ „невозможность понять“ особливо велика, какъ когда насъ призываютъ понять, что дерево *есть* и дерево и не дерево. Пусть не пытаются, говорю я, настаивать на такомъ глупствѣ; ибо, во-первыхъ, нѣтъ *ступеней* „невозможности“, и такимъ образомъ, никакое невозможное представленіе не можетъ быть *болѣе* особливо невозможнымъ, чѣмъ другое невозможное представленіе: во вторыхъ, Мистеръ Милль самъ—безъ сомнѣнія, послѣ окончательнаго разсмотрѣнія—самымъ четкимъ и самымъ основательнымъ образомъ, устранилъ всякую возможность исключенія—внесенностью своего положенія, что *ни въ какомъ случаѣ* способность или неспособность понять не можетъ быть принята какъ мѣрило аксіомной истины: въ-третьихъ, если-бы даже исключенія были, вообще, допустимы, нужно показать, какимъ образомъ какое-либо исключеніе допустимо *здѣсь*. Что дерево можетъ быть сразу и деревомъ и не деревомъ, это мысль, которую ангелы или дьяволы *могутъ* принять, и которую, безъ сомнѣнія, многіе изъ земныхъ Бэдламитовъ или Трансценденталистовъ *принимаютъ*.

«Но если я ссорюсь съ этими древними», продолжаетъ авторъ письма, «это не *столько* по причинѣ прозрачной легковѣсности ихъ логики—которая, говоря на чистоту, была безосновной, ничего не стоящей, и совершенно фантастической—сколько по причинѣ ихъ широковъщательнаго и напыщеннаго возбраненія всѣхъ *другихъ* дорогъ къ Истинѣ, кромѣ двухъ узкихъ и кривыхъ тропинокъ—по одной ползти, по другой волочиться—каковыми, въ

своимъ невѣжественномъ извращеніи, они осмѣливались тюремно ограничить Душу—Душу, которая ничего такъ не любитъ, какъ парить въ тѣхъ областяхъ безграничной интуиціи, внутрезоркости, которыя столь крайне не знаютъ *пути*.

«Между прочимъ, дорогой мой другъ, не очевидность ли это умственного рабства, наложеннаго на этихъ лицемерныхъ людей ихъ Хогами и Рамами *), что, несмотря, на вѣчную болтовню ихъ ученыхъ о *дорогахъ* къ Истинѣ, никто изъ нихъ не наткнулся, хотя бы случайно, на то, что мы воспринимаемъ столь четко какъ самую широкую, самую прямую, и наиболѣе удобную изъ всѣхъ путей—дорогъ—большую проѣзжую дорогу—великолѣпный торный путь *Сообразнаго*? Не удивительно-ли, что они опустили вывести изъ дѣлъ Бога то жизненно важное соображеніе, что *совершенная сообразность, согласованіе, не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ абсолютною истиной*? Какъ ясно — какъ быстро шествіе наше впередъ, послѣ запоздалаго возвѣщенія этого положенія! Съ помощью него, изслѣдованіе было вырвано изъ рукъ подземныхъ кротовъ и отдано какъ долгъ, скорѣе чѣмъ какъ задача, истиннымъ—единственно истиннымъ мыслителямъ—людямъ, соединяющимъ общую образованность съ пламеннымъ воображеніемъ. Эти послѣдніе—наши Кеплеры—наши Лапласы—„предаются умозрѣніямъ“—„строить теоріи“—это суть точные термины—не можете-ли вы вообразить вопль презрѣнія, которымъ бы ихъ встрѣтили наши предки, если бы имъ было возможно заглянуть черезъ мое плечо, пока я пишу? Кеплеры, повторяю я, предаются умозрѣніямъ — теоріямъ — и ихъ теорія лишь исправляются—сводятся—просѣиваются—очищаются, мало-по-малу, отъ мякины несообразности — пока, наконецъ, они не являютъ себя какъ незагроможденная *Сообразность — Согласованность* — сообразность, которую и глупѣйшій допустить—ибо эта сообразность есть абсолютная и безспорная *Истина*.

*) Хогъ—свинья; Рамъ—баранъ. К. Б.

«Я часто думалъ, другъ мой, что это должно было весьма озадачить данныхъ догматиковъ тысячу лѣтъ тому назадъ, опредѣлить, идя по какой изъ двухъ прославленныхъ дорогъ криптографъ достигаетъ разрѣшенія самыхъ сложныхъ шифровъ—или по какой изъ нихъ Шамполлионъ привелъ человѣчество къ тѣмъ важнымъ и безчисленнымъ истинамъ, которыя въ теченіи столь многихъ столѣтій лежали схороненными среди фонетическихъ піероглифовъ Египта. Въ особенности, не причинило ли бы этимъ лице-мѣрамъ кое-какихъ хлопотъ опредѣлить, по какой изъ ихъ двухъ дорогъ была достигнута самая важная и возвышенная изъ *всѣхъ* ихъ истинъ—истина—фактъ *тяготѣнія*? Ньютонъ вывелъ эту истину изъ законовъ Кеплера. Кеплеръ допускалъ, что эти законы онъ *угадалъ*—эти законы, изслѣдованіе которыхъ открыло величайшему изъ Британскихъ астрономовъ это правило, основу всякаго (существующаго) физическаго правила, заходя за которое, мы вступаемъ сразу въ туманное царство Метафизики. Да!—эти жизненные законы Кеплеръ *угадалъ*—то-есть, онъ *вообразилъ* ихъ. Если-бъ его спросили, дедуктивною или индуктивною дорогой онъ дошелъ до нихъ, его отвѣтъ могъ бы гласить—„я ничего не знаю о *дорогахъ*—но я *знаю* сложную машину Вселенной. Вотъ она. Я ухватилъ ее *моею душой*—я достигъ до нея простою силой *интуиціи*“. Увы, бѣдный невѣжественный старикъ! Не могъ ли бы какой-нибудь метафизикъ сказать ему, что то, что онъ назвалъ „интуиціей“, было лишь убѣжденіемъ, получившимся изъ дедукцій или индукцій, поступательный ходъ которыхъ былъ столь тѣневой, что ускользнулъ отъ его сознанія, увернулся отъ его разсудка, или посмѣялся надъ его способностью выраженія? Этакая жалость, что какой-нибудь „моральный философъ“ не просвѣтилъ его насчетъ всего этого! Какъ бы это утѣшило его на смертномъ его одрѣ, если-бы онъ узналъ, что вмѣсто того, что онъ шелъ интуитивно, и, такимъ образомъ, неблагопри-

стойно, онъ, въ дѣйствительности, поступилъ совсѣмъ законно и соблюлъ полный декорумъ—то-есть, двигался по Хогговскому, или, по крайней мѣрѣ, по-Рамовскому—въ обширные чертоги, гдѣ скрываются, мерцаая, не хранимая, и доселѣ нетронутая смертной рукой—неузрѣнная смертнымъ окомъ—непогубимыя и безцѣнныя тайны Вселенной!

«Да, Кеплеръ былъ существеннымъ образомъ *теоретикъ*; но этотъ титулъ, *нынѣ* столь священный, былъ въ эти древнія времена означеніемъ крайне презрительнымъ. Это только *теперь* люди начинаютъ цѣнить того божественнаго старца—сочувствовать пророческой и поэтической рapsодіи его вѣчно-памятныхъ словъ. Что до меня», продолжаетъ неизвѣстный авторъ письма, «я горю священнымъ огнемъ, когда я только думаю о нихъ, и чувствую, что я никогда не устану ихъ повторять.—Въ заключеніе этого письма да будетъ мнѣ дано истинное наслажденіе переписать ихъ еще разъ:—*„Я не безтокуюсь о томъ, будетъ ли читаться мое произведеніе нынѣ, или потомствомъ. Я могу столько же подождать читателей, если самъ Богъ шесть тысячъ лѣтъ ждалъ одного зрителя. Я лую. Я похитилъ золотую тайну Египтянъ. Я хочу услаждаться моимъ священнымъ изступленіемъ“.*»

Здѣсь кончаются мои выдержки изъ этого весьма необъяснимаго и, быть можетъ, нѣсколько дерзкаго посланія; и, быть можетъ, было бы безуміемъ пояснять, въ какомъ-либо отношеніи, химерическія, чтобы не сказать революціонныя, фантазіи автора—кто-бы онъ ни былъ—фантазіи, столь рѣзко враждующія съ благо-принятыми и благо-установленными мнѣніями этого вѣка. Приступимъ же опять къ законному нашему тезису—*Вселенной*.

Этотъ замыселъ допускаетъ выборъ между двумя способами разсужденія:—мы можемъ *восходить* или *нисходить*. Начиная съ нашей собственной точки зрѣнія, съ Земли, на которой мы стоимъ, мы можемъ перейти къ другимъ

планетамъ нашей системы, отсюда къ Солнцу, отсюда къ нашей системѣ, разсматриваемой собирательно, и отсюда, черезъ другія системы, неопредѣленно во виѣ; или, начиная на высотѣ съ какой-нибудь точки, такъ опредѣленной, какъ мы это можемъ сдѣлать или вообразить, мы можемъ нисходить до обиталища Человѣка: Обычно, то есть въ заурядныхъ разсужденіяхъ по Астрономіи, усвоитъ, съ нѣкоторыми оговорками, первый изъ двухъ этихъ способовъ: это на основаніи того очевиднаго довода, что разъ астрономическія *данныя*, только, и первоосновы, являются предметомъ изслѣдованія, таковая цѣль наилучше достигается при поступательномъ шествіи отъ наиболѣе извѣстнаго, ибо близкаго, впередъ до точки, гдѣ всякая достовѣрность теряется въ отдаленномъ. Для моей настоящей цѣли, однако, для того, чтобы сдѣлать умъ способнымъ получить, какъ бы издали и съ одного взгляда, отдаленное представленіе *самоотдѣльной* Вселенной—ясно, что нисхождение отъ малаго къ великому—до крайнихъ предѣловъ отъ средоточій (если-бъ мы могли установить какое-нибудь средоточіе)—къ концу отъ начала (если-бъ мы могли вообразить какое-нибудь начало), было бы путемъ предпочтительнымъ, ежели-бы не трудность, если не невозможность, представить, этимъ путемъ, неастрономически мыслящему, картину сколько-нибудь постижимую касательно такихъ соображеній, которыя включены въ *количество*—то-есть, въ число, величину, и разстояніе.

Но отчетливость—понимаемость, во всѣхъ отношеніяхъ, есть первичная черта въ общемъ моемъ замыслѣ. Въ предметахъ важныхъ лучше быть въ доброй мѣрѣ многословнымъ, нежели, хоть сколько-нибудь, темнымъ. Неясность есть качество несоприсутствующее въ какомъ-либо предметѣ *самомъ по себѣ*. Все сходно, въ легкости пониманія, для того, кто приближается къ чему-нибудь по соразмѣреннымъ, въ должной степени, ступенямъ. Лишь потому, что, тутъ и тамъ, забывчиво пропустили

ступеньку на нашей дорогѣ къ Дифференціальному Исчисленію, оно не столь-же совершенно просто, какъ какой-нибудь сонетъ Мистера Соломона Спесо.

Итакъ, чтобы не допускать никакой *возможности* для лжепониманія, я считаю благопригоднымъ говорить такъ, какъ если-бы даже наиболѣе явныя очевидности, относящіяся къ Астрономіи, были неизвѣстны читателю. Сочетая два способа разсужденія, на которые я указывалъ, я задаюсь цѣлью воспользоваться выгодами, свойственными каждому—и, всѣмъ особенно, *повтореніемъ частныхъ*, которое будетъ неизбѣжнымъ, какъ слѣдствіе замысла. Начиная съ нисхожденія, я оставляю для возвращенія вверхъ тѣ необходимыя соображенія о *количествѣ*, на которыя намекъ былъ уже сдѣланъ.

Начнемъ же сразу съ этого самаго простаго изъ словъ, „Безконечность“. Это слово, такъ же какъ слова „Богъ“, „духъ“, и нѣкоторыя другія выраженія, коихъ равнозначущія существуютъ на всѣхъ языкахъ, отнюдь не есть выраженіе какой-нибудь мысли, а лишь нѣкое усиліе устремленное къ ней. Оно есть замѣна возможной попытки невозможнаго понятія. Человѣкъ нуждался въ означеніи, которымъ могъ-бы указать на *направленіе* этого усилія—облако, за которымъ находился, навсегда невидимый, *предметъ* его попытки. Кратко говоря, требовалось слово, съ помощью котораго одно человѣческое существо могло бы сразу вступать въ соотношеніе съ другимъ человѣческимъ существомъ и съ извѣстнымъ *устремленіемъ* человѣческаго разума. Изъ такой потребности возникло слово „Безконечность“; оно изображаетъ, такимъ образомъ, лишь *мысль* нѣкоторой мысли.

Что касается *этой* безконечности, нынѣ разсматриваемой—безконечности пространства—мы часто слышимъ, какъ говорится, что „умъ допускаетъ эту мысль—соглашается на нее—принимаетъ ее—по причинѣ большей трудности, которая сопровождается понятіе границы“. Но это,

просто на просто, одна изъ тѣхъ *фразъ*, которыми даже глубокіе мыслители, съ незапамятныхъ временъ, при случаѣ съ удовольствіемъ обманываютъ *самихъ себя*. Заколючка скрыта въ словѣ „трудность“. „Умъ“, говорятъ намъ, „принимаетъ мысль о *безграничномъ* въ силу большей *трудности*, которую онъ находитъ въ томъ, чтобы принять мысль объ *ограниченномъ* пространствѣ“. Но, если-бы данное предложеніе было лишь честно *выражено*, его бессмыслица сразу сдѣлалась-бы прозрачною. Ясно, въ данномъ случаѣ существуетъ не простая *трудность*. Замышленное утвержденіе, если его выразить *согласно* его замышленности, и безъ софистики, будетъ гласить:— „Умъ допускаетъ мысль о безграничномъ, въ силу большей *невозможности* принять мысль объ ограниченномъ пространствѣ“.

Сразу должно быть очевидно, что тутъ не вопросъ о двухъ утвержденіяхъ, между относительною вѣроятностью которыхъ *умъ* призванъ выбирать — и не о двухъ аргументахъ идетъ рѣчь, коихъ относительная пригодность должна быть опредѣлена — разговоръ идетъ о двухъ понятіяхъ прямо противорѣчивыхъ, и каждое изъ двухъ понятій открыто признано невозможнымъ, и предполагается, что одно изъ нихъ *разумъ* способенъ принять по причинѣ большей *невозможности* принять другое. Выборъ дѣлается *не* между двумя трудностями: *воображаютъ* просто-напросто, что онъ долженъ быть сдѣланъ между двумя невозможностями. Но, что до перваго, тамъ *есть* степени, въ послѣднемъ ихъ нѣтъ — какъ, въ точности, на это уже указалъ нашъ заносчивый авторъ письма. Задача *можетъ* быть болѣе или менѣе трудной; но она, или возможна или невозможна — степеней тутъ нѣтъ. *Могло-бы* быть болѣе *труднымъ* опрокинуть Анды, нежели муравейникъ; но не *можетъ* быть болѣе *невозможнымъ* уничтожить вещество одного, нежели вещество другого. Человѣкъ *можетъ* подскокить на десять футовъ съ меньшею труд-

ностью, нежелая на двадцать, но *невозможность* того, чтобы онъ подскочилъ къ Луиѣ, ни чуточки не меньше, чѣмъ невозможность его скачка къ Свиріусу.

Такъ какъ все это неотрицаемо; такъ какъ выборъ, представляющійся уму, долженъ быть сдѣланъ между *невозможностями* понятія; такъ какъ одна невозможность не можетъ быть больше, чѣмъ другая; и такъ какъ, слѣдственно, одно не можетъ быть предпочтено другому. — философы, которые не только принимаютъ, на упомянутыхъ основаніяхъ, *человѣческую мысль* о безконечности, но, на основаніи такой предположенной мысли, *самую безконечность* — явно стараются доказать, что одна невозможная вещь возможна, если они показываютъ, что другая вещь — тоже невозможна. Это, скажутъ, нонсенсъ — безсмыслица, и, быть можетъ, оно такъ и есть; но-истинѣ, я думаю, что это перворазрядный нонсенсъ, но я только отказываюсь отъ всѣхъ притязаній, чтобы этотъ нонсенсъ былъ моимъ.

Однако же, самый прямой способъ явить ложность философскаго доказательства въ данномъ вопросѣ есть простое указаніе на то, касающееся его обстоятельство, которое доселѣ было совершенно просмотрѣно — то обстоятельство, что указанное доказательство содержитъ въ своемъ предложеніи и свой доводъ, и свое опроверженіе. „Умъ побуждаемъ“, говорятъ теологи и другіе, „допустить *Первую Причину*, превосходящей трудностью, которую онъ испытываетъ для допущенія причины за причиной безъ конца“. Закорючка какъ и раньше, заключается въ словѣ „трудность“, но *здѣсь* — что она хочетъ поддержать? Первую Причину. Что же есть Первая Причина? Предѣльное окончаніе причинъ. Что-же есть предѣльное окончаніе причинъ? Конечность — Конечное. Такимъ образомъ, одна закорючка въ двухъ разсужденіяхъ, Богъ знаетъ сколькими философами, была примѣнена, чтобы утверждать сегодня Конечность, а нынче Безконечность; нельзя-ли ее примѣнить для под-

держки и чего-нибудь еще? Что касается закорючки, они, по крайней мѣрѣ, нестерпимы. Но, чтобы покончить съ ними; что они доказываютъ въ одномъ случаѣ, есть тождественное ничто, которое они доказываютъ въ другомъ.

Разумѣется, никто не предположитъ, что я препираюсь здѣсь о безусловной невозможности *того*, что мы пытаемся указать въ словѣ „Безконечность“. Моя задача лишь показать безуміе попытки доказывать самую Безконечность, или даже понятіе о ней, какимъ-либо такимъ безсвязно бормочущимъ способомъ умозаключенія, какъ тотъ, который обычно примѣняется.

Тѣмъ не менѣе, какъ отдѣльной личности, да будетъ мнѣ позволено сказать, что я *не могу* постичь Безконечность, и, я убѣжденъ, не можетъ ни одно человѣческое существо. Разумъ, который не вполне самосознательнъ, не привыкъ къ глядѣщему внутрь разсмотрѣнію собственныхъ своихъ сложныхъ дѣйствій, нерѣдко, заблудится, это вѣрно, и предположить, что онъ *имѣлъ* представленіе того, о чемъ мы говоримъ. Въ усиліи составить это представленіе мы идемъ шагъ за шагомъ, мы воображаемъ точку за точкой, еще и еще; и пока мы *продолжаемъ* усиліе, дѣйствительно, можетъ быть сказано, что мы *устремляемся* къ образованію замысленнаго представленія; причемъ, сила впечатлѣнія, которое мы, воистину, образуемъ или образовали, находится въ прямомъ отношеніи къ длительности, въ теченіи каковой мы осуществляемъ эту умственную попытку. Но прекращая попытку—завершивъ (какъ мы думаемъ) помысль—давъ (какъ мы предполагаемъ) заключительный ударъ кисти представленію—мы сразу опрокидываемъ все сооруженіе нашей фантазіи, успокоившись на какой-нибудь конечной, и потому, опредѣленной, точкѣ. Этого обстоятельства мы, однако, не усматриваемъ, по причинѣ полного совпаденія во времени, между окончательной остановкой на предѣльной точкѣ и дѣйствіемъ прекращенія мышленія. Пытаясь, съ другой стороны, выработать

предсѣвленіе *ограниченнаго* пространства, мы лишь даемъ обратный ходъ тѣмъ приѣмамъ, которые увлекають насъ въ невозможность.

Мы *вѣримъ* въ нѣкоего Бога. Мы можемъ *открыть* или *не открыть* въ конечное или безконечное пространство; но наше вѣрованіе, въ такихъ случаяхъ, болѣе подходящимъ образомъ обозначается какъ *вѣра*, и это есть обстоятельство совершенно отличное отъ того собственно вѣрованія—отъ того *умственного* вѣрованія—которое предполагаетъ мыслительное представленіе.

Дѣло въ томъ, что при указаніи на какое-либо выраженіе изъ того разряда, къ которому принадлежитъ „Безконечность“—разрядъ, служащій для изображенія *мыслей мысли*—тотъ, кто имѣетъ право сказать, что онъ *вообще* мыслить, чувствуетъ себя призваннымъ *не* принять какое-нибудь представленіе, а просто устремить свое умственное зрѣніе къ какой-нибудь данной точкѣ на мыслительномъ небосводѣ, гдѣ находится нѣкая туманность, которой не суждено никогда быть разрѣшенной. Разрѣшить ее, на самомъ дѣлѣ, онъ и не дѣлаетъ никакого усилія; потому что, быстрымъ чутьемъ онъ постигаетъ не только невозможность, но, поскольку это касается человѣческихъ замысловъ, *несушественность* ея разрѣшенія. Онъ постигаетъ, что Божество *не замыслило* ее для того, чтобы быть ей разрѣшенной. Онъ видитъ сразу, что она находится *вне* человѣческаго мозга, и даже *какъ*, если не въ точности *почему*, она находится *вне* его. *Есть* люди, я знаю, которые, занимаясь попытками достигъ недостижимаго, очень легко приобрѣтають повторнымъ употребленіемъ словоговоренія, пускаемаго ими въ обращеніе, нѣкотораго рода славу каракатицы за глубину, среди тѣхъ мыслителей-мыслящихъ-что-они-мыслятъ, для которыхъ темнота и глубина суть синонимы; но тончайшее свойство Мысли, это ея самопостиганіе; и съ нѣкоторою малой игрой словъ можетъ быть сказано, что никакой туманъ разума не въ

состояніи быть ббльшимъ, чбмъ тотъ, который, простираясь до самыхъ предбловъ мыслительной области, закрываетъ даже эти самые предблы отъ постиженія.

Тенерь будетъ понятно, что, употребляя слова „Безконечность Пространства“, я не призываю читателя принять невозможное представленіе о какой-нибудь абсолютной Безконечности. Я просто говорю о предбльно-постижимомъ протяженіи „пространства“, о тбневой и колеблющейся области, то сжимающейся, то возростающей въ соотвбствіи съ колеблющейся энергіей воображенія.

До сихъ поръ, Звбздная Вселенная всегда разсматривалась какъ совпадающая съ Вселенной собственно, какъ я опредблялъ ее въ началб этого Разсужденія. Прямо или косвенно, всегда принималось—по крайней мбрб, съ самой зари постижимой Астрономіи—что, если бы для насъ было возможно достигъ какой-нибудь данной точки въ пространствб, мы все продолжали бы видбть, со всбхъ сторонъ вокругъ насъ, нескончаемую послбдовательность звбздъ. Это была незащитимая мысль Паскаля, когда, дблая, быть можетъ, самую удачную попытку изъ всбхъ когда-либо сдбланныхъ, для того, чтобы перефразировать представленіе, къ которому мы съ борьбой устремляемся въ словб „Вселенная“, онъ сказалъ, „Это есть сфера, центръ которой вездб, а окружность нигдб“. Но, хотя это замысленное опредбленіе, въ дбйствительности, не есть опредбленіе Вселенной звбздъ, мы можемъ принять его, съ нбкоторой мыслимой оговоркой, какъ опредбленіе (достаточно строгое для всбхъ прикладныхъ цблей) собственно Вселенной—то-есть Вселенной Пространства. Итакъ, эту послбдную будемъ разсматривать какъ „сферу, центръ которой вездб, а окружность нигдб“. Дбйствительно, въ то время какъ мы находимъ невозможнымъ вообразить конецъ въ пространствб, для насъ нбтъ никакого затрудненія нарисовать себб какое-либо изъ безконечности началъ.

Изберемъ же, какъ исходную нашу точку, *Божество*.

Объ этомъ Божествѣ, *въ самомъ себѣ*, лишь тотъ не безразсуденъ—лишь тотъ не нечестивъ, кто не возвѣщаетъ—ничего. „*Vous ne connaissons rien*“, говоритъ Баронъ Де-Бильфельдъ—„*Vous ne connaissons rien de la nature ou de l'essence, de Dieu:—pour savoir ce qu'il est il faut être Dieu même*“.—„Мы не знаемъ абсолютно *ничего* о природѣ или сущности Бога—чтобы постичь то, что онъ есть, мы должны были-бы сами быть Богомъ“.

„*Мы должны были-бы сами быть Богомъ!*“ Въ то время какъ эти столь поразительныя слова еще звучать въ моихъ ушахъ, я дерзаю, однако, спросить, что, наше теперешнее невѣдѣніе Божества, есть-ли оно то невѣдѣніе, на которое душа осуждена *въковѣчно*.

Удовольствуемся, однако, предположивъ сейчасъ, что *Имъ*—по крайней мѣрѣ, *теперь* Непостижимымъ—*Имъ*—допуская его какъ *Духъ*—то-есть, какъ *не Вещество*—различіе, которое для всякихъ постижимыхъ замысловъ будетъ замѣнять опредѣленіе—*Имъ*, существующимъ какъ *Духъ*, было *создано* или *сдѣлано* изъ *Ничего* силою его Воленія—въ нѣкоторой точкѣ Пространства, которую мы примемъ за средоточіе—въ нѣкоторой дали времени, въ каковую мы не дерзаемъ заглянуть, но, во всякомъ случаѣ, безмѣрно далекой, *Имъ*, повторяю, предположимъ, было создано—*Что?* Это жизненно-важная эпоха въ нашихъ ображеніяхъ. *Что* мы вправѣ—что одно мы въ правѣ предполагать какъ то, что было первично и единственно *создано?*

Мы достигли точки, гдѣ лишь *Интуиція*. Взглядъ внутрь, можетъ помочь намъ—но да позволено мнѣ будетъ напомнить мысль, на которую я уже намекалъ какъ на единственную, которая можетъ надлежащимъ образомъ опредѣлить взглядъ внутрь. Это не что иное, какъ *убѣжденіе* *возникающее изъ тѣхъ наведеній или выведеній, поступательный ходъ которыхъ есть настолько тѣневой, что ускользаетъ отъ нашего сознанія, уклоняется отъ на-*

него разума, или противоборствуетъ нашей способности выраженія. Съ такимъ уразумѣніемъ, я нынѣ утверждаю— что нѣкій взглядъ внутрь совершенно неудержимый, хотя неизъяснимый, понуждаетъ меня къ заключенію, что то, что Богъ первоначально создалъ, что то Вещество, которое, силою своего Воленія, онъ сдѣлалъ изъ своего духа, или изъ Ничего, *не могло быть ничѣмъ инымъ, кромѣ Вещества, въ его предѣльно-постижимомъ состояніи— чего?—Простоты?*

Это будетъ единственнымъ безусловнымъ *допущеніемъ* моего Разсужденія. Я употребляю слово „допущеніе“ въ его повседневномъ смыслѣ; однако-же, я утверждаю, что даже это мое первоначальное предположеніе очень очень далеко, на самомъ дѣлѣ, отъ того, чтобы быть, дѣйствительно, простымъ допущеніемъ. Ничто никогда не было болѣе достовѣрно—никакое человѣческое заключеніе никогда, въ дѣйствительности, не было болѣе правильно—болѣе строго *выведено*: — но увы! поступательный ходъ вывода находится за предѣлами человѣческаго разсмотрѣнія—во всякомъ случаѣ, за предѣлами выразимости на человѣческомъ языкѣ.

Попытаемся теперь постичь, чѣмъ должно было быть Вещество, когда оно находилось, или если оно находилось, въ своемъ безусловномъ крайнемъ состояніи *Простоты*. Здѣсь разсудокъ тотчасъ улетаетъ къ Безчастичности—къ нѣкоторой частицѣ—къ *одной* частицѣ—къ частицѣ *одного* рода—*одного* свойства—*одной* природы—*одной* величины—*одной* формы—къ нѣкоторой частицѣ, поэтому, „безъ формы и пустоты“—къ частицѣ положительно частицѣ во всѣхъ точкахъ—къ частицѣ абсолютно единственной, самоотдѣльной, нераздѣльной, и не недѣлимой только потому, что Онъ, который *создалъ* ее силою своей Воли, можетъ безконечно менѣе энергическимъ проявленіемъ той-же самой Воли, само собою разумѣющимся образомъ, раздѣлить ее.

Итакъ, *Единство* есть все, что я предрѣшаю относительно первично созданнаго Вещества; но я предлагаю показать, что это Единство *есть основа избыточно-достаточная для того чтобы объяснить устройство, существующія явленія, и явно неизбежное уничтоженіе по крайней мѣрѣ вещественной Вселенной.*

Воленіемъ въ бытіе первичная частица довершила дѣяніе или болѣе точно *представленіе* Мирозданія. Мы обратимся теперь къ конечной цѣли, для которой, какъ намъ надо предположить, Частица создала — то-есть, къ конечной цѣли, насколько наши соображенія *еще* могутъ дѣлать насъ способными видѣть ее—къ построению Вселенной изъ нея, Частицы.

Это построеніе осуществилось черезъ *понужденіе* первично и потому правильно *Единого* въ неправильное состояніе *Многихъ*. Дѣйствіе такого свойства включаетъ въ себѣ противодѣйствіе. Разсѣяніе изъ Единства подъ условіями, включаетъ въ себѣ устремленіе къ возвращенію въ Единство — устремленіе неискоренимое, пока оно не удовлетворено. Но объ этомъ я буду говорить болѣе подробно позднѣе.

Допущеніе безусловнаго Единства въ первичной Частицѣ включаетъ допущеніе безконечной дѣлимости. Итакъ, предположимъ, что Частица лишь не цѣликомъ истощена разсѣяніемъ въ Пространство. Изъ одной частицы, какъ изъ центра, предположимъ, сферически излучающимся по всѣмъ направленіямъ—въ безмѣрныя, но еще опредѣленные разстоянія въ первоначально пустомъ пространствѣ—извѣстное, невыразимо большое, однако же, ограниченное, число невообразимыхъ, однако же не безконечно малыхъ, атомовъ.

Теперь, когда эти атомы такъ разсѣяны, или послѣ того какъ они разсѣяны, какія условія ихъ возможно намъ—не предположить, но вывести изъ рассмотрѣнія какъ ихъ источника, такъ и свойства замысла явнаго въ

ихъ разсѣяніи? Такъ какъ *Единство* ихъ источникъ, и *отличіе отъ Единства* есть свойство замысла, явленное въ ихъ разсѣяніи, мы уполномочены предположить, что это свойство, по крайней мѣрѣ, *общимъ образомъ*, сохраняется черезъ весь замыселъ, и образуетъ часть самаго замысла—то-есть, мы будемъ уполномочены помыслить безпрерывныя отличія, во всѣхъ отношеніяхъ, отъ единичности и простоты происхожденія. Но на такихъ основаніяхъ, вправѣ ли мы вообразить атомы разнородными, несхожими, неравными, и неравноотстоящими? Болѣе подробно, должны ли мы считать, что нѣтъ двухъ атомовъ, которые, при ихъ разсѣяніи, были бы той же самой природы, или той же самой формы, или той же самой величины?—и что, послѣ выполненія ихъ разсѣянія въ Пространство, должно ли абсолютно неравное отстояніе, каждаго отъ каждаго, быть помыслено о нихъ всѣхъ? При такомъ распорядкѣ, при такихъ условіяхъ, мы самымъ легкимъ и немедленнымъ образомъ понимаемъ послѣдовательное, наиболѣе выполняемое, приведеніе въ дѣйствіе, до завершенности, какого-либо замысла, подобнаго мной указанному—замысла разности изъ единства—различія изъ самости—разнородности изъ однородности—сложности изъ простоты—словомъ, предѣльно возможной множественности отношенія изъ четко безотносительнаго *Единого*. Безъ сомнѣнія, поэтому, мы *были бы* уполномочены принять все мною упомянутое, если бы не размышленіе, что, во-первыхъ, лишнее дѣйствіе несовмѣстно съ какимъ-либо Божескимъ Дѣяніемъ; и что, во-вторыхъ, предположенная цѣль, повидимому, такъ же легко достижима, когда нѣкоторыя изъ упоминаемыхъ условій опущены въ началѣ, какъ и тогда, когда всѣ они понимаются немедленно существующими. И разумѣю, что нѣкоторыя включены въ остальные, или такъ мгновенна ихъ послѣдовательность, что различіе не можетъ быть офисно. Различіе въ *величинѣ*, напримѣръ, будетъ сразу получено черезъ

устремленіе одного атома къ другому, въ предпочтеніе къ третьему, по причинѣ особаго неравнаго отстоянія; что нужно понять какъ *частичныя неравныя отстоянія между центрами количества въ сосѣднихъ атомахъ различной формы*—обстоятельство отнюдь не находящееся въ противорѣчій съ равнымъ, вообще, распредѣленіемъ атомовъ. Различіе *рода*, кромѣ того, легко постичь какъ простое слѣдствіе различія величины и формы, беря ихъ, болѣе или менѣе, слитно;—на самомъ дѣлѣ, разъ *Единство* Частицы Собственно подразумѣваетъ абсолютную однородность, мы не можемъ вообразить атомы, въ ихъ разсѣяніи, отличающимися по роду, не воображая въ то же время особое проявленіе Божеской Воли при испусканіи каждаго атома, для цѣлей совершенія въ каждомъ перемѣны его существенной природы:—мысль настолько фантастичную тѣмъ менѣе можно дѣлать, что указанная цѣль, какъ это явствуется, сполна достижима безъ такого подробнаго и тщательнаго вмѣшательства. Мы понимаемъ, поэтому, въ цѣломъ, что было бы лишнимъ, и слѣдовательно не философическимъ, предрѣшать объ атомахъ, касательно ихъ цѣлей, что-нибудь большее, чѣмъ *различіе формы* при ихъ разсѣяніи, съ особымъ неравнымъ отстояніемъ послѣ этого—всѣ другія различія сразу возникаютъ изъ этихъ, при самыхъ первыхъ свершеньяхъ построенія массы, громады:—мы, такимъ образомъ, устанавливаемъ Вселенную на чисто *геометрическомъ* основаніи. Конечно, отнюдь не представляется необходимымъ принимать безусловное различіе даже формы между *всѣми* излучившимися атомами—такъ же какъ безусловное особое неравное отстояніе каждаго отъ каждаго. Мы должны только постичь, что нѣтъ *сосѣдствующихъ* атомовъ схожей формы—ни атомовъ, которые могутъ когда либо сближаться, ранѣе ихъ неизбѣжнаго воссоединенія въ концѣ.

Хотя непосредственное и безпрерывное *устремленіе* разъединенныхъ атомовъ къ возвращенію въ ихъ правль-

ное единство подразумѣвается, какъ я сказалъ, въ ихъ неправильномъ разсѣянїи, все же ясно, что это устремленіе должно оставаться безъ послѣдствія—стремленіе и не больше до тѣхъ поръ пока разсѣивающая энергія, прекращая свое дѣйствіе, не оставитъ его, устремленіе, свободнымъ искать своего удовлетворенія. Божеское дѣяніе, однако же, будучи разсматриваемо какъ опредѣленное, и прерванное по выполненіи разсѣянїя, дѣлаетъ намъ понятнымъ сразу *противодѣйствіе*—другими словами, *удовлетворимое* стремленіе разъединенныхъ атомовъ вернуться въ *Одно*.

Но разъ разсѣивающая энергія устранена и противодѣйствіе начало споспѣшествовать окончательному замыслу—*именно, наивозможно большаго Отношенія*—этотъ замыселъ подвергается теперь опасности быть несвершеннымъ въ частяхъ, благодаря какъ разъ этому самому стремленію къ возврату, которое должно осуществлять его выполненіе вообще. *Множественность* есть цѣль; но нѣтъ ничего, дабы удерживать ближайшіе атомы отъ того, чтобы они *немедленно* не ринулись другъ къ другу, въ силу нынѣ удовлетворимаго устремленія, *прежде* выполненія какой-либо изъ цѣлей, задуманныхъ во множественности—и не слились между собою въ полное единство; нѣтъ ничего, что помѣшало бы сцѣпленію различныхъ *единичныхъ* громадъ, въ различныхъ точкахъ пространства—другими словами, ничего, что противоборствовало бы скопленію различныхъ громадъ, изъ коихъ каждая есть безусловно *Одно*.

Для дѣйствительнаго и цѣльнаго выполненія общаго замысла, мы видимъ, такимъ образомъ, необходимость въ нѣкоторомъ отталкиваніи съ ограниченной способностью—въ раздѣляющемъ *что-то*, которое, по устраненіи разсѣивающаго Воленія, въ одно и то же самое время, будетъ допускать приближеніе, и возбранять соединеніе атомовъ; позволяя имъ безконечно приближаться, въ то же

самое время возбраняя имъ положительное соприкоснове-
 ніе; словомъ, нѣчто, имѣющее власть *до известной грани*
время предупреждать ихъ *срощеніе* но не имѣющее спо-
 способности противоборствовать ихъ *сростанію* въ какомъ-либо
 отношеніи *или степени*. Отталкивающая сила, уже раз-
 смотрѣнная какъ особливо ограниченная въ другихъ отноше-
 ніяхъ, можетъ быть разсматриваема, повторяю я, какъ
 имѣющая власть предупреждать безусловное *срощеніе* *лишь*
до нѣкоторой известной поры. Если только мы не допу-
 стимъ, что алканіе Еднства среди атомовъ осуждено не быть
 удовлетвореннымъ *никогда*;—если только мы не предста-
 вимъ, что то, что имѣло начало, не будетъ имѣть конца—
 понятіе, которое не можетъ, *дѣйствительно*, быть принято,
 сколько бы мы ни говорили и ни грезили о томъ, что мы
 его принимаемъ — мы вынуждены заключить, что вообра-
 женное нами отталкивающее вліяніе уступить въ концѣ
 концовъ—подъ давленіемъ *совокупно* примѣняемаго *Едино-*
устремленія, но никогда, и ни въ какой степени не *до-*
тѣхъ поръ, какъ, по выполненіи Божескихъ замысловъ,
 такое совокупное примѣненіе совершится естественно—
 уступить силѣ, которая въ эту предѣльную пору будетъ
 верховною силой, какъ разъ до требуемыхъ размѣровъ, и
 такимъ образомъ, позволить всемірное осѣданіе въ неиз-
 бѣжное, ибо первичное, и потому правильное *Одно*. Усло-
 вія, имѣющія здѣсь быть примиренными, поистинѣ, трудны;
 мы даже не можемъ понять возможности ихъ примиренія;
 тѣмъ не менѣе, кажушаяся невозможность исполнена бле-
 стящихъ внушеній.

Что это отталкивающее нѣчто дѣйствительно суще-
 ствуетъ, *мы видимъ*. Человѣкъ не примѣняетъ, и не знаетъ,
 силы достаточной, чтобы привести два атома въ соприкос-
 новеніе. Это есть лишь хорошо установленное положеніе
 о непроницаемости вещества. Всякій Опытъ доказываетъ
 его—всякая Философія допускаетъ. *Замыселъ* отталкива-
 нія—необходимость его существованія—я попытался пока-

зять; но отъ всякой попытки изслѣдованія его природы и благоговѣнно воздержался; это на основаніи внутренняго убѣжденія, что начальная та основа строго духовна— что она находится въ уютѣ непроницаемомъ для нашего теперешняго пониманія — закутана въ разсмотрѣніи того, что нынѣ—въ нашемъ человѣческомъ состояніи—не можетъ быть разсматриваемо—въ раземстрѣніи *Духа въ себѣ*. Я чувствую, словомъ, что здѣсь вмѣшался Богъ, и здѣсь только, потому что здѣсь, и здѣсь только, узелъ требовалъ вмѣшательства Бога.

На самомъ дѣлѣ, между тѣмъ какъ стремленіе разсѣянныхъ атомовъ къ возвращенію въ Единство будетъ признано сразу какъ основное правило Ньютоновскаго Тяготѣнія, то, о чемъ я говорилъ, какъ объ отталкивающемъ вліяніи, предписывающемъ границы для (немедленнаго) удовлетворенія этого стремленія, будетъ понимаемо какъ то, что мы въ повседневности называемъ то тепломъ, то электричествомъ, то магнетизмомъ; являя наше невѣдѣніе таинственно величественнаго свойства его, этимъ словеснымъ колебаніемъ въ попыткахъ его опредѣлить.

Называя его лишь на данное мгновеніе электричествомъ, мы знаемъ, что всякое опытное разсмотрѣніе электричества дало, какъ конечность, основу или кажущуюся основу *разнородности*. *Только* тамъ, гдѣ вещи различаются, проявляется электричество; и можно предполагать, что они *никогда* не различаются тамъ, гдѣ оно не развивается, по крайней мѣрѣ, явно. По этотъ выводъ находится въ полнѣйшемъ соотвѣтствіи съ тѣмъ, до чего я дошелъ не путемъ опытнымъ. Замыселъ отталкивающаго вліянія, какъ я допустилъ, предупреждаетъ немедленное Единство среди разсѣянныхъ атомовъ; и эти атомы изображены какъ различествующіе одинъ отъ другого. *Различіе* есть ихъ природа—ихъ сущность—совершенно такъ же какъ *не-различіе* есть существенное свойство ихъ движенія. Итакъ, когда мы говоримъ, что попытка соединить два атома

вызвала бы усиленіе, со стороны отталкивающаго вліянія, предупредить соприкосновеніе, мы можемъ съ такимъ же удобствомъ употребить строго обратное предложеніе, гласящее что какая-либо попытка соединить какія-либо два различія будетъ имѣть слѣдствіемъ развитіе электричества. Всѣ существующія тѣла, конечно, составлены изъ этихъ атомовъ въ близкомъ ихъ соприкосновеніи, и должны поэтому быть разсматриваемы какъ простыя сборища большихъ или меньшихъ различій; и сопротивленіе, оказываемое отталкивающимъ духомъ, при попыткѣ соединить какія-либо два подобныя сборища, было бы въ прямомъ отношеніи къ двумъ итогамъ различій въ каждомъ — выраженіе чего, вкратцѣ, будетъ равносильно такому: — *Количество электричества, развивающагося при сближеніи двухъ тѣлъ, пропорціонально различію между относительными суммами атомовъ, изъ коихъ эти тѣла состоятъ.* Что нѣтъ двухъ тѣлъ абсолютно подобныхъ, это есть простое слѣдствіе изъ всего, что было здѣсь сказано. Электричество поэтому, существующее всегда, развивается каждый разъ, когда какія-нибудь тѣла приводятся въ соприкосновеніе, но *проявляется* только тогда, когда приводятся въ соприкосновеніе тѣла *достаточной различности.*

Къ электричеству — продолжая въ настоящее время такъ называть это — мы можемъ справедливо отнести различныя физическія проявленія свѣта, тепла, и магнетизма; но гораздо менѣе подвержены мы ошпбкѣ, приписывая этой, чисто духовной, основѣ болѣе важныя явленія жизни, сознанія, и *Мысли.* Касательно даннаго предмета, однако, я долженъ здѣсь помедлить, чтобы указать, что эти явленія, наблюдаемыя-ли вообще или въ подробностяхъ, кажутся развивающимися *по крайней мѣрѣ въ прямомъ соотношеніи съ разнородностью.*

Отбросивъ теперь два эти двусмысленныя выраженія „тяготѣніе“ и „электричество“, усвоимъ болѣе точное опре-

дѣленія „притяженіе“ и „отталкиваніе“. Первое есть тѣло; второе есть душа: первое вещественная, второе духовная основа Вселенной. *Не существуетъ другихъ основъ. Вся явленія сводимы къ одному или другому, или къ сочетанію обоихъ.* Столь строго это точно — столь цѣлкомъ доказуемо, что притяженіе и отталкиваніе суть *единственныя* качества, черезъ которыя мы воспринимаемъ Вселенную — другими словами, черезъ которыя Вещество выявляется Разуму—что, для всѣхъ чисто доказательныхъ цѣлей, мы вполне вправѣ допускать, что вещество *существуетъ* только какъ притяженіе и отталкиваніе, что притяженіе и отталкиваніе *суть* вещество — что нѣтъ такого постижимаго случая, въ которомъ мы не могли бы употреблять выраженіе „вещество“ и выраженія „притяженіе“ и „отталкиваніе“, взятыя вмѣстѣ, какъ равноцѣнныя, и потому обратимыя, выраженія въ Логикѣ.

Я только что сказала, что то, что я описалъ какъ стремленіе разсѣянныхъ атомовъ къ возвращенію въ ихъ первичное единство, могло бы быть разсматриваемо какъ основа Ньютоновскаго закона тяготѣнія; и на самомъ дѣлѣ, представится лишь малая затруднительность для такого пониманія, если мы взглянемъ на Ньютоновское тяготѣніе въ общемъ его оглядѣ какъ на силу побуждающую вещество отыскивать вещество; то-есть когда мы не обращаемъ вниманія на извѣстный *modus operandi* Ньютоновской силы. Общее совпаденіе удовлетворяетъ насъ; но, при ближайшемъ разсмотрѣніи, мы видимъ въ частности многое, что кажется *несовпадающимъ*, и многое, въ отношеніи чего совпаденіе, по крайней мѣрѣ, не установлено. Напримѣръ: Ньютоновское тяготѣніе, когда мы думаемъ о немъ въ нѣкоторыхъ его проявленіяхъ, вовсе *не* является, повидимому, устремленіемъ къ *единству*, но скорѣе является устремленіемъ всѣхъ тѣлъ по всѣмъ направленіямъ — сочетаніе словъ, видимо, выражающее устремленіе къ разсѣянію. Итакъ, здѣсь есть нѣкоторое

несовпаденіе. И еще; когда мы размышляемъ о математическомъ законѣ, управляющемъ Ньютоновскимъ устремленіемъ, мы видимъ ясно, что никакого совпаденія не вывилось относительно *modus operandi*, по крайней мѣрѣ, между тяготѣніемъ, извѣстнымъ какъ существующее, и тѣмъ, по видимости, простымъ и прямымъ устремленіемъ, которое я допустилъ.

Въ дѣйствительности, я дошелъ до такой точки, когда будетъ надлежащимъ усилить мою позицію, осуществивъ тотъ-же приемъ обратнымъ его ходомъ. Доселѣ мы рассуждали *a priori*, исходя изъ отвлеченнаго соображенія Простоты, какъ того качества, которое наиболѣе правдоподобно опредѣляетъ первичное дѣйствіе Бога. Посмотримъ теперь—что, установленные факты Ньютоновскаго Тяготѣнія не доставятъ-ли намъ, *a posteriori*, нѣкоторыя законныя наведенія.

Что гласитъ Ньютоновскій законъ? Что всѣ тѣла притягиваютъ одно другое съ силою соотносительной квадратамъ ихъ разстояній. И умышленно даль, прежде всего, обиходную версію закона; и признаюсь, что въ ней, какъ и въ большинствѣ другихъ обиходныхъ версій великихъ истинъ, мы находимъ мало что внушающаго. Усвоимъ-же теперь болѣе философское словоупотребленіе:—*Каждый атомъ, каждаго тѣла, привлекаетъ каждый другой атомъ, какъ своего собственнаго, такъ и каждаго другого тѣла, съ силою, которая мѣняется обратно квадратамъ разстояній между притягающимъ и притягаемымъ атомомъ.* Тутъ, на самомъ дѣлѣ, цѣлый потокъ внушенія взрывается въ умѣ.

Но рассмотримъ отчетливо то, что Ньютонъ доказалъ—согласно съ грубо ирраціональными опредѣленіями доказательства, предписаннаго метафизическими школами. Онъ былъ понужденъ удовольствоваться указаніемъ, какъ сполна движенія нѣкоторой воображаемой Вселенной, состоящей изъ притягивающихъ и притягаемыхъ атомовъ,

подчиненныхъ закону, который онъ возвѣсталь, совпадаютъ съ движеніями дѣйствительно существующей Вселенной, поскольку она подлежитъ нашему наблюденію. Таковъ былъ итогъ его *доказательства* — то-есть, таковъ былъ его итогъ, согласно съ условнымъ лицемѣріемъ „философій“. Успѣхи его нагромоздили доводъ на доводъ — такіе доводы, какіе допускаются здравымъ разсудкомъ — но *доказательство* самаго закона, упорствуютъ метафизики, не было усилено ни въ какой степени. „Зрительное, физическое доказательство“ притяженія здѣсь, на Землѣ, въ согласованіи съ Ньютоновскою теоріей, было однако же, наконецъ, доставлено къ великому удовольствію нѣкоторыхъ изъ этихъ умственныхъ ползучекъ. Это доказательство возникло попутно и случайно (какъ возникли почти всѣ важныя истины) изъ попытки удостовѣриться въ средней плотности Земли. Въ знаменитыхъ опытахъ Маскеліна, Кэвендиша, и Байя, преслѣдовавшихъ данную цѣль, притяженіе громады горы было увидѣно, почувствовано, смѣрено, и найдено математически согласующимся съ безсмертною теоріей Британскаго Астронома.

Но несмотря на это подтвержденіе того, что ни въ какомъ подтвержденіи не нуждалось — несмотря на такъ называемое подкрѣпленіе „теоріи“ такъ называемымъ „зрительнымъ и физическимъ“ доказательствомъ — несмотря на *характеръ* этого подкрѣпленія — мысли относительно тяготѣнія, которая даже дѣйствительно философски мыслящіе люди не могутъ не питать въ своемъ умѣ — и въ особенности, мысли о тяготѣніи, которыхъ держатся съ самодовольствіемъ люди заурядные, проистекають, насколько это *видно*, большею частью изъ разсмотрѣнія основы, какъ они находятъ ее развитой — *лишь на планетѣ, на которой они стоятъ*.

Но къ чему тяготѣть такое частичное разсмотрѣніе — какого рода ошибокъ даетъ оно начало? На Землѣ мы *видимъ и чувствуемъ* только, что тяготѣніе увлекаетъ

всѣ тѣла къ *центру* Земли. Никакой человекъ въ обычныхъ своихъ путяхъ жизни не *могъ бы* видѣть или чувствовать что-нибудь другое — не могъ бы постичь, что что-нибудь, гдѣ-нибудь, имѣетъ непрерывное тяготѣющее устремленіе въ какомъ-либо *другомъ* направленіи, кромѣ какъ къ центру Земли; однако же (за однимъ исключеніемъ, которое будетъ указано позднѣе), это достоверность, что все земное (чтобы не говорить теперь о всемъ небесномъ) имѣетъ устремленіе не *только* къ средоточію Земли, но и, кромѣ того, въ каждомъ постижимомъ направленіи.

Далѣе. Хотя о людяхъ философски мыслящихъ нельзя сказать, что они *заблуждаются съ* чернью по данному вопросу, они, тѣмъ не менѣе, невѣдомо для самихъ себя, позволяютъ себѣ быть захваченными *чувствомъ* обиденной мысли. „Хотя въ Языческіе вымыслы болѣе не вѣрятъ“, говоритъ Брайэнтъ въ своей весьма ученой „Мисологін“, „мы, однако, постоянно забываемся и дѣлаемъ выводы изъ нихъ какъ изъ существующихъ дѣйствительностей“. Я разумѣю, что чисто *чувственное воспріятіе* тяготѣнія, какъ мы испытываемъ его на Землѣ, вводя человечество въ заблужденіе, вовлекаетъ его въ фантазію *сосредоточиванія* или *обособленія* его — всегда заводило къ этой фантазіи даже самые мощные умы — непрерывно, хотя и незамѣтно, уводя ихъ прочь отъ дѣйствительнаго опредѣленія основы; такимъ образомъ, возбраняя имъ, до сего дня, осмотрѣть хотя бѣглымъ оглядомъ ту жизненную истину, которая находится въ направленіи діаметрально противоположномъ — за *существенно* опредѣлительными свойствами основы — каковы суть не свойства сосредоточиванія и обособленія — но всемірности и разбѣянія. Эта „жизненная истина“ есть *Единство* какъ *источникъ* явленія.

Позвольте мнѣ теперь повторить опредѣленіе тяготѣнія: *Каждый атомъкаждого тѣла привлекаетъ каждый другой*

атомъ, какъ своего собственнаго, такъ и каждаго другого тѣла, съ силою, которая мѣняется обратно квадратамъ разстояній между притягающимъ и притягаемымъ атомомъ.

Здѣсь читатель да помедлитъ со мною на мгновеніе въ созерцаніи чудесной—несказанной—совершенно невообразимой сложности отношенія, подразумѣваемой въ той достовѣрности, что *каждый атомъ притягиваетъ всякій другой атомъ*—подразумѣваемой просто въ этой достовѣрности притяженія, безъ отношенія къ закону, или способу, которымъ притяженіе проявляется—подразумѣваемой *просто* въ томъ, что каждый атомъ притягиваетъ всякій другой атомъ *вообще*, въ запутанности атомовъ столь многочисленныхъ, что тѣ атомы, которые составляютъ одно пушечное ядро, вѣроятно, превышаютъ, въ простомъ вопросѣ числа, всѣ звѣзды, составляющія строеніе Вселенной.

Если бы мы, просто-на-просто, открыли, что каждый атомъ стремится къ одной какой-нибудь излюбленной точкѣ—къ какому-нибудь особливо притягательному атому—мы и тогда натолкнулись бы на открытіе, которое, само по себѣ, съ достаточностью могло бы заполнить нашъ умъ:—но что именно призываютъ насъ постичь въ дѣйствительности? Что каждый атомъ притягаетъ—сочувствуетъ тончайшимъ движеніямъ всякаго другого атома, и каждому и всѣмъ въ одно и то же самое время, и навсегда, и согласно съ опредѣленнымъ закономъ, сложность котораго, даже будучи разсматриваема только сама по себѣ, крайне превышаетъ захватъ человѣческаго воображенія. Если я предложу удостовѣриться во вліяніи одной пылинки въ солнечномъ лучѣ на ея сосѣднюю пылинку, я не могу выполнить мой замыселъ, не сочтя и не взвѣсивъ предварительно всѣ атомы во Вселенной, и не опредѣливъ точное положеніе ихъ всѣхъ въ такой-то особенный ихъ мигъ. Если я дерзну перемѣстить, даже на билліонную часть дюйма, микроскопическое пятнышко пыли, лежащее

сейчасъ на кончикѣ моего пальца, каково есть свойство этого поступка, на который я дерзнулъ? Я совершилъ дѣяніе, которое сотрясаетъ Луну на ея пути, которое заставляетъ Солнце не быть болѣе солнцемъ, и которое мѣняетъ навсегда участь множественныхъ мпріады звѣздъ, что мчатся и пылаютъ въ величественномъ присутствіи ихъ Творца.

Такія мысли—понятія такія какъ эти—немысленодобныя мысли - мечтанія души скорѣе, чѣмъ заключенія или даже соображенія разума: —мысли, повторяю я, такія какъ эти, суть единственныя, какія мы можемъ надѣяться успѣшно поддерживать въ нашемъ усиліи ухватить великую основу—Притяженіе.

Но съ такими мыслями—съ такимъ *видѣніемъ* чудесной сложности Притяженія, четко возникшимъ въ умѣ— пусть лицо правоспособное мыслить о подобныхъ предметахъ прикоснется къ задачѣ вообразить какую-нибудь *основу* наблюдаемыхъ явленій—условіе изъ котораго они возникаютъ.

Столь очевидное братство среди атомовъ не указываетъ-ли на общность происхожденія? Сочувствіе столь всегосподствующее, столь неискоренимое, и столь сполна безотносительное, не внушаетъ-ли мысли объ общемъ отчествѣ какъ его источникъ? Одна крайность не побуждаетъ ли разумъ къ другой? Безконечность дѣленія не приводитъ-ли къ крайности недѣлимости? Полнота сложнаго не указываетъ ли на совершенство простого? *Не* то, что атомы, какъ мы ихъ видимъ, раздѣлены, или, что они сложны въ своихъ отношеніяхъ—но что они непостижимо раздѣлены и несказанно сложны: на что я теперь указую, это на крайность ихъ условій, скорѣе чѣмъ на самыя условія. Словомъ, не потому-ли что атомы были, въ какую-то отдаленную пору времени, даже *болѣе чѣмъ влѣтъ*—не потому-ли что первично, а слѣдовательно закономѣрно, они были *Одно*—теперь во всѣхъ обстоятельствахъ — во

всѣхъ точкахъ — во всѣхъ направленіяхъ — всѣми способами приближенія — во всѣхъ отношеніяхъ и при всѣхъ условіяхъ — они съ борьбою устремляются *назадъ* къ этому абсолютному, къ этому безотносительному, къ этому безусловному *Одному*?

Кто-нибудь можетъ спросить меня здѣсь:—«Почему — разъ атомы съ борьбою стремятся назадъ къ *Одному* — мы не видимъ и не опредѣляемъ Притяженіе какъ „просто общее стремленіе къ какому-нибудь средоточію?“ Почему въ особенности *ваши* атомы — атомы, которые вы описываете какъ излученные изъ одного средоточія — сразу, по прямой линіи, не устремляются назадъ къ центральной точкѣ ихъ происхожденія?»

Я отвѣчаю, что они *устремляются*; какъ это будетъ явственно показано; но что причина, ихъ къ этому побуждающая, совершенно безотносительна до центра *какъ такового*. Они всѣ стремятся прямолинейно къ нѣкоторому средоточію, по причинѣ шарообразности, съ которою они были излучены въ пространство. Каждый атомъ, образуя одинъ изъ вообще еднообразныхъ шаровъ атомовъ, находится, конечно, больше атомовъ въ направленіи къ средоточію, нежели въ какомъ-либо иномъ направленіи, и въ этомъ направленіи онъ устремленъ — но *не* потому такъ устремленъ, что центръ есть *точка его происхожденія*. Не около какой-нибудь *точки* атомы собираются. Не съ какой-нибудь *мѣстностью*, въ прямомъ-ли, или отвлеченномъ смыслѣ, связаны они, какъ я предполагаю. Ничто подобное *мѣстоположенію* не можетъ быть помыслено какъ ихъ происхожденіе. Ихъ источникъ лежитъ въ основѣ, въ *Единствѣ*. Это — ихъ утраченный родитель. *Этого* они ищутъ всегда — немедленно — по всѣмъ направленіямъ — гдѣ-бы оно ни могло быть найдено, хотя-бы частично; умиротворяя такимъ образомъ, въ нѣкоторой мѣрѣ, неискоренимое устремленіе, находящееся на пути къ совершенному его удовлетворенію въ концѣ. Изъ всего этого

слѣдуетъ, что какая-либо основа, которая будетъ соотвѣтственной для объясненія закона или *modus operandi* притягательной силы вообще, объяснить этотъ законъ въ частности—то-есть, какая-либо основа, которая покажетъ, почему атомы должны стремиться къ *ихъ общему центру излученія* съ силою обратно пропорціональной квадратамъ разстояній, можетъ быть допустима какъ удовлетворительно объясняющая въ то-же самое время устремленіе, согласно тому-же самому закону, этихъ атомовъ каждаго къ каждому;—потому что устремленіе къ средоточію *есть* просто устремленіе каждаго къ каждому, а не какое-либо устремленіе къ средоточію, какъ къ таковому. — Такимъ образомъ, можетъ быть видно, въ то же самое время, что установленіе моихъ положеній не включало-бы никакой *необходимости* видоизмѣненія въ выраженіяхъ Ньютоноваго опредѣленія Тяготѣнія, которое гласитъ, что каждый атомъ притягиваетъ каждый другой атомъ, и т. д., и возглашаетъ лишь это; но (все при томъ условіи, что мое положеніе, въ концѣ, допущено. представляется яснымъ, что нѣкотораго заблужденія можно было бы при случаѣ избѣгнуть въ дальнѣйшихъ успѣхахъ Знанія, если-бъ было усвоено болѣе полное словоупотребленіе — напирмѣръ:— „Каждый атомъ устремляется ко всякому другому атому, и пр., съ силою, и пр.: *общее слѣдствіе есть устремленіе всѣхъ, съ силою подобною, къ нѣкоторому общему средоточію*“.

Обратный ходъ нашихъ разсужденій привелъ насъ, такимъ образомъ, къ тождественному заключенію; но въ то время какъ въ одномъ разсужденіи *взглядъ внутрь* былъ исходной точкой, въ другомъ онъ былъ цѣлью. Начиная первое странствіе, я могъ только сказать, что, съ неудержимымъ внутреннимъ умозрѣніемъ, я *чувствую*, что Простота была отличительнымъ свойствомъ первичнаго дѣйствія Бога—кончая второе, я могу только возгласить, что съ неудержимой внутрезоркостью я постигаю, что

Единство было источникомъ наблюденныхъ явленій Ньютоновскаго Тяготѣнія. Такимъ образомъ, согласно школамъ, я *не доказываю* ничего. Такъ да будетъ: — мой замыселъ лишь внушать — и *убѣждать* черезъ внушеніе. Я съ гордо-стью вѣдаю, что существуютъ нѣкоторые изъ наиболѣе глубокихъ и тщательно осмотрительныхъ человѣческихъ разумовъ; которые *не могутъ* не удовольствоваться изобильно монми — внушеніями. Для этихъ разумовъ — какъ для моего собственнаго — нѣтъ математическаго доказательства, каковое *могло бы* доставить наименьшій добавочный истинный доводъ великой Истины, которую я выдвинулъ — *Истину Первоначальнаго Единства какъ источника — какъ основы Всемирныхъ Явленій*. Что касается меня, я не такъ увѣренъ въ томъ, что я говорю и вижу — я не такъ увѣренъ въ томъ, что мое сердце бьется и что моя душа живетъ — въ томъ, что завтрашнее солнце взойдетъ — нѣкое вѣроятіе, которое еще заключается въ Будущемъ — даже и на тысячную часть я не притязаю быть въ этомъ такъ увѣреннымъ — какъ я увѣренъ въ невозвратно прошломъ *Событіи*, что Все и Всѣ, и Всѣ Мысли о Всемъ и Всѣхъ, съ ихъ несказанной Множественностью Отношенія, возникли сразу въ бытіе изъ первоначальнаго и безотносительнаго *Единого*.

Касательно Ньютоновскаго Тяготѣнія, Докторъ Николь, краснорѣчивый авторъ „Архитектуры Неба“, говорить: — „По истинѣ, у насъ нѣтъ основанія предполагать, что этотъ великій Законъ, какъ онъ нынѣ возвѣщенъ, есть конечная или простѣйшая, и потому всемірная и всеобъемлющая формула нѣкаго великаго Устава. Способъ, которымъ его напряженность уменьшается, съ элементомъ разстоянія, не имѣетъ вида конечной *основы*, каковая всегда принимаетъ простоту и самоочевидность тѣхъ аксіомъ, которыя составляютъ основу Геометріи“.

Но, совершенно вѣрно, что „конечныя основы“, въ общемъ пониманіи словъ, всегда принимаютъ простоту

геометрическихъ аксіомъ—(что до „самоочевидности“, таковой вещи не существуетъ)—но эти основы ясно не „конечныя“; другими словами, то, что мы привыкли называть основами, не суть основы, собственно говоря—разъ можетъ быть лишь одна только *огнова*, Воленіе Бога. Мы не имѣемъ никакого права предполагать, такимъ образомъ, опираясь на то, что мы наблюдаемъ въ правилахъ, которыя мы сумасбродно пожелали именовать „основами“, что-нибудь вообще касательно отличительныхъ свойствъ основы въ точномъ смыслѣ. „Конечныя основы“, о которыхъ говоритъ Докторъ Николь какъ объ отличающихся геометрической простотой, могутъ имѣть и имѣютъ этотъ геометрическій ликъ, будучи частью и частицей нѣкоторой обширной геометрической системы, и такимъ образомъ системы самой простоты—въ которой, тѣмъ не менѣе, *истинно* конечная основа есть, *какъ мы знаемъ*, завершенность сложнаго—то-есть, непостижимаго—ибо не есть ли это Духовная Способность Бога?

Я привелъ, однако, замѣчаніе Доктора Николая не столько, чтобы оспаривать его философію, сколько чтобы обратить вниманіе на то обстоятельство, что, межъ тѣмъ какъ всѣ люди допустили *нѣкоторую* основу, какъ существующую за Закономъ Тяготѣнія, никакой попытки еще не было сдѣлано, дабы указать, что въ частности *есть* эта основа—если мы исключимъ, быть можетъ, случайныя фантастическія усилія отнести это къ Магнетизму, или Месмеризму, или Сведенборгіанизму, или Трансцендентализму, или какому-нибудь равно плѣнительному *изму* того же разряда, и неизмѣнно покровительствуемому однимъ и тѣмъ же разрядомъ людей. Великій умъ Ньютона, въ то время какъ онъ смѣло ухватилъ самый Законъ, отпрянулъ отъ основы Закона. Болѣе подвижная и, по крайней мѣрѣ, болѣе объемлющая, если не болѣе терпѣливая и глубокая, проникательность Лапласа не имѣла мужества пойти здѣсь на приступъ.

Но колебаніе со стороны двухъ этихъ астрономовъ, быть можетъ, вовсе не такъ трудно понять. Они, такъ же какъ всѣ первоклассные математики, были *только* математиками: — ихъ разумъ, по крайней мѣрѣ, отличается твердо выраженной математико-физической окраской. То, что не находится явственно въ области Физики или Математики, кажется имъ какъ Не-Сущность или Тѣнь. Однако-же, мы можемъ весьма удивляться, что Лейбницъ, который былъ примѣчательнымъ исключеніемъ изъ общаго правила въ этомъ отношеніи, и умственный нравъ котораго былъ своеобразнымъ смѣшеніемъ математическаго съ физико-метафизическимъ, не изслѣдовалъ сразу и не установилъ спорную точку. Ньютонъ ли или Лапласъ, отыскивая основу и не находя никакой *физической* основы, должны были мирно успокоиться на заключеніи, что таковой абсолютно нѣтъ; но почти невозможно вообразить, что Лейбницъ, истощивъ въ своихъ изысканіяхъ физическія области, не шагнулъ сразу, смѣло и съ чаяніемъ, въ свои старые знакомые уголки въ царствѣ Метафизики. Здѣсь, на самомъ дѣлѣ, какъ это ясно, онъ *долженъ* былъ дерзнуть отыскивать сокровище — и если, въ концѣ концовъ, онъ не нашелъ его, это, быть можетъ, оттого, что фейный его вожатый, Воображеніе, не былъ достаточно возросшимъ, или достодолжно воспитаннымъ, дабы направить его на надлежащую дорогу.

Я только что замѣтилъ, что, на дѣлѣ, были нѣкоторыя смутныя попытки отнести Тяготѣніе къ какимъ-нибудь, очень неопредѣленнымъ, *измамъ*. Эти попытки, однако, хотя разсматриваемыя какъ смѣлыя, и справедливо такъ разсматриваемыя, заходили не дальше какъ до общности — простѣйшей общности — Ньютоновскаго Закона. Его *modus operandi* никогда, въ предѣлахъ моего вѣдѣнія, не былъ изъясненъ, и не было сдѣлано попытки въ этомъ направленіи. Съ естественнымъ поэтому страхомъ, что меня съ самаго начала примутъ за сумасшедшаго, и съ боязнью,

что это случится прежде, чѣмъ я смогу надлежащимъ образомъ явить мои положенія передъ глазами тѣхъ, кто только и правоспособенъ о нихъ рѣшить, возглашаю я здѣсь, что *modus operandi* Закона Тяготѣнія, вещь чрезвычайно простая и совершенно изъяснимая — то-есть, когда мы будемъ совершать наше приближеніе къ ней съ должною постепенностью и въ вѣрномъ направленіи — когда мы будемъ разсматривать его съ надлежащей точки зрѣнія.

Достигаемъ ли мы мысли о безусловномъ Единствѣ, какъ источникѣ Всего, черезъ разсмотрѣніе Простоты какъ наиболѣе вѣроятнаго отличительнаго свойства первичнаго дѣйствія Бога;—приходимъ ли мы къ ней черезъ разсмотрѣніе всемірности отношенія въ явленіяхъ тяготѣнія; — или мы достигаемъ ея какъ слѣдствія обоюднаго содѣйствія, доставляемаго обоими приемами; — все же, самая мысль, если вообще принимать ее, принимается въ неразрывной связи съ другой мыслью—съ мыслью о состояніи звѣздной Вселенной какъ мы *нынѣ* постигаемъ ее, то-есть, беря состояніе безмѣрнаго *разсѣянія* черезъ пространство. Но связь между двумя этими мыслями—единство и разсѣяніе — не можетъ быть установлена иначе какъ черезъ принятіе третьей мысли — представленіе *излученія*. Разъ абсолютное Единство принимаемо за средоточіе, существующая Вселенная звѣздъ есть слѣдствіе *излученія* изъ этого средоточія.

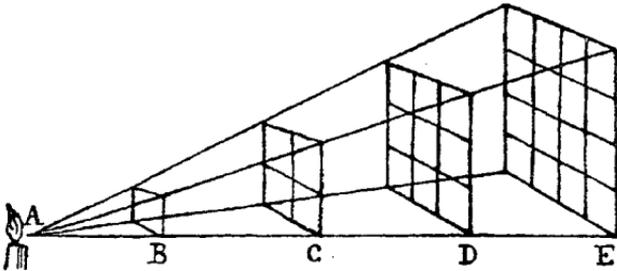
Но законы излученія *извѣстны*. Они суть часть и частица *сферы*. Они принадлежатъ къ разряду *неоспоримыхъ геометрическихъ свойствъ*. Мы говоримъ о нихъ, „они истинны, они очевидны“. Спрашивать, *почему* они истинны, значило бы спрашивать, почему истинны аксіомы, на которыхъ основана доказательность. *Ничто* не доказуемо, строго говоря; но *если* что нибудь можетъ *быть* доказуемо, тогда свойства—законы, о которыхъ идетъ рѣчь, доказаны.

Но эти законы — что они возглашаютъ? Излученіе —

какъ — какими ступенями шествуетъ оно во внѣ изъ средоточія?

Изъ *свѣтового* средоточія *Свѣтъ* исходитъ излученіемъ, и количества свѣта, получаемыя на какой-нибудь данной плоскости, при допущеніи, что эта плоскость мѣняетъ свое положеніе, дѣлаясь то ближе къ средоточію, то дальше отъ него, будутъ уменьшаться въ той же самой соразмѣрности, какъ квадраты разстояній плоскости отъ свѣтового тѣла будутъ увеличиваться; и будутъ увеличиваться въ той же самой соразмѣрности, какъ эти квадраты будутъ уменьшаться.

Выраженіе закона можетъ быть такимъ образомъ обобщено: — число свѣтовыхъ частицъ (или, если такое словоупотребленіе предпочтательнѣе, число свѣтовыхъ

впечатлѣній), получаемыхъ на подвижной плоскости, будетъ *обратно* пропорціонально квадратамъ разстояній плоскости. Обобщая еще, мы можемъ сказать, что разсѣяніе — разбрасываніе — словомъ, излученіе — *прямо* пропорціонально квадратамъ разстояній, на примѣръ: на разстояніи В, отъ свѣтового средоточія А, извѣстное число частицъ разсѣяно такъ, что оно занимаетъ поверхность В. Значитъ, на двойномъ разстояніи, то-есть, С, свѣтovyя частицы будутъ настолько дальше разсѣяны, что займутъ четыре такія поверхности: на тройномъ разстояніи, то-есть, на D, они будутъ настолько дальше отлучены, что займутъ девять такихъ поверхностей; — на четверномъ же

разстояніи, или на Е, они будутъ такъ разсѣяны, что распространятся по шестнадцати такимъ поверхностямъ— и такъ далѣе, навсегда.

Говоря вообще, что излученіе движется въ прямомъ соотношеніи съ квадратами разстояній, мы употребляемъ выраженіе излученіе, дабы опредѣлить *степень разсѣянія*, по мѣрѣ того какъ мы движемся во внѣ отъ средоточія. Опрокидывая представленіе, и употребляя слово сосредоточеніе, дабы выразить *степень сбиранія влѣсть*, по мѣрѣ того какъ мы идемъ назадъ къ средоточію извнѣ, мы можемъ сказать, что сосредоточеніе осуществляется *обратно* квадратамъ разстояній. Другими словами, мы пришли къ заключенію, что, если вещество первично излучилось изъ средоточія, и теперь возвращается къ нему, сосредоточеніе, въ возвращеніи, осуществляется *въ точности такъ же, какъ мы это знаемъ относительно силы тяготѣнія*.

Теперь, если-бы намъ позволено было допустить, что сосредоточеніе въ точности представляетъ *силу устремленія къ средоточію*—что одно въ точности соразмѣрно съ другимъ, и что оба осуществляются вмѣстѣ — мы показали-бы все, что требуется. Такимъ образомъ, единственная трудность заключается въ установленіи прямого соотношенія между „сосредоточеніемъ“ и *силой* сосредоточенія; и это, конечно, сдѣлано, если мы установимъ такое соотношеніе между „излученіемъ“ и *силой* излученія.

Самый поверхностный оглядъ Неба удостовѣряетъ насъ, что звѣзды имѣютъ нѣкоторое общее единообразіе, равномерность, или равностояніе, въ распредѣленіи по той области пространства, въ которой, совокупно, и въ обликѣ грубо шаровомъ, они размѣщены: — этотъ видъ, весьма общей, скорѣе чѣмъ безусловной, равномерности, вполне согласуется съ моимъ выводомъ неравноотстоянія, въ извѣстныхъ границахъ, среди первоначально разсѣянныхъ атомовъ, принимая это какъ сопутствующее слѣд-

ствіе очевиднаго замысла безконечной сложности отноше-
нія, извлеченной изъ безотносительнаго. Я исшелъ, надо
помнить, изъ мысли о вообще еднообразномъ, но въ
частности *несдинообразномъ*, распредѣленіи атомовъ —
мысль, повторяю я, которую оглядь звѣздъ, въ томъ видѣ
какъ они существуютъ, подтверждаетъ.

Но даже просто въ общей равномѣрности распредѣ-
ленія, поскольку она касается атомовъ, предстаётъ нѣко-
торое затрудненіе, каковое, безъ сомнѣнія, уже намѣти-
лось у тѣхъ изъ моихъ читателей, которые думали, что
я предлагаю эту равномѣрность распредѣленія обусловлен-
ной *излученіемъ изъ одного средоточія*. Первый бѣглый
взглядъ на это представленіе, излученіе, понуждаетъ насъ
принять доселѣ неотдѣлимую и по видимости неотдѣляемую
мысль о сгромажденіи вокругъ одного средоточія, и раз-
сѣяніи по мѣрѣ того какъ мы отступаемъ отъ него -- мысль,
словомъ, о *неравномѣрности* распредѣленія касательно
излученнаго вещества.

Но, какъ я замѣтилъ въ другомъ мѣстѣ *), именно съ
помощью такихъ трудностей, какъ нынѣ обсуждаемая—
такихъ шероховатостей—такихъ особенностей—такихъ вы-
пуклостей надъ плоскостью повседнежнаго — Разумъ ощу-
тываетъ свою дорогу, если вообще онъ ее находитъ, въ
своихъ полскахъ Истиннаго.

Пользуясь трудностью—„особенностью“—нынѣ пред-
ставляющейся, я дѣлаю немедленно прыжокъ къ *тайнѣ*,
какой я могъ-бы никогда не достигъ, если-бы не особен-
ность и не заключенія, которыя, по *самому свойству сво-
ей особенности*, она даетъ мнѣ.

Ходъ мысли въ этомъ мѣстѣ можетъ быть грубо очер-
ченъ такъ:—Я говорю себѣ — „Единство, какъ я его объяс-
нилъ, есть истина— я чувствую это. Разсѣяніе есть истина—

*) Смотри „Убийство въ улицѣ Моргъ“.—Томъ 3-ій Русскаго
изданія.

я вижу это. Излученіе, которымъ однимъ эти двѣ истинны примиряются, есть, слѣдственно, истина, я постигаю это. *Равномырность* разсѣянія, сперва выведенная а ргіогі и потомъ подкрѣпленная разсмотрѣніемъ явленій, есть также истина—я вполне допускаю это. До сихъ поръ все ясно вокругъ меня:—здѣсь нѣтъ облаковъ, за которыми, возможно, могла-бы скрываться тайна—великая тайна *modus operandi* тяготѣнія; — но эта тайна, вполне достоверно, находится гдѣ-то *поблизости*; и, если-бы здѣсь было зримо хоть какое-нибудь облако, я вынужденъ былъ-бы это облако заподозрить“. И какъ разъ въ то время, когда я говорю это, дѣйствительно, предстаетъ нѣкое облако. Это облако есть кажущаяся невозможность примирить мою истину, *излученіе*, съ моей истинной, *равномырностью* разсѣянія. Я говорю тогда: — „За этой *кажущейся* невозможностью должно быть найдено то, что я желаю“. Я не говорю „дѣйствительная невозможность“; ибо непобѣдимая вѣра въ мои истины удостовѣряетъ меня, что это лишь простая трудность послѣ всего; но я иду дальше, и говорю съ неколеблущимся довѣріемъ, что, *когда эта трудность* будетъ разрѣшена, мы найдемъ, *закутаннымъ въ ходъ разрѣшенія*, ключъ тайны, котораго мы ищемъ. Кромѣ того—я *чувствую*, что мы найдемъ *лишь одно* возможное разрѣшеніе трудности; это по той причинѣ, что, если-бы ихъ было два, одно было-бы лишнимъ — было-бы безплоднымъ — было-бы пустымъ — не содержало-бы никакого ключа—потому что не можетъ быть надобности въ запасномъ ключѣ къ какой-либо тайнѣ Природы.

А теперь рассмотримъ: — Наши обычныя понятія объ излученіи—на дѣлѣ, *все* наши четкія понятія объ этомъ—извлечены просто изъ того хода, который мы видимъ на примѣрѣ въ *Свѣтѣ*. Здѣсь существуетъ *безпрерывное* изліяніе *луче-потоковъ*, и съ силою, *относительно которой мы, по крайней мѣрѣ, не имѣемъ никакого права предполагать, что она мѣняется вообще*. Но, въ такомъ излуче-

ни, какъ это — непрерывной и неизмѣняющейся силы — области, ближайшія къ средоточію, *неизбѣжно* должны быть всегда болѣе заполнены излученнымъ веществомъ, нежели области болѣе далекія. Но я не предположилъ такого излученія какъ это. Я предположилъ не *безпрерывное* излученіе; и это по простой причинѣ, что такое допущеніе вовлекло-бы сперва въ необходимость принять понятіе, которое, какъ я показалъ, никакой человѣкъ принять не *можетъ*, и которое (какъ я болѣе полно изъясню позднѣе) всякое наблюденіе небосвода опровергаетъ — понятіе абсолютной безконечности звѣздной Вселенной — и вовлекло-бы, во-вторыхъ, въ невозможность пониманія противодѣйствія — то-есть, тяготѣнія — какъ существующаго нынѣ — потому что, въ то время какъ дѣйствіе продолжается, ни о какомъ противодѣйствіи, конечно, не можетъ быть и рѣчи. Мое допущеніе, такимъ образомъ, или скорѣе мое неизбѣжное выведеніе изъ достодолжныхъ посылокъ — было допущеніемъ *опредѣленною* излученія — излученія, въ концѣ концовъ, *прерывающагося*.

Да будетъ мнѣ позволено теперь описать единственный возможный способъ, которымъ вещество могло быть, постижимо, разсѣяно черезъ пространство, такъ что оно могло выполнить сразу условія излученія и вообще равномернаго распредѣленія. Для удобства разьясненія, вообразимъ, прежде всего, пустой шаръ изъ стекла, или изъ чего нибудь другого, занимающій пространство, черезъ которое всемірное вещество должно, такимъ образомъ, равно разсѣиваться посредствомъ излученія изъ абсолютной, безотносительной, безусловной частицы, помѣщенной въ средоточіи шара.

Далѣе. Извѣстное проявленіе разсѣивающей мощи (предполагаемой нами какъ Божественное Воленіе) — другими словами, извѣстная *сила*, мѣра которой есть количество вещества, то-есть, число атомовъ распространен-

ныхъ—распространяеть, излученіемъ, это извѣстное число атомовъ; понуждая ихъ двигаться по всѣмъ направленіямъ во внѣ изъ средоточія — причемъ, ихъ близость другъ къ другу уменьшается по мѣрѣ того какъ они удаляются—пока, наконецъ, они не распредѣляются, вольно, по внутренней поверхности шара.

Когда эти атомы достигли такого положенія, или въ то время какъ они совершаютъ свой ходъ для достиженія его, второе и низшее примѣненіе той-же самой силы — или вторая низшая сила того же самага свойства—распространяеть, такимъ-же самымъ образомъ, то-есть, излученіемъ, какъ раньше — второй слой атомовъ, который приходитъ помѣститься на первый; число атомовъ, въ этомъ случаѣ, какъ и въ первомъ, конечно, есть мѣра силы, которая распространяеть ихъ; другими словами, сила, въ точности, примѣняется къ цѣли, которую она обусловливаетъ—сила, и число атомовъ, высланныхъ силою, *прямо пропорціональны*.

Когда этотъ второй слой достигъ своего назначеннаго положенія — или въ то время какъ онъ приближается къ нему—третье, еще низшее проявленіе силы, или третья низшая сила подобнаго же свойства,—число распространенныхъ атомовъ во *всѣхъ* случаяхъ есть мѣра силы,—приступаетъ къ наложенію третьяго слоя на второй, и т. д., пока эти концентрическіе слои, дѣлаясь все меньше и меньше, не приходятъ, наконецъ, внизъ къ центральной точкѣ, и разсѣиваемое вещество, одновременно съ разсѣиваемою силою, истошается.

Теперь шаръ наполненъ, черезъ излученіе, атомами равно разсѣянными. Два необходимыя условія — условія излученія и равномернаго разсѣянія—удовлетворены; — и *единственнымъ* ходомъ, которымъ возможность ихъ одновременнаго удовлетворенія дѣлается постижимой. По этой причинѣ, я, съ полнымъ довѣріемъ, ожидаю найти, подстерегающей въ настоящемъ состояніи атомовъ, какъ

они распространены через шаръ — тайну, которую я ищу—всезахватывающую основу *modus operandi* Ньютоновскаго закона. Разслѣдуемъ же настоящее состояніе атомовъ.

Они лежатъ въ рядахъ концентрическихъ слоевъ. Они равно разсѣяны чрезъ сферу. Они были излучены въ эти состоянія.

Такъ какъ атомы распространены *равно*, чѣмъ больше поверхностное распространіе какого либо изъ этихъ концентрическихъ слоевъ или сферъ, тѣмъ больше атомовъ будетъ находиться на сферѣ. Другими словами, число атомовъ, находящихся на поверхности какой-либо одной изъ концентрическихъ сферъ прямо пропорціонально распространенности этой сферы.

*Но, въ любомъ рядѣ концентрическихъ сферъ, поверхности суть прямо-пропорціональны квадратамъ разстояній отъ центра *).*

Поэтому число атомовъ любого слоя прямо пропорціонально квадрату разстоянія этого слоя отъ центра.

Но число атомовъ въ извѣстномъ слое есть мѣра силы устремившей этотъ слой — то-есть *прямо-пропорціональна силѣ*.

Поэтому, сила, излучившая извѣстный слой, прямо пропорціональна квадрату разстоянія этого слоя отъ центра—или вообще,

Сила излученія была прямо-пропорціональна квадратамъ разстояній.

Но, Противодѣйствіе, поскольку намъ извѣстно о немъ, есть Дѣйствіе обратное. Такъ какъ, во-первыхъ, *общая* основа Тяготѣнія разумѣема какъ противодѣйствіе дѣйствія—какъ выраженіе желанія со стороны Вещества, каковое существуетъ въ состояніи разсѣянія, вернуться въ Единство, откуда оно разсѣялось; и такъ какъ, во-

*) Короче—поверхности сферъ относятся какъ квадраты ихъ радіусовъ.

вторыхъ, духъ призванъ опредѣлять *свойство* желанія— способъ, которымъ должно оно естественно выявиться; другими словами, такъ какъ онъ призванъ постичь вѣроятный законъ или *modus operandi* для возврата, онъ не можетъ не достигъ до заключенія, что этотъ законъ возврата будетъ въ точности обратный закону исхода. Что это такъ, каждый, по меньшей мѣрѣ, будетъ вполнѣ вправѣ почитать за допущенное, до того времени, пока кто-нибудь не укажетъ какого-либо пріемлемаго основанія, почему бы это должно было быть *не* такъ— до тѣхъ поръ, пока не будетъ воображенъ законъ возврата, который разумъ могъ бы счесть предпочтительнымъ.

Вещество, такимъ образомъ излученное въ пространство съ силой, измѣняющейся соотвѣтственно квадратамъ разстояній, можно *a priori* предположить, вернется къ своему центру излученія съ силой измѣняющейся *обратно* квадратамъ разстояній: и я уже показалъ, что любая основа изъясняющая, какимъ образомъ стремятся атомы, согласно извѣстному закону, къ общему средоточію, должна быть принята достаточно изъясняющей, въ то же время, почему, повинувась тому же самому закону, стремятся они каждый къ каждому. Ибо, дѣйствительно, стремленіе къ общему средоточію не есть стремленіе къ средоточію какъ таковому, но потому оно осуществляется, что это извѣстная точка, стремясь къ которой каждый атомъ стремится прямѣйшимъ путемъ къ своему дѣйствительному и существенному средоточію, Единству—безусловному и конечному *Единенію* всего.

Соображеніе, здѣсь подразумѣвающееся, не представляетъ моему собственному разуму никакого затрудненія. Но это не ослѣпляетъ меня относительно возможныхъ его темнотъ для тѣхъ, кто менѣе привыченъ къ обращенію съ отвлеченностями:—и вообще, хорошо было бы разсмотрѣть предметъ съ двухъ или трехъ другихъ точекъ зрѣнія.

Абсолютная, безотносительная частица первично сотворенная Волеиёмъ Бога, должна была быть въ состоянiи положительной *образцовости*, или закономѣрности — ибо незаконномѣрность влечетъ *соотношенiе*. Правое положительно; неправое отрицательно—оно есть лишь отрицанiе праваго; какъ холодъ есть отрицанiе тепла—тьма свѣта. Чтобы нѣчто стало ошибочнымъ, необходимо, чтобы другое нѣчто было, въ соотношенiи съ которымъ оно *есть* неправое—нѣкоторое условiе, которому бы оно преминуло удовлетворить; нѣкоторый законъ имъ оскверняемый; нѣкоторое бытiе, которому оно наноситъ ущербъ. Если такого бытiя, закона, или условiя, по отношенiю къ которому нѣчто ошибочно, нѣтъ—и, еще точнѣе, если таковыхъ бытiя, закона, или условiя не существуетъ вовсе—тогда это нѣчто *не* можетъ быть ошибочнымъ, и, слѣдственно, должно быть *правымъ*. Всякое уклоненiе отъ образцовости включаетъ устремленiе къ возврату. Разнствованiе съ образцовымъ—съ правымъ—съ справедливымъ—можетъ быть разумѣемо, лишь какъ вызванное превозможенiемъ трудности; и, если сила превозмогающая трудность не безконечно непрерывна, неистребимое устремленiе къ возврату дозволитъ себѣ наконецъ проявиться къ собственному своему удовлетворенiю. По устраненiи силы, устремленiе дѣйствуетъ. Это есть основа противодѣйствiя какъ неизбѣжное слѣдствiе дѣйствiя конечнаго. Употребляя выраженiя, кажущаяся новышенность которыхъ да будетъ прощена за ихъ выразительность, мы можемъ сказать, что Противодѣйствiе есть возвратъ изъ состоянiя *того, что есть и не должно было бы быть* въ состоянiе *того, что было изначально и поэтому быть должно*:—и еще добавлю здѣсь, что абсолютная сила Противодѣйствiя будетъ несомнѣнно найдена всегда въ прямомъ отношенiи съ дѣйствительностью—съ правдой—съ безусловностью *изначальности*—если бы когда-либо было возможно измѣрить эту послѣднюю,—и, слѣдственно,

величайшее изъ всѣхъ постижимыхъ противодѣйствій должно быть именно противодѣйствіе произведенное устремленіемъ, о которомъ мы теперь говоримъ—устремленіемъ къ возврату въ *абсолютную изначальность*—въ *верховную первичность*. Тяготѣніе, поэтому, должно быть *могущественнѣйшей изъ силъ*—мысль достигнутая а *ртіогі* и обильно подтвержденная наведеніемъ. Какое примѣненіе сдѣлаю я этой мысли видно будетъ изъ послѣдующаго.

Атомы, разсѣявшись изъ образцоваго своего состоянія Единства, стремятся вернуться во—что? Не въ какую-нибудь особую *точку*, конечно; ибо ясно, что, если бы, черезъ разсѣяніе, цѣлая Вселенная вещества, совокупно, отброшена была на извѣстное разстояніе отъ точки излученія, атомное устремленіе къ общему средоточію сферы ничуть не было нарушено—атомы не искали бы точки въ *абсолютномъ пространствѣ*, изъ которой они были изначально увлечены. Только *состояніе*, но не точку или мѣстонахожденіе, гдѣ состояніе это зародилось, эти атомы стараются возстановить; только *того состоянія, которое есть ихъ образцовость*, этого они хотятъ. „Но они ищутъ средоточія“, скажутъ, „средоточіе же есть точка“. Вѣрно; но они ищутъ точки этой не въ ея свойствѣ какъ точки—(ибо, если бы вся сфера содвинулась съ своего положенія, они искали бы, равно, средоточія; и средоточіе *тогда* было бы *новой точкой*)—но происходитъ это по причинѣ формы, въ которой они совокупно существуютъ (формы сферы)—потому, что лишь *чрезъ* разсматриваемую точку—средоточіе сферы—могутъ они достигнуть истинной своей цѣли, Единства. Въ направленіи къ средоточію каждый атомъ ощущаетъ большее количество атомовъ, чѣмъ въ любомъ иномъ направленіи. Каждый атомъ увлекаемъ къ средоточію, потому что по прямой линіи, соединяющей его съ центромъ и выходящей за окружность, расположено большее число атомовъ, чѣмъ на протяженіи всякой другой прямой линіи—большее число цѣлей, которыхъ

ищутъ его, отдѣльный атомъ — большее число устремленій къ Единству—большее число удовлетвореній собственному ихъ стремленію къ Единству — однимъ словомъ, потому, что въ направленіи средоточія расположена предѣльная возможность удовлетворенія, вообще, для ихъ собственныхъ личныхъ алканій. Чтобы быть краткимъ, *состояніе*, Единство — это все, что дѣйствительно искомо; и, если атомы *кажутся* ищущими средоточія сферы, то лишь условно, черезъ подразумѣваемость—ибо такое средоточіе предполагаетъ въ себѣ, включаетъ, или содержитъ, только и существующее средоточіе, Единство. Но въ силу этой подразумѣваемости или вводности, невозможно ощутимо отдѣлить устремленіе къ Единству отвлеченному отъ устремленія къ средоточію непосредственному. Такимъ образомъ, устремленіе атомовъ къ общему средоточію *есть*, для всякаго намѣренія прикладнаго, какъ для всякой цѣли логической, устремленіе каждаго къ каждому; и устремленіе каждаго къ каждому *есть* устремленіе къ средоточію; и одно устремленіе можетъ быть принято *за* другое; и что примѣнимо къ одному, всецѣло должно быть примѣнимо къ другому; и въ заключеніе, любое начало, достаточно изъясняющее одно, не можетъ быть оспариваемо какъ изъясняющее и другое.

Отыскивая съ тщательностью вокругъ себя разумнаго возраженія на то, что я высказалъ, я неспособенъ найти *ничего*; но изъ того разряда возраженій, которыя обычно выставляются сомнѣвальщиками сомнѣнія ради, я, весьма охотно, отмѣчаю *три*, и приступаю къ разсмотрѣнію ихъ по порядку.

Скажутъ, быть можетъ, во-первыхъ — „Доказательство, что сила излученія (въ случаѣ описанномъ) прямо-пропорціональна квадратамъ разстояній, зависитъ отъ необоснованнаго допущенія — что число атомовъ каждаго слоя суть мѣра силы, съ которой они были устремлены“.

Я отвѣчаю, не только обоснованъ я въ этомъ допуще-

ни, но я былъ бы крайне *не-обоснованъ* во всякомъ другомъ. Все, что я допускаю, это лишь то, что слѣдствіе есть мѣра своей причины— что каждое свершеніе Божественной Воли будетъ соотносительно требуемому этимъ свершеніемъ—что пути Всемогущества, или Всевѣдѣнія—будутъ въ точности присущи своему предназначенію. Ни недочетъ, ни излишекъ причины не можетъ произвести какого-либо слѣдствія. Если бы сила, излучившая извѣстный слой въ его положеніе, была нѣсколько больше или меньше, чѣмъ та, что нужна для предназначенія, то есть, не въ *прямомъ отношеніи* съ цѣлью, тогда въ подлинное свое положеніе этотъ слой не былъ бы излученъ. Если бы сила, которая въ виду общаго равенства распредѣленія устремила надлежащее число атомовъ для каждаго слоя, не была *прямо пропорціональна* числу, тогда число *не* было бы числомъ, требуемымъ для равенства распредѣленія.

Второе предполагаемое возраженіе нѣсколько лучше уполномочено для отвѣта.

Это установленная основа Динамики, что каждое тѣло, получивши какой-нибудь толчокъ, или побужденіе къ движенію, движется впередъ по прямой линіи, въ направленіи, сообщенномъ ему побуждающей силой, пока движеніе не будетъ отклонено или остановлено какой-нибудь другой силой. Какъ-же, могутъ спросить, мой первый или внѣшній слой будетъ разумѣемъ какъ прерывный въ своемъ движеніи по окружности воображаемой стеклянной сферы, если другая сила, свойства болѣе чѣмъ воображаемаго, не явится для объясненія этого прерыва?

Я отвѣчаю, что возраженіе въ этомъ случаѣ дѣйствительно прористекаетъ изъ „необоснованнаго допущенія“—со стороны возражающаго—предположенія основы Динамики, въ тѣ времена когда основъ *не* существовало въ чемъ бы то ни было. Я употребляю слово „основа“ въ томъ смыслѣ, конечно, какъ понимаетъ это слово возражающій.

„Въ началѣ началъ“ мы можемъ принять — воистину можемъ уразумѣть лишь одну *Первопричину*, достовѣрную конечную *Основу*, Воленіе Бога. Первичное *дѣйствіе*, излученіе изъ Единства, должно было быть независимымъ отъ всего того, что міръ именуется нынѣ „основой“ — ибо все, что мы такъ означаемъ, есть лишь слѣдствіе противо-дѣйствія этого первичнаго дѣйствія. Я говорю „первичное“ дѣйствіе, ибо созданіе абсолютной вещественной частицы скорѣе должно быть разсматриваемо какъ *зачатіе*, чѣмъ какъ нѣкоторое *дѣйствіе* въ обычномъ смыслѣ выраженія. Такимъ образомъ мы должны смотрѣть на дѣйствіе первичное какъ на дѣйствіе для установленія того, что мы нынѣ именуемъ „основами“. Но само это первичное дѣйствіе должно быть разсматриваемо какъ *непрерывность Воленія*. Помысль Бога разумѣемъ быть долженъ какъ зарождающій Разсѣяніе — какъ его сопровождающій — какъ упорядочивающій его — и наконецъ, какъ удаляющійся отъ него по его завершеніи. *Тогда* начинается Противодѣйствіе, и черезъ Противодѣйствіе „Основа“, согласно нашему употребленію слова. Предусмотрительно будетъ, однако, ограничить примѣненіе этого слова къ двумъ *непосредственнымъ* слѣдствіямъ прерывности Божественнаго Воленія — то-есть къ двумъ посредникамъ, *Притяженію* и *Отталкиванію*. Каждый иной Природный посредникъ зависить, въ большей или меньшей степени, непосредственно отъ этихъ двухъ, и поэтому было бы болѣе подходящимъ означить его какъ *подъ-основу*.

Можно возразить, въ-третьихъ, что вообще особый способъ распредѣленія, который я указалъ для атомовъ, есть „гипотеза и ничто болѣе“.

Но мнѣ извѣстно, что слово гипотеза есть большой тяжелый молотъ, хватаемый тотчасъ, если не вздымаемый, всѣми чуточными размышлятелями, при первомъ появленіи всякаго предложенія, въ особенности облеченнаго въ одѣяніе *ученія*. Но за „гипотезу“, съ добрымъ послѣдствіемъ, не

схватятся *здѣсь* даже тѣ, что способны поднять ее—малыели то человѣчки или великаны.

Я утверждаю, во - первыхъ, что *единственно* согласно описанному способу постижимо, что Вещество могло быть распространено такъ, чтобы удовлетворить одновременно условіямъ излученія и общаго равенства распредѣленія. Я утверждаю, во - вторыхъ, что сами эти условія внушены были мнѣ какъ неизбѣжности, въ рядѣ разсужденія, *столь же строго логическаго, какъ то, на которомъ зиждется любое доказательство у Эвклида;* и я утверждаю, въ-третьихъ, что, еслибы даже обвиненіе въ „гипотезѣ“ было столь же полностью подтверждено, сколь есть оно, въ дѣйствительности, несостоятельно и неприемлемо, все же цѣнность и неоспоримость моего вывода не были бы, ни въ малѣйшей подробности, нарушены.

Изъясняя: Ньютоновское Тяготѣніе—извѣстный законъ Природы—законъ, существованіе котораго какъ такового можетъ быть оспариваемо лишь въ Бѣдламѣ—законъ, принятіе котораго какъ такового дозволяетъ намъ изъяснить девять десятыхъ явленій Вселенной—законъ, который, именно въ силу такой его способности изъяснять намъ явленія, мы не прибѣгая ни къ какимъ инымъ соображеніямъ, вполне расположены принять какъ законъ, и не можемъ удержаться отъ принятія какъ закона—законъ, однако, котораго никакая основа или *modus operandi* основы никогда доселѣ не были изслѣдованы человѣческимъ разсмотрѣніемъ—законъ, словомъ, который, ни въ частностяхъ своихъ, ни въ общемъ, *вовсе* не найденъ былъ доступнымъ изъясненію—является, наконецъ, сполна и всесторонне объяснимымъ, стѣдуетъ намъ только допустить соглашеніе съ—чѣмъ? Съ гипотезой? Но, *если* гипотеза—если чистѣйшая гипотеза—если гипотеза, для допущенія которой—какъ въ случаѣ этой *чистой* гипотезы самого Ньютоновскаго закона—ни тѣни причины *a priori* не означится—если гипотеза, столь же безусловная, какъ

все, что она въ себѣ включаетъ, дозволить намъ постичь иѣкоторую основу Ньютоновскаго закона—поможетъ намъ уразумѣть, какъ завершенныя, условія столь чудесно—столь невыразимо сложныя и столь повидимому неразрѣшимыя какъ тѣ, что заключаются въ отношеніяхъ, сообщающихъ намъ о Тяготѣннѣ; какое разумное существо *захочетъ настолько* выявить свое слабоуміе, чтобы называть долѣе гипотезой даже эту безусловную гипотезу—если только оно, дѣйствительно, не будетъ настаивать на такомъ ея наименованіи подразумѣвая, что дѣлаетъ это просто изъ пристрастія къ постоянству *въ словахъ*?

Но, каково же истинное положеніе въ настоящемъ нашемъ случаѣ? Какова *дѣйствительность*? Не только, что это *не* есть гипотеза, которую требуютъ насъ *принять*, чтобы допустить упомянутую изъясняющую основу, но, что это *есть* логическое заключеніе, каковое приглашаемся мы *не* усвоить, ежели можемъ его избѣжать—которое мы просто вынуждаемы *отринуть ежели можемъ*—заключеніе такой точности логической, что оспаривать его было бы затруднительно—сомнѣваться въ его цѣнности внѣ нашихъ силъ—заключеніе, отъ котораго мнѣ не видимъ способа ускользнуть, куда ни обернемся; выводъ, съ которымъ мы на очной ставкѣ, въ концѣ ли мы странствія, гдѣ *наведеніе* проводило насъ чрезъ явленія названнаго закона, или на завершеніи ристалища *выведенія* изъ наиболѣе сурово-простого среди всѣхъ постижимыхъ предположеній—*предположенія, однимъ словомъ, самой Простоты*.

И, если теперъ, пзъ чистаго пристрастія къ крючкотворству, будутъ настаивать, что, хотя исходная моя точка есть, какъ я утверждаю, допущеніе безусловной простоты, однако Простота, разсматриваемая глубже сама въ себѣ, не есть аксіома, и что лишь выведенія изъ аксіомъ суть неоспоримы—я отвѣчу такъ:—

Каждая другая наука, кромѣ логики, есть наука объ

извѣстныхъ непосредственныхъ соотношеніяхъ. Ариѳметика, на примѣръ, есть наука, о соотношеніяхъ числа—Геометрія, о соотношеніяхъ формъ—Математика вообще, о соотношеніяхъ количествъ вообще—чего-бы то ни было, что можетъ быть увеличено или уменьшено. Логика, между тѣмъ, есть наука о Соотношеніи въ отвлеченности—объ абсолютномъ Соотношеніи—Соотношеніи, разсматриваемомъ единственно въ себѣ самомъ. Аксиома, въ любой отдѣльной наукѣ, кромѣ Логикѣ, есть такимъ образомъ просто предположеніе, возвышающее нѣкоторыя непосредственныя соотношенія, кажушіяся слишкомъ явными, чтобы быть оспариваемыми—какъ когда мы говоримъ, на примѣръ, что цѣлое больше своей части; и такимъ образомъ опять, основа *Логической* аксіомы—другими словами аксіомы въ отвлеченности—есть просто *очевидность соотношенія*. Однако, явно, не только, что очевидное для одного разума можетъ быть не очевиднымъ для другого, но и что очевидное для одного разума въ одно время можетъ вовсе не быть очевиднымъ въ другое время для того же самаго разума. Ясно, кромѣ того, что очевидное сегодня всему большинству человѣчества, или большинству избранныхъ умовъ человѣчества, способно быть завтра, для того же большинства, болѣе или менѣе очевидно, или и вовсе не почтется очевиднымъ. Такимъ образомъ видно, что сама *аксіоматическая основа* подвержена колебанію, и, разумѣется, аксіомы способны къ подобному измѣненію. Въ силу ихъ непостоянства, „истины“ изъ нихъ истекающія также неизбѣжно суть непостоянны; или, другими словами, никогда нельзя на нихъ полагаться, какъ на истины вообще—ибо Истина и Неизмѣнность суть одно.

Легко можно уразумѣть, теперь, что никакое аксіоматическое понятіе—никакое понятіе, основанное на зыбкомъ началѣ очевидности соотношенія, не въ состояніи быть столь достовѣрнымъ, столь заслуживающимъ довѣрія въ качествѣ опоры нѣкотораго построенія, воздвигнутаго

Разсудкомъ, какъ *то* понятіе—(чѣмъ-бы оно ни было, гдѣ бы ни было найдено нами, и *если* доступно найти его гдѣ-либо)—всецѣло безотносительное, которое не только не представляетъ разумѣнію *никакой очевидности* соотношенія, большей или меньшей, для разсмотрѣнія, но и не принуждаетъ разумъ, ни въ малѣйшей степени, къ необходимости смотрѣнія на какое-либо отношеніе вообще. Если такое понятіе и не есть то, что, слишкомъ опрометчиво, означаемъ мы „аксіомой“, оно, по меньшей мѣрѣ, какъ Логическое основаніе, предпочтительнѣе всякой когда-либо выдвинутой аксіомы, или всѣхъ воображаемыхъ аксіомъ вмѣстѣ; и таково именно то понятіе, которымъ мой способъ вывода, такъ всецѣло поддержанный наведеніемъ, начинается. *Подлинная моя частица* есть лишь абсолютная *Безотносительность*. Обобщая уже высказанное: Исходной точкой я избралъ просто какъ допущенное, что *Изначальность* никогда не имѣла ничего за собой или передъ собой—что то была *изначальность* по существу—что то была *изначальность* и ничто болѣе какъ *изначальность*—кратко, что эта *Изначальность* была—*тѣмъ, чѣмъ она была*. Если это есть „чистѣйшее предположеніе“, тогда „предположеніемъ чистѣйшимъ“ и быть оно должно.

Въ заключеніе этой вѣтви моего разсужденія:—Я вполне обоснованъ, возглашая, что *Законъ, который мы обычно называемъ тяготѣніемъ, существуетъ, по причинѣ того, что Вещество излучилось, въ своей начальности, атомистически, въ предѣльную*) сферу Пространства, изъ одной, обособленной, безусловной, безотносительной, и абсолютной Подлинной Частицы, единственнымъ способомъ, посредствомъ котораго возможно было удовлетворить въ то же самое время двумъ условіямъ, излученію и всеобще-равному распредѣленію по всей сферѣ—то есть, съ силой взаимно-измѣняющейся въ прямомъ отношеніи съ квадратами раз-*

*) „Предѣльная Сфера“. Сфера неизбежно предѣльна. Я предпочитаю тождество возможной случайности непониманія.

стояній между излученными атомами, соответственно, и особымъ средоточіемъ Излученія.

Я уже высказалъ свои основанія для предположенія Вещества распространеннымъ скорѣе опредѣленной, нежели непрерывной или бесконечно-длительной, силой. Представивъ себѣ непрерывную силу, мы неспособны были бы, во-первыхъ, вовсе понять противодѣйствіе; и вынуждены были бы, во-вторыхъ, принять невозможное представленіе бесконечной протяженности Вещества. Не останавливаясь на невозможности понятія, бесконечная протяженность Вещества есть представленіе, если не положительно опровергнутое, то, по меньшей мѣрѣ, не утвержденное въ какомъ-либо отношеніи телескопическими наблюденіями надъ звѣздами—вопросъ долженствующій быть болѣе изъясненнымъ позднѣе; и это опытомъ доставленное основаніе для вѣрованія въ первичную конечность Вещества вѣропытно подтверждается. Напримѣръ:—Допуская, на мигъ, возможность разумѣнія Пространства *преисполненнаго* излученными атомами—то есть, допуская, поскольку это намъ возможно, во имя доказательства, что послѣдовательнымъ рядамъ излученныхъ атомовъ совершенно *нѣтъ конца*—вполнѣ ясно, что, даже когда Воленіе Бога отъ нихъ удалилось, а такимъ образомъ устремленію къ возврату въ Единство дозволено (отвлеченно) быть удовлетвореннымъ, дозволеніе это было бы недействительно и убого—лишено цѣнности прикладной, и вѣ какого-либо воздѣйствія. Никакое Противодѣйствіе не могло бы имѣть мѣста; никакое движеніе къ Единству не могло бы свершиться; никакой Законъ Тяготѣнія не могъ бы получиться.

Изъясняю:—Допустивъ *отвлеченное* устремленіе извѣстнаго одного атома къ извѣстному другому одному, какъ неизбежное слѣдствіе разсѣянія изъ образцоваго Единства—или, что то же, допустивъ нѣкоторый данный атомъ *намъ* *треважущимся* двигаться въ нѣкоторомъ данномъ направленіи—ясно, что, коль скоро есть *бесконечность* ато-

мовъ со всѣхъ сторонъ атома, намѣревающагося двигаться, данный атомъ никогда въ дѣйствительности не сможетъ подвинуться къ удовлетворенію своего стремленія въ данномъ направленіи, по причинѣ, въ точности равнаго и противоположнаго, устремленія въ направленіи прямо-противоположномъ. Другими словами, въ точности столько же устремленій къ Единству находится позади колеблющагося атома, какъ передъ нимъ; ибо полная есть безсмыслица говорить, что одна безконечная линія длиннѣе или короче, чѣмъ другая безконечная линія, или, что одно безконечное число больше или меньше другого числа, которое безконечно. Разсматриваемый атомъ такимъ образомъ долженъ остаться недвижимымъ навсегда. При обстоятельствахъ невозможныхъ, каковыя мы пытались допустить лишь во имя доказательства, не было бы ни сплеленія Вещества—ни звѣздъ—ни міровъ—ничего, кромѣ безсмѣнно атомистической и несообразной Вселенной. На самомъ дѣлѣ, какъ бы мы ни взглянули, самая мысль о безпредѣльности Вещества не только неприемлема, но невозможна и нелѣпа.

Съ представленіемъ извѣстной *сферы* атомовъ, однако, мы примѣчаемъ, сразу, извѣстное *удовлетворимое* устремленіе къ единству. Такъ какъ общее слѣдствіе устремленія каждаго къ каждому есть устремленіе всего къ средоточію, *общая* поступательность сгущенія или сближенія начинается немедленно, содружественнымъ и одновременнымъ движеніемъ, по устраненіи Божественнаго Воленія;—*единичныя* сближенія или срастанія—не сращения—атома съ атомомъ, являются предметомъ почти безконечныхъ измѣненій во времени, степени, и состояніи, по причинѣ чрезвычайной множественности соотношеній, порожденныхъ различіями въ формѣ, принятыми какъ свойства атомовъ, въ мигъ, когда они покинули Подлинную Частицу, такъ же какъ возникшихъ изъ послѣдовательной и особой разности отстоянія каждаго отъ каждаго.

Что я хочу запечатлѣть въ читателѣ, это достовѣрность происходящихъ здѣсь, сразу (по устраненіи силы разсѣивающей; или Божественнаго Воленія), изъ состоянія атомовъ какъ оно описано, въ безчисленныхъ точкахъ чрезъ Вселенскую сферу, безчисленныхъ скопленій, отмѣченныхъ безчисленными особыми различіями формы, объема, сущности естества, и разстоянія, другъ отъ друга. Развитие Отталкиванія (Электричества) должно было начаться, конечно, вмѣстѣ съ очень ранними отдѣльными устремленіями къ Единству, и должно было происходить, непрестанно, въ прямомъ отношеніи со Сростаніемъ—то-есть въ *прямомъ отношеніи со Сгущеніемъ*, и, опять-таки, Разнородностью.

Итакъ, двѣ Подлинныя Основы, *Тяготные и Отталкиваніе*—Вещественная и Духовная—сопутствуютъ другъ другу въ строжайшемъ содружествѣ навсегда. Такимъ образомъ, *Тѣло и Душа идутъ рука объ руку*.

Если теперь, въ воображеніи, мы выберемъ *какое-нибудь одно* изъ скопленій, разсматриваемыхъ какъ бы на первичныхъ ихъ ступеняхъ въ Сферѣ Вселенной, и предположимъ, что это зарождающееся скопленіе занимаетъ мѣсто въ той точкѣ, гдѣ пребываетъ средоточіе нашего Солнца—или точнѣе, гдѣ оно *пребывало* изначально, ибо Солнце непрестанно мѣняетъ свое мѣстоположеніе—мы неизбежно повстрѣчаемся, и вмѣстѣ будемъ двигаться, нѣкоторое время по крайней мѣрѣ, съ самой великолѣпной изъ теорій—съ Космогоніей Туманностей Лапласа:—хотя „Космогонія“ есть выраженіе слишкомъ всеобъемлющее для того, о чемъ въ дѣйствительности толкуетъ Лапласъ—что есть лишь строеніе нашей солнечной системы—одной среди мириадъ подобныхъ же системъ, которыя составляютъ Подлинную Вселенную—ту Вселенскую сферу—тотъ всеохватный и совершенный *Космосъ*, который составляетъ предметъ моего настоящаго Разсужденія.

Ограничиваясь нѣкоторой *очевидно предѣльной* об-

ластью—именно областью нашей солнечной системы, и сравнительно непосредственнымъ ея сосѣдствомъ—и *чисто* предположительно—то-есть, допуская, безъ какого-либо основанія, будь то наведеніе или выведеніе—*многое* изъ того, что я какъ разъ старался поставить на основаніе болѣе стойкое, чѣмъ предположеніе; допуская, на примѣръ, что вещество разсѣяно (не пытался изъяснить этого разсѣянія) чрезъ, и даже нѣсколько за, пространство, занимаемое нашей системой—разсѣяно въ состояніи разнородной туманности, и подчинено тому всемогущему закону Тяготѣнія, основы котораго онъ не посмѣлъ угадать; допуская все это (что совершенно справедливо, хотя онъ и не имѣлъ никакого логическаго права на такое предположеніе) Лапласъ показалъ, динамически и математически, что слѣдствія, неизбѣжно въ такомъ случаѣ протекающія, будутъ тѣ самыя и только тѣ, которыя мы нашли выявившимися въ существующемъ состояніи самой системы.

Поясняю:—Допустимъ, что *это* обособленное скопленіе, о которомъ мы уже говорили—то самое, что находится въ точкѣ, означенной средоточіемъ нашего Солнца—продолжалось столь долго, что огромное количество туманнаго вещества образовало грубо шаровидную форму; средоточіе его, разумѣется, совпадало съ тѣмъ, что есть нынѣ, или, точнѣе, было изначально, средоточіемъ нашего Солнца; и окружность его протягивается за орбиту Нептуна, наиболѣе отдаленную изъ нашихъ планетъ—другими словами, предположимъ діаметръ этого неровнаго шара равнымъ, приблизительно, 6.000 милліоновъ мпль. Въка, эта громада вещества подвергалась сгущенію, настолько, что, съ теченіемъ времени, она была доведена до объема нами воображеннаго; при постепенной поступательности, разумѣется, отъ ея атомистическаго и неуловимаго состоянія до того, что мы разумѣемъ какъ видимую, осязаемую, или иначе какъ-либо осязаемую туманность.

Но, положеніе этой громады подразумѣваетъ вращеніе

вокругъ нѣкоторой воображаемой оси—вращеніе, которое, начавшись съ первозачатками силы сцѣпленія, всегда, съ тѣхъ поръ, получало ускореніе. Первѣйшіе два атома, что встрѣтились, каждый приближаясь изъ точекъ не діаметрально противоположныхъ, должны были, ринувшись нѣсколько другъ мимо друга, образовать ядро для упомянутаго вращательнаго движенія. Какъ будетъ здѣсь возрастая скорость, видно сразу. Къ двумъ атомамъ присоединились другіе—и сцѣпленіе образовано. Громада вещества продолжаетъ вращеніе, все сгущаясь. Но любой атомъ на окружности имѣетъ, разумѣется, болѣе быстрое движеніе, чѣмъ какой-либо ближайшій къ средоточію. Наружный атомъ, однако, при превосходствѣ своей скорости, приближается къ средоточію; увлекая съ собою, по мѣрѣ приближенія, и это превосходство скорости. Итакъ, каждый атомъ, дѣйствуя внутренне, и въ завершеніи прикрѣпляя себя къ сцѣпленному средоточію, придаетъ, нѣсколько, къ изначальной скорости этого средоточія—то есть, увеличиваетъ вращательное движеніе всей громады.

Но представимъ себѣ эту громаду вещества сгущенной до того, что она занимаетъ въ *точности* пространство, описанное орбитой Нептуна, и что скорость, съ которой поверхность громады движется, въ общемъ вращеніи, есть именно та скорость, съ которой Нептунъ теперь вращается вокругъ Солнца. Къ этому времени, какъ мы должны понять, постоянно возрастающая центробѣжная сила, пересиливъ невозрастающую центростремительную, освободить и отдѣлить внѣшній и наименѣе сгущенный слой, или нѣсколько внѣшнихъ и наименѣе сгущенныхъ слоевъ, у экватора сферы, гдѣ скорость касательныхъ преобладающая, такъ что слои эти образуютъ вокругъ главнаго тѣла нѣкоторое независимое кольцо, опоясывающее экваторіальныя области—совершенно подобно тому какъ внѣшнія части, выброшенныя чрезвычайной скоростью вращенія, изъ жернова, образовали бы кольцо вокругъ жернова,

если-бы не прочность поверхностнаго вещества: если бы это была резина, или что-либо подобное ей по составу, явленіе мною описанное было бы въ точности налицо.

Кольцо, такъ взвихренное изъ громады туманности, *кружится*, конечно, какъ отдѣльное кольцо, съ той самой скоростью, съ которой *вращалось* оно, будучи поверхностью всей громады. Въ то-же самое время, сгущеніе все продолжается, промежутокъ между освобожденнымъ кольцомъ и главнымъ тѣломъ продолжаетъ увеличиваться, до тѣхъ поръ пока первое не будетъ находиться на обширномъ разстояніи отъ послѣдняго.

Но допустимъ, что кольцо обладало, въ силу нѣкоторыхъ, по видимости случайныхъ, сочетаній его разнородныхъ составныхъ частей, строеніемъ почти единообразнымъ, тогда кольцо это, какъ таковое, никогда бы не прекратило своего обращенія вокругъ первичнаго своего тѣла; а какъ можно было бы предвидѣть, въ расположеніи составныхъ частей, по видимости, достаточно было неправильностей, чтобы заставить ихъ скучиваться вокругъ средоточій высшей плотности; и такимъ образомъ кольцеобразная форма была разрушена *). Безъ сомнѣнія, обручъ былъ очень скоро разорванъ на множество частей, и одна изъ этихъ частей, главенствующая въ количествѣ, поглотила въ себя остальные; все цѣлое скрѣпилось, сферически, въ планету. Что эта послѣдняя, какъ планета, продолжала круговращательное движеніе, которое было свойственно ей какъ кольцу, это достаточно ясно; и что она захватила съ собой также добавочное движеніе въ новомъ своемъ состояніи сферы,

*) Лапласъ предполагаетъ свою туманность различной лишь потому, что это давало ему возможность изъяснить разрывъ колець: ибо, если бы туманность была однородной, они бы не разорвались. Я достигъ того же слѣдствія—разнородность вторичныхъ сгущеній зависитъ непосредственно отъ атомовъ—просто исходя изъ нѣкотораго соображенія *a priori* общаго ихъ предназначенія—*Соотношенія*.

это быстро выясняется. Разумѣя кольцо какъ еще нераздробленное, мы видимъ, что внѣшній его слой, въ то время какъ цѣлое обращается вокругъ первоначальнаго своего тѣла, движется болѣе быстро, чѣмъ внутренній. Когда произошла разрывъ, нѣкоторая доля въ каждомъ обрывкѣ должна была двигаться съ большей быстротой, чѣмъ другія. Наивысшее движеніе, преобладающее, должно было взвихрить кругомъ каждый обрывокъ— то есть, должно было привести его во вращеніе; и направленіе вращенія должно было быть, конечно, направленіемъ обращенія, изъ котораго оно произошло. *Все* обрывки, сдѣлавшись предметомъ описаннаго вращенія, должны были, сходясь, передать его нѣкоей планетѣ, образовавшейся отъ ихъ сращенія.— Планета эта была Нептунъ. Составъ этой планеты продолжаетъ подвергаться сгущенію, и центробѣжная сила, зарожденная ея вращеніемъ, превозмогаетъ, со временемъ, центростремительную, также какъ ранѣе въ случаѣ съ отчимъ шаромъ, кольцо, такимъ образомъ, было взвихрено изъ экваторіальной поверхности этой планеты: кольцо это, единообразное по своему строенію, было разорвано, и его различные обрывки, поглощенные наиболѣе вѣскимъ, совместно образовали сферу луны. Послѣдовательно, явленіе повторилось, и слѣдствіемъ была вторая луна. Такимъ образомъ мы находимъ изъясненіе для планеты Нептунъ, съ двумя сопровождающими его спутниками.

Отбрасывая кольцо отъ своего экватора, Солнце возстановило то равновѣсіе между центробѣжной и центростремительной своей силой, которое было потревожено въ развѣтн сгущенія; но, такъ какъ сгущеніе это все продолжалось, равновѣсіе немедленно было снова нарушено возростаніемъ вращенія. Между тѣмъ громада сжалась настолько, что заняла именно сферическое пространство, описанное орбитой Урана и мы должны понять, что центробѣжная сила получила такое превосходство, что

необходимо было новое облегченіе: былъ, послѣдовательно, отброшенъ второй экваторіальный поясъ, каковой, будучи состава неединообразнаго, былъ разорванъ, какъ ранѣе то было съ Нептуномъ; обломки сплотились въ планету Уранъ; скорость настоящаго обращенія его вокругъ Солнца указываетъ, конечно, вращательную быстроту экваторіальной поверхности Солнца въ мигъ ихъ раздѣленія. Уранъ, усвоивъ вращеніе отъ совокупныхъ вращеній образующихъ его обрывковъ, какъ изъяснено выше, отбросилъ кольцо за кольцомъ; каждое изъ нихъ, достигнувъ разрыва, закрѣпилось въ луну: другія луны, въ различныя времена, образовывались этимъ путемъ разрыва и общаго округленія столькихъ же отличествующихъ и неединообразныхъ колець.

Тѣмъ временемъ какъ Солнце сжалось до того, что заняло точное пространство очерченное орбитой Сатурна, колебаніе, какъ должны мы предположить, между его центростремительной и центробѣжной силами стало настолько нарушеннымъ, черезъ возростаніе вращательной скорости, вслѣдствіе сгущенія, что третье усиліе къ уравновѣшенію сдѣлалось необходимымъ, и еще одинъ кольцевой поясъ былъ взвихренъ какъ дважды ранѣе; черезъ разрывъ неединообразности, онъ сплотился въ планету Сатурнъ. Этотъ послѣдній отбросилъ, первоначально, семь единообразныхъ поясовъ, каковые, путемъ разрыва, послѣдовательно закруглились во столько же лунъ; но, затѣмъ, онъ, по видимости, освободилъ, въ три раздѣльные, но не слишкомъ отдаленные промежутка времени, три кольца, однородность строенія которыхъ, зримо-случайная, была настолько значительна, что не давала повода къ ихъ разрыву; такъ продолжаютъ они кругообращаться какъ кольца. Я употребилъ выраженіе „зримо-случайно“; ибо случайности въ обычномъ смыслѣ здѣсь не было, конечно, никакой—выраженіе примѣнено собственно лишь къ слѣдствію неразличимаго или не немедля прослѣдимаго закона.

Сжимаясь все болѣе и болѣе, до того пока оно не заняло точное пространство, очерченное орбитой Юпитера, Солнце скоро ощутило необходимость дальнѣйшаго усилія къ возстановленію противовѣса двухъ своихъ силъ, непрерывно нарушаемаго все продолжавшимся возрастаніемъ вращенія. Юпитеръ, согласно этому, былъ теперь отброшенъ, переходя изъ кольцеобразнаго состоянія въ планетное; и, достигнувъ этого послѣдняго, отбросилъ въ свою очередь, въ четыре различные промежутка, четыре кольца, которыя въ завершеніи превратились во столько же лунъ.

Сжимаясь еще, до того что сфера его заняла точное пространство, ограниченное орбитой Астероидъ, Солнце оттолкнуло тогда кольцо, имѣвшее по видимости *восемь* средоточій высшей плотности, и, по разрывѣ, раздѣлившееся на восемь отрывковъ, ни одинъ изъ которыхъ не преобладалъ настолько оплотомъ своимъ, чтобы поглотить другіе. Поэтому, всѣ, какъ раздѣльныя, хотя сравнительно и малыя, планеты, продолжали они кружиться по орбитамъ, разстоянія коихъ, каждой отъ каждой, можно считать, до нѣкоторой степени, мѣрой силы, раздѣльно устремившей ихъ—всѣ орбиты, тѣмъ не менѣе, были настолько тѣсно-совпадающими, что дозволяютъ намъ принять ихъ, по сравненію съ другими планетными орбитами, какъ *одно*.

Продолжая сжиматься, Солнце становится уже такимъ малымъ, что заполняетъ какъ разъ орбиту Марса, освободивъ эту планету, — конечно, способомъ уже повторно-описаннымъ. Не имѣя, однако, луны, Марсъ не могъ отбросить кольца. Дѣйствительно, предѣльная пора теперь наступила въ поприщѣ отчаго тѣла, средоточія всей сплетенности. *Уменьшеніе* его туманности, что есть увеличеніе плотности, и вмѣстѣ также *уменьшеніе* сгущаемости его, изъ-за которой происходили, недавно, непрестанныя нарушенія равновѣсія—должно было, въ это время, достигнуть

точки, на которой усилія къ возстановленію должны были становиться все болѣе и болѣе недѣйствительными, въ точномъ соотношеніи со все менѣе частой ихъ необходимостью. Такимъ образомъ, ходъ явленій, о которыхъ мы говорили, повсюду долженъ былъ представлять знаменья истощенія— въ планетахъ, во первыхъ, и, во вторыхъ, въ изначальной громадѣ. Да не впадемъ въ заблужденіе, предположивъ, что сокращеніе промежутковъ, наблюденное между планетами при нашемъ приближеніи къ Солнцу, находится въ нѣкоторой взаимной зависимости съ возрастающей учащенностью въ періодахъ, въ которые они были отброшены. Именно обратное слѣдуетъ разумѣть. Наиболѣе длительный промежутокъ времени долженъ былъ истечь между разряженіемъ двухъ внутреннихъ планетъ; кратчайшій между таковыми двухъ вѣшнихъ. Уменьшеніе промежутковъ пространства есть, тѣмъ не менѣе, мѣра плотности, и такимъ образомъ обратно она есть мѣра сгущенія Солнца, во всѣхъ изложенныхъ развитіяхъ.

Скавшись, однако, до того, чтобы занять лишь орбиту Земли, отчая сфера взвихрила изъ себя еще одно новое тѣло—Землю—при состояніи такой туманности, которое позволяло этому тѣлу отбросить, въ свою очередь еще другое, каковое есть наша Луна; но здѣсь завершились лунныя созиданія.

Наконецъ, нисходя до орбитъ, сначала Венеры и потомъ Меркурія, Солнце отбросило эти двѣ внутреннія планеты, ни одна изъ которыхъ не дала рожденія какой-либо лунѣ.

Итакъ, изъ своего изначальнаго объема—или, говоря точнѣе, изъ состоянія, въ которомъ мы первично разсматривали его—изъ частично закруглившейся туманной громады, конечно гораздо большей, чѣмъ 5.600 милліоновъ миль въ діаметрѣ—великій средоточный шаръ и первоистокъ нашей солнечно-планетно-лунной сѣти, нисходилъ постепенно, черезъ сгущеніе, въ повиновеніе закону Тя-

готѣнія, къ шару имѣющему лишь 882.000 миль въ діаметрѣ; но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, все же, ни что сгущеніе его восполнено, ни что не обладаетъ онъ болѣе способностью взвихрить изъ себя еще иную планету.

Я далъ здѣсь — лишь въ очертаніи, конечно, со всей однако же подробностью необходимой для уразумѣнія — оглядь Ученія о Туманностяхъ, какъ самъ создатель постигаль его. Съ какой бы точки мы ни взглянули на него, мы найдемъ его *красиво-истиннымъ*. Оно слишкомъ красиво, на самомъ дѣлѣ, чтобы *не* обладать Истинной какъ своей сущностью — и здѣсь, я глубоко проникновенно серьезенъ въ томъ, что я говорю. Въ обращеніи спутниковъ Урана является нѣчто по видимости несогласное съ положеніями Лапласа; но, чтобы *одно* призрачное несогласіе могло обезцѣнить ученіе, воздвигнутое на миллионѣ сплетенныхъ устоевъ, это есть соблазнительная приманка лишь для сумасбродовъ. Пророчествуя, увѣренно, что кажущееся уклоненіе, о которомъ я говорю, будетъ рано или поздно, найдено однимъ изъ самыхъ могучихъ закрѣпителей всей гипотезы, я не притязаю на какой-нибудь особый духъ прорицанія. Единственно, что кажется труднымъ, это *не* провидѣть *).

Тѣла, взвихренныя при описанномъ ходѣ явленій, измѣнили, какъ это было видно, поверхностное *вращеніе* шаровъ, которыми они были порождены, на *обращеніе* равной скорости вокругъ этихъ шаровъ какъ отдаленныхъ средоточій; и обращеніе такъ зарожденное должно длиться до тѣхъ поръ пока центробѣжная сила, или та, съ которой обращенныя тѣла притягиваются къ своему отчему тѣлу, будетъ ни больше, ни меньше, чѣмъ та, которой они были отброшены — то есть центробѣжная, или, еще

*) Я приготовился доказать, что уклоненное обращеніе спутниковъ Урана есть просто уклоненіе перспективное, происходящее отъ наклоненія оси планеты.

болѣе точно, касательная скорость. Черезъ единство, однако, первоистока двухъ этихъ силъ, мы можемъ надѣяться найти ихъ такъ, какъ они находятся—одна точно противовѣсящая другую. Показано уже было, на самомъ дѣлѣ, что дѣйствіе взвихриванія есть, въ каждомъ случаѣ, скорѣе дѣйствіе для предохраненія противовѣса.

Послѣ того, однако же, какъ центростремительная сила была приписана всемогущему закону Тяготѣнія, обычай былъ въ астрономическихъ сочиненіяхъ, искать за предѣлами чистой Природы—то есть, *Вторичной* Причины—разрѣшеніе явленія скорости касательной. Эту послѣднюю они приписываютъ непосредственно *Первопричинѣ*—Богу. Сила, движущая звѣздное тѣло вокругъ своего первичнаго, утверждаютъ они, возникла изъ толчка, даннаго непосредственно перстомъ—таково ребяческое словоговореніе—перстомъ Божества самого. По этому воззрѣнію, планеты, вполне образовавшіяся, почитались устремленными Божественной рукой, въ положеніе по сосѣдству съ солнцами, съ порывомъ математически приуроченнымъ къ громадамъ, или притягательнымъ способностямъ, самыхъ солнцъ. Мысль столь грубо нефилософская, хотя такъ легко и небрежно принятая, могла пріистечь лишь изъ трудности инымъ образомъ изъяснить такое безусловно-точное приспособленіе, одной къ другой, двухъ силъ, столь явно независимыхъ одна отъ другой, какъ сила тяготѣнія и сила касательная. Но должно быть вспомнено, что въ продолженіи долгаго времени совпаденіе между вращеніемъ луны и ея звѣзднымъ обращеніемъ—два обстоятельства, кажущіяся гораздо болѣе независимыми, чѣмъ сейчасъ нами разсматриваемыя—созерцаемо было какъ положительно чудесное; и сильное было предрасположеніе, даже среди звѣздовѣдovъ, приписывать чудо прямому и непрестанному вмѣшательству Бога—который, въ этомъ случаѣ, говорили, счель необходимымъ противопоставить, обособленно среди своихъ общихъ законовъ, рядъ вспомогательныхъ поста-

новленій, съ цѣлью навсегда сокрыть отъ смертныхъ взоръ великолѣпіе, или, быть можетъ, ужасы, что по ту сторону Луны—того таинственнаго полушарія, которое всегда избѣгало, и должно непрестанно избѣгать, телескопическихъ вывѣдываній человѣчества. Успѣхи Знанія, однако, доказали — что для умозрительнаго чутья *не* нуждалось въ доказательствахъ—что одно движеніе есть лишь доля—нѣчто большее даже, чѣмъ слѣдствіе—другого движенія.

Съ своей стороны, я не имѣю терпѣнія для вымысловъ, одновременно, столь робкихъ, столь праздныхъ, и столь неуклюжихъ. Они происходятъ отъ полнѣйшей *трусливости* мысли. Что Природа и Богъ Природы суть различны, ни одно мыслящее существо не можетъ въ этомъ долго сомнѣваться. Подъ первой мы просто разумѣемъ законы второго. Но въ истинное представленіе о Богѣ, всемогущемъ и всевѣдущемъ, мы вводимъ также представленіе о *непреложности* его законовъ. Въ Немъ нѣтъ ни Прошлаго, ни Будущаго—въ Немъ все *Настоящее*—не оскорбляемъ ли мы Его предполагая законы его сочетанными внѣ предвидѣнія каждой возможной случайности? — или точнѣе, какое помышленіе *можемъ* мы имѣть о *любой* возможной случайности, какъ не то, что она есть сразу слѣдствіе и выявленіе его законовъ? Тотъ, кто, освободившись самъ отъ предразсудковъ, возымѣетъ рѣдкую смѣлость думать безусловно самолично, не сможетъ не придти въ концѣ къ сгущенію *законовъ* въ *Законъ*—не сможетъ не достигнуть заключенія, что *каждый законъ Природы зависитъ всецѣло отъ всѣхъ другихъ законовъ*, и что всѣ они суть лишь выводы изъ единаго первичнаго свершенія Божественнаго Воленія. Таково есть первоначало Мірозданія, которое, со всей необходимой внимательностью и осмотрительностью, пытаюсь я здѣсь указать и подтвердить.

Согласно съ этимъ взглядомъ, какъ будетъ видно, устраняя какъ суетный, и даже какъ нечестивый, тотъ

вымысль, что касательная сила сообщена была планетамъ непосредственно „перстомъ Бога“, я смотрю на эту силу какъ на порожденную вращеніемъ звѣздъ—на это вращеніе какъ на произведенное порывомъ первичныхъ атомовъ къ своимъ относительнымъ средоточіямъ сдѣянія—на порывъ этотъ какъ на слѣдствіе Закона Тяготѣнія—на этотъ законъ лишь какъ на способъ, которымъ необходимо выявляется наклонность атомовъ къ возврату въ безраздѣльность—на эту наклонность къ возврату какъ на неизбежное противодѣйствіе перваго и верховнѣйшаго изъ Дѣйствъ—того дѣйства, которымъ иѣкій Богъ, самосущій и единосущій, вдругъ претворился во все взмахомъ воленія своего, между тѣмъ какъ все и всѣ сдѣлались такимъ образомъ частицей Бога.

Коренныя допущенія этого Разсужденія внушаютъ мнѣ, и въ дѣйствительности требуютъ, нѣкоторыхъ важныхъ измѣненій Теоріи Туманностей, какъ ее даетъ Лапласъ. Усилія отталкивательной силы я разсматривалъ какъ произведенное въ цѣли предупрежденія соприкосновенія между атомами, и такимъ образомъ произведенное въ прямомъ отношеніи къ приближенію соприкосновенія — то есть въ прямомъ отношеніи къ сгущенію. Другими словами, *Электричество*, съ сложными своими явленіями, теплотой, свѣтомъ, и магнетизмомъ, должно быть разумѣемо такъ происходящимъ, какъ происходитъ сгущеніе, и, конечно, обратно какъ предназначенность свершается, или *прекращеніе сгущенія*. Такъ Солнце, въ ходѣ своего сдѣянія, должно было вскорѣ, съ развитіемъ отталкиванія, достигнуть теплоты чрезмѣрной — быть можетъ бѣлокапельной; и мы можемъ постичь, какимъ образомъ дѣйствіе отбрасыванія его колець вещественно должно было быть облегчаемо тонкимъ затвердѣваніемъ его поверхности вслѣдствіи охлажденія. Самый обычный опытъ покажетъ намъ, сколь легко кора подобнаго свойства отдѣляется, черезъ разнородность, отъ внутренняго оплота. Но при каждомъ послѣдователь-

номъ отбрасываніи коры, новая поверхность появилась бы раскаленной до бѣла, какъ раньше; и промежутокъ времени, въ который она снова достаточно затвердѣла бы, чтобы легко отдѣлиться и освободиться, можетъ быть вообразенъ точно-совпадающимъ съ тѣмъ, который необходимъ новому усилію, всего оплота, для возстановленія равновѣсія двухъ его силъ, нарушенныхъ чрезъ сгущеніе. Другими словами — тѣмъ временемъ когда электрическое вліяніе (Отталкиваніе) подготовило поверхность для отбрасыванія, разумѣется, вліяніе тяготѣнія (Притяженія) совершенно готово отбросить ее. Итакъ, здѣсь, какъ вездѣ. *Тѣло и Душа идутъ руки объ руку.*

Мысли эти опытно подтверждены всесторонне. Такъ какъ сгущеніе никогда не можетъ, въ какомъ-либо тѣлѣ, быть разсматриваемо совершеннымъ до конца, мы справедливо предвидимъ, что, всякій разъ какъ намъ представится удобный случай провѣрить, мы найдемъ указаніе свѣтового присутствія во всѣхъ звѣздныхъ тѣлахъ— въ лунахъ и планетахъ также какъ въ солнцахъ. Что наша Луна весьма *само-свѣтящаяся*, мы видимъ при каждомъ полномъ затмѣніи, при каковомъ, если бы это было не такъ, она исчезала бы. На темной части спутника, также, въ продолженіи его фазъ, мы часто наблюдаемъ выпышки совершенно подобныя нашимъ собственнымъ Зорямъ; и что послѣднія, со всѣми нашими другими многоразличными такъ называемыми электрическими явленіями, не упоминая уже ни о какомъ болѣе постоянномъ свѣченіи, должны придавать нашей Землѣ извѣстный свѣтящійся обликъ для какого-нибудь обитателя Луны, это вполне очевидно. Въ дѣйствительности, мы должны были бы смотрѣть на всѣ упомянутыя явленія просто какъ на обнаруживающееся, различными способами и степенями, слегка продолжающееся сгущеніе Земли.

Если взгляды мои пріемлемы, мы должны были бы приготовиться найти новѣйшія планеты—то есть, ближай-

шія къ Солнцу—болѣе свѣтящіяся, чѣмъ старѣйшія и болѣе отдаленныя—и чрезвычайный блескъ Венеры (на темныхъ частяхъ которой, во время ея фазъ, зачастую видимы Зори) не кажется вполне объяснимымъ простой ея близостью къ средоточному шару. Она, безъ сомнѣнія, ярко самосвѣтящаяся, хотя менѣе чѣмъ Меркурій: между тѣмъ какъ свѣтящестъ Нептуна можетъ быть сравнительно ничто.

Принимая мои доводы, явно, что, съ того мига когда Солнце устремило одно кольцо, должно было наступить двойственное уменьшеніе его теплоты и свѣта, по причинѣ непрерывнаго затвердѣнія его поверхности; и что должно было придти время—время непосредственно предшествующее новому разряженію—когда *весьма существенная* убыль обоихъ, и свѣта и тепла, должна стать явной. Но намъ извѣстно, что знаменья этихъ перемѣнъ четко различимы. На Мельвильскихъ островахъ—привожу лишь одинъ изъ сотни примѣровъ—мы находимъ слѣды *сверхъ-тропической* растительности—растений, которыя никогда не могли бы цвѣсти безъ несоизмѣримо бѣльшаго свѣта и тепла, чѣмъ тѣ, что въ настоящее время доставляетъ намъ Солнце, въ какой-либо части поверхности Земли. Не относится ли эта растительность ко времени непосредственно слѣдовавшему за взвихреніемъ Венеры? Въ это время къ намъ должны были прибывать наши величайшіе притоки солнечнаго вліянія; и, на самомъ дѣлѣ, вліяніе это должно тогда было достигнуть своей верховности—конечно упуская изъ виду время, когда Земля сама была отброшена—время простого ея образования.

Кромѣ того:—мы знаемъ, что существуютъ *не-свѣтящія солнца*—то-есть, солнца, существованіе которыхъ мы опредѣляемъ по движенію другихъ, но свѣтоносность которыхъ недостаточна, чтобы давать намъ впечатлѣніе. Солнца эти, суть-ли они невидимы только по причинѣ длительности времени, истекшаго послѣ того какъ они

отбросили какую-нибудь планету? И еще опять:—не можемъ-ли мы—по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ—объяснить внезапное появленіе солнцъ тамъ, гдѣ никогда ранѣ ихъ не подозрѣвали, предположеніемъ, что, катясь съ затвердѣвшей поверхностью въ теченіи немногихъ тысячелѣтій нашей звѣздной исторіи, каждое изъ этихъ солнцъ, взвихривъ и отбросивъ новое второстепенное, сдѣлалось способнымъ, наконецъ, разлить сіянія своей, все еще раскаленной до бѣла, сокровенности?—Что до весьма-достовернаго соразмѣрнаго возростанія теплоты, по мѣрѣ того какъ мы нисходимъ внутрь Земли, мнѣ надо конечно, объ этомъ лишь упомянуть—оно является самымъ строгимъ возможнымъ подкрѣпленіемъ всего того, что я сказалъ по предмету нынѣ разсматриваемому.

Говоря, недавно, объ отталкивательномъ или электрическомъ вліяніи, я замѣтилъ, что „важныя явленія жизненности, сознанія, и мысли, разсматриваемъ ли мы ихъ вообще или въ частности, кажутся дѣйствующими *по крайней мѣрѣ въ прямомъ отношеніи къ разнородности*“. Я упоминалъ, также, что я еще вернусь къ этому указанію — и здѣсь какъ разъ самое подходящее мѣсто, чтобы сдѣлать это. Разсматривая вещество сначала частично, мы замѣчаемъ, что не только *выявленіе* жизненности, но его важность, слѣдствія, и возвышенность опредѣлительнаго свойства, весьма тѣсно связаны съ разнородностью или сложностью животнаго строенія. Разсматривая-же вопросъ въ его общности, и ссылаясь на первыя движенія атомовъ къ оплотно-строительству, мы находимъ, что разнородность, порожденная непосредственно черезъ сгущеніе, соразмѣрна съ нимъ навсегда. Мы достигаемъ такимъ образомъ предположенія, что *важность развитія земной жизненности происходитъ сообразно съ земнымъ сгущеніемъ*.

Но это находится въ точномъ соотвѣтствіи съ тѣмъ, что мы знаемъ о послѣдовательной смѣнѣ животныхъ на

Землѣ. По мѣрѣ ея сгущенія, возникали высшія и все высшія племена. Развѣ невозможно, что послѣдовательные геологическіе перевороты, которые по крайней мѣрѣ сопровождали, если непосредственно не вызывали, эти послѣдовательныя повышенія жизненныхъ свойствъ—развѣ это невѣроятно, что перевороты эти сами были произведены послѣдовательными планетными изверженіями изъ Солнца—другими словами послѣдовательными измѣненіями солнечнаго вліянія на Землѣ? Если эта мысль приемлема, мы не будемъ необоснованы вообразивъ, что изверженіе еще одной новой планеты, болѣе внутренней, чѣмъ Меркурій, можетъ привести къ еще новому измѣненію земной поверхности—измѣненію изъ котораго взростетъ племя, двойко, вещественно и духовно, высшее чѣмъ человѣкъ. Эти мысли настагаютъ меня со всею силой истины—но я ввожу ихъ, конечно, не болѣе какъ въ явномъ ихъ обликѣ внушенія.

Теорія Туманностей Лапласа недавно получила гораздо болѣе подтвержденія, чѣмъ это необходимо, въ лицѣ философа Конта. Двое эти совместно показали—не то, конечно, что Вещество въ извѣстный дѣйствительный мигъ существовало, согласно описанному, въ состояніи туманнаго разсѣянія, но что, принимая его такъ существовавшимъ въ пространствѣ и далеко за пространствомъ нашей солнечной системы, *и зачавшимъ движеніе къ средоточію*—оно должно было постепенно захватывать, усвоая, смѣны формъ и движеній, каковыя мы нынѣ видимъ, въ этой сѣти, установившимся. Доказательство подобное этому—доказательство динамическое и математическое, поскольку доказательство можетъ существовать—безспорное и неоспоримое—для всѣхъ, на самомъ дѣлѣ, кромѣ того бесплоднаго и безславнаго отродья, ремесленныхъ вопрошателей—прямо умалишенныхъ, что отрицаютъ Ньютоновскій законъ Тяготѣнія, на коемъ основаны выводы Французскихъ математиковъ—доказательство, говорю я, подобное этому, будетъ для большинства разумовъ заключитель-

нымъ—и я исповѣдуюсь, что это именно такъ для разума моего—завершительнымъ въ смыслѣ утвержденія цѣнности гипотезы туманностей, на которой доказательство зиждется.

Что доказательство не *доказуетъ* гипотезы, согласно общему пониманію слова „доводъ“, я принимаю, конечно. Показать, что извѣстныя существующія слѣдствія—извѣстныя установленныя свершенности—могутъ быть, даже математически, объяснены при допущеніи нѣкоторой гипотезы, это отнюдь не означаетъ установить самую гипотезу. Другими словами:—показать, что, если извѣстныя *данныя* даны, нѣкоторый существующій выводъ можетъ, и даже *долженъ*, слѣдовать, не достаточно доказуетъ, что выводъ этотъ *есть* ишедшій *изъ данныхъ*, пока, не будетъ въ то же время показано, что здѣсь нѣтъ, и не *можетъ быть*, никакихъ другихъ *данныхъ*, изъ которыхъ разсматриваемый выводъ *равно* могъ бы послѣдовать. Но, въ разсматриваемомъ сейчасъ случаѣ, хотя и всѣ признаютъ недочетъ того, что намъ привычно разумѣть подъ выраженіемъ „доводъ“, однако найдется много умовъ, и изъ ряда высочайшихъ, для которыхъ *никакой* доводъ, *никакое* доказательство ни на одну іоту не увеличитъ *убѣдительности*. Не входя въ подробности, которыя могли бы натолкнуться на Облачную Страну Метафизики, я охотно замѣчу здѣсь, что сила убѣдительности, въ случаяхъ подобныхъ этому, всегда будетъ для право-мыслящаго соразмѣрна итогу *сложности*, промежуточно выступившей между гипотезой и выводомъ. Чтобы быть менѣ отвлеченнымъ:—Величайшій итогъ сложности, найденный существующимъ среди мірозданныхъ условій, увеличивая въ такомъ же соотношеніи трудность объясненія всѣхъ этихъ условій, *одновременно*, усиливаетъ также, въ такомъ же соотношеніи, нашу вѣру въ ту гипотезу, которая, этимъ способомъ, удовлетворяюще объясняетъ ихъ; и такъ какъ *никакой* сложности не можемъ мы постичь большей, чѣмъ сложность астрономическихъ условій, никакая убѣдитель-

ность поэтому не можетъ быть сильнѣйшей, для моего разума по крайней мѣрѣ, чѣмъ та, что впечатлилась во мнѣ гипотезой, которая не только примиряетъ эти условія съ математической точностью, и сводитъ ихъ въ одно сплоченное и постижимое цѣлое, но есть въ то же самое время *единственная* гипотеза, съ помощью которой Человѣческій умъ могъ когда-либо уяснить себѣ ихъ *сполна*.

Весьма необоснованное одно мнѣніе распространилось за послѣднее время въ болтовнѣ и даже въ научныхъ кругахъ, что такъ называемая Небесная Космогонія опрокинута. Вымыселъ этотъ проистекаетъ изъ отчета о послѣднихъ наблюденіяхъ, произведенныхъ надъ тѣмъ, что доселѣ именовалось „туманности“, въ большой телескопъ въ Цинцинати, и всемірноизвѣстный приборъ Лорда Росса. Нѣкоторыя пятна на небосводѣ, являшія, даже въ самые сильные изъ старыхъ телескоповъ, видъ туманности или мглы, почитались долгое время какъ подтверждающія ученіе Лапласа. Ихъ разсматривали какъ звѣзды, находящіяся именно на томъ пути сгущенія, который я пытался описать. Поэтому предполагали, что мы имѣемъ „наглядную очевидность“ — очевидность, кстатѣ, которая всегда была находима очень спорной — истинности гипотезы, и хотя нѣкоторыя телескопическія усовершенствованія время отъ времени дозволяли намъ улавливать, что, здѣсь и тамъ, пятно, которое мы относили къ туманностямъ, было, въ дѣйствительности, лишь гроздью звѣздъ, получившихъ свой обликъ туманности только изъ за необъятности ихъ разстоянія, все же однако полагали, что не можетъ существовать сомнѣнія относительно настоящей туманности безчисленныхъ другихъ скопленій, крѣпостей для *ратниковъ туманностей*, отклонявшихъ всякую попытку разединить стадность громады. Изъ этихъ туманностей наиболѣе любопытнымъ было большое туманное пятно въ созвѣздіи Оріона, но оно, съ безчисленными другими такъ называемыми „туманностями“, разсмотрѣнное черезъ ве-

ликолѣнные новѣйшіе телескопы, оказалось сведеннымъ къ простому собранію звѣздъ. Событіе это было вообще принято какъ заключительное противъ Гипотезы Туманностей Лапласа, и по объявленіи упомянутыхъ открытій, самый восторженный защитникъ и самый краснорѣчивый распространитель ученія, Докторъ Николь дошелъ даже до „допущенія необходимости покинуть“ мысль, которая составила сущность драгоцѣннѣйшей его книги *).

Многіе изъ моихъ читателей расположены будутъ, безъ сомнѣнія, сказать, что выводы этихъ новыхъ изслѣдованій *имѣютъ*, по меньшей мѣрѣ, сильную *склонность* опрокинуть гипотезу, между тѣмъ какъ нѣкоторые другіе, болѣе разсудительные, намекнуть, что, хотя ученіе ничуть не опровергнуто разъединеніемъ нѣкоторыхъ изъ упомянутыхъ звѣздотуманностей, однако, *неудача* раздѣленія ихъ въ подобные телескопы могла бы быть понятна какъ торжествующее *подтвержденіе* ученія, и эти послѣдніе изумятся, быть можетъ, услышавъ меня, если скажу, что даже съ *ними* я несогласенъ. Если бы предложенія этого Разсужденія были усвоены, увидѣли-бы, что на мой взглядъ неудача раздѣленія звѣздотуманностей, тяготѣла бы скорѣе къ отрицанію, чѣмъ къ подтвержденію, Гипотезы Туманностей.

Объяснюсь:—Ньютоновскій Законъ Тяготѣнія мы можемъ, конечно, почитать доказаннымъ. Законъ этотъ, какъ помнятъ, я приписалъ противодѣйствию перваго Бо-

*) „*Огляды Архитектуры Неба*“. Письмо, приписываемое Д-ру Николу, къ одному другу въ Америкѣ, описало кругъ по всѣмъ ежедневникамъ новостей, года два назадъ,—думается мнѣ, пріемлющее „необходимость“, о которой я упомянулъ. Въ послѣдующей лекціи, однако, Д-ръ Н., кажется побѣдилъ до извѣстной степени необходимость, и не *отрекается* вовсе отъ ученія, хотя и дѣлаетъ видъ, что подсмѣивается надъ нимъ какъ надъ „чѣмъ-то чисто-гипотетическимъ“. Чѣмъ же былъ Законъ Тяготѣнія до опытовъ Маскеллива? и кто оспаривалъ Законъ Тяготѣнія даже тогда?

жественнаго Дѣйства—противодѣйствию нѣкотораго свершенія Божественнаго Воленія, временно преодолевающаго нѣкоторую трудность. Эта трудность есть пересиливаніе образцоваго противоположнымъ—понужденіе того, чего изначальное, и поэтому закономѣрное, состояніе, было *Одно*, избрать себѣ неправое состояніе *Множества*. Лишь постигая трудность эту *временно* побѣжденной, можемъ мы уразумѣть противодѣйствіе. Противодѣйствія не существовало бы, если бы дѣйствіе было безконечно непрерывно. До тѣхъ поръ пока дѣйствіе *длится*, никакое противодѣйствіе, конечно, не могло бы начаться; другими словами, никакое *тяготѣніе* не могло бы имѣть мѣста, пбо мы разсматривали одно лишь какъ выявленіе другого. Но тяготѣніе возникло, поэтому дѣйствіе Творенія прекратилось, и тяготѣніе давно уже присутствовало, поэтому дѣйствіе Творенія давно уже прекратилось. Итакъ, мы не можемъ болѣе надѣяться наблюдать *первичныя шествія Творенія*, и къ первичнымъ этмъ шествіямъ относится, какъ было уже изъяснено, состояніе туманности.

Посредствомъ того, что мы знаемъ о распространеніи свѣта, мы имѣемъ прямое доказательство, что наиболѣе отдаленныя звѣзды существовали, въ томъ ликъ, въ которомъ мы видимъ ихъ теперь, непостижимое число годовъ. Итакъ, по *крайней мѣрѣ* настолько далеко назадъ, какъ время когда эти звѣзды переживали сгущеніе, должна была быть временная грань, въ каковую начался поступательный ходъ оплотно-созидательныхъ развитій. Чтобы мы могли постичь этотъ ходъ явленій, какъ еще продолжающійся для извѣстныхъ туманностей, между тѣмъ какъ во всѣхъ другихъ случаяхъ мы находимъ эти развитія совершенно оконченными, мы вынуждены къ допущеніямъ, для которыхъ у насъ въ дѣйствительности *нѣтъ* какого-либо основанія—мы должны опять навязать возмущающемуся Разсудку кощунственную мысль объ особомъ вмѣшателствѣ—мы должны предположить, что въ частичныхъ примѣрахъ та-

ких звѣздотуманностей нешибающійся Богъ нашелъ необходимымъ ввести нѣкоторыя дополнительныя постановленія, извѣстныя улучшенія общаго закона, словомъ, извѣстныя передѣлки и поправки, которыя имѣли слѣдствіемъ отсрочку восполненія этихъ отдѣльныхъ звѣздъ на столѣтія столѣтій, за предѣлы временнаго разбѣга, въ теченіи котораго всѣ другія звѣздныя тѣла имѣли время, не только исполнѣ образоваться, но и сдѣлаться сѣдыми отъ неизреченно стараго возраста.

Конечно, тотчасъ возражать, что, разъ свѣтъ, по которому мы распознаемъ теперь звѣздотуманности, долженъ быть просто тотъ, который выдѣлили ихъ поверхности огромное число лѣтъ назадъ, развитіе, наблюдаемое въ настоящее время, или предполагаемое быть наблюдаемымъ, есть, на самомъ дѣлѣ, не развитіе нынѣ дѣйственно свершающееся, но призракъ развитій, завершенныхъ задолго въ Прошломъ—именно такъ, какъ согласно съ моимъ утвержденіемъ, *должны* были происходить всѣ эти оплотозидательныя развитія.

На это я отвѣчаю, что ни одно изъ нынѣ наблюдаемыхъ состояній сгущенныхъ звѣздъ не есть ихъ настоящее состояніе, но состояніе, восполнившееся задолго въ Прошломъ, такъ что мой доводъ, почерпнутый изъ *относительныхъ* состояній звѣздъ и звѣздотуманностей ни мало не нарушенъ. Кромѣ того, тѣ, что утверждаютъ существованіе звѣздотуманностей, не относятъ туманности на чрезмѣрное разстояніе, они объявляютъ ихъ дѣйствительно-сущими, а не просто перспективными туманностями. Дабы мы постигли, на самомъ дѣлѣ, туманное скопленіе какъ зримое вообще, мы должны постигнуть его какъ *очень близкое намъ* по сравненію со сгустившимися звѣздами, предстающими зрѣнію черезъ новѣйшіе телескопы. Тогда въ поддержаніе того, что упомянутыя видѣнія суть дѣйствительныя туманности, мы утверждаемъ ихъ сравнительную близость для нашей точки зрѣнія. Итакъ, ихъ со-

стоянія, какъ мы ихъ видимъ сейчасъ, должны быть отнесены ко времени *гораздо менѣе отдаленному*, чѣмъ то, къ которому мы относимъ нынѣ-наблюдаемыя состоянія по крайней мѣрѣ большинства звѣздъ. Однимъ словомъ, если бы Астрономія могла когда-либо выявить туманное пятно, въ томъ смыслѣ какъ оно понимается въ настоящее время, я считалъ бы Космогонію Туманностей *не* подкрѣпленной дѣйствительно этимъ нагляднымъ доказательствомъ, но, тѣмъ самымъ, безвозвратно опрокинутой.

Однако, чтобы воздать Кесарю *не больше* того, что надлежитъ Кесарю, да позволено мнѣ будетъ замѣтить здѣсь, что поводъ къ гипотезѣ, приведенной Лапласа къ столь блестящимъ выводамъ, кажется, внушенъ былъ ему, въ большой степени, ложнымъ понятіемъ—тѣмъ самымъ ложнымъ понятіемъ, о которомъ именно мы уже говорили—всегосподствующимъ недоразумѣніемъ относительно свойства, такъ называемыхъ, туманныхъ пятенъ. Здѣсь, онъ предполагаетъ, что они суть въ дѣйствительности то, что разумѣетъ ихъ наименованіе. Дѣло въ томъ, что великій этотъ человекъ былъ, весьма справедливо, очень скромнаго мнѣнія относительно своихъ чисто-познавательныхъ способностей. Поэтому, касательно дѣйствительнаго существованія туманныхъ пятенъ, существованія столь отважно утверждавшагося его современниками, пользовавшимися наблюдениемъ телескопическимъ, онъ опирался менѣе на то, что онъ знаетъ, чѣмъ на то, что слышалъ.

Видно будетъ, что единственныя цѣнныя возраженія его ученію суть возраженія противъ его гипотезы *какъ* таковой, возраженія на то, чѣмъ она внушена, не на то, что она внушаетъ, заданіямъ ея скорѣе, нежели выводамъ. Самое необоснованное его предположеніе было въ приписываніи атомамъ движенія къ извѣстному средоточію, въ прямомъ противорѣчій съ явнымъ его пониманіемъ, что эти атомы, въ безпредѣльной послѣдовательности, простирались черезъ все Вселенское пространство. Я уже

показалъ, что при такихъ обстоятельствахъ вовсе не могло произойти никакого движенія, и Лапласъ, такимъ образомъ допустилъ нѣкое движеніе, не имѣя для этого бѣльшаго философскаго основанія, чѣмъ то, что нѣчто въ этомъ родѣ было необходимо для утвержденія того, что онъ намѣревался утверждать.

Первичная его мысль, повидимому, была смѣсью истинныхъ Эпикурейскихъ атомовъ и облыжныхъ туманныхъ пятенъ его современниковъ, и такимъ образомъ ученіе его предстаетъ намъ въ видѣ причудливаго уклоненія отъ безусловной истины, выведенной, какъ математическое слѣдствіе, изъ убудочнаго *даннаго* древней фантазіи, перепутанной съ современною тупостью. Дѣйствительная мощь Лапласа, на самомъ дѣлѣ, покоится, на почти чудесномъ математическомъ чутьѣ:—ему онъ довѣрялся, и ни на одинъ мигъ оно не измѣнило ему, не обмануло:—въ Космогоніи Туманностей оно вело его, съ глазами завязанными, чрезъ абиріантъ Заблужденія, въ одинъ изъ самыхъ сіяющихъ и самыхъ поразительныхъ храмовъ Истины.

Но вообразимъ себѣ, на мгновеніе, что кольцо, впервые отброшенное Солнцемъ, то-есть кольцо, чьимъ разрывомъ образованъ Нептунъ, на самомъ дѣлѣ, не оторвалось до тѣхъ поръ, пока не отброшено было кольцо, изъ котораго возникъ Уранъ; что и это кольцо оставалось цѣлымъ до разряженія того, изъ котораго зачался Сатурнъ; что и это оставалось цѣлымъ до разряженія того, изъ котораго зачался Юпитеръ — и такъ далѣе. Вообразимъ, словомъ, что никакого разрыва среди колець не произошло до конечнаго отброшенія того, что дало рожденіе Меркурію. Мы живописуемъ такимъ образомъ предъ окомъ разума рядъ сосуществующихъ концентрическихъ круговъ, и, созерцая ихъ постольку же *въ самихъ по себѣ*, поскольку въ развитіяхъ, коими, согласно гипотезѣ Лапласа, были они построены, мы замѣчаемъ сразу весьма рѣдкостное подобіе съ атомистическими слоями и развитіемъ первичнаго

излученія, какъ я его описалъ. Не возможно-ли, что по относительномъ измѣреніи *силъ*, которыми каждый послѣдовательный планетный кругъ былъ отброшенъ — то-есть, по измѣреніи послѣдовательныхъ чрезмѣрностей вращенія по отношенію къ тяготѣнію, причинявшему послѣдовательныя разряженія—мы должны были бы найти рассматриваемое подобіе болѣе рѣшительно подтвержденнымъ? *Развѣ невѣроятно, что мы обнаружили бы силы эти измѣнившимися—какъ и въ первичномъ излученіи—со-размѣрно квадратамъ разстояній?*

Наша солнечная система, состоящая, въ главности, изъ одного солнца, съ шестнадцатью планетами несомнѣнно, и, возможно, нѣсколько болѣе, обращающимися вокругъ него на различныхъ отстояніяхъ, и сопровождаемыхъ семнадцатью лунами достовѣрно, но *очень вѣроятно* и нѣсколькими другими — должна быть теперь рассматриваема какъ *нѣкій примѣръ* безчисленныхъ скопленій, которыя послѣдовательно наполнили всю Вселенскую Сферу атомовъ по устраненіи Божественнаго Воленія. Я хочу сказать, что наша солнечная система должна быть разумѣема какъ доставляющая *родовой примѣръ* этихъ скопленій, или, болѣе точно, крайнихъ состояній, которыхъ они достигли. Если мы задержимъ наше вниманіе сосредоточеннымъ на мысли *крайняго возможнаго Соотношенія* въ предначертаніи Всемогущаго, и на предосторожностяхъ, принятыхъ для свершенія его черезъ различіе формъ, среди изначальныхъ атомовъ, и обособленнаго разноотстоянія, мы найдемъ невозможнымъ предположить даже на одно мгновеніе, что хотя бы два изъ зачинающихся скопленій досягнули, въ концѣ, совершенно одинаковаго достиженія. Мы скорѣе будемъ склонны думать, что нѣтъ *двухъ* звѣздныхъ тѣлъ во Вселенной — будь то солнца, планеты, или луны — которыя были бы въ частномъ подобны, хотя *всѣ* подобны въ общемъ. Еще менѣе, тогда, можемъ мы вообразить нѣкія два *соединенія* такихъ тѣлъ — нѣкія двѣ

„системы“ — имѣющими болѣе чѣмъ общее сходство *). Наши телескопы, въ этомъ, вполне подтверждаютъ наши выведенія. Обращаясь къ нашему солнечному сплетенію, какъ къ наиболѣе вольному или общему образу изъ всѣхъ, мы зашли настолько далеко въ нашемъ предметѣ, какъ разсмотрѣніе Вселенной въ видѣ сферическаго пространства, черезъ которое, разсѣянный съ единообразіемъ чисто общимъ, существуетъ извѣстное число лишь въ общемъ подобныхъ *сплетеній*.

Взглянемъ теперь, распространивъ наши понятія, на каждую изъ этихъ системъ, какъ на нѣкій самъ по себѣ атомъ; что онъ и есть въ дѣйствительности, если мы будемъ разсматривать его лишь какъ одну изъ несчетныхъ мириадъ многочастныхъ цѣлыхъ, которыя образуютъ Вселенную. Разсматривая, такимъ образомъ, ихъ всѣ лишь какъ великанскіе атомы, каждый съ однимъ и тѣмъ-же неистребимымъ устремленіемъ къ Единству, что отличаетъ настоящіе атомы, изъ которыхъ она состоитъ — мы вступаемъ сразу въ новый порядокъ сцѣплений. Меньшія сплетенности, въ сосѣдствѣ съ извѣстной большей, должны были-бы неизбѣжно притягиваться все тѣснѣе въ ея сосѣдство. Тысяча соберется здѣсь; миллионъ тамъ: — здѣсь, быть можетъ, снова, даже, билліонъ — оставляя, такимъ образомъ, неизмѣримыя пустоты въ пространствѣ. И, если будетъ спрошено, почему въ отношеніи этихъ многочастныхъ цѣлыхъ — этихъ просто Исполинскихъ атомовъ — я говорю лишь о „соединеніи“, а не о болѣе или менѣе скрѣпленномъ скопленіи, какъ въ примѣрѣ настоящихъ

*) Не невозможно, что какое-нибудь непредвидѣнное оптическое усовершенствованіе откроетъ намъ, среди неисчислимаго разнообразія системъ, свѣтящее солнце, окруженное свѣтящимися и несвѣтящимися кольцами, внутри и снаружи, и между нихъ обращающіяся свѣтящія и несвѣтящія планеты, сопровождаемыя лунами, имѣющими луны — и опять эти послѣднія имѣющими луны.

атомовъ: — если вопросятъ, напримѣръ, почему я не довожу своего указанія до его законнаго разрѣшенія, и не опишу сразу эти сборища системъ-атомовъ ринувшимися въ сплоченіе сферъ — между тѣмъ какъ каждый достигаетъ сгущенія въ одно великолѣпное солнце—мой отвѣтъ есть, что *μελλοντα ταυτα ετο γρyдетъ* — я лишь пріостановился, на шагъ, у порога въ *Грядущее*. Въ текущемъ, называя эти сборища „гроздьями“, мы видимъ ихъ въ зачаточныхъ состояніяхъ ихъ сплоченія. *Абсолютное ихъ сплоченіе еще впереди.*

Мы достигли теперь той точки, откуда мы созерцаемъ Вселенную какъ сферическое пространство, усяпанное, *неравно, гроздьями*. Я хочу отмѣтить, что, предпочитаю здѣсь нарѣчіе „неравно“, выраженію „съ равенствомъ чисто общимъ“, употребленному ранѣе. Очевидно, на самомъ дѣлѣ, что равенство распредѣленія будетъ уменьшаться въ прямомъ отношеніи къ образованію скопленій—то-есть, по мѣрѣ уменьшенія, въ числѣ, вещей распредѣляющихся. Такимъ образомъ, возрастаніе неравенства—возростаніе, каковое должно длиться до тѣхъ поръ пока, раньше или позже, не настанетъ нѣкоторое время, и обширнѣйшее скопленіе поглотитъ всѣ остальные—должно быть разсматриваемо просто какъ указаніе подтверждающее *устремленіе во Едино*.

И здѣсь, наконецъ, умѣстнымъ кажется полюбопытствовать, подтверждаютъ-ли удостовѣренныя свѣдѣнія Астрономія общее расположеніе, которое я, путемъ вывода, означилъ Небесамъ. Сполна они это *дѣлаютъ*. Телескопическія наблюденія, руководимыя законами перспективы, позволяютъ намъ установить, что постижимая Вселенная существуетъ какъ *гроздь гроздій, неправильно расположенныхъ*.

„Гроздья“, изъ которыхъ этотъ Вселенскій „гроздь гроздій“ состоитъ, суть просто то, что мы обычно опредѣляемъ какъ „звѣздныя туманности“ — и изъ этихъ звѣздотуманностей *одна* есть верховнѣйшей завлекатель-

ности для человечества. Я разумѣю Свѣтомлечность или Млечный Путь. Она занимаетъ насъ, во-первыхъ и наиболѣе явно, по причинѣ большого своего превосходства въ видимомъ объемѣ, не только надъ той или другой гроздью небосвода, но и надъ всѣми вмѣстѣ взятыми гроздьями. Наибольшая изъ этихъ послѣднихъ занимаетъ лишь точку, сравнительно, и четко видима только съ помощью телескопа. Млечный Путь метется черезъ все Небо и сіяюще зримъ для простаго глаза. Но онъ влечетъ человѣка главнымъ образомъ, хотя и менѣе непосредственно, по причинѣ того, что онъ его цомъ; отчизна Земли, гдѣ онъ существуетъ; обитель Солнца, вокругъ котораго Земля обращается; обитель той сложности шаровъ, среди коихъ Солнце есть средоточіе, и первосвѣтъ — Земля есть одна изъ шестнадцати вторичныхъ, или планетъ — Луна одна изъ семнадцати третичныхъ, или спутниковъ. Млечный Путь, я повторяю, есть лишь одинъ изъ гроздій, что я описалъ — лишь одна изъ такъ называемыхъ „туманностей“, открывающихся намъ — временами, въ телескопъ только — какъ слабыя млкстыя пятна въ различныхъ частяхъ неба. У насъ нѣтъ основанія предполагать, что Млечный Путь въ действительности болѣе пространенъ, чѣмъ самая малая изъ этихъ звѣздотуманностей. Огромныя превосходства его объема суть лишь видимыя превосходства, происходящія отъ нашего положенія относительно него — то-есть, отъ нашего положенія въ его серединѣ. Сколь-бы страннымъ ни показалось первоначально это утвержденіе для тѣхъ, кто не посвященъ въ звѣздовѣдѣніе, однако самъ звѣздовѣдъ не колеблется въ утвержденіи, что мы находимся въ *серединѣ* этого несмѣтнаго воинства звѣздъ—солнцъ—многочастныхъ цѣлыхъ—каковыя образуютъ Свѣтомлечность. Кромѣ того, не только *мы* имѣемъ — не только *наше* Солнце имѣетъ, право притязать на Млечный Путь какъ на свою собственную отдѣльную гроздь, но, съ малой оговоркой, можно

сказать, что каждая четко зримая звѣзда небосвода — каждая звѣзда зримая простому глазу — можетъ равно притязать на него какъ на *свою* собственность.

Существовало въ сильной степени заблужденіе относительно *облика* Млечнаго Пути, который, какъ говорятъ, приблизительно во всѣхъ астрономическихъ разсужденіяхъ, похожъ на заглавный Υ . Гроздь этотъ, въ дѣйствительности, имѣетъ нѣкоторое общее — *очень* общее сходство съ планетой Сатурнъ, что окруженъ тройнымъ своимъ кольцомъ. Въмѣсто плотнаго шара этой планеты, мы однако должны нарисовать себѣ чечевицеобразный звѣздо-островъ, или собраніе звѣздъ; Солнце наше находится внѣ совпаденія средоточіемъ — близъ берега острова — въ сторонѣ ближайшей къ созвѣздію Креста и отдаленнѣйшей отъ Кассіопеи. Окружное кольцо, близясь къ нашему положенію, имѣетъ продольный *рубецъ*, который, на самомъ дѣлѣ, въ силу *нашего соседства съ кольцомъ*, доставляетъ смутное сходство съ заглавнымъ Υ .

Мы не должны, однако, впасть въ ошибку, представляя себѣ этотъ нѣсколько неопредѣленный поясъ вообще *отдаленнымъ*, говоря сравнительно, отъ столь же неопредѣленной чечевицеобразной грозди, которую онъ окружаетъ; и такимъ образомъ, лишь съ цѣлью изъясненія, мы можемъ говорить, что Солнце наше дѣйствительно находится въ той точкѣ Υ , которая единитъ три его составныя линіи; и представляя эту букву имѣющей нѣкоторую плотность — нѣкоторую толщину, весьма ничтожную сравнительно съ ея длиною — мы можемъ даже говорить о нашемъ положеніи какъ бы *въ срединѣ* ея толщи. Вообразивъ себя въ этомъ мѣстѣ, мы не найдемъ болѣе затрудненія изъяснить представляющіяся явленія — каковыя всецѣло перспективны. Когда мы смотримъ вверхъ или внизъ — то есть, когда мы устремляемъ наши взоры въ направленіи *толщи* буквы — мы смотримъ чрезъ меньшее количество звѣздъ, чѣмъ когда мы устремляемъ ихъ въ направленіи *длины*

ея или *вдоль* одной из трех составных линий. Разумѣется, въ первомъ случаѣ звѣзды являются разсѣянными—въ послѣднемъ скученными. Опрокинемъ это изъясненіе:—обитатель Земли, смотрящій, какъ обычно мы выражаемся, на Млечный Путь, созерцаетъ его тогда въ направленіи его длины—смотреть *вдоль* линій Y—но, когда, взглянувъ вообще на Небо, обращаетъ онъ свои глаза *отъ* Млечнаго Пути, онъ наблюдаетъ тогда его въ направленіи толщи буквы; и по этой причинѣ звѣзды кажутся ему разсѣянными; тогда какъ, въ дѣйствительности, они столь же сомкнуты, въ среднемъ, какъ и въ оплотѣ грозди. *Нѣтъ* размышленія болѣе приспособленнаго дать представленіе о чудовищной протяженности этого грозда.

Если, съ телескопомъ высокой пространство-проникающей силы, мы будемъ тщательно разсматривать небосводъ, мы повстрѣчаемся съ *перевязью гроздій*—которую доселѣ именовали мы „звѣздотуманностью“—нѣкоей *полосою*, различной ширины, протягивающейся отъ горизонта къ горизонту, подъ прямымъ угломъ къ общему потоку Млечнаго Пути. Полоса эта есть предѣльная *гроздь гроздій*. Перевязь эта есть *Вселенная*. Наша Свѣтомлечность есть лишь одна, и быть можетъ одна изъ самыхъ незначительныхъ гроздій, что входятъ въ образованіе предѣльной этой Вселенской *перевязи* или *полосы*. Видимость этого *грозда гроздій* для нашихъ глазъ, какъ перевязь или полоса, есть всецѣло нѣкое явленіе перспективное, того же самаго свойства, какъ и то, что вынуждаетъ насъ видѣть нашу собственную отдѣльную и грубо-сферическую гроздь, Свѣтомлечность, также въ образѣ перевязи, пересѣкающей Небеса подъ прямымъ угломъ къ перевязи Вселенской. Обликъ грозди всевключающей, конечно, вообще тотъ же, что каждой отдѣльной грозди ея включаемой. Совершенно какъ разсѣяныя звѣзды, которыя, при взглядѣ *отъ* Млечнаго Пути, мы видимъ въ общемъ небѣ, суть, въ дѣйствительности, лишь части этой самой Млечности, и такъ тѣсно

съ нею смѣшанныя, какъ любая телескопическая точка въ томъ, что кажется сгущениѣйшей частью ея оплота—таковы же суть разсѣянные звѣздотуманности, которыя, устремляя наши взоры отъ Вселенской *перевязи*, мы замѣчаемъ во всѣхъ точкахъ небосвода — таковы же, говорю я, суть разсѣянные звѣздотуманности, долженствующія быть разумѣемы лишь какъ перспективно разсѣянные, и какъ часть и частица единой верховной и Вселенской *сферы*.

Нѣтъ астрономическаго вымысла менѣе пріемлемаго, и не было другого, за который бы болѣе цѣпко держались, чѣмъ этотъ вымыселъ объ абсолютной *безпредѣльности* Вселенной Звѣздъ. Причины для предѣльности, какъ я уже означилъ ихъ, *a priori*, кажутся мнѣ неоспоримыми; но, не говоря объ этомъ, *наблюденіе* удостовѣряетъ насъ, что существуетъ, достовѣрно, въ безчисленныхъ направленіяхъ вокругъ насъ, если не во всѣхъ, извѣстный положительный предѣлъ—или, въ крайнемъ случаѣ, оно не доставляетъ намъ какого-либо основанія думать иначе. Если бы непрерывность звѣздъ была безконечна, тогда бы заднее поле неба являло намъ единообразную свѣтлость, подобную исходящей отъ Млечнаго Пути—*ибо безусловно не было бы точки, на всемъ этомъ заднемъ полѣ, идѣ не существовало бы звѣзды*. Единственный способъ, поэтому, при такомъ положеніи вещей, понять *пустоты*, что открываютъ наши телескопы въ безчисленныхъ направленіяхъ, предположить, что разстояніе отъ незримаго задняго поля такъ несмѣтно, что ни одинъ его лучъ доселѣ совершенно не могъ насъ достигнуть. Что это *можетъ* быть такъ, кто рѣшится отрицать? Я утверждаю, просто, что у насъ нѣтъ даже тѣни причины вѣровать, что это *такъ*.

Говоря о повседневной склонности смотрѣть на всѣ тѣла на Землѣ какъ устремляющіяся лишь къ средоточію Земли, я замѣтилъ, что „за нѣкоторыми исключеніями опредѣляемыми ниже, каждое тѣло на Землѣ устремляется

не только къ средоточію Земли, но и въ каждомъ другомъ постижимомъ направленіи“. „Исключенія“ относятся къ тѣмъ частымъ проваламъ въ Небѣ, которые тщательнѣйшему нашему разысканію не только не открываютъ никакихъ звѣздныхъ тѣлъ, но даже и указанія на ихъ существованіе—гдѣ зіяющія разсѣлины, чернѣе, чѣмъ мрачный Эребъ, чудится, бросаютъ намъ отсвѣты черезъ граничныя стѣны Вселенной Звѣздъ, въ безпредѣльную Вселенную Пустоты, за ними. Но, такъ какъ всякому тѣлу, существующему на Землѣ, представляется случай пересѣчь, своимъ-ли собственнымъ движеніемъ или движеніемъ Земли, въ нѣкоторой линіи одну изъ этихъ пустотъ или міровыхъ пропастей, ясно, что оно болѣе не притягивается *въ направленіи этой пустоты*, и на мигъ, слѣдовательно, „тяжелѣе“, чѣмъ въ любое время послѣ этого или до. Независимо отъ разсмотрѣнія этихъ пустотъ, однако, и взирая только на общее неравенство распредѣленія звѣздъ, мы видимъ, что абсолютное устремленіе тѣлъ Земли къ средоточію Земли находится въ состояніи непрерывнаго измѣненія.

Мы понимаемъ, тогда, обостровленіе нашей Вселенной. Мы постигаемъ отъединеніе *этого—всего* того, что ухватываемъ мы нашими чувствами. Мы знаемъ, что существуетъ нѣкая гроздь гроздій—сборище, вокругъ котораго, со всѣхъ сторонъ, простираются безъизмѣрныя дебри Пространства, *всякому человѣческому воспріятію недосыжимыя*. Но, такъ какъ на предѣлахъ этой Вселенной Звѣздъ мы вынуждены приостановиться, за отсутствіемъ дальнѣйшаго свидѣтельства нашихъ чувствъ, справедливо-ли заключать, что, въ дѣйствительности, *нѣтъ* вещественной точки за той, которой доселѣ дозволено намъ было достигнуть? Имѣемъ ли мы, или не имѣемъ сходное право заключить, что эта ощутимая Вселенная—что эта гроздь гроздій—есть лишь одна изъ нѣкотораго ряда гроздовъ гроздій, остальные изъ которыхъ незримы за разстояніемъ.

емь—незримо, ибо разсѣяніе ихъ свѣта столь чрезмѣрно, раньше чѣмъ онъ насъ достигнетъ, что уже болѣе не производитъ онъ на нашу сѣтчатку свѣто-впечатлѣнія—или же оттуда нѣтъ вовсе такого истеченія какъ свѣтъ въ этихъ несказанно дальнихъ мірахъ—или, наконецъ, наименьшее промежуточное разстояніе столь обширно, что электрическія вѣсти ихъ присутствія въ Пространствѣ еще не смогли—черезъ истекающія мириады лѣтъ—пройти это разстояніе?

Имѣемъ ли мы какое-нибудь право на заключенія—имѣемъ ли мы какое-либо основаніе для видѣній, какъ эти? Если мы имѣемъ на нихъ право въ *какой-либо* степени, мы имѣемъ право на безконечную ихъ протяженность.

Человѣческій мозгъ очевидно имѣетъ наклонность къ „Безконечному“, и лепѣетъ призракъ этого помысла. Чудится, со страстной пламенностью жаждетъ онъ этого невозможнаго представленія, въ надеждѣ разумомъ увѣровать въ него, разъ постигши. Что обще для цѣлаго рода Человѣческаго, того, конечно, ни единая личность этого рода не уполномочена почитать неправильнымъ; тѣмъ не менѣе, *можетъ* существовать нѣкій разрядъ вышихъ разумовъ, для которыхъ указанная человѣческая склонность представляется облеченной всѣми свойствами помѣшательства на одномъ.

Вопросъ мой, однако, остается безотвѣтнымъ:—Имѣемъ-ли мы какое-нибудь право утверждать—скажемъ скорѣе, воображать—нѣкую нескончаемую послѣдовательность „гроздовъ гроздій“ или „Вселенныхъ“ болѣе или менѣе подобныхъ?

Я отвѣчу, что „право“, въ такомъ случаѣ, какъ этотъ, зависитъ всецѣло отъ смѣлости того воображенія, что отваживается требовать этого права. Да позволено мнѣ будетъ заявить лишь то, что, какъ отдѣльная личность, я чувствую себя побужденнымъ *воображать*—не осмѣли-

ваясь назвать это иначе—что *дѣйствительно* существуетъ нѣкая *безпредѣльная* послѣдовательность Вселенныхъ, болѣе или менѣе подобныхъ той, о которой мы имѣемъ освѣдомленность—той, о которой *одной* будемъ мы когда-нибудь имѣть освѣдомленность—по крайней мѣрѣ до возврата нашей собственной отдѣльной Вселенной въ Единство. *Если* такія гроздя гроздій существуютъ, однако—*а они существуютъ*—слишкомъ явно, что, не имѣя доли въ нашемъ происхожденіи, они не имѣютъ доли въ нашихъ законахъ. Они не притягиваютъ насъ, ни мы ихъ. Ихъ вещество—ихъ духъ, не наши—они не то, что получаетъ какую-либо часть въ нашей Вселенной. Они не могли бы впечатлѣвать наши чувства или наши души. Между ними и нами—разсматривая все на мгновение, совокупно—нѣтъ вліяній взаимныхъ. Каждая существуетъ, отдѣльно и независимо, *на лонѣ своего собственного и особаго Бога.*

Ведя это Разсужденіе, я устремляюсь менѣе къ физическому, чѣмъ къ метафизическому порядку. Ясность, съ которой даже вещественныя явленія предстаютъ разумнѣю, зависитъ очень мало, — издавна научился я это уловлять,—отъ чисто природнаго устройства, и почти всецѣло отъ нравственнаго. Если же покажется, что я шагаю нѣсколько слишкомъ умозрительно отъ точки къ точкѣ моей задачи, да позволять мнѣ сообщить, что я дѣлаю такъ въ надеждѣ тѣмъ лучше предохранить неразрывной ту цѣпь *поступательнаго впечатлѣнія*, черезъ какое-то разсудокъ Человѣка только и можетъ надѣяться охватить величины, о которыхъ я говорю, и, въ ихъ величественной цѣльности, понять ихъ.

До сихъ поръ вниманіе наше было направлено почти исключительно къ общему и относительному сочетанію звѣздныхъ тѣлъ въ пространствѣ. Подробныхъ обособленій здѣсь было мало; и какія бы представленія *количества* ни были введены—то-есть представленія числа,

величины, и разстоянія—они были введены случайно и на пути подготовленія къ болѣе опредѣленнымъ понятіямъ. Этихъ послѣднихъ попытаемся теперь достигнуть.

Наша солнечная система, какъ было уже упомянуто состоятъ въ главнѣйшемъ изъ одного солнца и шестнадцати планетъ достовѣрныхъ но весьма вѣроятно и нѣсколькихъ другихъ, вращающихся вокругъ него какъ средоточія, и семнадцати сопровождающихъ лунъ, о коихъ мы знаемъ, съ возможностью многихъ еще, о которыхъ мы доселѣ не знаемъ ничего. Различныя эти тѣла суть не правильныя сфѣры, но сплюснутыя сфероиды—сфѣры, приплюснутыя на полюсахъ воображаемыхъ осей, вокругъ которыхъ они вращаются—приплюснутость есть слѣдствіе вращенія. И Солнце отнюдь не безусловное средоточіе этой сѣти; ибо само Солнце, со всѣми планетами, обращается вокругъ нѣкоторой непрестанно измѣняющейся точки пространства, которая есть для всей сѣти общее средоточіе тяготѣнія. Мы ни мало не должны также разсматривать дороги, по которымъ эти различныя сфероиды движутся—луны вокругъ планетъ, планеты вокругъ Солнца, или Солнце вокругъ общаго средоточія—какъ круги въ точномъ смыслѣ. Они суть, въ дѣйствительности, *эллипсы*—*одинъ изъ очаговъ составляетъ точку, вокругъ которой совершается обращеніе.* Эллипсъ есть кривая, возвращающаяся внутрь самое-себя, одинъ изъ діаметровъ ся длиннѣе другого. На длинномъ діаметрѣ есть двѣ точки, равноотстоящія отъ середины линіи, и съ другой стороны, расположенныя такъ, что, если изъ той или другой провести прямую линію въ какую-нибудь точку кривой, двѣ линіи, вмѣстѣ взятыя будутъ равны длинному діаметру. Представимъ же себѣ такой эллипсъ. Въ одной изъ упомянутыхъ точекъ, что суть *очаги*, укрѣпимъ апельсинъ. Посредствомъ растягивающей нити соединимъ этотъ апельсинъ съ горошиной, и помѣстимъ эту послѣднюю на окружности эллипса. Будемъ подвигать горошину непре-

рывно вокругъ апельсина — удерживая ее неизмѣнно на окружности эллипса. Растягивающаяся нить, на пути, конечно, измѣняющаяся въ длинѣ, по мѣрѣ передвиженія горошины, образуетъ то, что въ геометріи именуется *радіусъ векторъ*. Но, если подѣ апельсиномъ разумѣть Солнце, а горошину считать нѣкоторой планетой обращающейся вокругъ него, тогда обращеніе будетъ происходить—со скоростью столь измѣнчивой—что *радіусъ векторъ* будетъ проходить *равныя площади пространства въ равныя времена*. Поступательное движеніе горошины *должно быть*—другими словами, поступательное движеніе планеты—*есть* замедленное, конечно, соразмѣрно съ ея разстояніемъ отъ Солнца—ускоренное соразмѣрно съ ея приближеніемъ. Тѣ планеты, кромѣ того, движутся болѣе медленно, которыя дальше отъ Солнца; *квадраты времени ихъ обращенія находятся въ такомъ-же соотношеніи другъ къ другу, въ какомъ соотношеніи другъ къ другу находятся кубы ихъ среднихъ разстояній отъ Солнца*.

Зачарованно сложные законы обращенія, здѣсь описанные, однако, не должны быть понимаемы какъ достигнутые лишь нашимъ однимъ сплетеніемъ. *Повсемѣстно* господствуютъ они, гдѣ господствуетъ Притяженіе. Они управляютъ *Вселенной*. Каждое сіяющее пятно въ небосводѣ есть, несомнѣнно, свѣтоносное Солнце, похожее на наше собственное, по крайней мѣрѣ, въ общихъ своихъ чертахъ, и имѣющее въ свитѣ своей болѣе или меньшее число планетъ, болѣшихъ или меньшихъ, чья еще замедленная свѣтлостъ недостаточна, чтобы сдѣлать ихъ зримыми намъ на такомъ огромномъ разстояніи, но которыя, тѣмъ не менѣе, обращаются, лунносопутствуемая, вокругъ своихъ звѣздныхъ средоточій, повинуюсь началамъ только что описаннымъ—повинуюсь тремъ всепревозмогшимъ законамъ обращенія—тремъ безсмертнымъ законамъ, что разгаданы воображеніемъ Кеплера, и лишь потомъ вы-

явлены и доказаны терпѣливымъ и математическимъ умомъ Ньютона. Среди разряда философовъ, которые гордятся чрезмѣрно положительностями, слишкомъ общепринято подсмѣиваться надъ всякимъ умозрѣніемъ, давая ему всеобъемлющую клачку „гаданіе“. Главное дѣло въ томъ, кто гадаеть. Гадаая съ Платономъ, мы, иногда, тратимъ наше время съ большей цѣлесообразностью, нежели прислушиваясь къ доказательствамъ Алкмеона.

Во многихъ сочиненіяхъ по Астрономіи я нахожу четко утверждаемымъ, что законы Кеплера суть *основаніе* великой основы, Тяготѣнія. Эта мысль должна была возникнуть изъ того, что угаданіе этихъ законовъ Кеплеромъ, и его доказываніе дѣйствительнаго ихъ существованія а *posteriori* побудили Пьютона объяснять ихъ гипотезою Тяготѣнія, и, въ концѣ концовъ, доказывать ихъ а *priori*, какъ необходимыя послѣдствія гипотетической основы. Такимъ образомъ, не только законы Кеплера не суть основа Тяготѣнія, но Тяготѣніе есть основа этихъ законовъ—и это поистинѣ вѣрно относительно всѣхъ законовъ вещественной Вселенной, которые не относятся только къ Отталкиванію.

Среднее разстояніе Земли отъ Луны—то-есть, отъ небснаго тѣла находящагося въ наиболѣе близкомъ съ нами сосѣдствѣ—237.000 миль. Меркурій, планета ближайшая къ Солнцу, отстоитъ отъ него на 37 милліоновъ миль. Венера, ближайшая, обращается на разстояніи 68 милліоновъ:—Земля, которая слѣдуетъ въ близости, находится на разстояніи 95 милліоновъ:—затѣмъ, Марсъ на разстояніи 144 милліоновъ. Затѣмъ, слѣдуютъ восемь Астероидъ (Церера, Юнона, Веста, Паллада, Астрея, Флора, Ирида, и Геба) на среднемъ разстояніи приблизительно въ 250 милліоновъ; наконецъ Нептунъ, недавно открытый, и обращающійся на разстояніи, скажемъ, въ 28 сотенъ милліоновъ. Оставляя Нептунъ внѣ расчета—о немъ мы еще знаемъ очень мало чего-нибудь точнаго, и возможно, что

онъ принадлежитъ къ системѣ Астероидъ—будетъ видно, что въ извѣстныхъ границахъ есть извѣстный *порядокъ промежутка* между планетами. Говоря приблизительно, можно сказать, что каждая внѣшняя Планета отстоитъ отъ Солнца дважды на такомъ разстояніи, на какомъ находится ближайшая внутренняя. Не можетъ-ли *порядокъ*, здѣсь упоминаемый—*не можетъ-ли законъ Бодо*—быть выведенъ изъ соображенія подобія, мною указываемаго, какъ существующаго между солнечнымъ отбрасываніемъ колець и способомъ атомическаго излученія?

Числа спѣшно упоминаемая въ этомъ итогѣ разстояній было-бы безуміемъ пытаться постичь, кромѣ какъ въ свѣтѣ отвлеченныхъ ариометическихкихъ достовѣрностей. Примѣнительно они не ощутимы. Они не даютъ точныхъ представлений. Я утверждалъ, что Нептунъ, наиболѣе дальняя отъ Солнца планета, обращается около него на разстояніи 28 сотенъ милліоновъ миль. До сихъ поръ прекрасно:— я утверждалъ математическую достовѣрность; и, не постигая ея ни въ малѣйшей степени, мы можемъ пользоваться ею—математически. Но, упоминая даже, что Луна обращается вокругъ Земли на сравнительно пустяшномъ разстояніи въ 237.000 миль, я не ожидалъ дать кому-нибудь возможность понять—узнать—почувствовать, насколько далеко отъ Земли *находится* въ дѣйствительности Луна. 237.000 миль. Среди мопкъ читателей, быть можетъ, лишь немногіе не пересѣкли Атлантическій океанъ; многіе-ли, однако, изъ нихъ имѣютъ точное представленіе даже о 3.000 миль, находящихся между берегомъ и берегомъ? Я сомнѣваюсь, на самомъ дѣлѣ, есть-ли среди живущихъ какой-нибудь человекъ, который можетъ внѣдрить въ свой мозгъ самое отдаленное представленіе о промежуткѣ между однимъ верстовымъ столбомъ и другимъ, ближайшимъ. Намъ, однако, въ нѣкоторой мѣрѣ, помогаетъ, при нашихъ соображеніяхъ разстоянія, сочетать это соображеніе съ родственнымъ соображеніемъ о ско-

рости. Звукъ проходить 1.100 футовъ пространства въ одну секунду времени. Если-бы было возможно жителю Земли увидѣть вспышку пушечнаго выстрѣла на Лунѣ и услышать звукъ выстрѣла, онъ, замѣтивъ первую, долженъ былъ-бы ждать болѣе тринадцати дней и ночей, прежде чѣмъ онъ получилъ-бы какое-либо указаніе на второй.

Какъ бы ни было слабо даже такимъ образомъ доставленное впечатлѣніе дѣйствительнаго разстоянія Луны отъ Земли, оно, тѣмъ не менѣе, будетъ имѣть то доброе дѣйствіе, что дастъ намъ способность болѣе ясно видѣть тщету попытки постичь такіе промежутки какъ 28 сотенъ милліоновъ миль между нашимъ Солнцемъ и Нептуномъ; или, хотя-бы 95 милліоновъ между Солнцемъ и Землей, на которой мы живемъ. Пушечное ядро, летя съ величайшей быстротой, съ каковою ядро когда-либо летѣло, не могло-бы пройти этотъ промежутокъ скорѣй, чѣмъ въ 20 лѣтъ; для перваго же промежутка оно потребовало бы 590 лѣтъ.

Истинный діаметръ нашей Луны 2.160 миль; однако же она сравнительно столь пустяшный предметъ, что нужно было-бы приблизительно 50 такихъ шаровъ, чтобы составить одинъ изъ размѣровъ одинаковыхъ съ Землею.

Діаметръ нашего собственнаго шара 7.912 миль—но какое положительное представленіе можемъ мы извлечь изъ означенія этихъ чисель?

Если мы взойдемъ на обыкновенную гору и посмотримъ вокругъ себя съ ея вершины, мы увидимъ ландшафтъ, простирающійся, скажемъ, на 40 миль въ каждомъ направленіи, образующій кругъ въ 250 миль въ окружности, и включающій въ себя пространство въ 5.000 квадратныхъ миль. Протяженность такой перспективы, по причинѣ *последовательности*, съ которой отдѣльныя ея части необходимо являются взору, можетъ быть оцѣнена лишь очень слабо и очень частично—а вся панорама будетъ обнимать не болѣе чѣмъ одну 40.000-ую часть *поверхности* нашего

шара. Если-бы эта панорама смѣнилась по истеченіи одного часа другою, равной протяженности, эта опять по истеченіи часа третьей, эта опять по истеченіи еще часа четвертой — и такъ далѣе, до того какъ будетъ исчерпана вся зримость Земли, и если-бы мы разсматривали эти отдѣльныя панорамы по двѣнадцати часовъ каждый день, мы, тѣмъ не менѣе, окончили-бы полный оглядъ лишь въ 9 лѣтъ съ 48-ю днями.

Но если простая поверхность Земли ускользаетъ отъ охвата воображенія, что должны мы думать о кубическомъ ея содержаніи? Оно обнимаетъ громаду вещества, по вѣсу, по крайней мѣрѣ, въ два секстиллиона двѣсти квинтиллионовъ тоннъ. Предположимъ эту громаду въ состояніи покоя, и попытаемся вообразить механическую силу, достаточную, чтобы привести ее въ движеніе! Сила всѣхъ міриадъ существъ, которыя мы можемъ представить себѣ обитающими планетные міры нашей системы—соединенная тѣлесная сила всѣхъ этихъ существъ—даже допуская, что всѣ они болѣе могучи, нежели человѣкъ—не смогла-бы сдвинуть тяжелую громаду на *одинъ дюймъ* съ ея мѣста.

Что-же должны мы думать о силѣ, которая, при подобныхъ обстоятельствахъ, потребовалась-бы, чтобы сдвинуть *самую большую* изъ нашихъ планетъ, Юпитеръ? У нея 86.000 миль въ діаметрѣ, и она включила-бы въ свою окружность болѣе чѣмъ тысячу шаровъ такихъ размѣровъ какъ нашъ. Однако же, это изумительное тѣло мчится вокругъ Солнца со скоростью 29.000 миль въ часъ—то-есть, со скоростью въ сорокъ разъ большей, чѣмъ скорость пушечнаго ядра! Мысль о такомъ явленіи, нельзя даже сказать, чтобы она *поражала* умъ—она заставляетъ его ужаснуться и стереться. Нерѣдко мы заставляемъ наше воображеніе нарисовать себѣ способности какого-нибудь ангела. Вообразимъ себѣ такое существо на разстояніи какой-нибудь сотни миль отъ Юпитера—близкимъ очевидно того, какъ эта планета поспѣшаетъ въ годовомъ

своёмъ обращеніи. *Можемъ-ли* мы, спрашиваю я, составить себѣ какое-нибудь представленіе о духовной вознесенности этого идеальнаго существа настолько отчетливое, какъ представленіе, подразумевающееся въ предположеніи, что онъ—ангелъ—какъ-бы онъ ни былъ ангеличенъ—не будетъ сразу низвергнуть въ ничто и сраженъ даже этой неизмѣримой громадой вещества, взвихренной непосредственно передъ его глазами и летящей съ быстротою столь неизреченной?

Здѣсь, однако, вполнѣ подходитъ указать, что, въ дѣйствительности, мы говоримъ о сравнительныхъ пустякахъ. Наше Солнце, средоточный и заправляющій шаръ сплетенности, къ которой принадлежитъ Юпитеръ—не только больше, чѣмъ Юпитеръ, но больше гораздо, чѣмъ всѣ планеты нашей сѣти вмѣстѣ взятыя. Это обстоятельство, на самомъ дѣлѣ, есть существенное условіе стойкости самой системы. Диаметръ Юпитера былъ упомянуть; въ немъ 86.000 миль—въ диаметрѣ Солнца 882.000 миль. Житель послѣдняго, проходя по 90 миль въ день, долженъ былъ-бы идти болѣе восьмидесяти лѣтъ, свершая великій кругъ его окружности. Оно занимаетъ кубическое пространство въ 681 квадриллионъ 472 триллиона миль. Луна, какъ было сказано, обращается вокругъ Земли на разстояніи 237.000 миль—по орбитѣ, слѣдственно, приблизительно въ полтора милліона. Но, если-бы Солнце было помѣщено на Землѣ, средоточіе надъ средоточіемъ, тѣло перваго простерлось-бы, по всѣмъ направленіямъ, не только до линіи Лунной орбиты, но и за нее, на разстояніе въ 200.000 миль.

И здѣсь опять, да будетъ мнѣ позволено указать, что, въ дѣйствительности, мы *еще* говоримъ о сравнительныхъ пустякахъ. Разстояніе планеты Нептунъ отъ Солнца было указано; это 28 сотенъ милліоновъ миль: окружность его орбиты, поэтому, около 17 билліоновъ. Будемъ держать это въ умѣ, межъ тѣмъ какъ мы глядимъ на одну какую-

нибудь изъ самыхъ блестящихъ звѣздъ. Между нею и звѣздою нашей системы (Солнце), находится бездна пространства, чтобы дать представленіе о которомъ, намъ нуженъ языкъ архангела. Итакъ, звѣзда на которую мы, въ предположеніи, смотримъ, есть нѣчто совершенно отдѣльное отъ нашей сплетенности и отъ нашего Солнца, или звѣзды:—все-же, на мгновеніе вообразимъ ее помѣщенной на нашемъ Солнцѣ, средоточіе надъ средоточіемъ, какъ мы только что воображали это самое Солнце помѣщеннымъ на Землѣ. Представимъ себѣ теперь эту особенную звѣзду, которую мы держимъ въ умѣ, простраивающейся, по всѣмъ направленіямъ, за предѣлы орбиты Меркурія—Венеры—Земли:—еще *дальше*, за предѣлы орбиты Марса—Юпитера—Урана—до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, мы не вообразимъ ее наполняющею кругъ—въ *семнадцать билліоновъ миль въ окружности*—каковой описываетъ въ своемъ обращеніи планета Леверье. Когда мы представимъ себѣ все это, наше представленіе совсѣмъ не сумасбродно. Есть наилучшее основаніе вѣрить, что многиа изъ звѣздъ—еще гораздо большихъ размѣровъ, чѣмъ та, которую мы вообразили. Я разумѣю, что у насъ есть наилучшее *опытное* основаніе для такого вѣрованія—и смотря назадъ, на первичныя атомистическія устройства для *разнообразія*, которыя были предположены какъ часть Божественнаго распорядка въ устройствѣ Вселенной, мы сможемъ легко понять и допустить существованіе даже гораздо болѣе обширныхъ несообразностей въ величинѣ звѣздъ, нежели какая-либо указанная мною доселѣ. Конечно, мы должны ожидать, что величайшіе шары катятся черезъ обширнѣйшія пустоты Пространства.

Я только что говорилъ, что для того, чтобы составить представленіе о промежуткѣ между нашимъ Солнцемъ и какою-нибудь изъ другихъ звѣздъ, намъ потребно краснорѣчіе архангела. Говоря такъ, я не могу быть обвиненъ въ преувеличеніи; ибо, простая правда гласитъ, что есть

предметы, относительно которых вряд-ли возможно преувеличивать. Но явнымъ данное обстоятельство болѣе четко передъ окомъ ума.

Прежде всего; мы можемъ достигъ общаго *относительнаго* представленія упомянутаго промежутка сравненіемъ его съ междупланетными пространствами. Если, на-примѣръ, мы предположимъ, что Земля, которая въ дѣйствительности отстоитъ отъ Солнца на 95 милліоновъ миль, находится лишь на одинъ футъ отъ этого свѣтила, тогда Нептунъ былъ-бы отъ него на разстояніи сорока футовъ, а звезда *Альфа Лиры*, по крайней мѣрѣ, на разстояніи ста пятидесяти девяти.

Теперь я притязаю, что при заключеніи моей послѣдней фразы немногіе изъ моихъ читателей замѣтили что-нибудь особенное подлежащее возраженію — что-нибудь въ частичности невѣрное. Я сказалъ, что, если разстояніе Земли отъ Солнца будетъ въ одинъ футъ, разстояніе Нептуна было-бы въ сорокъ футовъ, а разстояніе Альфы Лиры въ сто пятьдесятъ девять. Соотношеніе между однимъ футомъ и сто пятидесятью девятью, дало, быть можетъ, достаточно четкое впечатлѣніе соотношенія между двумя промежуточными пространствами — Земли отъ Солнца, и Альфы Лиры отъ того-же самаго свѣтила. Но мое исчисленіе должно было-бы въ дѣйствительности происходить такъ:—Предположивъ, что разстояніе Земли отъ Солнца есть одинъ футъ, разстояніе Нептуна было-бы сорокъ футовъ, а разстояніе Альфы Лиры сто сорокъ девять *миль*:—то-есть, я приписалъ Альфѣ Лиры, въ моемъ первомъ утвержденіи, лишь *5.280-ую часть* разстоянія, которое есть *наименьшее возможное*, на каковомъ она въ дѣйствительности находится.

Продолжаю:—Какъ бы далеко ни была простая *планета*, все-же, когда мы глядимъ на нее черезъ телескопъ, мы видимъ ее имѣющей извѣстную форму—извѣстные осязательные размѣры. Но я уже указывалъ вѣроятный

объемъ многихъ изъ звѣздъ; тѣмъ не менѣе, когда мы смотримъ на какую-нибудь изъ нихъ, даже черезъ самый сильный телескопъ, она не являетъ намъ *никакой формы*, и, слѣдственно, *никакой величины*. Мы видимъ ее какъ точку, и не болѣе.

Потомъ: — Предположимъ, что мы идемъ ночью по большой дорогѣ. На полѣ, съ той и другой стороны дороги, находится линія высокихъ предметовъ, скажемъ, деревьевъ, очеркъ которыхъ четко предстаетъ на заднемъ пространствѣ неба. Эта линія предметовъ простирается подъ прямымъ угломъ къ дорогѣ и отъ дороги къ горизонту. Идя вдоль дороги, мы видимъ, какъ эти предметы мѣняются свои положенія, соотвѣтственно, въ отношеніи къ извѣстной неподвижной точкѣ въ той части небосвода, которая образуетъ заднее поле зрѣнія. Предположимъ, что эта неподвижная точка — достаточно неподвижная для нашей цѣли — есть встающая Луна. Мы тотчасъ замѣчаемъ, что, въ то время какъ дерево ближайшее къ намъ настолько измѣняетъ свое положеніе относительно Луны, что кажется убѣгающимъ сзади насъ, дерево, находящееся на самомъ дальнемъ растояніи, едва измѣнило свое положеніе относительно спутника. Мы замѣчаемъ тогда, что чѣмъ предметы дальше отъ насъ, тѣмъ менѣе они измѣняютъ свое положеніе; и наоборотъ. Тогда мы начинаемъ, невѣдомо для насъ самихъ, оцѣнивать растояніе отдѣльныхъ деревьевъ по градусамъ, въ которыхъ они указываютъ соотвѣтственное измѣненіе. Наконецъ, мы начинаемъ понимать, какимъ образомъ возможно удостовѣриться въ дѣйствительномъ растояніи любого даннаго дерева этого ряда, пользуясь итогомъ относительнаго измѣненія, какъ основой въ простой геометрической задачѣ. Но это относительное измѣненіе есть то, что мы называемъ „параллаксомъ“, нѣкоторымъ воображаемымъ угломъ; и этимъ угломъ, параллаксомъ, мы исчисляемъ растояніе небесныхъ тѣлъ. Примѣняя данное положеніе къ разсматриваемымъ де-

ревьямъ, мы, конечно, съ трудомъ могли-бы понять разстояніе вотъ *этого* дерева, которое, какъ-бы мы ни шли впередъ вдоль дороги, вовсе не дало-бы *никакого* угла. Въ данномъ случаѣ это есть вещь невозможная; но невозможная только потому, что все разстоянія на нашей Землѣ по-истинѣ ничтожны:—въ сравненіи съ обширными міровыми величинами, мы можемъ сказать о нихъ, что они суть абсолютное ничто.

Теперь предположимъ, что звѣзда Альфа Лиры находится какъ разъ у насъ надъ головой; и вообразимъ, что, вмѣсто того, чтобы стоять на Землѣ, мы стоимъ на одномъ концѣ прямой дороги, простирающейся черезъ Пространство до разстоянія равнаго діаметру Земной орбиты—то-есть, до разстоянія въ сто девяносто милліоновъ миль. Замѣтивъ съ помощью тончайшихъ микрометрическихъ инструментовъ точное положеніе звѣзды, пройдемъ теперь вдоль этой непостижимой дороги, пока мы не достигнемъ другой крайности. И теперь, еще разъ, глянемъ на звѣзду. Она въ *точности* тамъ, гдѣ мы ее оставили. Наши приборы, хотя-бы тончайшіе, удостовѣряютъ насъ, что ея относительное положеніе безусловно—тождественно то же самое, какъ при началѣ нашего невзреченнаго странствія. *Никакого* параллакса—ни какого бы то ни было—не до найдемъ.

Дѣло въ томъ, что касательно разстоянія неподвижныхъ звѣздъ—касательно разстоянія какой-либо изъ мириадъ солнць, что искрятся на дальней сторонѣ этой ужасающей разсѣлпы, каковая отдѣляетъ наше звѣздное многочастное цѣлое отъ его собратіи въ гроздѣ, къ которому оно принадлежитъ—звѣздовѣдніе, до самаго послѣдняго времени, могло говорить лишь съ отрицательной достовѣрностью. Допуская, что самыя яркія суть самыя близкія, мы могли-бы сказать, даже о *нихъ*, только одно—что разстояніе, на *здѣшной* сторонѣ котораго они не могутъ быть, неизмѣримо:—какъ далеко они находятся

за предѣлами его, въ этомъ мы никогда не могли удостовѣриться. Мы постигли, напримѣръ, что Альфа Лиры не можетъ быть ближе отъ насъ, чѣмъ на 19 триллионовъ 200 биллионовъ миль; но изъ всего, что мы знали, и, поистинѣ, изъ всего, что мы теперь знаемъ, слѣдуетъ, что она можетъ отстоять отъ насъ на квадратъ, или на кубъ, или на какую-либо другую степень упомянутаго числа. Однако-же, съ помощью удивительно кропотливыхъ и осмотрительныхъ наблюденій, пользуясь новыми инструментами, въ теченіи многихъ трудолюбивыхъ годовъ, Бесселю, недавно умершему, удалось за послѣднее время опредѣлить разстояніе шести или семи звѣздъ; среди нихъ, разстояніе звѣзды помѣченной числомъ 61 въ созвѣздіи Лебеда. Разстояніе удостовѣренное въ этомъ послѣднемъ случаѣ есть повторенное 670.000 разъ разстояніе отъ Солнца; это же послѣднее, какъ будетъ припомнено, 95 милліоновъ миль. Звѣзда 61 Лебеда, значить, находится приблизительно на 64 триллиона миль отъ насъ—или на болѣе чѣмъ трижды повторенномъ разстояніи принятомъ какъ *наименьшее возможное* для Альфы Лиры.

Пытаясь опредѣлить этотъ промежутокъ съ помощью какихъ-либо соображеній *скорости*, какъ мы это дѣлали . стараясь опредѣлить разстояніе Луны, мы должны совершенно упустить изъ виду такія ничто, какъ быстрота пушечнаго ядра или звука. Свѣтъ, однако, согласно съ послѣдними исчисленіями Струве, движется со скоростью 167.000 миль въ секунду. Сама мысль не можетъ пройти черезъ такой промежутокъ болѣе быстро—если въ дѣйствительности мысль вообще можетъ пройти его. Все-же, доходя до насъ отъ звѣзды 61 Лебеда, даже съ такой непостижимой быстротою, свѣтъ идетъ болѣе чѣмъ *десять* лѣтъ; и, слѣдственно, если-бы эта звѣзда въ данный мигъ была вычеркнута изъ Вселенной, все-же, въ теченіи десяти лѣтъ она продолжала-бы искривляться незатуманенная въ своей парадоксальной славѣ.

Храня теперь въ умѣ хотя-бы слабое представленіе, какое только мы можемъ имѣть относительно промежутка между нашимъ Солнцемъ и звѣздой 61 Лебеда, припомнимъ, что, какъ-бы ни былъ этотъ промежутокъ неизреченно обширенъ, намъ дозволено разсматривать его лишь какъ *средній* промежутокъ между безчисленнымъ воинствомъ звѣздъ, составляющимъ эту гроздь, или „туманное пятно“, къ которому принадлежитъ вся наша сплетенность, такъ же какъ звѣзда 61 Лебеда. Я производилъ исчисленіе, надѣль, съ большой умѣренностью. Мы имѣемъ наилучшее основаніе вѣрить, что звѣзда 61 Лебеда одна изъ *ближайшихъ* звѣздъ, и, такимъ образомъ, можемъ заключить, по крайней мѣрѣ, для настоящаго, что ея разстояніе отъ насъ *меньше*, чѣмъ среднее разстояніе между звѣздой и звѣздой въ великолѣпномъ гроздѣ Млечнаго Пути.

И здѣсь, еще разъ, и окончательно, кажется благопристойнымъ указать, что даже и доселѣ мы все еще говорили о пустякахъ. Перестанемъ дивиться на пространство между звѣздой и звѣздой въ нашей собственной или какой-либо частичной грозди — обратимъ скорѣе наши мысли къ разстояньямъ между гроздью и гроздью во всеобъемлющемъ гроздѣ Вселенной.

Я уже сказалъ, что свѣтъ движется со скоростью 167.000 миль въ секунду—то-есть, около 10 милліоновъ миль въ минуту, или около 600 милліоновъ миль въ часъ:—все-же такъ далеко отодвинуты отъ насъ нѣкоторыя изъ звѣздотуманностей, что даже свѣтъ, поспѣвая съ такой быстротой, не могъ-бы достигъ насъ, и не достигаетъ насъ, изъ этихъ таинственныхъ областей, скорѣе чѣмъ въ 3 *милліона* лѣтъ. Это исчисленіе, кромѣ того, сдѣлано Гершелемъ Старшимъ, и въ отношеніи только тѣхъ сравнительно близкихъ гроздій, что находятся въ оглядѣ его собственнаго телескопа. *Есть*, однако, звѣздотуманности, которыя, черезъ магическую трубу Лорда Росса, въ это самое мгновеніе шепчуть намъ на ухо

тайны о *милліонъ вѣковъ* отошедшихъ. Словомъ, событія, что мы созерцаемъ теперь—въ этотъ мигъ—въ тѣхъ мірахъ—тождественны съ тѣми событіями, что привлекали вниманіе ихъ жителей *десять сотенъ тысячъ вѣковъ тому назадъ*. Въ пространствахъ—въ разстояніяхъ, какія подобное внушеніе *внѣдряетъ въ душу*—скорѣе чѣмъ въ разумъ—мы, наконецъ, находимъ подходящій размахъ обращенія ко всѣмъ доселѣ возникавшимъ, столь ничтожнымъ, соображеніямъ *о количествѣ*.

Съ воображеніемъ нашимъ такимъ образомъ занятымъ міровыми пространствами, воспользуемся случаемъ упомянуть о трудности, столь часто нами испытанной, въ то время какъ мы идемъ по *пробитому пути* астрономическаго размышленія, *изъясняя* указанныя неизмѣримыя пустоты—трудность понять, почему разсѣлины, столь цѣлостно незанятыя, и слѣдовательно, по видимости, столь бесполезныя, возникли между звѣздой и звѣздой—между гроздомъ и гроздомъ—трудность постичь, словомъ, достаточное основаніе для Титанической лѣстницы, въ отношеніи только *Пространства*, въ отношеніи исполинской пространственной размѣрности, на которой, какъ зримо, построена Вселенная. Я утверждаю, что Звѣздовѣдѣніе осязательнымъ образомъ не смогло указать разумной причины для такого явленія:—но соображенія, черезъ которыя, въ этомъ Разсужденіи, мы шли впередъ шагъ за шагомъ, дѣлаютъ насъ способными ясно и немедленно постичь, что *Пространство* и *Длительность* суть одно. Чтобы Вселенная могла *длиться* въ теченіи лѣтосчисленія—вообще соразмѣрнаго съ величіемъ составныхъ ея вещественныхъ частей и съ высокимъ величествомъ духовныхъ ея замысловъ, было необходимо, чтобы изначальное разсѣяніе атомовъ было сдѣлано на такую непостижимую распространенность, только бы не быть безконечнымъ. Требовалось, словомъ, чтобы звѣзды могли собраться въ зримость изъ незримой туманности—перейти отъ туманности къ скрѣпленію—и

потомъ посѣдѣть, давая рожденіе и смерть несказанно многочисленнымъ и сложнымъ различностямъ жизненнаго развитія:—требовалось, чтобы звѣзды сдѣлали все это—чтобы они имѣли время цѣликомъ выполнить все эти Божественные замыслы—*въ теченіи круга времени*, въ каковой все свершаетъ свой возвратъ въ Единство съ быстротой собирательной въ обратномъ отношеніи къ квадратамъ разстояній, на грани которыхъ лежатъ неизбѣжный Конецъ.

Въ силу всего этого у насъ нѣтъ никакой трудности понять безусловную точность Божественнаго *приспособленія*. Густота звѣздъ, относительная, идетъ, конечно, впередъ, по мѣрѣ того, какъ ихъ сгущеніе уменьшается; сгущеніе и разнородность идутъ въ уровень другъ съ другомъ; черезъ послѣднюю, которая есть показатель перваго, мы оцѣниваемъ жизненное и духовное развитіе. Такимъ образомъ, въ густотѣ небесныхъ тѣлъ мы имѣемъ мѣру, въ каковой цѣли ихъ выполнены. *По мѣрѣ того какъ* густота увеличивается — *по мѣрѣ того какъ* Божественные замыслы свершаются—*по мѣрѣ того какъ* все меньше и меньше остается того, что должно быть свершеннымъ—въ томъ же самомъ прямомъ отношеніи, должны мы ожидать ускоренія *Конца*: -- и, такимъ образомъ, умъ философическій легко пойметъ, что Божественные замыслы въ созиданіи звѣздъ *математически* идутъ къ своимъ свершеніямъ; и болѣе, онъ легко дастъ этому поступательному движенію математическое выраженіе; онъ рѣшитъ, что это движеніе впередъ находится въ обратной соразмѣрности съ квадратами разстояній всего созданнаго отъ исходной точки и цѣли ихъ творенія.

Это Божеское приспособленіе, однако, не только математически точно, но въ немъ есть нѣчто, что придаетъ ему отпечатокъ *Божественнаго* въ отличіе отъ того, что есть по-просту дѣло человѣческаго зодчества. Я намекаю на полную *взаимность* приспособленія. Напримѣръ: въ

человѣческихъ построеніяхъ частичная причина имѣеть частичныя слѣдствія; частичное намѣреніе идетъ къ частичной цѣли; но это и все; мы не видимъ никакой взаимности. Слѣдствіе не оказываетъ своего обратнаго дѣйствія на причину; намѣреніе не мѣняетъ отношенія съ цѣлью. Въ Божескихъ построеніяхъ цѣль есть или замысль или цѣль, какъ намъ будетъ угодно взглянуть на это—и мы можемъ въ любое время принимать причину за слѣдствіе, или наоборотъ—такъ что мы никогда не можемъ безусловно рѣшить чтò есть чтò.

Возьмемъ примѣръ:—Въ Полярныхъ климатахъ человѣческое тѣло, чтобы поддерживать животное свое тепло, требуетъ для сгорания въ сѣти тончайшихъ своихъ сосудовъ обильнаго запаса весьма азотизированной пищи, какова, напримѣръ, ворвань. Но опять:—Въ Полярныхъ климатахъ, почти единственная пища, доставляемая человѣку, есть ворвань въ изобиліи тамъ существующихъ тюленей и китовъ. Потому-ли жировое масло подъ рукой, что оно приказательно требуется, или потому единственная вещь требуется, что единственная вещь можетъ быть получена? Рѣшить невозможно. Здѣсь нѣкая безусловная *взаимность приспособленія*.

Удовольствіе, которое мы извлекаемъ изъ проявленія человѣческой изобрѣтательности, находится въ прямомъ отношеніи съ *приближеніемъ* къ этого рода взаимности. Въ построении *замысла*, напримѣръ, въ повѣствовательной Литературѣ, мы должны были-бы стремиться такъ расположить событія и обстоятельства, что мы не были бы въ состояніи рѣшить о какомъ-либо изъ нихъ, зависитъ-ли оно отъ какого-нибудь другого, или поддерживаетъ его. Въ этомъ смыслѣ, конечно, *совершенство замысла* дѣйствительно и примѣнительно недостижимо—но только потому, что его построяетъ конечный разумъ. Замыслы Бога совершенны. Вселенная есть замысль Бога.

И тутъ мы достигли точки, гдѣ разумъ опять прину-

ждень бороться съ своею склонностью къ выводу по уподобленію — съ упрямымъ безумствомъ своего желанія ухватиться за безконечное. Луны были видимы *вращающимися* вокругъ планетъ; планеты вокругъ звѣздъ; и поэтическое чутье человѣчества—его чутье соразмѣрнаго, если соразмѣрность есть только соразмѣрность поверхности — это *чутье*, которое Душа не только Человѣка, но и всѣхъ сотворенныхъ существъ, заимствовала въ началѣ изъ *геометрическаго* основанія Всемирнаго излученія, побуждаетъ насъ вообразить нѣкое безконечное протяженіе этой многосложности *цикловъ*. Закрывая наши глаза равно на *выведение* и *наведение*, мы настаиваемъ на представленіи *обращенія* всѣхъ небесныхъ тѣлъ Млечнаго Пути вокругъ нѣкотораго исполинскаго шара, который мы принимаемъ за средоточную ось цѣлаго. Каждый гроздь въ великомъ гроздѣ гроздій воображается, конечно, схоже построеннымъ и снаряженнымъ; между тѣмъ какъ, чтобы подобіе ни въ какой точкѣ не испытывало пробѣла, мы доходимъ до постиженія самыхъ этихъ гроздій *какъ вращающихся* вокругъ какой-то еще болѣе величественной округлости; — эта послѣдняя опять, *съ* окружающими ее гроздьями, есть лишь одинъ изъ еще болѣе великолѣпныхъ рядовъ скопленій, *вращающийся* вокругъ еще другого шара, средоточнаго *для нихъ* — какаго-то шара еще болѣе неизреченно возвышеннаго — какаго то шара, скажемъ скорѣе, безконечной возвышенности, безконечно умноженной безконечно возвышеннымъ. Таковы условія, продолжаемыя въ непрерывности, которыя голосъ того, что люди именуютъ „уподобленіемъ“, призываетъ Мечту нарисовать и Разсудокъ созерцать, если возможно, не испытывая неудовлетворенности отъ картины. Таково, *вообще*, безконечное вращеніе за вращеніемъ, которое Философія научала насъ понимать и объяснять, по крайней мѣрѣ, наилучшимъ образомъ, какъ мы только можемъ. Время отъ времени, однако, философъ въ точномъ смыслѣ — та-

кой, чье безуміе имѣеть совершенно опредѣленный поворотъ — чей геній, чтобы говорить болѣе почтительно, имѣеть сильно выраженную наклонность прачекъ, изготовляющихъ все дюжинами—дѣлаеть насъ способными увидеть въ *точности* ту точку зрѣнія, на каковой обсуждаемые вращательныя движенія приходятъ, и по справедливости должны приходиться, къ концу.

Врядъ-ли, быть можетъ, стоитъ даже презрительно усмѣхнуться на бредни Фурье:—но за послѣднее время много говорилось о гипотезѣ Мэдлера, гласящей, что въ средоточіи Свѣтомлечности существуетъ огромный шаръ, вокругъ котораго вращаются всѣ системы грозда. *Періодъ* нашего собственнаго вращенія, какъ было указано, составляетъ 117 милліоновъ лѣтъ.

Что наше Солнце имѣеть движеніе въ пространствѣ, независимо отъ его обращенія и вращенія вокругъ средоточія тяготѣнія системы, это подозрѣвали давно. Это движеніе, если допустить, что оно существуетъ, должно было бы проявляться въ перспективѣ. Звѣзды въ той части небосвода, которую мы оставляемъ сзади насъ, должны были, въ теченіи большого ряда лѣтъ, скучиваться; звѣзды въ противоположномъ направленіи должны разсѣиваться. Но съ помощью Исторіи Астрономіи мы удостоверяемся, смутно, что нѣкоторыя такія явленія имѣли мѣсто. Въ этой области было сообщено, что наше многочастное цѣлое движется къ точкѣ въ небѣ диаметрально противоположной звѣздѣ Z созвѣздія Геркулеса;—но этотъ выводъ, быть можетъ, есть наибольшее, на что мы имѣемъ какое-либо логическое право. Мэдлеръ, однако, дошелъ до того, что означалъ особенную звѣзду Альціону созвѣздія Плеядъ какъ истинное или приблизительное мѣсто, вокругъ котораго совершается общее вращеніе.

Но, такъ какъ, прежде всего, мы вовлечены въ эти сны „уподобленіемъ“, совершенно умѣстно, чтобы мы пребывали въ уподобленіи, по крайней мѣрѣ, до нѣкоторой

степени, пока они развиваются; и это уподобленіе, которое внушаетъ намъ мысль о вращеніи, внушаетъ въ то же самое время мысль о средоточномъ шарѣ, около котораго оно должно совершаться:—до этихъ поръ звѣздовѣдъ былъ послѣдователенъ. Этотъ средоточный шаръ, однако, динамически долженъ былъ-бы быть больше, чѣмъ всѣ окружающія его небесныя тѣла, взятыя вмѣстѣ. Ихъ около 100 милліоновъ. „Почему же“, конечно, было спрошено, „не видимъ мы это обширное средоточное солнце по крайней мѣрѣ равное по громадѣ 100 милліонамъ такихъ солнцъ какъ наше—почему-же мы не видимъ его—мы, въ особенности, занимающіе среднюю область гряда—то самое мѣстоположеніе, около котораго, во всякомъ случаѣ, должна находиться эта несравненная звѣзда?“ Отвѣтъ былъ готовъ—„Оно должно быть не свѣтящимъ, какъ наши планеты“. Итакъ, здѣсь, чтобы достигнуть цѣли, уподобленію внезапно позволили отпасть. „Не такъ“, могло быть сказано; „мы знаемъ, что не свѣтящія солнца дѣйствительно существуютъ“. Это вѣрно, что мы имѣемъ основаніе, по крайней мѣрѣ, предполагать такъ; но мы, конечно, не имѣемъ какого-либо основанія предполагать, что несвѣтящія солнца, о которыхъ идетъ рѣчь, окружены свѣтящими солнцами, между тѣмъ какъ эти, опять, окружены несвѣтящими планетами:—и этому-то всему въ точности Мэдлеръ былъ призванъ найти что-нибудь подобное въ небѣ—ибо все это въ точности онъ воображаетъ существующимъ въ Млечномъ Пути. Допуская, что это такъ, мы не можемъ не нарисовать себѣ, сколь прискорбно недоумѣнное *почему бы это такъ* должны были испытывать всѣ *априорные* философы.

Но допуская, вопреки подобію, и чему-бы то ни было, несвѣтлость обширнаго центральнаго шара, мы все-же вопрошаемъ, какимъ образомъ этотъ шаръ, такой огромный, не сдѣлался видимымъ, благодаря потоку свѣта, бросаемому на него отъ 100 милліоновъ лучезарныхъ

солнцѣ, ярко сверкающихъ по всѣмъ направленіямъ отъ него. При выдвиганіи такого вопроса, мысль о какомъ-либо дѣйствительно плотномъ центральномъ солнцѣ, кажется, въ нѣкоторой мѣрѣ, оставленной; и умозрѣніе идетъ далѣе, принимая, что цѣльныя многосложности гряда свершаютъ свои вращенія просто вокругъ невещественнаго центра тяжести, общаго всѣмъ. Здѣсь опять, чтобы достигнуть цѣли, удоболеніе срывается. Планеты нашей системы вращаются, это вѣрно, вокругъ общаго центра тяжести; но они это дѣлаютъ въ связи и въ причинности съ вещественнымъ солнцемъ, коего оплотъ болѣе чѣмъ уравниваетъ остальную часть системы.

Математическій кругъ есть кривая, образуемая безконечностью прямыхъ линий. Но это понятіе круга—понятіе, которое, съ точки зрѣнія всякой обычной геометріи, есть понятіе чисто математическое, какъ противоположимое отъ примѣнительнаго—есть, будучи разсматриваемо какъ здравая дѣйствительность, понятіе *примѣнительное*, которое единственно мы имѣемъ какое-нибудь право принять касательно величественнаго круга, съ каковымъ мы должны имѣть дѣло, по крайней мѣрѣ, въ воображеніи, когда мы предполагаемъ, что вся наша сплетенность вращается вокругъ какой-нибудь точки средоточія Млечнаго Пути. Пусть самое мощное изъ человѣческихъ воображеній попытается только сдѣлать одинъ отдѣльный шагъ къ пониманію выгиба такого неизреченнаго! Врядъ-ли было-бы парадоксальнымъ сказать, что даже вспышка молніи, свершая путь *навсегда* по окружности этого несказаннаго круга, продолжала-бы *навсегда* совершать путь по прямой линіи. Что путь нашего Солнца въ такой орбитѣ отклонялся-бы, для воспріятія, хотя въ слабѣйшей степени отъ прямой линіи, даже на протяженіи милліона лѣтъ, есть предложеніе непріемлемое; отъ насъ-же требуютъ увѣровать въ то, что кривизна сдѣлалась явною въ теченіи короткаго періода нашей Астрономической Исторіи—въ теченіи этой простой

точкп—въ теченіи этого совершеннѣйшаго ничто двухъ или трехъ тысячелѣтій.

Можетъ быть сказано, что Мэдлеръ *дѣйствительно* прослѣдилъ кривизну въ направленіи, нынѣ хорошо установленнаго, шествія, нашей многочастной цѣльности черезъ Пространство. Допуская, если необходимо, что это въ дѣйствительности такъ, я утверждаю, что этимъ ничего не показано, кромѣ дѣйствительности такого обстоятельства—обстоятельства кривизны. Для его *полнаго* опредѣленія потребны вѣка; и разъ опредѣленное, оно бы указывало лишь на двойное или другое множественное отношеніе между нашимъ Солнцемъ и какой-нибудь одной или бѣльшимъ числомъ изъ ближайшихъ звѣздъ. Я, однако, въ шаткости, предсказывая, что по истеченіи нѣсколькихъ столѣтій, всѣ успія опредѣлить путь нашего Солнца черезъ Пространство будутъ оставлены какъ безполезныя. Это легко постижимо, если мы примемъ во вниманіе безконечность нарушеній, которыя оно должно испытывать отъ безпрерывно мѣняющихся соотношеній съ другими небесными тѣлами въ общемъ приближеніи всѣхъ къ ядру Свѣтомлечности.

Но, изслѣдуя другія звѣздотуманности, кромѣ звѣздотуманности Млечнаго Пути—обозрѣвая, вообще, гроздыя, которые распространены по небу, находимъ мы или не находимъ подтвержденіе гипотезы Мэдлера? Мы *не* находимъ его. Формы гроздій чрезвычайно различны, если ихъ разсматривать случайно; но при ближайшемъ разсмотрѣніи, черезъ могучіе телескопы, мы признаемъ весьма четко сферу какъ ближайшую, по крайней мѣрѣ, форму изъ всѣхъ—ихъ строеніе вообще въ несогласіи съ мыслью объ обращеніи вокругъ одного общаго средоточія.

„Трудно“, говоритъ Джонъ Гершель, „составить какое-либо понятіе о динамическомъ состояніи такихъ системъ. Съ одной стороны, безъ вращательнаго движенія и центробѣжной силы, врядъ-ли возможно не разсматривать ихъ

какъ находящіяся въ состояніи все увеличивающагося *остданія*. Съ другой стороны, допуская такое движеніе и такую силу, мы находимъ не менѣе труднымъ примирить ихъ формы съ вращеніемъ всей системы [разумѣя гроздь] вокругъ одной отдѣльной оси, безъ чего внутреннее столкновеніе предстало-бы неизбѣжнымъ“.

Нѣкоторыя замѣчанія, недавно сдѣланныя о туманностяхъ Докторомъ Пиколемъ, хотя и съ другой точки зрѣнія въ разсмотрѣніи міровыхъ условій, нежели тѣ, что приняты въ этомъ Разсужденіи—имѣютъ совѣмъ особенную примѣнимость къ тому, о чемъ мы сейчасъ бесѣдуемъ.— Онъ говоритъ:

„Когда наши величайшіе телескопы направлены на нихъ, мы видимъ, что тѣ, которыя считались неправильными, не являются таковыми; они приближаются наиболѣе къ нѣкоторому шару. Тутъ вотъ одна, которая имѣла видъ овала; но телескопъ Лорда Росса привелъ ее къ кругу... Встрѣчается весьма примѣчательное обстоятельство въ отношеніи къ этимъ, сравнительно дугообразнымъ круговымъ громадамъ туманностей. Мы находимъ, что они не совершенно круговыя, а выгнутыя; и что вокругъ нихъ на каждой сторонѣ находятся пзвивности звѣздъ, *простирающихся, по видимости, такъ, какъ если-бы они низрушивались по направленію къ большой центральной громадѣ, вслѣдствіе дѣйствія какой-то великой силы*“ *).

Если-бы я описывалъ моими собственными словами, какое должно быть необходимымъ настоящее состояніе каждой туманности по гипотезѣ, что все вещество, какъ я указую, нынѣ возвращается къ своему первичному Един-

*) Необходимо понять, что я особенно отрицаю только ту часть гипотезы Мэдлера, которая касается вращенія. Конечно, если никакого великаго средоточнаго шара *нынѣ* не существуетъ въ нашемъ гроздѣ, таковой будетъ существовать позднѣе. Когда-бы онъ ни существовалъ, онъ, просто, будетъ узломъ скръпленія.

ству, я просто воспроизвелъ-бы, почти дословно, способъ говоренья, которымъ пользовался въ данномъ случаѣ Докторъ Пиколь, безъ малѣйшаго подозрѣнія той паразительной истины, которая является ключомъ къ этимъ явленіямъ связаннымъ съ туманностями.

Издѣсь, да будетъ мнѣ позволено укрѣпить мою позицію еще надежнѣе голосомъ человѣка большаго, чѣмъ Мэдлеръ,—человѣкомъ, кромѣ того, для котораго всѣ данныя Мэдлера давно были вещами запросто знакомыми, тщательно и сполна разсмотрѣнными. Обращаясь къ весьма разработаннѣмъ исчисленіямъ Аргеландера—къ тѣмъ самымъ изысканіямъ, на которыя опирается Мэдлеръ—*Гумбольдтъ*, чьи обобщающія способности, быть можетъ, никогда не имѣли себѣ равныхъ, дѣластъ слѣдующее замѣчаніе:

„Когда мы рассматриваемъ дѣйствительныя не-перспективныя движенія звѣздъ, мы находимъ *нѣкоторыя группы движущимися въ противоположныхъ направленіяхъ*; и данныя до сихъ поръ собранныя не дѣлають по крайней мѣрѣ необходимымъ принимать, что всѣ части нашего звѣзднаго ряда, или всѣхъ вмѣстѣ звѣздныхъ острововъ, которые вообще наполняютъ Міровое Пространство, вращаются вокругъ какого-либо одного большаго невѣдомаго, свѣтлаго или темнаго, центральнаго тѣла. Это, конечно, стремленіе Человѣка къ послѣднимъ и крайнимъ основопричинамъ побуждаетъ его разумъ и фантазію принять такое допущеніе“ *).

*) Betrachtet man die nicht perspectivischen eigenen Bewegungen der Sterne, so scheinen viele gruppenweise ihrer in Richtung entgegengesetzt; und die bisher gesammelten Thatsachen machen es auf's wenigste nicht nothwendig, anzunehmen, dass alle Theile unserer Sternenschicht oder gar der gesammten Sternenseln, welche den Weltraum füllen, sich um einen grossen, unbekanntem, leuchtenden oder dunkeln Centralkörper bewegen. Das Streben nach den letzten und höchsten Grundursachen macht freilich die reflectirende Thätigkeit des Menschen, wie seine Phantasie, zu einer solchen Annahme geneigt.

Явленіе, на которое здѣсь намекается—то-есть, явленіе „нѣсколькихъ группъ, движущихся въ противоположныхъ направленіяхъ“ — совершенно необъяснимо по мысли Мэдлера; но оно возникаетъ какъ естественное слѣдствіе изъ того, что образуетъ основу этого Разсужденія. Въ то время какъ *чисто общее движеніе* каждаго атома—каждой луны, планеты, звѣзды, или грозда—совершалось-бы, по моей гипотезѣ, конечно, путемъ безусловно прямолинейнымъ, въ то время какъ *общій* путь всѣхъ тѣлъ былъ-бы прямой линіей, ведущей къ средоточію всѣхъ, ясно, тѣмъ не менѣе, что эта общая прямолинейность была-бы составлена изъ того, что мы могли-бы, безъ какого либо преувеличенія, наименовать безконечностью частныхъ рывыхъ—безконечностью мѣстныхъ уклоненій отъ прямолинейности—сводкой непрерывныхъ различій относительнаго положенія среди множественныхъ громадъ, по мѣрѣ того какъ каждая свершаетъ свой собственный путь къ Концу.

Я только что приводилъ слѣдующія слова изъ Джона Гершеля, употребленныя въ приложеніи къ гроздьямъ звѣздъ:— „Съ одной стороны, безъ вращательнаго движенія и центробѣжной силы, врядъ-ли возможно не разсматривать ихъ какъ находящіяся въ состояніи все *увеличивающагося осѣданія*“. Дѣло въ томъ, что, наблюдая „Туманности“ черезъ телескопъ большой силы, мы найдемъ совершенно невозможнымъ, усвоивъ однажды это представленіе „осѣданія“, не видѣть, со всѣхъ сторонъ, подтвержденія данной мысли. Всегда явно нѣкоторое ядро, въ направленіи къ которому звѣзды кажутся устремляющимися, и данныя ядра не могутъ быть приняты просто за явленія связанныя съ перспективой—гроздья *дѣйствительно* болѣе густы вблизи отъ средоточія, болѣе рѣдки въ областяхъ, находящихя на большемъ отъ него отдаленіи. Словомъ, мы видимъ все такъ, какъ мы это *видѣли-бы*, если-бы имѣло мѣсто осѣданіе; но, вообще, объ этихъ

гроздяхъ можетъ быть сказано, что мы справедливо можемъ, смотря на нихъ, принять мысль *орбитнаго движенія вокругъ одного центра*, лишь допуская *возможное существованіе*, въ отдаленныхъ областяхъ пространства, динамическихъ законовъ, съ которыми мы не знакомы.

У Гершеля, однако, очевидное *отвращеніе* считать туманности „находящимися въ состояніи все увеличивающагося осѣданія“. Но если достовѣрности—если даже видимости оправдываютъ предположеніе объ ихъ нахожденіи въ такомъ состояніи, *почему*, вполне умѣстно можетъ быть спрошено, онъ не склоненъ допускать его? Только на основаніи предразсудка; просто потому, что предположеніе это враждуетъ съ предвзятымъ и крайне безосновнымъ понятіемъ безконечности—послѣдствіемъ вѣчной стойкости Вселенной.

Если положенія этого Разсужденія пріемлемы, „состояніе все увеличивающагося осѣданія“ есть въ *точности* то состояніе, которое только мы и можемъ законнымъ образомъ принять въ разсмотрѣніи Всего; и, съ должнымъ смиреніемъ, да смогу я признаться здѣсь, что, поскольку дѣло идетъ обо мнѣ, я совершенно не могу постичь, какимъ образомъ какое-либо другое пониманіе существующаго состоянія вещей могло когда-либо проложить себѣ дорогу въ человѣческій мозгъ. „Устремленіе къ осѣданію“ и „притяженіе тяготѣнія“ суть словоупотребленія обратимыя. Говоря такъ или иначе, мы говоримъ о противодѣйствіи Перваго Дѣйствія. Никогда не было менѣе очевидной необходимости, чѣмъ необходимость предполагать Вещество насыщеннымъ неискоренимымъ *качествомъ*, образующимъ часть его вещественной природы—качествомъ или инстинктомъ *навсегда* неразлучнымъ съ нимъ, и, благодаря повторному дѣйствію таковой неотъемлемой основы, каждый атомъ *безпрерывно* побуждаемъ искать своего товарища—атома. Никогда необходимость не была менѣе очевидной, чѣмъ поддержаніе такой нефилософской мысли.

Смѣло выходя за обыденную мысль, мы должны понять, метафизически, что основа тяготѣнія соприсутствуетъ въ Веществѣ временно—лишь пока Вещество разсѣяно—лишь пока оно существуетъ какъ Многіе вмѣсто Одного—принадлежно соприсутствуетъ въ немъ лишь въ силу его состоянія излученія—принадлежно соприсутствуетъ, словомъ, всецѣло въ его *условіи*, а ни въ малѣйшей степени не въ немъ самомъ. Согласно съ такимъ взглядомъ, когда излученіе вернется въ свой источникъ—когда противодѣйствіе будетъ завершено—основа тяготѣнія не будетъ болѣе существовать. И, дѣйствительно, звѣздовѣды, не дойдя когда-либо до мысли здѣсь указанной, повидимому, приближались къ ней, въ утвержденіи, что „если-бы во вселенной было только одно тѣло, было-бы невозможно понять, какимъ образомъ могла-бы получиться основа Тяготѣнія“; то-есть, изъ соображенія о Веществѣ, какъ они его находятъ, они достигаютъ до заключенія, къ которому я прихожу наведеніемъ. Что внушеніе столь обильное выводами, какъ это, могло быть оставляемо такъ долго бесплоднымъ, это, тѣмъ не менѣе, есть тайна, которую я нахожу труднымъ измѣрять.

Это, быть можетъ, въ немалой степени есть, однако, наша склонность къ непрерывному—къ подобному—въ данномъ случаѣ болѣе особенно къ соразмѣрному, что насъ заблудило. И на самомъ дѣлѣ, чувство соразмѣрнаго есть чутье, которое опирается почти на слѣпую увѣренность. Это поэтическая сущность Вселенной—*Вселенной*, которая, въ верховности своей соразмѣрности, есть самая возвышенная изъ поэмъ. Но соразмѣрность и согласованіе суть наименованья обратимыя:—такимъ образомъ, Поэзія и Истина суть одно. Какая-нибудь вещь согласованна въ прямомъ отношеніи съ ея истиной—истинна въ прямомъ отношеніи съ ея согласованностью. *Совершенное согласованіе, повторяю я, не можетъ быть ничѣмъ инымъ какъ абсолютной истиной.* Мы можемъ считать,

такимъ образомъ, допущеннымъ, что Человѣкъ не можетъ долго или сильно заблуждаться, если онъ позволяетъ себѣ руководиться своимъ поэтическимъ чутьемъ, каковое, я утверждаю, истинно, будучи его чутьемъ соразмѣрности. Онъ долженъ, однако, заботиться о томъ, чтобы преслѣдуя слишкомъ неосмотрительно поверхностную соразмѣрность формъ и движеній, онъ не опустилъ изъ виду дѣйствительно существенную соразмѣрность основъ, которыя опредѣляютъ и провѣряютъ ихъ.

Что звѣздныя тѣла должны, въ концѣ концовъ, слиться въ одно, что, наконецъ, все будетъ втянуто въ вещественную сущность одного *изумительнаго средоточнаго шара, уже существующаго*, это мысль, которая въ теченіи нѣкотораго прошедшаго времени, какъ кажется, смутно и неопредѣленно, завладѣла фантазіей человѣчества. Это, на самомъ дѣлѣ, одна изъ мыслей, что принадлежать къ разряду *чрезвычайно очевидныхъ*. Она возникаетъ, мгновенно, изъ Поверхностнаго наблюденія надъ круговыми, и по видимости, *вращательными* или *водооборотными*, движеніями тѣхъ отъединенныхъ частей Вселенной, которыя, наиболѣе непосредственно и наиболѣе тѣсно, подлежатъ нашему наблюденію. Нѣтъ, быть можетъ, ни одного человѣка съ обычной образованностью и съ средней способностью размышлять, у котораго-бы въ нѣкоторую пору жизни не возникло упомянутое представленіе, какъ-бы самопроизвольно, или силой взгляда внутрь, и отличаясь всѣми свойствами очень глубокой и очень своеобразной мысли. Это представленіе, однако, такъ обще возникающее, никогда, поскольку мнѣ вѣдомо, не возникло изъ какихъ-либо соображеній отвлеченныхъ, будучи, наоборотъ, всегда внушаемо, какъ говорю я, водооборотными движеніями вокругъ центровъ, и основаніе для этого—*причина* для собиранія всѣхъ небесныхъ тѣлъ въ круговое одно, *воображаемое уже существующимъ*—естественно отыскивалась въ томъ же самомъ направленіи, среди этихъ самыхъ

круговыхъ движеній. Такимъ образомъ случилось, что при возвѣщеніи постепеннаго и совершенно правильнаго убыванія, замѣченнаго въ орбитѣ кометы Энкэ, съ каждымъ послѣдовательнымъ обращеніемъ вокругъ нашего Солнца, звѣздовѣды были почти единогласны въ мнѣніи, что обусждаемая причина найдена—что открыта основа достаточная для того, чтобы объяснить, физически, это конечное всемірное скопленіе, которое, повторяю, уподобляющее, соразмѣрное, или поэтическое, чутье человѣка предрѣшило понимать какъ нѣчто большее, чѣмъ простую гипотезу.

Эта причина, это достаточное основаніе для конечнаго скученія, заключается, какъ было объявлено, въ чрезвычайно разрѣженной, но еще вещественной, средѣ, заполняющей пространство; каковая среда, замедляя въ нѣкоторой степени поступательный ходъ кометы, непрерывно ослабляетъ ея касательную силу, такимъ образомъ давая господство силѣ центростремительной, которая, конечно, привлекаетъ комету все ближе и ближе, при каждомъ обращеніи, и, въ концѣ концовъ, должна бросить ее на Солнце.

Все это было строго логично—допуская среду или эфиръ, но этотъ эфиръ былъ допущенъ самымъ нелогическимъ образомъ, на основаніи того, что никакой *другой* способъ, кромѣ упомянутаго, не могъ быть открытъ для объясненія наблюдаемаго убыванія въ орбитѣ кометы:—какъ будто изъ того обстоятельства, что мы не могли *открыть* никакого другого способа его объяснить, слѣдовало въ какомъ-либо отношеніи, что и нѣтъ никакого другого способа объяснить его. Ясно, что безчисленные причины могли-бы оказывать свое дѣйствіе, въ сочетаніи, на уменьшеніе орбиты, безъ того, чтобы даже мы могли когда-нибудь получить свѣдѣнія о какой-либо одной изъ нихъ. Въ то же самое время, никогда, можетъ быть, не было хорошенько показано, почему замедленіе, причиняемое окранными солнечной атмосферы, черезъ которыя

комета проходить въ перигелии, недостаточно для объясненія даннаго явленія. Что комета Энкэ будетъ поглощена Солнцемъ, это вѣроятно; что всѣ кометы многочастнаго цѣлага будутъ поглощены, это болѣе чѣмъ просто возможно; но въ такомъ случаѣ основа поглощенія должна быть приписана разноцентренности орбиты — тѣсному приближенію кометъ къ Солнцу въ ихъ перигелии; и это обстоятельство не воздѣйствуетъ въ какой-либо степени на вѣсомыя сферы, которыя должны быть разсматриваемы какъ настоящія вещественныя составныя части Вселенной. Относительно кометъ вообще, да будетъ мнѣ позволено здѣсь указать мимоходомъ, что мы не можемъ быть далеко отъ истины, если будемъ смотрѣть на нихъ какъ на *ветвишки молніи космическаго Неба*.

Мысль о замедляющемъ эфирѣ, и черезъ него мысль о конечномъ скопленіи всего, казалась, однако, въ теченіи нѣкотораго времени, подкрѣпленной наблюденіемъ положительнаго убыванія въ орбитѣ плотной луны. Черезъ разсмотрѣніе затмѣній, занесенныхъ въ лѣтописи 2.500 лѣтъ тому назадъ, было найдено, что скорость обращенія спутника *тогда* была значительно меньше, чѣмъ *теперь*; и при допущеніи, что движенія луны въ ея орбитѣ находятъ въ единообразномъ согласованіи съ закономъ Кеплера, и были въ точности опредѣлены *тогда*, 2.500 лѣтъ тому назадъ, она теперь находится, сравнительно съ тѣмъ положеніемъ, которое она должна была-бы занимать, *впереди*, приблизительно на 9.000 миль. Увеличеніе скорости доказывало, конечно, уменьшеніе орбиты, и звѣздовѣды уже уступали вѣрованію въ эфиръ, какъ единственному способу объясненія даннаго явленія, когда пришелъ на помощь Лагранжъ. Онъ показалъ, что, благодаря очертаніямъ сфероидовъ, болѣе короткія оси ихъ эллипсовъ подвержены колебаніямъ въ длинѣ, тогда какъ болѣе длинная ось остается неизмѣнной, и что это колебаніе непрерывно и происходитъ содроганіями, такъ что каждая орбита

находится въ состояніи перехода или отъ круга къ эллипсу или отъ эллипса къ кругу. При разсмотрѣніи случая съ луной, гдѣ болѣе короткая ось находится въ *убываніи*, орбита переходитъ отъ круга къ эллипсу и, слѣдовательно, тоже *убываетъ*, но послѣ долгаго ряда вѣковъ будетъ достигнута крайняя разноцентренность, тогда болѣе короткая ось начнетъ увеличиваться, пока орбита не сдѣлается кругомъ, потомъ опять возникнетъ укороченіе, и такъ далѣе впродъ. Въ разсмотрѣніи случая съ Землей, орбита переходитъ отъ эллипса къ кругу. Обстоятельства, такимъ образомъ доказанныя, естественно уничтожаютъ всякую необходимость догадки объ эопрѣ и всякое опасеніе за неустойчивость системы по причинѣ эоира.

Нужно вспомнить, что я самъ допускалъ нѣчто, что мы можемъ опредѣлить какъ *эоиръ*. Я говорилъ о тонкомъ *вліяніи*, которое, какъ мы знаемъ, всегда сопровождаетъ вещество, хотя оно дѣлается явнымъ только черезъ разнородность вещества. Этому *вліянію*, не дерзая касаться совсѣмъ какой-либо попытки объяснить его грозно величественную *природу*, я приписалъ различныя явленія электричества, тепла, свѣта, магнетизма, и болѣе—жизненности, сознанія, и мысли, словомъ, духовности. Сразу будетъ видно тогда, что эоиръ, понимаемый такъ, кореннымъ образомъ отличествуетъ отъ эоира астрономовъ, поскольку ихъ эоиръ есть *вещество*, а мой *не*.

Съ мыслью о вещественномъ эоирѣ, повидимому, исчезаетъ, такимъ образомъ, совершенно мысль объ этомъ всемірномъ скопленіи, столь долго предопредѣлявшемся поэтической фантазіей человѣчества—скопленіи, въ которое здравая Философія могла бы вполне закономѣрно увѣровать, по крайней мѣрѣ, до извѣстныхъ размѣровъ, если-бы оно было *предопредѣлено* не какимъ инымъ доводомъ, кромѣ этой поэтической фантазіи. Но поскольку говорить Астрономія—поскольку говорить лишь Физика, круговороты Вселенной не имѣютъ постижимаго конца.

Если бы какой-нибудь конецъ былъ доказанъ, однако, нѣкоторой причинной, чисто побочной, какъ эфиръ, чутье Человѣка, усматривающее Божескую *способность приспособленія*, возмутилось бы противъ доказательства. Мы были бы вынуждены смотрѣть на Вселенную приблизительно съ такимъ-же чувствомъ неудовлетворенности, которое мы испытываемъ, смотря на какое нибудь ненужно сложное созданіе человѣческаго искусства. Мірозданіе производило бы на насъ впечатлѣніе какъ нѣкій несовершенный *замыселъ* въ романѣ, гдѣ *развязка* неуклюже приведена насильственно вмѣшавшимися случайностями, внѣшними и чуждыми главной мысли, вмѣсто того чтобы возникнуть изъ самаго лона замысла, изъ самаго сердца правящей мысли, вмѣсто того чтобы возникнуть какъ слѣдствіе первичнаго предложенія, какъ неотдѣлимая и неизбѣжная часть и частица основнаго понятія Книги.

Теперь будетъ болѣе ясно понято, чгò я разумѣю подъ соразмѣрностью чисто поверхностной. Это лишь простой соблазнъ такой соразмѣрности заманилъ насъ въ общій помыслъ, въ коемъ гипотеза Мэдлера есть лишь часть—помыслъ водоворотнаго втягиванія небесныхъ тѣлъ. Если мы отбросимъ это, чисто физическое, представленіе, соразмѣрность основы увидить конецъ всего метафизически включеннымъ въ мысль о началѣ; соразмѣрность ищетъ и находитъ въ этомъ началѣ всего *зачатокъ* этого конца, и постигаетъ нечестивость предположенія, чтобъ этотъ конецъ могъ быть приведенъ менѣе просто—менѣе прямо—менѣе явно—менѣе художественно—нежели черезъ *противодѣйствіе зачищающаго Дѣйства*.

Итакъ, возвращаясь къ одному изъ предъидущихъ указаній, уразумѣемъ сплетенія планетъ — уразумѣемъ каждую звѣзду, съ сопровождающими ее планетами—лишь какъ Титанической атомъ, существующій въ пространствѣ, съ тѣмъ же самымъ, въ точности, наклоненіемъ къ Единству, которое опредѣляло, въ началѣ, настоящіе атомы

послѣ ихъ излученія черезъ Всемирную сферу. Какъ эти первичные атомы мчались одинъ къ другому по линіямъ, вообще, прямымъ, такъ представимъ по крайней мѣрѣ обще прямолинейными пути системъ—атомовъ въ направленіи къ ихъ относительнымъ средоточіямъ скопленія:— и въ этомъ прямомъ скученіи отдѣльныхъ сплетенностей въ гроздья, съ нѣкоторымъ подобнымъ и одновременнымъ сбираниемъ вмѣстѣ самыхъ гроздій, пока происходитъ соединеніе, мы достигаемъ, наконецъ, великаго *Теперь* — грознаго Настоящаго — Существующаго Состоянія Вселенной.

Уподобленіе не неразумное можетъ привести насъ къ построенію догадки о еще болѣе грозномъ Будущемъ. Такъ какъ равновѣсіе между центростремительной и центробѣжной силами каждой системы необходимо разрушено, при достиженіи извѣстной близости къ ядру грозди, къ которой это сплетеніе принадлежитъ, должно, сразу, случиться хаотическое или по видимости хаотическое устремленіе лунъ на планеты, планеть на солнца, и солнца на ядра; и общимъ слѣдствіемъ этого послѣдшаго устремленія должно быть сбираніе мириадъ нынѣ существующихъ звѣздъ небосвода въ почти безконечно меньшее число почти безконечно большихъ сферъ. Дѣлаясь неизмѣримо меньшими въ числѣ, міры того дня будутъ неизмѣримо бѣльшими, нежели наши, въ размѣрахъ. Тогда, во-истину, среди неизслѣдимыхъ безднъ будутъ ослѣпительно сверкать невообразимыя солнца. Но все это будетъ лишь верховнымъ великолѣпіемъ, предвѣщающимъ великій Конецъ. Новое бытіе, только что описанное, можетъ быть лишь весьма частичной отсрочкой этого Конца. Переживая скрѣпленіе воедино, самые гроздья, съ быстротою изумительнѣ собирательной, рушились къ общему своему средоточію—и теперь, съ тысячекратной электрической быстротой, соразмѣрной лишь съ вещественнымъ ихъ величіемъ и съ духовною страстью ихъ позыва къ единству,

уцѣлѣвшіе великія племена Звѣзд вспыхнуть наконецъ въ единомъ общемъ объятіи. Неизбѣжная катастрофа вотъ тутъ.

Но эта катастрофа—что есть она? Мы видѣли свершившимся собраніе міровъ. Отнынѣ, не должны-ли мы понимать *единый естественный шаръ шаровъ* какъ составляющій и всеохватывающій Вселенную? Такая фантазія была-бы совершенно въ разногласіи съ каждымъ допущеніемъ и соображеніемъ этого Разсужденія.

Я уже указывалъ на эту абсолютную *взаимность приспособленія*, которая есть отличительная особенность Божественнаго Искусства—придающая ему Божескую печать. До этого мѣста нашихъ размышленій, мы разсматривали электрическое вліяніе какъ нѣчто, чьей силой отталкиванія Вещество только и дѣлается способно существовать въ этомъ состояніи разсѣянія, требуемомъ для выполненія его задачи:—до сихъ поръ, словомъ, мы разсматривали упомянутое вліяніе какъ предрѣшенное ради Вещества, дабы служить цѣлямъ вещественнымъ. Съ совершенно законной взаимностью, мы выравъ теперь смотрѣть на Вещество какъ на созданное *только ради этого вліянія*—только, чтобъ служить цѣлямъ этого духовнаго Эоира. Черезъ помощь—посредствомъ—черезъ дѣйствіе Вещества, и силою его разнородности—этотъ Эоиръ проявленъ—*Духъ обособился*. Лишь въ развитіи этого Эоира, черезъ разнородность, эти обособленные громады Вещества дѣлаются одушевленными—чувствительными—и въ прямомъ отношеніи къ ихъ разнородности;—нѣкоторыя, достигая степени чувствительности, включающей то, что мы называемъ *Мыслью*, и такимъ образомъ достигая Сознательнаго Разума.

Съ этой точки зрѣнія мы способны воспринять Вещество какъ Средство, не какъ Конецъ. Цѣли его, такимъ образомъ, видны заключенными въ его разсѣяніи; и съ возвращеніемъ въ Единство эти цѣли прекращаются. Абсо-

лютно соединенный шаръ шаровъ былъ-бы *безцѣльнымъ*— поэтому ни на мгновсiе онъ не могъ-бы продолжать существовать. Вещество, созданное для нѣкоей цѣли безспорно, по свершенiи этой цѣли, не было-бы болѣе Веществомъ. Постараемся уразумѣть, что оно исчезло-бы и что Богъ остался-бы всемъ во всемъ.

Что каждое дѣло Божескаго зачатiя должно сосуществовать и соистекать вмѣстѣ съ особымъ своимъ замысломъ, кажется мнѣ особенно очевиднымъ; и я не сомнѣваюсь, что, постигая *безцѣльность* конечнаго шара шаровъ, большая часть моихъ читателей совершенно удовлетворится моимъ „поэтому онъ не можетъ продолжать существовать“. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ поразительная мысль объ его мгновенномъ исчезновенiи есть таковая, что самый могучiй разумъ наврядъ-ли приметъ ее запросто, на основанiяхъ столь рѣшительно отвлеченныхъ, попытаемся взглянуть на эту мысль съ нѣкоторой другою, и болѣе обыкновенной, точки зрѣнiя: посмотримъ, какъ полно и красиво она подкрѣпляется *апостериорнымъ* разсмотрѣнiемъ Вещества, какъ мы нынѣ его находимъ.

Я сказалъ ранѣе, что «такъ какъ Притяженiе и Отталкиванiе суть неотрицаемо единственныя свойства, которыми Вещество выявляется Разуму, мы вправѣ принять, что Вещество существуетъ только какъ Притяженiе и Отталкиванiе—другими словами, что Притяженiе и Отталкиванiе *суть* Вещество; нѣтъ, такымъ образомъ, постижимаго случая, въ каковомъ мы не могли бы употреблять выраженiе Вещество и выраженiя „Притяженiе“ и „Отталкиванiе“ взятыя вмѣстѣ, какъ равноцѣнныя, и поэтому обратимыя, выраженiя въ Логикѣ».

Но самое опредѣленiе Притяженiя включаетъ частичность—существованiе частей, частицъ, или атомовъ; ибо мы опредѣляемъ это какъ устремленiе „каждаго атома, и пр., ко всякому другому атому и пр.“ согласно съ известнымъ закономъ. Конечно, гдѣ *нѣтъ* частей—гдѣ суще-

ствуешь абсолютное Единство—гдѣ устремленіе къ единенію удовлетворено—тамъ не можетъ быть Притяженія:—это было сполна показано и вся философія допускаетъ это. Итакъ, когда, по свершеніи своихъ задачъ, Вещество вернется въ первичное свое состояніе *Единого*—состояніе, которое предполагаетъ изгнаніе раздѣляющаго ээира, коего область и коего способность ограничены держаніемъ атомовъ отдѣльно другъ отъ друга, до того великаго дня, когда, при дальнѣйшей ненужности этого ээира, захватывающее давленіе, въ конечности собирательнаго, Притяженія, будетъ, наконецъ, какъ разъ достаточнымъ, чтобы возмочь и изгнать его:—когда, говорю я, Вещество, въ конечности изгнавши ээиръ, возвратится въ абсолютное Единство — тогда оно (говоря въ данный мигъ парадоксально) будетъ Веществомъ безъ Притяженія, безъ Отталкиванія—другими словами--Веществомъ безъ Вещества—другими словами опять — *болѣе не Веществомъ*. Погрузившись въ Единство, оно погрузится сразу въ то Ничто, которымъ, для всякаго Конечнаго Воспріятія, Единство должно быть—въ то Вещественное Nihil, изъ котораго одного, согласно нашему пониманію, оно было вызвано—чтобы быть *созданнымъ* Воленіемъ Бога.

Итакъ, я повторяю, попытаемся понять, что конечный шаръ шаровъ мгновенно исчезнетъ, и что Богъ останется всѣмъ во всемъ.

Но должны-ли мы здѣсь остановиться? Нѣтъ. Во Всемирномъ сцѣпленіи и раствореніи, могутъ возникнуть, какъ это легко намъ понять, нѣкіе новые и быть можетъ совершенно отличествующіе ряды условій—другое мірозданіе и излученіе, возвращающееся само въ себя — другое дѣйствіе и противодѣйствіе Божественной Воли. Вѣдя наше воображеніе этимъ всепревозмогающимъ закономъ законовъ, закономъ періодичности, не оправданы-ли мы, на самомъ дѣлѣ, не исполнили-ли мы оправданы, допуская вѣрованіе—скажемъ лучше, улаждаясь надеждой—что

поступательныя развитія, которыя мы здѣсь дерзали созерцать; будутъ возобновляться и впредь, и впредь, и впредь; что новая Вселенная возростетъ въ бытіе, и потомъ погрузится въ ничто, съ новымъ біеніемъ Божескаго Сердца?

И теперь—это Божеское Сердце—что *есть* оно? Оно наше собственное.

Да не отпугнетъ лишь кажущаяся непочтительность этой мысли наши души отъ того холоднаго пользованія сознаниемъ—отъ того глубокаго спокойствія самовзгляда внутрь,—черезъ который мы только и можемъ надѣяться достигъ присутствія этой самой возвышенной изъ истинъ, и неспѣша взглянуть ей прямо въ лицо.

Явленія, отъ которыхъ наши заключенія должны здѣсь зависѣть, суть лишь духовныя тѣни, но тѣмъ не менѣе вполне существенныя.

Мы бродимъ, среди частей нашего существованія въ мірѣ, окруженные смутными, но всегда присутствующими *Воспоминаніями* Участи болѣе обширной—очень отдаленной въ давнопрошедшемъ времени, и безконечно грозной.

Мы изживаемъ Юность, особливо посѣщаемую такими снами; но никогда не принимаемъ ихъ ошибочно за сны. Мы знаемъ ихъ какъ Воспоминанія. *Въ продолженіи нашей Юности* различіе слишкомъ четко, чтобы обманывать насъ хоть на одно мгновенье.

Пока эта Юность длится, ощущение, что мы *существуемъ*, есть самое естественное изъ всѣхъ ощущеній. Мы понимаемъ его *цѣликомъ*. Чтобы было когда-нибудь время, когда мы *не* существовали—или, чтобы это могло такъ случиться, что мы не существовали никогда вовсе—это суть, во-истину, такія соображенія, которыя *въ теченіи этой Юности* мы находимъ труднымъ понять. Почему-бы мы *не* существовали, это, *до поры нашей Возмужалости*, изъ всѣхъ вопросовъ наиболѣе лишенный отвѣта. Существованіе — самосуществованіе — существова-

ніе отъ всего Времени и до всей Вѣчности—кажется, до поры Возмужалости, правильнымъ и безспорнымъ состояніемъ:—*кажется, потому что есть.*

Но вотъ приходитъ пора, когда условный Мировой Разумъ пробуждаетъ насъ отъ истины нашего сна. Сомнѣніе, Удивленіе, и Непостижимость прибываютъ въ одинъ и тотъ-же мигъ. Они говорятъ:—„Вы живете, а было время, когда вы не жили. Вы были созданы. Существуетъ Разумъ большій, чѣмъ вашъ собственный; и лишь черезъ этотъ Разумъ вы живете живя“. Мы стараемся это понять, дѣлаемъ усиліе, и не можемъ—*не можемъ*, потому что это, будучи невѣрно, тѣмъ самымъ, по необходимости, непостижимо.

Нѣтъ мыслящаго существа, которое живетъ, и которое, въ какой-нибудь лучезарный мигъ своей мыслительной жизни, не чувствовало себя среди зыбей напрасныхъ стараній понять или повѣрить, что существуетъ что-нибудь большее, чѣмъ его собственная душа. Крайняя невозможность души кого бы то ни было почувствовать себя низшей сравнительно съ другой; напряженная завладѣвающая неудовлетворенность и мятежъ при этой мысли;—это все, вмѣстѣ съ всепревозмогающими тяготѣніями къ совершенству, суть лишь духовныя, совпадающія съ вещественными, полныя борьбы, усилія, въ направленіи къ первичному Единству—они, для моего ума по крайней мѣрѣ, суть нѣкотораго рода доказательство весьма превышающее то, что Человѣкъ называетъ доказательствомъ—доказательство того, что ни одна душа не ниже другой—что ничего нѣтъ, и не можетъ быть, выше какой-либо души—что каждая душа есть, частично, ея собственный Богъ—ея собственный Создатель:—словомъ, что Богъ—вещественный и духовный Богъ—*нынѣ* существуетъ только въ разсѣянномъ Веществѣ и Духѣ Вселенной; и что возсобираніе этого разсѣяннаго Вещества и Духа будетъ лишь возстановленіемъ *чисто* Духовнаго и Личнаго Бога.

Съ этой точки зрѣнія, и только съ этой точки зрѣнія, мы понимаемъ загадки Божеской Неправедливости—Неумолимаго Рока. Только съ этой точки зрѣнія существованіе Зла дѣлается постижимымъ; но еще больше—съ этой точки зрѣнія оно дѣлается терпимымъ. Наши души не возмущаются болѣе на *Скорбь*, которую мы сами наложили на самихъ себя, во свершеніе нашихъ собственныхъ замысловъ—съ цѣлью—хотя-бы съ цѣлью пустою—расширить нашу собственную *Радость*.

Я говорилъ о *Воспоминаніяхъ*, что посѣщаютъ насъ во время нашей Юности. Они иногда преслѣдуютъ насъ даже въ нашей Возмужалости:—принимаютъ постепенно менѣе и менѣе неопредѣленные очертанія:—и время отъ времени говорятъ къ намъ тихими голосами, глаголя:

„Была пора въ Ночи Временъ, когда существовало Существо еще существующее—одно изъ абсолютно безконечнаго числа подобныхъ Существъ, что населяютъ абсолютно безконечныя области абсолютно безконечнаго пространства. Не было во власти и не во власти этого Существа—такъ же, какъ и не во власти вашей—расширить, дѣйствительнымъ увеличеніемъ, радость своего Существованія; но въ точности, какъ *это* въ вашей власти распространить, или сосредоточить ваши восторги (причемъ абсолютное количество счастья остается всегда однимъ и тѣмъ-же), такъ подобная способность принадлежала и принадлежитъ этому Божескому Существу, которое, такимъ образомъ, проводитъ свою Вѣчность въ непрерывномъ измѣненіи Сосредоточеннаго Самого Себя и почти Безконечнаго Само-Разсѣянія. Что вы называете *Вселенная*, есть лишь его настоящее распространенное существованіе. Онъ нынѣ чувствуетъ свою жизнь черезъ безконечность несовершенныхъ восторговъ—частичные и перепутанные съ пыткой восторги этихъ непостижимо многочисленныхъ существъ, которыя вы именуете его тварями, но которыя суть, въ дѣйствительности, лишь безконечныя обособленности его

Самого. Всѣ эти творенія—*всѣ*—тѣ, что вы именуете одушевленными, такъ же какъ и тѣ, за которыми вы отрицаете жизнь, лишь потому, что вы не видите ея въ дѣйствіи—*всѣ* эти творенія имѣютъ, въ большей или меньшей степени, способность къ наслажденію и пыткамъ:—*но общій итогъ ихъ ощущеній есть въ точности тотъ объемъ Счастья, который принадлежитъ по праву Божескому Существому, когда оно сосредоточено въ самомъ себѣ.* Эти существа всѣ, кромѣ того, суть, больше или меньше, сознательные Разумы; сознающіе, во-первыхъ, нѣкую собственную тождественность; сознающіе, во-вторыхъ, и это слабыми неопредѣленными проблесками, нѣкую тождественность съ Божескимъ Существомъ, о которомъ мы говоримъ—нѣкое тождество съ Богомъ. Изъ двухъ этихъ рядовъ сознанія, вообразите, что первое будетъ слабѣть, послѣднее дѣлаться сильнѣе въ теченіи долгой смѣны вѣковъ, которые должны протечь, прежде чѣмъ эти мириады личныхъ Разумовъ сольются — когда блестящія звѣзды сольются—въ Одно. Помыслите, что чувство личнаго тождества постепенно смѣшается въ общее сознаніе—что Человѣкъ незамѣтно перестанетъ чувствовать себя Человѣкомъ, достигнетъ, наконецъ, той грозно-величественной торжествующей грани времени, когда онъ признаетъ свое существованіе какъ существованіе Иеговы. Между тѣмъ, держите въ умѣ, что все есть Жизнь—Жизнь—Жизнь въ Жизни—меньшая въ большей, и все въ *Духъ Господнемъ*“.

ПИСЬМА

1913

ЭДГАРЪ ПО КЪ МИСТРИСЪ ШЬЮ.

Воскресенье, Ночь [1848].

Дорогой мой другъ Луизъ,—Ничто въ теченіи цѣлыхъ мѣсяцевъ не доставляло мнѣ такъ много настоящаго наслажденія, какъ ваша вчерашняя вечерняя записка. Я былъ занятъ весь день нѣкоторой работой, которая была обѣщана, иначе я отвѣтилъ - бы вамъ тотчасъ, какъ мое сердце внушало мнѣ. Я искренно надѣюсь, что вы не ускользнете изъ глазъ моихъ, прежде чѣмъ я смогу васъ поблагодарить. Какая это доброта съ вашей стороны, что вы позволяете мнѣ оказать вамъ даже эту *маленькую услугу* *) взаимнъ той большой одолженности, которой я передъ вами обязанъ! Луизъ! Моя самая яркая, самая безкорыстная изъ всѣхъ, которыя когда-либо меня любили!.. Какое наслажденіе будетъ для меня думать о васъ и о вашихъ въ этой музыкальной комнатѣ и библіотекѣ. Луизъ, я очень вѣрю въ вашъ вкусъ въ этихъ вещахъ, и я знаю, что я сдѣлалъ вамъ угодное въ покупкахъ. Во время моего перваго прихода въ вашъ домъ, послѣ смерти моей Виргини, я замѣтилъ съ такимъ удовольствіемъ большую картину надъ фортепьяно, которая, по-истинѣ, является мастерскимъ произведеніемъ; и я замѣтилъ размѣръ всѣхъ

*) Мистрисъ Шью попросила Эдгара По выбрать обстановку для ея новаго обиталища, и устроить по его собственному вкусу ея музыкальную комнату и библіотеку. К. Б.

вашихъ картинъ, извивныя линіи вмѣсто рядовъ фигуръ на коврѣ вашей гостиной, умягчающее дѣйствіе занавѣсей, также алыя цвѣты и золото... Я былъ очарованъ, увидѣвъ, что арфа и фортепьяно не покрыты. Картины Рафаэля и „Всадника“ я никогда не забуду—ихъ мягкости и красоты! Гитара съ голубой лентой, юнитръ для нотъ, и античныя вазы! Я подивился, что простая провинціальная дѣвушка какъ вы сумѣла осуществить такой классическій вкусъ, создать такую классическую атмосферу. Прошу васъ, передайте мои поклоны вашему дядѣ, и скажите ему, что я къ его услугамъ въ любой день этой недѣли, или хоть каждый день; и попросите его, пожалуйста, назначить время и мѣсто.

Вашъ искренно,

Эдгаръ А. По.

ЭДГАРЪ ПО КЪ МИСТРИСЪ ШЬЮ.

[Іюль, 1848].

Неужели это вѣрно, Луизъ, что въ умѣ вашемъ закрѣпилась мысль оставить вашего несчастнаго и злополучнаго друга и вашего больного? Вы не сказали такъ, я знаю, но въ теченіи цѣлыхъ мѣсяцевъ я зналъ, что вы покидаете меня, не добровольно, но, тѣмъ не менѣе, достовѣрно—мою судьбу—

страдальца, чьи мученья возростали, какъ теченье рѣкъ весной, чье отреченье отъ Надежды навсегда. Въ пѣснѣ вылилось—о счастья, что, погибнувъ навсегда, вновь не вспыхнетъ никогда.

Такимъ образомъ, я имѣлъ предувѣдомленіе этого въ теченіи мѣсяцевъ. Я повторяю, мой добрый духъ, мое лояльное сердце! неужели это должно возникнуть какъ продолженіе велѣдъ за всѣми благодѣяніями и благословеніями,

которыя вы такъ великодушно даровали мнѣ? Или вы должны исчезнуть какъ всѣ, которыхъ я люблю и желаю, отъ моей затемненной и „потерянной души“? Я перечиталъ ваше письмо еще и еще, и не могу счесть возможнымъ, съ какой-нибудь степенью достовѣрности, чтобы вы написали его прямодушно. (*Я знаю, вы не сдѣлали этого безъ слезъ тревоги и сожалѣнія*). Возможно-ли это, что ваше вліяніе потеряно для меня? Такія кроткія и правдивыя натуры всегда вѣрны до смерти; но вы не мертвы, вы полны жизни и красоты! Луизъ, вы вошли... въ вашемъ волнистомъ бѣломъ платьѣ — „Good morning, Edgar“, „Доброе утро, Эдгаръ“. Былъ какой-то отгѣнокъ условной холодности въ вашей торопливой манерѣ, и весь вашъ внѣшній видъ, когда вы открыли дверь въ кухню, чтобы найти тамъ Мѣдди*), есть *мое послѣднее воспоминаніе о васъ*. Въ вашей улыбкѣ была любовь, надежда, и скорбь, вмѣсто любви, надежды, *и смѣлости*, какъ всегда раньше. О, Луизъ, сколько скорбей передъ вами! Ваша чистосердечная и сочувствующая природа будетъ постоянно ранена въ ея соприкосновеніи съ пустымъ, безсердечнымъ міромъ; а что до меня, увы! если только какая-нибудь правдивая и нѣжная и чистая женская любовь не спасетъ меня, едва-ли я проживу еще болѣе года **)! Нѣсколько короткихъ мѣсяцевъ скажутъ, какъ далеко моя сила (тѣлесная и внутренняя) пронесетъ меня въ этой жизни здѣсь. Какъ могу я вѣрить въ Провидѣніе, когда вы смотрите холодно на меня? Развѣ это не вы возобновили мои надежды и вѣру въ Бога?.. и въ чело-вѣчество? Луизъ, я слышалъ вашъ голосъ, когда вы уходили изъ глазъ моихъ, оставляя меня...; но я еще при-слушивался къ вашему голосу. Я слышалъ, вы сказали,

*) Ласковое прозвище Мистрисъ Клеммъ, кличка, данная ей Виргиніей, когда та была ребенкомъ. *К. Б.*

***) Послѣ этихъ словъ Эдгаръ По прожилъ лишь годъ и три мѣсяца. *К. Б.*

всхлипнувъ, „Dear Muddie“, „Милая Мёдди“, я слышалъ, вы привѣтствовали мою *Катарину* *), но это было только какъ воспоминанье... Ничто не ускользнуло отъ моего уха, я былъ убѣжденъ, что это было не ваше великодушное вы сами... произносящее слова столь чуждыя вашей природѣ—вашему нѣжному сердцу! Я слышалъ какъ вы съ рыданьемъ высказали ваше чувство долга моей матери, и я слышалъ ея отвѣтъ: „да, Луи... да.“... Почему отвращается ваша душа отъ ея истиннаго дѣла для безуспѣшнаго, обращаясь къ неблагодарному и жалкому міру?.. Я чувствовалъ, что мое сердце остановилось, и я былъ увѣренъ, что я умру у васъ на глазахъ. Луизъ, это хорошо—это счастливо—вы взглянули съ слезою въ вашихъ милыхъ глазахъ, и приподняли оконную раму и сказали о гуавѣ, которую вы принесли для моего больного горла. Ваши инстинктивныя чувства лучше для меня, чѣмъ разумъ сильнаго мужчины — я хочу вѣрить, что они могутъ быть таковыми для васъ самихъ. Луизъ, я чувствую, я не превозмогу—какая-то тѣнь уже упала на вашу душу, и отразилась въ вашихъ глазахъ. Слишкомъ поздно — вы отхлынули прочь съ жестокимъ потокомъ... это не испытаніе обычное—это страшное испытаніе для меня. Такія рѣдкія души какъ ваша такъ украшаютъ эту землю! такъ освобождаютъ ее отъ всего, что есть въ ней отталкивающаго и грязнаго. Такъ дѣлаютъ лучезарными ея муки и заботы, трудно потерять ихъ изъ виду даже на краткое время... но вы должны знать, и быть увѣрены въ моемъ сожалѣніи и въ моей скорби, если что-нибудь, что я когда-либо написалъ, ранило васъ. *Мое сердце никогда не посягало на васъ.* Я ставлю васъ въ моемъ уваженіи—со всей торжественностью — рядомъ съ другомъ моего отрочества — рядомъ съ матерью моего школьнаго товарища, о которой я говорилъ вамъ, и какъ я повто-

*) Имя любимой кошки Эдгара По. К. Б.

рилъ въ поэмѣ... Какъ правдивѣйшую, нѣжнѣйшую изъ самыхъ женственныхъ душъ этого міра, и какъ добраго ангела моей потерянной и затемненной природы. Во имя васъ я не скажу опять „потерянная душа“. Я попытаюсь побѣдить мою печаль во имя безкорыстной вашей заботы обо мнѣ въ прошломъ, и въ жизни или смерти, я всегда вашъ, признательно и преданно,

Эдгаръ А. По.

ЭДГАРЪ ПО КЪ — *)

Юня 10-го, 1848.

Знаете-ли вы Мистрисъ Уитманъ? Я чувствую глубокий интересъ къ ея поэзіи и характеру. Я никогда не видалъ ее — никогда — лишь разъ. —, однако, рассказала мнѣ многое о романтичности ея характера, который совсѣмъ особенно заинтересовалъ меня и возбудилъ мое любопытство. Ея поэзія есть бесспорно поэзія — оживленная гениемъ. Не можете-ли вы мнѣ что-нибудь рассказать о ней — что-нибудь — все, что вы знаете — и *сохранить мою тайну* — то есть, не говорить никому, что я васъ объ этомъ просилъ? *Могу-ли я положиться на васъ?* Я могу и хочу.

Вѣрьте, что я истинно вашъ другъ,

Эдгаръ А. По.

*) Это письмо, къ неизвѣстной особѣ, было написано раньше предъидущаго. К. Б.

ЭДГАРЪ ПО КЪ ЕЛЕНЪ УИТМАНЪ.

[Безъ даты].

Я уже сказалъ вамъ, что нѣсколько случайныхъ словъ, сказанныхъ о васъ — —, были первыми, въ которыхъ я когда-либо слышалъ ваше имя упомянутымъ. Она намекнула на то, что она назвала вашими „эксцентричностями“, и упомянула о вашихъ печаляхъ. Ея описаніе первыхъ странно захватило мое вниманіе, ея намекъ на послѣднія оковалъ его и закрѣпилъ.

Она рассказывала о мысляхъ, чувствахъ, чертахъ, *капризныхъ настроеніяхъ*, о которыхъ я зналъ, что они мои собственныя, но которыя до этого мгновенія я считалъ лишь моими собственными—не раздѣленными съ какимъ-либо человѣческимъ существомъ. Глубокое сочувствіе завладѣло немедленно моей душой. Я не могу лучше изъяснить вамъ, что я чувствовалъ, какъ сказавъ, что ваше невѣдомое сердце, повидимому, перешло въ мою грудь—чтобы жить тамъ навсегда—между тѣмъ какъ мое, думалъ я, было перенесено въ ваше.

Съ этого часа я полюбилъ васъ. Съ этого времени я никогда не видѣлъ и не слышалъ вашего имени безъ трепета полувосторга, полутревоги.—Впечатлѣніе, оставшееся у меня въ умѣ, было, что вы еще чья-то жена, и лишь въ послѣдніе нѣсколько мѣсяцевъ я въ этомъ разувѣрилъся.

По этой причинѣ я избѣгалъ вашего присутствія и даже города, въ которомъ вы жили. Вы можете вспомнить, что однажды, когда я былъ въ Провиденсѣ съ Мистрисъ Осгудъ, я, положительно, отказался сопровождать ее въ вашъ домъ, и даже заставилъ ее поссориться со мной изъ-за упрековъ и кажущейся безосновности моего отказа. Я не смѣлъ ни пойти, ни сказать, почему я этого не могу. Я не смѣлъ говорить о васъ—тѣмъ менѣе ви-

дѣтъ васъ. Въ теченіи цѣлыхъ лѣтъ ваше имя ни разу не перешло моихъ губъ, въ то время какъ душа моя плала въ немъ, съ самозабвенною жаждой, все, что было сказано о васъ въ моемъ присутствіи.

Самый шопоть, касавшійся васъ, пробуждалъ во мнѣ трепещущее шестое чувство, смутно слитое изъ страха, восторженнаго счастья, и безумнаго, необъяснимаго ощущенія, которое ни на что не походитъ такъ близко, какъ на сознание вины.

Судите же, съ какою дивящейся, невѣрующей радостью я получилъ, написанное хорошо вамъ извѣстнымъ почеркомъ, нѣжное стихотвореніе, которое впервые дало мнѣ увидать, что вы знаете о моемъ существованіи.

Представленіе о томъ, что люди называютъ Судьбою, утратило тогда въ моихъ глазахъ свой характеръ пустоты. Я почувствовалъ, что послѣ этого ни въ чемъ нельзя сомнѣваться, и на долгія недѣли потерялся въ одномъ непрерывномъ сладостномъ снѣ, въ которомъ все было живымъ, хотя и неяснымъ, благословеніемъ.—

Немедленно послѣ прочтенія, посланнаго вами, стихотворенія, я захотѣлъ найти какой-нибудь способъ указать — не ранивъ васъ видимымъ слишкомъ прямымъ указаніемъ — на мое чувство — о, мое острое — мое ликующее — мое восхищенное чувство почести, которое вы мнѣ даровали. Выполнить это, какъ я хотѣлъ, въ точности *что* я хотѣлъ, казалось, однако, невозможнымъ; и я былъ уже готовъ оставить эту мысль, какъ глаза мои упали на томъ моихъ собственныхъ поэмъ; и тогда строки, которыя я написалъ, во время страстнаго моего отрочества, къ первой, чисто идеальной, любви моей души — къ Еленѣ Стэннэрдъ, о которой я вамъ говорилъ, вспыхнули въ моемъ воспоминаніи. Я обратился къ нимъ. Они выразили все — все, что я сказалъ-бы вамъ — такъ полно — такъ точно, и такъ исключительно, что трепетъ напряженнаго суевѣрія пробѣжалъ мгновенно по всему моему тѣлу. Прочтите

стихи, и потомъ примите во вниманіе особенную необходимость, которую я чувствовалъ въ тотъ мигъ именно въ такомъ, повидимому, недостижимомъ способѣ общенія съ вами, каковой они доставляли. Подумайте о безусловной соотвѣтственности, съ которой они восполняли эту необходимость—выражая не только все, что я хотѣлъ бы сказать о вашей наружности, но и все то, въ чемъ я такъ хотѣлъ васъ увѣрить, въ строкахъ, начинающихся словами—

По жестокимъ морямъ я бродилъ, нелюдимъ.

Подумайте о рѣдкомъ совпадении имени, и вы не будете болѣе удивляться, что для того, кто привыкъ, какъ я, къ Исчисленію Вѣроятій, они имѣли видъ положительнаго чуда... Я уступилъ сразу захватывающему чувству Рокового. Съ этого часа я никогда не былъ способенъ стряхнуть съ моей души вѣру, что моя Судьба, для добра или зла, здѣсь-ли, или въ томъ, что тамъ, въ какой-то мѣрѣ сплетена съ вашей собственной.

Конечно я не ждалъ съ вашей стороны какого-нибудь признанія напечатанныхъ строкъ „Къ Еленѣ“; и однако, не признаваясь въ этомъ даже самому себѣ, я испытывалъ неопредѣлимое чувство скорби изъ-за вашего молчанія. Наконецъ, когда я подумалъ, что у васъ было достаточно времени совсѣмъ позабыть обо мнѣ (если въ дѣйствительности вы когда-нибудь настоящимъ образомъ меня помнили), я послалъ вамъ безъименныя строки въ рукописи. Я писалъ, сперва, въ силу мучительнаго, жгучаго желанія соприкоснуться съ вами *какимъ-нибудь* образомъ—даже если-бы вы оставались въ невѣдѣніи о пишущемъ вамъ. Простая мысль, что *ваши* милые пальцы прижмутъ—*ваши* нѣжные глаза медля глянуть на буквы, которыя я начерталъ—на буквы, которыя хлынули на бумагу изъ глубинъ такой преданной любви—наполняла мою душу забвеннымъ восторгомъ, который, казалось мнѣ тогда, былъ всѣмъ, что нужно для моей человѣческой

природы. Это *тогда* открылось мнѣ, что одна простая эта мысль включала въ себѣ столько благословенія, что здѣсь, на землѣ, я уже никогда болѣе не могъ-бы имѣть права сѣтовать — не было-бы мѣста для недовольства. Если когда-нибудь, *тогда*, я дерзалъ нарисовать себѣ какое-нибудь болѣе богатое счастье, оно всегда было связано съ вашимъ образомъ на Небѣ. Но была еще и другая мысль, которая побуждала меня послать вамъ эти строки: — я говорилъ самому себѣ, чувство — святая страсть, которая пылаетъ въ груди моей къ *ней*, она отъ Неба, она небесная, въ ней нѣтъ земного пятна. Такъ значитъ въ тайныхъ уголкахъ ея собственнаго чистаго сердца долженъ находиться, по крайней мѣрѣ, зачатокъ взаимной любви, и, если это дѣйствительно такъ, ей не будетъ нуженъ никакой земной ключъ — она инстинктивно почувствуетъ, кто ей пишетъ. — Въ этомъ случаѣ, я могу, значитъ, надѣяться на какой-нибудь слабый знакъ, по крайней мѣрѣ, дающій мнѣ понять, что источникъ поэмы извѣстенъ, и что чувство ее проникающее понимаютъ, даже если не одобряютъ.

О, Боже! — какъ долго — *какъ долго* я ждалъ *напрасно*, надѣясь вопреки надеждѣ — пока наконецъ меня не обуялъ нѣкій духъ гораздо болѣе мрачный, гораздо болѣе безудержный, чѣмъ отчаяніе — я объяснилъ вамъ — но не исчисляя жизненныхъ вліяній, которыя оказали на судьбу мою ваши строки — это особенное, добавочное, и, какъ будто, вздорное предопредѣленіе, благодаря которому вамъ случилось адресовать ваши безымянныя стансы въ Фордгамъ вмѣсто Нью-Йорка — и благодаря которому моя тетка узнала, что они находятся на Вестъ-Фармской почтѣ. Но я еще не сказалъ вамъ, что ваши строки достигли меня въ Ричмондѣ въ тотъ самый день, когда я былъ готовъ вступить на путь, который унесъ-бы меня далеко, далеко отъ *васъ*, нѣжная, нѣжная Елена, и отъ этого божественнаго сна вашей любви.

[Подписи нѣтъ].

ЭДГАРЪ ПО КЪ ЕЛЕНЪ УИТМАНЪ.

[Безъ даты].

Я прижалъ ваше письмо еще и еще къ губамъ моимъ, нѣжнѣйшая Елена, омывая его слезами радости, или „божественнаго отчаянiя“. Но я — который такъ недавно въ вашемъ присутствiи восхвалялъ „могущество словъ“ — что мнѣ теперь лишь слова? *Если-бъ могъ я вѣрить въ дѣйствительность молитвы къ Богу на Небесахъ, я, конечно, преклонилъ бы колѣна—смиренно сталъ-бы на колѣна—въ эту самую серьезную пору моей жизни — сталъ-бы на колѣна умоляя о словахъ — только о словахъ, которыя разоблачили-бы вамъ — которыя дали-бы мнѣ способность обнажить передъ вами — цѣликомъ мое сердце. Всѣ мысли — всѣ страсти кажутся теперь слитно погруженными въ это одно пожирающее желанiе—въ это хотѣнiе заставить васъ понять — дать вамъ увидѣть то, для чего нѣтъ человеческого голоса — несказанную пламенность моей любви къ вамъ:—ибо такъ хорошо я знаю вашу природу поэта, что я чувствую достовѣрно, если-бы только вы могли заглянуть *теперь* въ глубины моей души вашими чистыми духовными глазами, вы *не могли-бы* отказаться сказать мнѣ это, что, увы! еще рѣшительно вы оставляете нескáзаннымъ — вы *полюбили-бы* меня, хотя-бы только за величiе моей любви. Не есть-ли это что-то въ холодномъ этомъ сумрачномъ мiрѣ *быть любимымъ*? О, если-бы я только могъ вжечь въ вашъ духъ глубокое — *истинное* значенiе, которое я связываю съ этими четырьмя подчеркнутыми слогами! Но, увы, усилiе напрасно, и „я живу и умираю не услышанный...“*

Если-бы я могъ только держать васъ близко у моего сердца и прошептать вамъ странныя тайны страстной его лѣтописи, во-истину, вы увидали-бы тогда, что не было и не могло быть ни въ чьей власти, кромѣ вашей, под-

вигнуть меня такъ, какъ я теперь подвигнуть — обременить меня этимъ неизреченнымъ ощущеніемъ — окружить и залить меня этимъ электрическимъ свѣтомъ, озаряя и возжигая всю мою природу — наполняя мою душу лучезарною славой, чудомъ, и благоговѣніемъ. Во время нашей прогулки на кладбищѣ, я сказалъ вамъ, межъ тѣмъ какъ горькія, горькія слезы подступали къ глазамъ моимъ, „Елена, я люблю теперь—теперь — въ первый и въ единственный разъ“. Я сказалъ это, повторяю, не въ надеждѣ, что вы могли-бы мнѣ повѣрить, но потому что я не могъ не чувствовать, какъ неравны были сердечныя богатства, которыя мы могли-бы предложить другъ другу: — Я, въ первый разъ, отдающій все мое сразу и навсегда, даже въ то время какъ слова поэмы вашей еще звучали въ моихъ ушахъ.

О, Елена, *зачѣмъ* вы показали ихъ мнѣ, эти строки? Вѣдь было, кромѣ того, какое-то совѣмъ особенное намѣреніе въ томъ, что вы сдѣлали. Самая красота ихъ была жестокостью *ко мнѣ*....

А теперь, въ самыхъ простыхъ словахъ, какими я могу распоряжаться, позвольте мнѣ нарисовать вамъ впечатлѣніе, произведенное на меня вашимъ внѣшнимъ видомъ. Когда вы вошли въ комнату, блѣдная, колеблющаяся, и, видимо, со стѣсненнымъ сердцемъ; когда глаза ваши покоились на краткое мгновеніе на моихъ, я чувствовалъ въ первый разъ въ моей жизни, и трепещуще призналъ, существованіе духовнаго вліянія всецѣло внѣ предѣловъ разсудка, я увидѣлъ, что вы *Елена - моя* Елена—Елена тысячи сновъ... Она, которой великій Даятель всего благого предназначилъ быть моей—только моей—если не теперь, увя! тогда потомъ и *навсегда*, въ Небесахъ. — Вы говорили залинаясь, и, казалось, врьдѣ-ли сознавали, что вы говорили. Я не слышалъ словъ — только мягкій голосъ, болѣе близкій, болѣе знакомый мнѣ, чѣмъ мой собственный...

Ваша рука покоилась въ моей, и вся душа моя содрогалась отъ трепетной восхищенности: и тогда, если-бы не страхъ огорчить или ранить васъ, я упалъ-бы къ ногамъ вашимъ въ такомъ чистомъ — въ такомъ дѣйствительномъ обожаніи, какое когда-либо отдавали Идолу или Богу.

И когда потомъ, въ эти два послѣдовательные вечера всенебеснаго восторга, вы проходили туда и сюда по комнатѣ — то садясь рядомъ со мной, то далеко отъ меня, то стоя и держа свою руку на спинкѣ моего кресла, межъ тѣмъ какъ сверхъ-природная зыбъ вашего прикосновенія проходила волною даже черезъ безчувственное дерево въ мое сердце — межъ тѣмъ какъ вы двигались такъ спокойно по комнатѣ — какъ будто глубокая скорбь или самая зримая радость привидѣньемъ вставала въ вашей груди — мой мозгъ закружился подъ опьяняющей чарой вашего присутствія, и уже не просто человѣческими чувствами я видѣлъ, я слышалъ васъ. Это только душа моя различала васъ тамъ...

Позвольте мнѣ привести отрывокъ изъ вашего письма: —... „Хотя мое уваженіе передъ вашимъ умомъ и мое преклоненіе передъ вашимъ гениемъ заставляютъ меня чувствовать себя ребенкомъ въ вашемъ присутствіи, вы, быть можетъ, не знаете, что я на нѣсколько лѣтъ старше васъ“... Но допустимъ, что то, на чемъ вы настаиваете, даже вѣрно. Не чувствуете-ли вы въ вашемъ сокровенномъ сердцѣ сердецъ, что „любовь Души“, о которой люди говорятъ такъ часто и такъ напрасно, въ данномъ случаѣ, по крайней мѣрѣ, есть лишь самая предѣльная — самая безусловная изъ дѣйствительностей? Не чувствуете-ли вы — я спрашиваю это у вашего разсудка, *любимая*, не менѣе, чѣмъ у вашего сердца — не видите-ли вы, что это моя божественная природа — моя духовная сущность горитъ и задыхаясь стремится смѣшаться съ вашей? У души есть-ли возрастъ, Елена? Можетъ-ли Безсмертіе

смотрѣть на Время? Можетъ-ли то, что никогда не начиналось и никогда не окончится, принимать во вниманіе нѣсколько жалкихъ лѣтъ своей воплощенной жизни? О, и почти готовъ поссориться съ вами за произвольную обиду, которую вы наносите священной дѣйствительности своего чувства.

И какъ отвѣчать *мнѣ* на то, что вы говорите о нашемъ внѣшнемъ видѣ? Не *видѣлъ-ли* я васъ, Елена? Не слышалъ-ли я больше чѣмъ мелодію вашего голоса? Не перестало-ли сердце мое биться подъ чарованіемъ вапней улыбки? Не держалъ-ли я вашу руку въ моей, и не смотрѣлъ-ли пристально въ вашу душу черезъ хрустальное небо вашихъ глазъ? Сдѣлалъ-ли я все это? — Или я въ грезѣ?—Или я сумасшедшій?

Если-бъ вы дѣйствительно были всѣмъ тѣмъ, чѣмъ будто вы стали, какъ ваша фантазія, ослабленная и искаженная недугомъ, искушаетъ васъ повѣрить, все таки, жизни моей жизни! я сталъ-бы любить васъ—я сталъ-бы обожать васъ еще больше. Но разъ есть такъ, какъ есть, что могу я — что *сумѣю* я сказать? *Кто* когда-нибудь говорилъ о васъ безъ чувства — безъ хвалы? *Кто когда-нибудь* видѣлъ васъ и не любилъ?

Но теперь смертельный страхъ меня гнететъ; ибо я слишкомъ ясно вижу, что эти возраженія — такія неосновательныя—такія пустыя.... Я дрожу при мысли, не служать-ли они лишь къ тому, чтобы замаскировать другія, болѣе дѣйствительныя, и которыя вы колеблетесь—можетъ быть, изъ состраданія—сообщить мнѣ.

Увы! Я слишкомъ ясно вижу, кромѣ того, что ни разу еще, ни при какомъ случаѣ, вы не позволили себѣ сказать, что вы любите меня. Вы знаете, нѣжная Елена, что съ моей стороны есть непобѣдимое основаніе, возбраняющее мнѣ настаивать на моей любви къ вамъ. Если бы я не былъ бѣденъ — если-бъ мои недавнія ошибки и безудержныя излишества не принизили меня справедливо въ

уваженіи благихъ—если-бы я былъ богатъ, или могъ предложить вамъ свѣтскія почести—о, тогда—тогда—съ какой гордостью сталъ-бы я упорствовать — *вести тяжбу* съ вами изъ-за вашей любви...

О, Елена! Моя душа! — Чтò говорилъ я вамъ? — Къ какому безумію понуждалъ я васъ? — Я, который *ничто* для васъ — вы, у которой есть мать и сестра, чтобы озарять ихъ вашей жизнью и любовью. Но — о, любимая! если я кажусь себялюбивымъ, повѣрьте-же, что я истинно, *истинно* люблю васъ, и что это самая духовная любовь, о которой я говорю, если даже я говорю о ней изъ глубинъ самаго страстнаго сердца. Подумайте—о, подумайте обо *мнѣ*, Елена, и о самой себѣ....

Я бы сталъ заботиться о васъ — нѣжить васъ—убаюкивать. Вы бы отдохнули отъ заботы — отъ всѣхъ мірскихъ тревоженій. Вы бы стали поправляться и вы были-бы въ концѣ совсѣмъ здоровы. А если-бы *нѣтъ*, Елена—если-бы вы *умерли* — тогда, по крайней мѣрѣ, я сжалъ-бы ваши милыя руки въ смерти, и охотно—о, *радостно—радостно* снизошелъ-бы съ вами въ ночь могилы.

Напишите мнѣ скоро—скоро—о, скоро!—но не *много*. Не утомляйтесь и не волнуйтесь изъ-за *меня*. Скажите мнѣ эти желанныя слова, которыя обратятъ Землю въ Небо.

[Подписи нѣтъ].

ЭДГАРЪ ПО КЪ ЕЛЕНѢ УИТМАНЪ.

18 Октября, 1848.

Вы не любите меня, иначе вы бы ощущали слишкомъ полно въ сочувствіи съ впечатлительностью моей природы, чтобы такъ ранить меня этими страшными строками вашего письма: —

«Какъ часто я слышала, что о васъ говорили, „Онъ имѣеть большую умственную силу, но у него нѣтъ принциповъ—нѣтъ моральнаго чувства“.»

Возможно-ли, чтобы такія выраженія какъ эти могли быть повторены мнѣ—мнѣ—тою, кого я любилъ—о, кого я люблю!...

Именемъ Бога, что царить на Небесахъ, я клянусь вамъ, что душа моя неспособна на безчестіе—что за исключеніемъ случайныхъ безумій и излишествъ, о которыхъ я горько сожалѣю, но въ которыя я былъ вброшенъ нестерпимою скорбью, и которыя каждый часъ совершаются другими не привлекая ничего вниманія—я не могу вспомнить ни одного поступка въ моей жизни, который вызвалъ бы краску на моихъ щекахъ—или на вашихъ. Если я заблуждался вообще въ этомъ отношеніи, это было на той сторонѣ, что зовется людьми Донъ-Кихотскимъ чувствомъ чести—рыцарства. Предаваться этому чувству было истинной усладой моей жизни. Во имя такого-то роскошества, въ ранней юности я сознательно отбросилъ отъ себя большое состояніе, только-бъ не снести пустой обиды. О, какъ глубока моя любовь къ вамъ, разъ она меня понуждаетъ къ этимъ разговорамъ о самомъ себѣ, за которые вы неизбѣжно будете презирать меня!...

Почти цѣлыхъ три года я былъ боленъ, бѣденъ, жилъ внѣ людскаго общества; и это такимъ-то образомъ, какъ съ мученіемъ я вижу теперь, я далъ поводъ моимъ врагамъ клеветать на меня келейно, безъ моего вѣдѣнія объ этомъ, то-есть, безнаказанно. Хотя многое могло (и, какъ я теперь вижу, должно было) быть сказано въ мое осужденіе во время моей отъединенности, тѣ немногіе, однакоже, которые, зная меня хорошо, были неизмѣнно моими друзьями, не позволили, чтобы что-нибудь изъ этого достигло моихъ ушей—кромѣ одного случая, такого свойства, что я могъ воззвать къ суду, для восстановленія справедливости.

Я отвѣтилъ на обвиненіе сполна въ печатномъ органѣ — начавъ потомъ преслѣдованіе журнала *Mirror, Зеркало*, (гдѣ появилась эта клевета), получилъ приговоръ въ мою пользу и нагромоздилъ такое количество пеней, что на время совсѣмъ прекратилъ этотъ журналъ. И вы спрашиваете меня, *почему* люди такъ *дурно судятъ* обо мнѣ — *почему* у меня есть враги. Если ваше знаніе моего характера и моего жизненнаго поприща не даетъ вамъ отвѣта на вопросъ, по крайней мѣрѣ, *мнѣ* не надлежитъ внушать отвѣтъ. Да будетъ довольно сказать, что у меня была смѣлость остаться бѣднымъ, дабы я могъ сохранить мою независимость — что, несмотря на это, въ литературѣ, до извѣстной степени и въ другихъ отношеніяхъ, я „имѣлъ успѣхъ“ — что я былъ критикомъ — безъ оговорокъ, честнымъ, и несомнѣнно, во многихъ случаяхъ, суровымъ — что я единообразно нападалъ — когда я нападалъ вообще — на тѣхъ, которые стояли наиболѣе высоко во власти и вліяніи — и что — въ литературѣ-ли, или въ обществѣ, я рѣдко воздерживался отъ выраженія, прямо или косвенно, полного презрѣнія, которое внушаютъ мнѣ притязанія невѣжества, наглости, и глупости. И вы зная все это — *вы* спрашиваете меня, *почему* у меня есть враги. О, у меня есть сто друзей на каждаго отдѣльнаго врага, но никогда не приходило вамъ въ голову, что вы не живете среди моихъ друзей?

Если-бы вы читали мои критическія статьи вообще, вы бы увидѣли, почему всѣ тѣ, кого вы знаете наилучше, знаютъ меня наименьше, и суть мои враги. Не помните-ли вы, съ какимъ глубокимъ вздохомъ я сказалъ вамъ... „Тяжело мое сердце, потому что я вижу, что ваши друзья не мои“?...

Но жестокая фраза въ вашемъ письмѣ не ранила-бы, не *могла-бы* такъ глубоко меня ранить, если-бы душа моя была сперва сдѣлана сильной тѣми увѣреніями въ вашей любви, о которыхъ такъ безумно — такъ напрасно — и я

чувствую теперь, такъ притязательно—я умолялъ. Что наши души суть одно, каждая строчка, которую вы когда-нибудь написали, это утверждаетъ—но наши сердца *не* бьются въ согласіи.

То, что разные люди, въ вашемъ присутствіи, объявили, что у меня нѣтъ чести, взываетъ неудержимо къ одному истинкту моей природы—къ истинкту, который, я *чувствую*, есть честь, предоставить безчестнымъ говорить, что они могутъ, и запрещаетъ мнѣ, при такихъ обстоятельствахъ, оскорблять васъ моею любовью...

Простите меня, любимая и единственно-любимая, Елена, если есть горечь въ моемъ тонѣ. По отношенію къ вамъ въ душѣ моей нѣтъ мѣста ни для какого другого чувства, кромѣ поклоненія. Я только Судьбу виню. Это моя собственная несчастная природа...

[Подписи нѣтъ].

ЭДГАРЪ ПО КЪ ЕЛЕНѢ УИТМАНЪ.

[Безъ даты].

Милая—милая Елена,—я никуда *не* приглашенъ, но мнѣ *очень* нездоровится—настолько, что долженъ, если возможно, отправиться домой—но если вы скажете „Останьтесь“, я попытаюсь и сдѣлаю такъ. Если вы не можете меня видѣть—напишите мнѣ *одно слово*, чтобы сказать, что вы *любите* меня, и что, *при всякихъ обстоятельствахъ*, вы будете моей.

Вспомните, что этихъ желанныхъ словъ вы никогда еще не сказали—и, несмотря на это, я не упрекалъ васъ. Если вы можете меня увидѣть, хотя-бы на нѣсколько мгновеній, сдѣлайте такъ—если же нѣтъ, напишите, или пошлите какую-нибудь вѣсточку, которая обрадуетъ меня.

[Подписи нѣтъ].

ЭДГАРЪ ПО КЪ ЕЛЕНЪ УИТМАНЪ.

Ноября 14-го. 1848.

Моя милая—милая Елена,—*такая* добрая, такая правдивая, такая великодушная—такъ невзволнованная всѣмъ тѣмъ, что взволновало-бы любого, кто менѣе, чѣмъ ангелъ:—возлюбленная моего сердца, моего воображенія, моего разума—жизнь моей жизни—душа моей души, милая—о, милая, милая Елена, какъ отблагодарить, какъ когда-нибудь отблагодарю я васъ!

Я тихъ и спокоенъ, и если бы не странная тѣнь подходящаго зла, которое привидѣнiемъ встаетъ во мнѣ, я былъ-бы счастливъ. То, что я не верховно счастливъ, даже когда я чувствую вашу милую любовь въ моемъ сердцѣ, пугаетъ меня. Что можетъ это значить?

Быть можетъ, однако, это лишь необходимая опрокинутость послѣ такихъ страшныхъ возбужденiй.

Сейчасъ пять часовъ и лодка только что пристала къ набережной. Я уѣду съ поѣздомъ, который въ 7 часовъ уходитъ изъ Нью-Йорка въ Фордгамъ. Я пишу это, чтобы показать вамъ, что я *не постыжусь* нарушить обѣщанiе, данное вамъ. А теперь, дорогая, милая—милая Елена, будьте вѣрны мнѣ....

[Подписи нѣтъ].

ЭДГАРЪ ПО КЪ ЕЛЕНЪ УИТМАНЪ.

[Безъ даты].

Не очень хорошо понимая *почему*, я вообразилъ себѣ, что вы честолюбивы.... Это тогда только—тогда, какъ я думалъ о васъ—я съ ликованiемъ сталъ размышлять о томъ что, я чувствовалъ, я могъ бы свершить въ Лите-

ратурѣ и въ Литературномъ вліяніи—на самомъ широкомъ и благородномъ полѣ человѣческаго честолюбія... Когда я увидалъ васъ, однако—когда я коснулся вашей нѣжной руки—когда я услышалъ вашъ мягкій голосъ и понималъ, какъ дурно я истолковывалъ вашу женскую природу—эти торжествующія видѣнія нѣжно растаяли въ солнечномъ свѣтѣ неспреченной *любви*, и я предоставилъ моему воображенію, блуждая, идти съ вами и съ немногими, которые любятъ насъ обоихъ, къ берегамъ какой-нибудь тихой рѣчки въ какую-нибудь ласковую долину нашего края.

Тамъ, не *слишкомъ* далеко, отдѣленные отъ міра, мы осуществляли вкусъ, непровѣряемый никакими условностями, но съ полнымъ подчиненіемъ природному искусству, въ созиданіи для насъ самихъ коттеджа, мимо котораго ни одно человѣческое существо не могло-бы никогда пройти безъ возгласа дивованія на его странную, зачарованную, и неистижимую, хотя самую простую, красоту. О, нѣжные и пышные, но не часто рѣдкіе цвѣты, въ которыхъ мы наполовину схоронили его! величіе магнолій и тюльпанныхъ деревьевъ, которыя стояли охраняя его—роскошный бархатъ его лужайки—отсвѣчивающее сіянье рѣчки, бѣгущей у самыхъ дверей—полная вкуса, но спокойная уютность тамъ внутри—музыка—книги—непоказныя картины, и превыше всего, любовь—любовь, что пролила на все свое неувядающее *сіяніе!*... Увы! теперь все это сонъ.

[Подписи нѣтъ].

ЭДГАРЪ ПО КЪ ЕЛЕНѢ УИТМАНЪ.

22 Ноября, 1848.

Я написалъ вамъ вчера, нѣжная Елена, но, боясь опоздать на почту, не успѣлъ сказать вамъ нѣсколько

вещей, о которыхъ сказать хотѣлъ. Я боюсь, кромѣ того, что письмо мое должно было показаться холоднымъ— быть можетъ даже жесткимъ или своекорыстнымъ—потому что я говорилъ почти всецѣло о моихъ собственныхъ печаляхъ. Простите меня, моя Елена, если не во имя любви, которую я питаю къ вамъ, по крайней мѣрѣ, во имя скорбей, которыя я претерпѣлъ—больше, думаю я, чѣмъ обычно ихъ выпадало на долю человѣка. Какъ сильно были они отягощены моимъ сознаньемъ, что, въ слишкомъ многихъ случаяхъ, они возникли изъ-за моей собственной преступной слабости, или дѣтскаго безумія! Моя единственная надежда теперь *на васъ*, Елена. Будете ли вы мнѣ вѣрны, или покинете меня, я буду жить, или умру....

Быль-ли я правъ, милая, милая Елена, въ моемъ первомъ впечатлѣннн отъ васъ? — Вы знаете, я слѣпо вѣрю въ первыя впечатлѣннн—быль-ли я правъ во впечатлѣннн, что вы честолюбивы? Если такъ, и *если вы будете вѣрны въ меня*, я могу и хочу осуществить самыя безумныя ваши желанія. Это былъ-бы блестящій триумфъ, Елена, для насъ—для васъ и для меня.

Я не смѣю довѣрить мои планы письму—да у меня нѣтъ времени, чтобы намекнуть на нихъ здѣсь. Когда я увижу васъ, я объясню вамъ все—настолько, по крайней мѣрѣ, насколько я смѣю объяснять *всѣ* надежды даже вамъ.

Развѣ *не* было-бы это „славнымъ“, любимая, установить въ Америкѣ единственную безспорную аристократію—аристократію разума—удостовѣрить ея верховенство—руководить ею и контролировать ее? Все это я могу сдѣлать, Елена, и сдѣлаю—если вы велите мнѣ—и поможете мнѣ.

[Подписи нѣтъ].

ЭДГАРЪ ПО КЪ ЕЛЕНЪ УИТМАНЪ.

Ноября 25-го, 1848.

Немного позднѣе, чѣмъ черезъ двѣ недѣли, милая—милая Елена, я опять прижму васъ къ моему сердцу:— до тѣхъ поръ я возбраняю себѣ волновать васъ и не буду говорить о моихъ желаніяхъ—о моихъ надеждахъ, и особенно о моихъ страхахъ. Вы говорите, что все зависитъ отъ моей собственной твердости. Если это такъ, все хорошо—потому что страшная агонія, которую я перенесъ—агонія, вѣдомая только моему Богу и мнѣ—какъ будто провела мою душу черезъ огонь и очистила ее отъ всего, что слабо. Отнынѣ я силенъ:—это тѣ, которые меня любятъ, увидятъ—такъ же какъ и тѣ, кто такъ неутолимо пытался погубить меня. Нужно было только одно изъ такихъ испытаній, какъ то, черезъ которое я только что прошелъ, чтобы сдѣлать меня тѣмъ, чѣмъ я рожденъ быть, сдѣлать меня сознающимъ мою собственную силу.— Но все *не* зависитъ, милая Елена, отъ моей твердости— все зависитъ отъ искренности вашей любви.

Вы говорите, что васъ „мучили рассказы, которыя потомъ были разъяснены до полнаго вашего удовлетворенія“. Касательно этого обстоятельства я принялъ твердое рѣшеніе. Я не успокоюсь ни ночью, ни днемъ, пока я не предамъ тѣхъ, которые меня оклеветали, свѣту дня—пока я не явлю ихъ, и *ихъ мотивы*, общественному оку. У меня *есть* средства, и я безжалостно ими воспользуюсь. Въ одномъ позвольте мнѣ остеречь васъ, *милая* Елена. Какъ только Мистрисъ Э. услышитъ о моемъ предложеніи вамъ, она пуститъ въ ходъ всяческія интриганства, какія только можно представить, чтобы помѣшать мнѣ:—и, если вы не приготовлены къ ея продѣлкамъ, она *безошибочно* преуспѣетъ—ибо вся ея наука, за цѣлую жизнь, это—удовлетвореніе своей злокозненности такими сред-

ствами, которыя всякое другое человѣческое существо скорѣе умретъ, чѣмъ примѣнить. Можете быть увѣрены, что вы получите анонимныя письма такъ искусно составленныя, что обманется и самый проникательный. Васъ навѣстятъ, возможно, особы, о которыхъ вы никогда не слыхали, но которыхъ она подговорила пойти къ вамъ и позорить меня—причемъ *они сами* даже не освѣдомлены о вліяніи, которое она оказала на нихъ. Я не знаю *кого-либо* съ болѣе *острымъ* умомъ для такихъ вещей, какъ Мистрисъ Осгудъ—но даже и она, въ теченіи долгаго времени, была всецѣло ослѣплена ухищреніями этого дьявола, и просто потому, что ея великодушное сердце не могло постичь, какъ какая-нибудь женщина можетъ снизойти до махинацій, передъ которыми содрогнулся бы самый отверженный изъ злыхъ духовъ. Я приведу вамъ здѣсь лишь одинъ примѣръ ея низости и, чувствую, что этого будетъ довольно....

Если вы цѣните ваше счастье, Елена, берегитесь этой женщины! Она не прекратила свои преслѣдованія здѣсь. Моя бѣдная Виргинія была постоянно мучима (хотя не обманута) ея анонимными письмами, и на своемъ смертномъ ложѣ объявила, что Мистрисъ Э. была ея убійцей. Не имѣлъ-ли я право ненавидѣть этого злого духа и предостерегать васъ отъ нея? Вы поймете теперь, что я разумѣю говоря, что *единственная* вещь, которую я не нашель возможной простить Мистрисъ Осгудъ, это то, что она приняла Мистрисъ Э.

Берегите ваше здоровье, милая, милая Елена, и быть можетъ все еще будетъ хорошо. Простите меня, что я позволяю этимъ обидамъ такъ захватывать меня—я не чувствовалъ ихъ такъ горько, пока они не угрожали лишить меня васъ... но ради васъ, милая, я постараюсь быть спокойнымъ.

Ваши строки „Къ Арктуру“ по-истинѣ прекрасны.

[Подписи нѣтъ].

ЭДГАРЪ ПО КЪ ЕЛЕНЪ УИТМАНЪ.

[Безъ даты].

Никакой вызовъ ни въ какомъ нагроможденъи не заставить меня говорить дурно о васъ, даже въ мою собственную защиту. Если-бы, чтобъ защитить себя отъ клеветы, какъ бы она ни была незаслуженна, или какъ-бы она ни была нестерпима, я увижу необходимымъ прибѣгнуть къ объясненіямъ, которыя могли-бы быть осуждающими для васъ, или мучительными, самымъ торжественнымъ образомъ я увѣряю васъ, что я терпѣливо снесу такую клевету, скорѣе чѣмъ воспользоваться какимъ-либо изъ такихъ средствъ ее опровергнуть. Итакъ, вы видите, до этого предѣла я весь въ вашей власти—но, давая вамъ такое увѣреніе, не вправѣ-ли я просить у васъ нѣкоторой сдержанности взаимнѣ?.. Что вы какимъ-нибудь образомъ поддерживали эту жалкую ложь, я не вѣрю и не могу повѣрить—кто-то, равно вашъ врагъ и мой, былъ ея авторомъ—но о чемъ я васъ прошу, это написать мнѣ тотчасъ нѣсколько строкъ въ объясненіе... Я могу опровергнуть утверждаемые факты самымъ удовлетворительнымъ образомъ—но, можетъ быть, нѣтъ надобности опровергать то, чего, я чувствую съ полнымъ довѣріемъ, не утверждали вы—ваше простое отрицаніе есть все, чего я хочу—вы, конечно, напишете мнѣ немедленно по полученіи этого.... Небо знаетъ, какъ не хотѣлъ-бы я ранить или огорчить васъ!.. Да защитить васъ Небо отъ всего злого!.. Пусть мои писанія и дѣйствія говорятъ за себя сами. Моимъ намѣреніемъ было сказать просто, что нашъ бракъ отложенъ, просто по причинѣ вашего нездоровья. Или вы сказали, или вы сдѣлали что-нибудь, что можетъ мѣшать такъ обосновать нашъ разрывъ? Если нѣтъ, я буду настаивать на этомъ утвержденіи, и, такимъ образомъ, все это несчастное дѣло спокойно замретъ.

[Подписи нѣтъ].

МИСТРИСЪ КЛЕММЪ КЪ АННИ.

Моя милая Анни,—Богъ услышалъ мои молитвы и еще разъ вернулъ мнѣ моего бѣднаго любимаго Эдди. Но какимъ *измѣненнымъ*! Я едва узнала его. Я была почти полубезумной, не имѣя отъ него вѣстей, я знала, что случилось *что-то* страшное и о! какъ близка я была къ тому, чтобы потерять его. Но нашъ благой и добрый Богъ *спасъ* его. Кровь холодѣетъ вокругъ моего сердца, когда я объ этомъ подумаю. Я читала его письмо къ вамъ, и сказала ему, что считаю это очень себялюбивымъ желать, чтобы вы пріѣхали; потому что я знаю, любимое мое дитя, это было-бы неудобно... Эдди сказалъ мнѣ о всей вашей добротѣ къ нему. Богъ да благословитъ васъ за нее, родная моя любимца. *Я прошу* васъ, пишите часто. Онъ бредилъ всю ночь о васъ, но теперь онъ спокоинѣ. Я тоже очень больна, но сдѣлаю все, что могу, чтобы утѣшить и развеселить его. Какъ я чувствовала за васъ, *милая—милая*, когда я читала страшный рассказъ о смерти вашего бѣднаго двоюроднаго брата. Слышали-ли вы что-нибудь о Мистрисъ Л.—со времени ея трагическаго выступленія? Она мнѣ никогда не нравилась, я говорила это съ самаго начала. Скажите мнѣ о ней все.

Прощайте, моя милая.

Ваша родная

М. К.

Ноябрь 16-го 1848.

ЭДГАРЪ ПО КЪ АННИ.

Фордгамъ, Ноября 16-го, 1848.

О, Анни, Анни! какія жестокія мысли... должны были мучить ваше сердце во время этихъ послѣднихъ страшныхъ двухъ недѣль, когда вы *ничего* не имѣли отъ меня, ни

даже одного малаго слова, которое-бы сказало вамъ, что я еще живъ.... Но, Анни, я знаю, что вы *чувствовали* слишкомъ глубоко свойство моей любви къ вамъ, чтобы сомнѣваться въ *этомъ*, хотя-бы на мгновенье, и эта мысль была моимъ облегченіемъ въ горькой моей скорби. Я могъ-бы снести, чтобы вы вообразили *какое угодно другое зло, кромѣ этого одного*—что моя душа была невѣрна вашей. Зачѣмъ я не съ вами сейчасъ, я сжалъ-бы вашу милую руку въ моей, и глубоко-бы заглянулъ въ ясное небо вашихъ глазъ; и слова, которыя теперь я могу только *написать*, могли-бы проникнуть въ ваше сердце и заставить васъ понять, что это есть, что я хотѣлъ-бы сказать.... Но—о, моя собственная, нѣжная *сестра* Анни, мой чистый красивый ангель... какъ объясню я вамъ *горькую, горькую* боль, которая терзала меня съ тѣхъ поръ какъ я васъ оставилъ? Вы видѣли, вы *чувствовали* агонію печали, съ которой я сказалъ вамъ „Прощайте“—вы вспомните мое выраженіе такое мрачное—выраженіе страшнаго ужасающаго предчувствія Зла. По-истинѣ—*по-истинѣ* мнѣ казалось, что Смерть приближалась ко мнѣ даже тогда, и что я былъ вовлеченъ въ тѣнь, которая шла передъ ней... Я говорилъ себѣ—„Это въ послѣдній разъ, пока мы не встрѣтимся въ Небѣ“. Я не помню ясно ничего съ этого мгновенья до тѣхъ поръ какъ я очутился въ Провиденсѣ. Я легъ спать и проплакалъ всю долгую, долгую чудовищную ночь Отчаянія—когда день занялся, я всталъ и попытался успокоить мой умъ быстрою прогулкой на холодномъ остромъ воздухѣ—но все было *напрасно*—Демонъ продолжалъ меня мучить. Наконецъ, я добылъ двѣ унціи настоя изъ опиума, и, не возвращаясь въ мою гостиницу, сѣлъ въ обратный поѣздъ, направляющійся въ Бостонъ. По пріѣздѣ я написалъ вамъ письмо, въ которомъ открылъ все мое сердце вамъ—*вамъ*... я сказалъ вамъ, какъ моя борьба больше того, что я могу вынести... я потомъ напомнилъ вамъ о томъ священномъ обѣщаніи,

которое было послѣднимъ, потребованнымъ мною у васъ при разлукѣ — обѣщаніи, что, при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ, вы пришли бы ко мнѣ къ моей постели смертной. Я умолялъ васъ придти *теперь*, упоминая мѣсто, гдѣ меня можно найти въ Бостонѣ. Написавъ это письмо, я проглотилъ около половины опиума, и поспѣшилъ на почтамтъ — намѣреваясь не принимать остального, пока я не увижу васъ — потому что я не сомнѣвался ни минуты, что Анни исполнить свое священное обѣщаніе. Но я не рассчиталъ силы опиума, ибо, прежде чѣмъ я достигъ почтамта, разсудокъ мой совершенно исчезъ, и письмо не было отправлено. Позвольте мнѣ обойти молчаніемъ — любимая *сестра* моя, чудовищные ужасы, которые за этимъ послѣдовали. Нѣкій другъ былъ близко, онъ помогъ мнѣ, и (если это можетъ быть названо спасеніемъ) спасъ меня, но только за эти послѣдніе три дня я сдѣлался способенъ припомнить, что произошло въ этотъ темный промежутокъ времени. Какъ кажется, послѣ того какъ опиумъ былъ выброшенъ изъ желудка, я сталъ спокоенъ, и — для случайнаго наблюдателя — былъ здоровъ — такъ что мнѣ позволили вернуться въ Провиденсъ....

Это не много, что я прошу, *нѣжная сестра Анни*, моя мать и я мы наймемъ небольшой коттеджъ — о, такой маленькій, такой *очень* скромный — я былъ-бы далеко отъ мірской суеты — отъ тщеславія, которое мнѣ ненавистно — и сталъ-бы работать днемъ и ночью, а при усердіи я могъ-бы сдѣлать *такъ* много. Анни! это былъ бы Рай, выше моихъ самыхъ безумныхъ надеждъ — я могъ-бы видѣть кого-нибудь изъ вашей дорогой семьи *каждый* день, и васъ часто... не трогаютъ-ли эти картины самое сокровенное ваше сердце?... Я теперь дома съ моей милой матерью, которая старается доставить мнѣ облегченіе — но единственные слова, которыя успокоительно ласкаютъ меня, это тѣ, что она говоритъ объ Анни — она говоритъ мнѣ, что она написала вамъ, прося васъ пріѣхать въ Форд-

гамъ. О, Анни, *развѣ это невозможно?* мнѣ такъ худо—такъ страшно безнадежно худо, и въ тѣлѣ и въ духѣ, что я не могу жить, если только я не буду чувствовать, что ваша нѣжная, ласковая, любящая рука прижимается къ моему лбу—о, моя чистая, цѣломудренная, великодушная, красивая сестра Анни! Развѣ не возможно для васъ пріѣхать, хотя-бы на одну короткую недѣлю? Пока я не овладѣю этимъ страшнымъ волненіемъ, которое, если оно продлится, или разрушитъ мою жизнь, или доведетъ меня до безнадежнаго сумасшествія.

Прощайте—*здѣсь и тамъ—навсегда вашъ собственный*

Эдди.

ЭДГАРЪ ПО КЪ АННИ.

[Безъ даты].

...Анни!... мнѣ кажется такъ много времени прошло съ тѣхъ поръ какъ я написалъ вамъ, что я чувствую себя осужденнымъ, и почти трепещу, думая, нѣтъ-ли у васъ злыхъ мыслей объ... Эдди... Но нѣтъ, вы никогда не будете сомнѣваться во мнѣ, ни при *какихъ* обстоятельствахъ—вѣдь правда?... Мнѣ кажется, что Судьба противъ нашего *скорого* свиданія—но вѣдь мы *не позволимъ* разстоянію уменьшить нашу привязанность, и скоро все будетъ хорошо. О, Анни, несмотря на столь многія мірскія печали—несмотря на все безпокойство и *искаженіе* (которое такъ трудно переносить), нагроможденное на меня Бѣдностью за такое долгое время—несмотря на *все* это, я такъ—такъ счастливъ при мысли, что вы *дѣйствительно* любите меня. Если-бъ вы жили столько же, сколько я, вы поняли-бы *вполнѣ*, что я разумѣю. По-истинѣ, по-истинѣ, Анни, *ничего* нѣтъ въ этомъ мірѣ достойнаго жизни, кромѣ любви—любви *не* такой, какую я, какъ я однажды ду-

малъ, чувствовалъ къ Мистрисъ —, но такой, какъ та, что горитъ въ сокровенности души моеѣ къ *вамъ* — такой чистой — такой не мірской — любви, которая принесетъ *всякія* жертвы ради васъ... Если бы я могъ совершить все, чего я хотѣлъ, *никакая* жертва не показалась-бы мнѣ слишкомъ большой, я чувствую такую горячую, такую *напряженно-страстную* жажду показать вамъ, что я любилъ васъ... Пишите мнѣ... какъ только у васъ будетъ минутка, хотя-бы одну строку... Я начинаю устраиваться съ деньгами, но мѣрѣ того какъ мое душевное состояніе улучшается, и скоро — *очень* скоро, надѣюсь, я буду *совершенно* внѣ затрудненій. Вы не можете представить себѣ, какъ я трудолюбивъ. Я рѣшилъ *сдѣлаться* богатымъ — восторжествовать — ради васъ, нѣжная... Поцѣлуйте отъ меня милую Сару *) — скажите ей, что я скоро ей напишу — мы говоримъ *такъ много* о ней. Когда вы будете писать, скажите мнѣ что-нибудь о Б. — Уѣхалъ-ли онъ въ Ричмондъ? или что онъ дѣлаетъ? О, если-бы я только могъ быть ему полезенъ *какимъ-нибудь* образомъ! Передайте мой привѣтъ *всѣмъ* — вашему отцу и матери, и милой, маленькой Кэди, и Мистеру Р. — и Мистеру К. — А теперь прощайте, родная моя милая сестра Анни!

[Подписи нѣтъ].

ЭДГАРЪ ПО КЪ САРЪ.

Фордгамъ, Ноября 23-го, 1848.

Милая Сара, — родная моя милая *сестра* Сара. Если есть сколько-нибудь жалости въ вашемъ сердцѣ, отвѣтите мнѣ немедленно, и дайте мнѣ знать, *почему* у меня нѣтъ вѣстей отъ Анни. Если она не откликнется скоро, я, конечно, умру. Мнѣ грезится всяческое злое:

*) Младшая сестра Анни. К. В.

иногда я даже думаю, что я ее оскорбилъ, и что она больше... и думать обо мнѣ не хочетъ. Я написалъ ей длинное письмо восемь дней тому назадъ, вложивъ въ него письмо отъ моей матери, которая опять писала 19-го. Ни слова мы не получили въ отвѣтъ. О, Сара, если бы я не любилъ вашу сестру *самой чистой*, и самой безпритязательной любовью, я не осмѣлился-бы довѣриться вамъ—но вы знаете, какъ правдиво, какъ *чисто* я люблю ее и... я знаю также, какъ невозможно видѣть и не любить ее. Въ самыхъ безумныхъ моихъ снахъ я никогда не представлялъ себѣ существа такъ всецѣло чарующаго—такого *добраго*—такого *правдиваго*—такого *благороднаго*—такого *чистаго*—такого *цѣломудреннаго*—ея молчаніе наполняетъ всю мою душу страхомъ. Получила-ли она мое письмо? Если она на меня сердится, скажите ей, милая Сара, что на колѣняхъ я умоляю ее простить меня—скажите ей, что я ея *рабъ* во всемъ—что все, что бы она ни велѣла сдѣлать, я сдѣлаю—если даже она скажетъ, что я никогда болѣе не долженъ ее видѣть, или писать ей. Пусть только она откликнется *еще разъ*, и я снесу все, что бы ни случилось. О, Сара, вы сжалились-бы надо мной, если бъ вы знали пытку моего сердца, въ то время какъ я пишу вамъ эти слова. *Не откажитесь отвѣтить мнѣ тотчасъ.*

Богъ да благословить васъ, моя нѣжная сестра—

Эдгаръ.

ЭДГАРЪ ПО КЪ АННИ.

Вторникъ, Утро—28.

Анни,—Милая Мать моя объяснить вамъ, почему я не могу написать вамъ подробно—но я *долженъ* написать лишь нѣсколько словъ, чтобъ вы могли *видѣть*, что я

здоровъ, а то вы стали-бы подозрѣвать, что я боленъ. *Все* хорошо!... *Надѣюсь*, что я отличился на лекціи—я старался, чтобъ это было такъ, ради васъ. Присутствовало 1800 человекъ, и какіе аплодисменты! Это было гораздо лучше, чѣмъ въ Ляуэлъ. Если-бы вы только были тамъ.... Передайте мою нѣжнѣйшую любовь всѣмъ—

Эдди.

ЭДГАРЪ ПО КЪ АННИ.

[Около 23 января, 1849].

Вѣрная Анни! Какъ буду я всегда благодаренъ Богу за то, что Онъ далъ мнѣ, во всѣхъ моихъ превратностяхъ, такого вѣрнаго, такого красиваго друга! Я былъ *глубоко* раненъ жестокими утвержденіями вашего письма, и, однако-же, я предвидѣлъ почти все.... Изъ глубины моего сердца я прощаю ей все, и простилъ-бы ей еще болѣе. *) Нѣкоторую часть вашего письма я не вполнѣ понимаю. Если ваши слова нужно понять такъ, что я нарушилъ мое обѣщаніе *вамъ*, я просто говорю, Анни, что я его не нарушилъ, и съ благословенія Бога не нарушу никогда. О, если бы *только* вы знали, какъ счастливъ я, будучи его во имя *васъ*. Вы никогда *не могли-бы* повѣрить, будто я нарушилъ его. Слухи—если были какіе-нибудь слухи—могли возникнуть, однако, благодаря тому, что я дѣлалъ въ Провиденсѣ въ тотъ страшный день—вы знаете, что я разумѣю:—о, я дрожу при одной мысли объ этомъ. Что... ея друзья будутъ дурно говорить обо мнѣ, это неизбежное зло—я долженъ это снести. На самомъ дѣлѣ, Анни, я начинаю быть болѣе мудрымъ, и не беспокоюсь болѣе, столь много, какъ дѣлалъ это раньше, о мнѣніяхъ людей, въ каковыхъ я вижу собственными моими глазами, что поступать великодушно разсматривается какъ

*) Рѣчь идетъ о Еленѣ Уитманъ К. В.

умысль, и что быть бѣднымъ значить быть негодяемъ. Я долженъ сдѣлаться богатымъ—богатымъ. Тогда все будетъ хорошо—но *до тѣхъ поръ* я долженъ принять, что мною будутъ злоупотреблять. Я глубоко сожалѣю, если Мистеръ Р. *) будетъ дурно думать обо мнѣ. Если вы можете разубѣдить его въ ошибкѣ—и во всемъ, дѣйствуйте за меня какъ вы сочтете наилучшимъ. Я отдаю мою честь, какъ я отдалъ-бы мою жизнь и душу, цѣликомъ въ ваши руки; но, въ этомъ одномъ, я скорѣе не довѣрилъ-бы никому другому, кромѣ вашей милой сестры.

Я влагаю въ конвертъ письмо къ Мистрисъ Уитманъ. Прочтите его—покажите его только тѣмъ, въ кого у васъ есть вѣра, и потомъ *запечатайте* его и отправьте изъ Бостона. Когда придетъ ея отвѣтъ, я пошлю его вамъ: это убѣдитъ васъ въ правдѣ. Если она откажется отвѣтить, я напишу Мистеру Крокеру. Кстати, если вы знаете точное его имя и адресъ, пошлите мнѣ... Но пока вы и ваши любятъ меня, что нужды мнѣ беспокоиться объ этомъ жестокомъ, несправедливомъ, расчетливомъ мнрѣ?... Во всѣхъ моихъ душевныхъ тревогахъ и затрудненіяхъ, я все чувствую въ тайникахъ души моей какую-то *божественную радость* — счастье невыразимое—которое, кажется, ничто не нарушить.

Я надѣюсь, что Мистеръ К. здоровъ. Напомните ему обо мнѣ, и спросите его, видѣлъ-ли онъ мое „Разсужденіе о Стихѣ“, въ послѣднихъ Октябрьскомъ и Ноябрьскомъ номерахъ *Southern Literary Messenger*.... Я такъ дѣятеленъ теперь, и чувствую столько энергіи. Приглашенія писать сыплются на меня каждый день. За послѣднюю недѣлю у меня было два предложенія изъ Бостона. Вчера я послалъ статью въ *American Review*: о „Критикахъ и Критикѣ“. Не такъ давно я послалъ въ *Metropolitan* очеркъ подъ названіемъ „Коттэджъ Лэндора“: тамъ

*) М-ръ Ричмондъ, мужъ Анни. К. Б.

есть нѣчто объ Анни, появится это, какъ я думаю, въ Мартовскомъ номерѣ. Въ *Южный Литературный Вѣстникъ* я послалъ пятьдесятъ страницъ „Замѣтокъ на поляхъ“, по пяти страницъ на каждый мѣсяцъ въ текущемъ году. Я прочно договорился также съ каждымъ журналомъ въ Америкѣ (кромя *National* Питерсона), включая одинъ Цинцинатскій журналъ, называемый *The Gentlemen's*. Такимъ образомъ, вы видите, что мнѣ нужно только твердо держаться въ бодромъ настроеніи, чтобы выйти изъ всѣхъ моихъ денежныхъ затрудненій. *Наименьшая* цѣна, которую я получаю, это 5 долларовъ за „страницу Грэма“, и я легко могу среднимъ счетомъ написать $1\frac{1}{2}$ страницы въ день, то-есть, заработать $7\frac{1}{2}$ долларовъ. Какъ только „денежные переводы“ придутъ, я выйду изъ затрудненія. Я прочелъ, что Годи объявляетъ какую-то мою статью, но я совершенно не вѣдаю, что бы это было. Вы просите меня, Анни, чтобы я указалъ вамъ какую-нибудь книгу для чтенія. Видѣли-ли вы „*Ресу Ванторп*“, Мистрисъ Горъ? Вы можете достать эту книгу въ любомъ агентствѣ. Я читалъ ее послѣдніе дни съ глубокимъ интересомъ, и извлекъ изъ нея также и большое *утѣшеніе*. Въ ней разсказывается стезя одного литературнаго дѣятеля, и дается справедливая точка зрѣнія на истинныя задачи и истинныя достоинства литературнаго характера. Прочтите ее ради меня.

Но въ одномъ пребудете увѣрены, Анни, — отъ этого дня впредь я избѣгаю чумнаго общества *литературныхъ женщинъ*. Это безсердечная, противоестественная, ядовитая, безчестная *шайка*, безъ какого-либо руководящаго принципа, кромя безудержнаго самопочитанія. Мистрисъ Осгудъ есть *единственное* исключеніе, которое я знаю.... Подѣлуйте отъ меня маленькую Кэди, и поклонитесь отъ меня Мистеру Р. и *всѣмъ*.

За послѣднія двѣ недѣли у меня была чрезвычайно беспокойная головная боль...

[Подписи нѣтъ].

ЭДГАРЪ ПО КЪ АННИ.

Четвергъ—8 го.

Милая Анни, — Моя мать какъ разъ отправляется въ городъ, гдѣ, я надѣюсь, она найдетъ нѣжное письмо отъ васъ или отъ Сары; но я уже такъ давно не писалъ вамъ, что я *долженъ* послать вамъ нѣсколько словъ, чтобы дать вамъ возможность ведѣть и *чувствовать*, что Эдди, даже когда онъ молчитъ, хранить васъ всегда въ своемъ умѣ и сердцѣ — я былъ такъ занятъ, Анни, все время съ тѣхъ поръ какъ я вернулся изъ Провиденса — шесть недѣль тому назадъ. Дня не пропускалъ я безъ того, чтобы не написать отъ страници до трехъ страницъ. Вчера я написалъ пять, а за день передъ этимъ поэму, значительно болѣе длинную, чѣмъ „Воронъ“. Я назвалъ ее „Колокола“. Какъ мнѣ хочется, чтобы Анни увидала ее! Ея мнѣніе въ этой области такъ дорого мнѣ — во *всемъ* оно для меня есть нѣчто — но въ поэзіи особенно. И, Сара, тоже.... Я сказалъ ей, когда мы были въ В—, что врядъ-ли я когда-либо зналъ кого-нибудь съ такой острой способностью различенія того, что есть *дѣйствительно* поэтическое. Пять прозаическихъ страницъ, которыя я вчера кончилъ, называются — какъ-бы вы думали? — увѣренъ, что вы никогда не отгадаете — „Гонъ-Фрогъ“, „Лягушка-Попрыгушка“! Подумайте только о *вашемъ* Эдди, который пишетъ рассказъ съ *такимъ* названіемъ какъ „Лягушка-Попрыгушка“. Вы никогда не догадались-бы по названію о содержаніи (которое страшно), въ этомъ я увѣренъ. Онъ будетъ напечатанъ въ одномъ еженедѣльникѣ въ Бостонѣ... не очень почтенный журналъ, быть можетъ, съ литературной точки зрѣнія, но онъ даетъ столь высокую плату. Собственникъ написалъ мнѣ, предлагая около 5 долларовъ за „Грээмовскую страницу“, а я хлопочу о томъ, чтобы выйти изъ моихъ денежныхъ затрудненій, и потому принялъ предложеніе. Онъ даетъ

также 5 долларовъ за сонеть; приглашены Мистрисъ Осгудъ, Паркъ Бенджэминъ, и Мистрисъ Сигурни. Я думаю, что „Колокола“ появятся въ *Американскомъ Обозрѣннн*. Я не получилъ еще никакого отвѣта отъ Мистрисъ Уитманъ... Я полагаю, что ея мать перехватила письмо и никогда сѣ его не отдасть....

Милая мать говорить, что она напишетъ вамъ *длинное* письмо дня черезъ два, и расскажетъ вамъ, *какой я хороший*. Она въ большомъ подъемѣ отъ моихъ плановъ и отъ нашихъ надеждъ скоро увидѣтъ Анни. Мы сказали нашему домохозяину, что мы не найдемъ домъ на слѣдующій годъ. Не позволяйте, однако-же, Мистеру Р. дѣлать какія-либо устройства для насъ въ —, или В—, потому что, будучи бѣдны, мы такъ часто рабы обстоятельствъ. Во всякомъ случаѣ, мы оба прїѣдемъ и увидимъ васъ, и проведемъ съ вами недѣлю раннею весной, или еще до этого—но мы вамъ сообщимъ обо всемъ заблаговременно. Мать шлетъ свою самую сердечную-сердечную любовь вамъ и Сарѣ и *всѣмъ*. А теперь прощайте, моя *милая Анни*. —

Вашъ собственный Эдди.

ЭДГАРЪ ПО КЪ АННИ.

Фордгамъ, Февраля 19-го, Воскресенье.

Нѣжный мой Другъ и Сестра,—Я боюсь, что въ этомъ письмѣ, которое я пишу съ тяжелымъ сердцемъ, вы найдете много того, что разочаруетъ и огорчитъ васъ—ибо я долженъ отказаться отъ моего предположеннаго посѣщенія—и одинъ Богъ знаетъ, когда я увижу васъ, и сожму вашу руку. Я пришелъ къ этому рѣшенію сегодня, послѣ того какъ перечелъ нѣкоторыя изъ вашихъ писемъ ко мнѣ и къ моей матери, написанныя съ тѣхъ поръ какъ я оставилъ васъ. Вы не *сказали* этого мнѣ, но я былъ

способенъ уловить изъ того, что вы *сказали*, что Мистеръ Р— позволилъ себѣ (быть можетъ не зная этого) подчиниться враждебному для меня вліянію, благодаря злокозненнымъ для меня искаженіямъ со стороны Мистера и Мистрисъ—. Но я чистосердечно признаюсь вамъ, милая Анни, что я гордъ, хотя я никогда не показывалъ себя гордымъ вамъ или вашимъ, и никогда не покажу. Вы знаете, что я поссорился съ — только изъ-за васъ и Мистера Р. Интересъ мой явно требовалъ, чтобы я сохранялъ съ ними отношенія; и, кромѣ того, они оказали мнѣ нѣкоторыя услуги, которыя давали имъ право на мою благодарность, до тѣхъ поръ какъ я не открылъ, что они трубили о своихъ благодѣяніяхъ по всему міру. Итакъ благодарность, такъ же какъ интересъ, могли побудить меня не оскорблять ихъ; и оскорбленія, которыя нанесла мнѣ самому Мистрисъ —, были недостаточны, чтобы заставить меня порвать съ ними. И тогда лишь только, когда я услышалъ ихъ говорящими... что вашъ мужъ есть все что угодно достойное презрѣнія... тогда лишь только, когда такія оскорбленія были нанесены *вамъ*, кого я искренно и самымъ чистымъ образомъ любилъ, и Мистеру Р—, къ которому я имѣлъ всѣ основанія относиться съ симпатіей и уваженіемъ, я всталъ и оставилъ ихъ домъ, и обезпечилъ непримиримую месть того худшаго изъ дьяволовъ-враговъ, что называется „женщина, которую презрели“. Чувствуя все это, я не могу не думать, что Мистеръ Р. поступаетъ недобрымъ образомъ, когда онъ, въ то время какъ я отсутствую и не способенъ защищать себя, продолжаетъ слушать то, что эти люди говорятъ въ поношеніе мое. Я не могу не думать, кромѣ того, что это самый необъяснимый примѣръ слабости—тупости—въ которой когда-либо былъ повиненъ, въ предѣлахъ моего знанія, *мужчина*: женщинъ легче заманить въ подобное. Во имя Бога, чего иного я могъ ожидать въ отвѣтъ на оскорбленіе, которое я нанесъ сума-

шедшему тщеславію и самопочитанію Мистрисъ — какъ не тому, что она наполнить остатокъ дней своихъ раскапываніемъ всего міра, чтобы найти какую-нибудь клевету въ ущербъ мнѣ (и чѣмъ лживѣе, тѣмъ лучше для ея цѣлей) и въ фабрикованіи обвиненій тамъ, гдѣ она не сможетъ найти ихъ готовыми? Конечно, я не предполагалъ съ ея стороны иной линіи поведенія; но съ другой стороны, я, конечно, не предполагалъ, что какой-либо чело-вѣкъ, *владѣющій своимъ разумомъ*, когда-либо захочетъ слушать обвиненія, проистекающія изъ такого подозрительнаго источника... Не только я *не* навѣщу васъ въ — , но я долженъ болѣе не посылать писемъ вамъ, и вы мнѣ. Я не могу и не *хочу* имѣть это на своей совѣсти, что я вмѣшался въ семейное счастье единственного существа въ цѣломъ мірѣ, которое я любилъ, въ одно и то же время правдиво и чисто—я не *только* люблю васъ, Анни, я восторгаюсь вами и уважаю васъ еще болѣе — и Небу вѣдомо, нѣтъ ни одной частицы себялюбія въ преклоненіи моемъ—я не прошу ничего для самого себя, я хочу только вашего *собственного* счастья — и благоприятнаго истолкованія этихъ клеветъ, которыя, во имя васъ, я претерпѣваю теперь отъ этой подлой женщины—и которыя во имя васъ, *милая*, я охотнѣйшимъ образомъ претерпѣлъ-бы, еслибъ они были умножены до стократности—клеветы эти, Анни, на самомъ дѣлѣ, вовсе не ранятъ меня и не причиняютъ мнѣ ущерба, кромѣ того, что они лишаютъ меня вашего общества—ибо вашей привязанности и уваженія, я *чувствую*, они не могутъ лишить меня никогда. Что касается ущерба, который могутъ причинить мнѣ лжи этихъ людей, не тревожьтесь объ этомъ—это вѣрно, что „Адъ не имѣетъ такой фуріи какъ женщина, которую презрели“, но я уже встрѣчался съ такимъ мщеніемъ раньше, на гораздо болѣе высокихъ основаніяхъ; то-есть, изъ-за чего-то гораздо менѣе священнаго, чѣмъ то, что я чувствую какъ защиту вашего добраго имени.

Я презрѣлъ Мистрисъ Э— просто потому, что она возмущала меня, и до сего дня она никогда не прекращала своихъ *анонимныхъ* преслѣдованій. Но къ чему они свелись? Она не лишила меня ни одного друга изъ тѣхъ, кто меня зналъ и однажды довѣрялъ мнѣ—ни, съ другой стороны, не принизила меня ни на одинъ дюймъ въ общественномъ мнѣнїи. Когда она дерзнула зайти слишкомъ далеко, я тотчасъ возбудилъ противъ нея преслѣдованіе (черезъ ея жалкихъ сообщниковъ), и взыскалъ примѣрные протори и убытки—какъ, безъ сомнѣнія, я сдѣлаю тотчасъ, въ случаѣ, если Мистеръ—посмѣетъ сказать хоть одно *подсудное* слово... Вы видите теперь, милая Анни, какъ и почему это, что моя Мать и я самъ, мы не можемъ посѣтить васъ, какъ мы предполагали... Моимъ намѣреніемъ было попросить васъ и Мистера Р. (или быть можетъ, вашихъ родителей) дать возможность моей Матери столоваться у васъ, въ то время какъ я буду на Югѣ, и я намѣревался отправиться туда послѣ того какъ пробуду съ вами одну недѣлю—но всѣ мои планы теперь разстроились—я взялъ котѣджъ въ Фордгамъ еще на годъ—Время, милая Анни, покажетъ все. Да будетъ сердце ваше спокойно, я никогда не перестану думать о васъ, и буду хранить въ умѣ *два* торжественныя обѣщанія, которыя я вамъ сдѣлалъ—Одно я исполняю благоговѣнно, а другое (въ этомъ да поможетъ мнѣ Небо!) рано или поздно будетъ исполнено.

Всегда вашъ близкій другъ и братъ,
Эдгаръ.

ЭДГАРЪ ПО КЪ АННИ.

Марта 23 го, 1849.

Анни не хочеть сообщить тайну относительно Вестфорда? Не сдѣлалъ-ли я чего-нибудь, что заставило васъ

„потерять надежду“? Милая Анни, я очень счастливъ, что могу доставать Мистеру Р. доказательство чего-нибудь, въ чемъ, повидимому, онъ сомнѣвался во мнѣ...

Я посылаю также строки „Къ Анни“—и не захотите-ли вы сообщить мнѣ, какое они оказали на васъ впечатлѣніе. Я послалъ ихъ въ *Flag of our Union*. Кстати получили-ли вы „Гопъ-Фрога“? Я послалъ его почтой, не зная, видите-ли вы это изданіе. Съ прискорбіемъ сообщаю, что *Metropolitan* прекратился, и „Коттэджъ-Лэндора“ мнѣ вернули не напечатаннымъ. Я думаю, что строки „Къ Анни“, (которыя я вамъ сейчасъ посылаю), гораздо *лучше всего*, что я до сихъ поръ написалъ, но авторъ рѣдко способенъ самъ судить о своихъ собственныхъ произведеніяхъ, и потому я хочу знать, что Анни *истинно* думаетъ о нихъ—и также ея милая сестра—и Мистеръ К.—

Не выпускайте стиховъ изъ *вашихъ рукъ* до тѣхъ поръ, пока вы не увидите ихъ въ печати—потому что я продалъ ихъ издателю *Флага*... Поклонитесь отъ меня всѣмъ.

[Подписи нѣтъ].

ЭДГАРЪ ПО КЪ АННИ.

[Безъ даты].

Анни, вы увидите изъ этого письма, что я почти, если не совсѣмъ, здоровъ—не беспокойтесь-же больше обо мнѣ. Я былъ не настолько боленъ, какъ предполагала моя мать, и она такъ обо мнѣ беспокоится, что поднимаетъ тревогу часто безъ причины. Я не столько былъ *боленъ*, сколько въ очень подавленномъ настроеніи—я не могу вамъ выразить, какъ страшно я страдалъ отъ меланхолии... Вы знаете, какъ весело писалъ я вамъ недавно—о моихъ планахъ—надеждахъ—какъ я предвидѣлъ, что

вскорѣ выйду изъ затрудненія. Ну и вотъ! по видимости, все это разрушилось — по крайней мѣрѣ, въ настоящее время. Какъ обычно, злополучіе никогда не приходитъ въ одиночку, и я испыталъ одно разочарованіе за другимъ. Прежде всего *Columbian Magazine* обанкротился, потомъ *Union* (уничтоживъ главные мои расчеты); потомъ *Whig Review* долженъ былъ прекратить подписку — затѣмъ *Democratic*, потомъ (изъ-за угнетенія и наглости) я вынужденъ былъ поссориться окончательно съ — ; и потомъ, въ довершеніе всего, „— —“ (отъ какового журнала я ожидалъ столько, и заключилъ съ нимъ, при этомъ, правильный договоръ о десяти долларахъ въ недѣлю въ теченіи года), обратился къ своимъ корреспондентамъ съ циркуляромъ, сообщая о своей бѣдности и отклоняя дальнѣйшій приемъ какихъ-либо статей. Это еще не все, *S. L. Messenger*, который долженъ мнѣ изрядную сумму, какъ разъ не можетъ ее уплатить, и, цѣликомъ, я сведенъ на Сартэна и Грэма, причемъ оба чрезвычайно ненадежны. Безъ сомнѣнія, Анни, вы припишете мое „мрачное состояніе“ этимъ событіямъ — но вы ошибетесь. Это не во власти какихъ-либо чисто *мірскихъ* соображеній, подобныхъ даннымъ, пригнестя меня... Нѣтъ, моя печаль *необъяснима*, и это дѣлаетъ меня еще болѣе печальнымъ. Я полонъ мрачныхъ предчувствій. *Ничто* меня не радуетъ и не веселитъ. Жизнь моя представляется мнѣ опустошенной, будущее точно угрюмый пробѣлъ: но я буду бороться и „надѣяться вопреки надеждѣ“. Что вы думаете? Я получилъ письмо отъ Мистрисъ Л — и какое письмо! Она говоритъ мнѣ, что собирается напечатать подробный рассказъ обо *всемъ*, что произошло между нами, въ формѣ романа, съ вымышленными именами, и пр., — что она представить меня благороднымъ, великодушнымъ, и пр., и пр. — отнюдь не дурнымъ — „что она отдастъ справедливость моимъ мотивамъ“, и пр., и пр. Она спрашиваетъ, „не имѣю-ли я сдѣлать какихъ-либо указаній“. Если я

не отвѣчу въ теченіи двухъ недѣль, книга поступить въ печать какъ она есть—и болѣе чѣмъ все это—она медленно прибываетъ, чтобы увидѣть меня въ Фордгамъ. Я не отвѣтилъ—нужно? и что? „Другъ“, который послалъ строки *) въ *Note Journal*, былъ другомъ, который любить васъ наилучшимъ образомъ—я самъ. *Флагъ* такъ дурно напечаталъ ихъ, что я рѣшился имѣть вѣрную копию. Въ редакціи *Флага* есть еще двѣ мои вещи — „Сонетъ къ моей Матери“ и „Коттэдждъ Лэндора“. Я написалъ балладу, которая называется „Аннабель-Ли“, и скоро пошлю ее вамъ. *Почему* вы не посылаете рассказъ, о которомъ вы говорили?

[Подпись нѣтъ].

ЭДГАРЪ ПО КЪ АННИ.

Фордгамъ, — Іюня 16-го.

Вы просили меня, чтобы я написалъ вамъ, предъ тѣмъ какъ я выѣду въ Ричмондъ, а я долженъ былъ выѣхать въ прошлый понедѣльникъ (11-го) — такимъ образомъ, быть можетъ, вы думаете, что я уже уѣхалъ, не написавъ и не сказавши „Прощайте“—но, по-истинѣ, Анни, я не могъ этого сдѣлать. Дѣло въ томъ, что, съ тѣхъ поръ какъ я написалъ, я каждый день готовъ былъ уѣхать—и, такимъ образомъ, откладывалъ новое письмо до послѣдней минуты—но меня ждало разочарованіе—и я не могу болѣе удержаться отъ того, чтобы не послать вамъ хоть нѣсколько строкъ, показать вамъ, *почему* я такъ долго молчалъ. *Когда* я могу теперь уѣхать, это недостоверно—но, быть можетъ, я могу уѣхать завтра, или черезъ день:—все зависитъ отъ обстоятельствъ, находящихся внѣ моего контроля....

*) Рѣчь идетъ о стихотвореніи „Къ Анни“.—Томъ 1-й Русскаго изданія. К. Б.

Видѣли-ли вы „Мораль для Авторовъ“, новую сатиру Д. Э. Тьюила?—Кто, во имя Неба, есть этотъ Д. Э. Тьюиль? Книга жалостна, тупоумна. Онъ написалъ длинную пародію на „Ворона“—на самомъ дѣлѣ, почти все мѣтитъ, какъ кажется, въ меня. Если вы не видали этой книги и хотите увидѣть, я вамъ ее пошлю... Отъ Мистрисъ Л.—еще никакихъ новостей. Если она прибудетъ сюда, я откажусь ее видѣть. Поклонитесь отъ меня вашимъ родителямъ, Мистеру Р.—и другимъ.—А теперь Небо да благословитъ васъ навсегда—

Эдди.

Моя Мать посылаетъ вамъ самую нѣжную—самую преданную любовь.

МИСТРИСЪ КЛЕММЪ КЪ АННИ.

Юля 9-го, 1849.

Эдди уѣхалъ десять дней тому назадъ, а я еще не получила отъ него ни слова. Будете ли вы удивляться, что я совершенно *какъ безумная*? Я боюсь всего.... Будете-ли вы удивляться, что у него такъ мало довѣрія къ кому-либо? Развѣ не страдали мы отъ самой черной измѣны?... Эдди долженъ былъ ѣхать черезъ Филадельфію, и какъ я боюсь, что онъ запутался тамъ въ какія-нибудь трудности; онъ *такъ* искренно обѣщалъ мнѣ написать оттуда. Я должна была получить отъ него письмо въ послѣдній Понедѣльникъ, а теперь уже опять Понедѣльникъ—и ни слова... О, если что-нибудь злое случилось *съ нимъ*, что сможетъ утѣшить меня? День спустя послѣ того какъ онъ уѣхалъ изъ Нью-Йорка, я уѣхала отъ Мистрисъ Люисъ и отправилась домой. Я зашла къ богатой родственницѣ, которая дала мнѣ много обѣщаній, но никогда она не знала на-

шего положенія. Я чистосердечно рассказала ей... Она предложила мнѣ оставить Эдди, сказавъ, что онъ отлично сумѣеть устроиться и самъ... Чтобы кто-нибудь предложилъ *мнѣ* оставить моего Эдди—какое жестокое оскорбленіе! Никого, чтобы утѣшить и успокоить его, кромѣ меня; никого, чтобы позаботиться о немъ и походить за нимъ, когда онъ боленъ и безпомощенъ! Смогу-ли я когда-нибудь забыть то милое, нѣжное лицо, такое спокойное, такое блѣдное, и эти милые глаза, смотрящіе на меня такъ печально, въ то время какъ она сказала, „Любимая, любимая Мѣдди, ты будешь утѣшать его и будешь заботиться о моемъ бѣдномъ Эдди—ты *никогда, никогда* не оставишь его? Обѣщай мнѣ, дорогая моя Мѣдди, и тогда я умру спокойно“. И я *обѣщала*. И когда я встрѣчу ее въ Небѣ, я могу сказать, „Я сдержала свое слово, моя любимая“... Если Эдди благополучно пріѣдетъ въ Ричмондъ и успѣеть въ томъ, что онъ задумалъ, мы нѣсколько освободимся отъ нашихъ затрудненій; но, если онъ вернется домой въ тревогѣ и больной, я не знаю, что будетъ съ нами.

М. К.

МИСТРИСЪ КЛЕММЪ КЪ АННИ.

Октября 8-го, 1849.

Анни, мой Эдди *мертъвъ*. Онъ умеръ въ Балтиморѣ вчера. Анни! Молитесь за меня, вашего покинутого друга. Чувства мои *хотятъ меня оставить*. Я напишу въ ту же минуту, какъ только узнаю подробности. Я написала въ Балтимору. Напишите и посоветуйте мнѣ, что дѣлать.

Вашъ помраченный другъ,

М. К.

МИСТРИСЪ КЛЕММЪ КЪ НЭЙЛЬСОНУ ПО *).

Нью-Йоркъ, Октября 9-го—45.

Дорогой Нэльсонъ,—я только что услышала о смерти моего дорогого сына Эдгара—я не могу повѣрить въ это, (неразборчиво) написала вамъ, чтобы спросить и узнать о событіи и подробностяхъ—онъ былъ на Югѣ послѣдніе три мѣсяца и возвращался домой—газеты утверждаютъ, что онъ умеръ въ Балтиморѣ вчера—Если это такъ, истинный Богъ да сжалятся надо мною, ибо онъ былъ послѣднее, къ чему я могла прилѣпиться и любить. Напишите мнѣ, прошу васъ, тотчасъ-же, какъ вы получите это, и освободите меня отъ этой ужасной неувѣренности—мой умъ приготовленъ *услышать все*—не скрывайте ничего отъ меня.

Вашъ опечаленный другъ,

Марія Клеммъ.

АННИ КЪ МИСТРИСЪ КЛЕММЪ.

Октябрь, 1849,

Среда утро.

О, моя мать, моя любимая, любимая мать, о, что скажу я вамъ—какъ смогу я утѣшить васъ—о, мать, это кажется большимъ, чѣмъ я могу вынести—и когда я думаю о васъ, его матери, которая потеряла все свое, я чувствую, что это не должно, нѣтъ, это не можетъ быть—о, если-бы я только могла васъ видѣть. Сдѣлайте это, я умоляю васъ, поспѣшите къ Анни, какъ только возможно—придите ко мнѣ, милая мать, я буду вамъ дѣйствительно

*) Нэйльсонъ По—троюродный братъ поэта. Въ волненіи Мистрисъ Клеммъ помѣтила 1845 годъ, вмѣсто 1849, и Нэльсонъ вмѣсто Нэйльсонъ. К. В.

дочерью—о, если бы я только могла отдать мою жизнь за его, чтобы онъ могъ быть сохраненъ для васъ—но, мать, это воля Бога и мы должны подчиниться; и Небо дастъ намъ силы снести это,—мы скоро (въ самомъ позднемъ случаѣ) встрѣтимъ любимаго и потеряннаго для насъ здѣсь, въ томъ благословенномъ мѣрѣ, гдѣ нѣтъ разставаній—ваше письмо въ это мгновеніе пришло ко мнѣ, но я видѣла извѣстіе объ его смерти, за нѣсколько мгновеній передъ этимъ, въ газетѣ—о, мать, когда я читала это, я сказала нѣтъ, нѣтъ, это неправда, мой Эдди не можетъ быть мертвымъ, нѣтъ, это не такъ, я не могла повѣрить въ это, пока я не получила ваше письмо, даже теперь, это кажется невозможнымъ, потому что, какъ же это можетъ быть—какъ могу я перенести это—и, о, какъ можетъ его бѣдная, бѣдная мать перенести это и жить—о, Боже, развѣ это не слишкомъ много, простите мнѣ, мать, но я не могу вынести, подчиниться безъ ропота, я знаю, это дурно, но, мать, я не могу—если бъ мое собственное было взято, я могла-бы примириться и утѣшиться, потому что у меня добрые родители, братъ и сестра остались, но онъ былъ все ея—Боже, сжался, утѣшь и поддержи ее, потому что это больше, чѣмъ она можетъ вынести—простите меня, если я предаю новую пытку къ вашей печали, милая мать, но собственное мое сердце разрывается, я не могу предложить вамъ утѣшеніе, котораго хотѣла-бы, теперь, но, мать, я буду молиться за васъ, и за себя, чтобы я могла быть способной утѣшать васъ—Мистеръ Р. просить, чтобы вы пріѣхали сюда, такъ скоро, какъ вы только можете, и оставались-бы съ нами такъ долго, какъ вамъ будетъ хотѣться—сдѣлайте это, милая мать, соберите всѣ его бумаги и книги и возьмите ихъ, и пріѣзжайте къ вашей родной Анни, которая сдѣлаетъ все, что въ ея власти, чтобы вамъ было хорошо и чтобы вы примирились съ горькимъ удѣломъ, который повелѣло для васъ Небо—не отказывайте мнѣ въ этомъ преимуществѣ, милая

мать, мое сердце почти порвется, если вы не приѣдете— напишите мнѣ, хоть бы одно только слово, такъ скоро, какъ только получите это—почта закрывается черезъ 10 минутъ. Я должна кончить—моя любимая, любимая мать, Богъ на небѣ да благословить и да поддержитъ васъ, и да приведетъ васъ благополучно къ вашей собственной Вѣрной Анни.

НЭЙЛЬСОНЪ ПО КЪ МИСТРИСЪ КЛЕММЪ.

Балтимора, Октября 11-го, 1849.

Дорогая моя Сударыня,

Если-бы благоугодно было Богу, чтобы я могъ утѣшить васъ свѣдѣніемъ, что вашъ дорогой сынъ, Эдгаръ А. По, находится еще среди живыхъ. Газеты, сообщая о его смерти, сказали только правду, о которой можемъ скорбѣть и которую можемъ оплакивать, но не можемъ измѣнить. Онъ умеръ въ Воскресенье утромъ, около 5-ти часовъ, въ Вашингтоновской Медицинской Коллегіи, гдѣ онъ находился съ прошлой среды. Когда онъ прибылъ въ этотъ городъ, гдѣ проводилъ время, когда былъ здѣсь, или при какихъ обстоятельствахъ, объ этомъ получить свѣдѣнія я не могъ.

Оказывается, что въ среду его увидали и узнали въ одномъ изъ избирательныхъ мѣстъ въ старомъ городѣ, и что его состояніе было таково, что сдѣлалось необходимымъ отправить его въ Коллегію, гдѣ за нимъ ласково ухаживали до самой его смерти. Какъ только я услышалъ, что онъ въ Коллегіи, я отправился туда, но его врачи не сочли подходящимъ, чтобы я его увидѣлъ, потому что онъ очень легко возбуждался. На слѣдующій день я зашелъ и послалъ ему смѣны бѣлья, и т. п. Я съ радостью узналъ, что ему гораздо лучше, и никогда въ жизни я не былъ такъ потрясенъ, какъ въ Воскресенье утромъ, когда

мнѣ было послано сообщеніе, что онъ умеръ. Мистеръ Геррингъ и я самъ, мы немедленно приняли всѣ необходимыя мѣры для его похоронъ, которые произошли въ Понедѣльникъ въ четыре часа пополудни. Онъ лежитъ около своихъ предковъ на Пресвитеріанскомъ погостѣ на Green Street (Зеленая улица).

Я увѣряю васъ, дорогая моя Сударыня, что, если бы я зналъ, гдѣ письмо можетъ застать васъ, я сообщилъ бы вамъ своевременно печальную вѣсть, чтобы вы могли проводить его гробъ—но я совершенно не зналъ, куда адресовать вамъ. За тѣломъ шли до могилы Мистеръ Геррингъ, докторъ Снодгрессъ, Мистеръ Э. Коллинзъ-Ли (старый школьный товарищъ), и я. Служба была свершена Преподобнымъ В. Т. Д. Клеммомъ, сыномъ Джэмса Т. Клемма. Мистеръ Геррингъ и я, мы искали безуспѣшно чемоданъ и платье Эдгара. Есть основаніе думать, что у него украли ихъ, въ то время когда онъ былъ въ такомъ состояніи, которое его дѣлало нечувствительнымъ къ потерѣ.

Я не буду предпринимать бесполезной задачи утѣшенія васъ при такой потерѣ. Эдгаръ видѣлъ столько горя—у него было такъ мало основанія быть довольнымъ жизнью—что, для него, перемена врядъ-ли можетъ считаться злополучіемъ. Если она оставляетъ васъ одинокой въ этомъ мірѣ тревоги, въ этомъ мірѣ безпокойства, да будетъ даровано мнѣ дружеское преимущество выразить надежду, что въ размышленіи о мірѣ, къ которому онъ ушелъ, и къ которому мы всѣ поспѣшаемъ, вы найдете прочныя и вседостаточныя утѣшенія. Я буду радъ всегда получить отъ васъ вѣсть и облегчить всяческимъ образомъ, насколько это въ моей власти, печали, которымъ эта утрата можетъ подвергать васъ. Я хочу только, чтобы эта моя способность была равной моему расположенію.

Жена моя присоединяется ко мнѣ въ выраженіи сочувствія.

Истинно вашъ другъ и слуга
Нэйльсонъ По.

МАРІЯ КЛЕММЪ КЪ АННИ.

Октября 13-го 1849.

Моя собственная, самая дорогая Анни,—я не обманулась въ васъ, вы *еще* хотите, чтобы бѣдный вашъ одинокій другъ пріѣхалъ къ вамъ.... Я написала бѣдной Эльмирѣ и жду ея отвѣта. Уже хлопочуть о томъ, чтобы опубликовать произведенія моего *утраченнаго любимица*...— Я получила нѣсколько соболѣзнующихъ писемъ, и одно, которое по-истинѣ доставило мнѣ утѣшеніе. Нэйльсонъ. По изъ Балтиморы написалъ мнѣ, и говорить, что онъ умеръ въ Вашингтоновскомъ Медицинскомъ Коллѣджѣ, не въ Госпиталѣ, и отъ прилива крови къ мозгу, а не отъ того, въ чемъ обвиняють его подлыя, подлыя газеты. Съ нимъ было много добрыхъ друзей, и до могилы его провозжали Балтиморскіе литераторы, и многіе друзья. *Сильное возбужденіе* (и безъ сомнѣнія кака-нибудь неосторожность) вызвали это; у него ни разу не было промежутка сознанія. Я не могу вамъ рассказать всего теперь.... Они теперь цѣнятъ его и хотятъ отдать справедливость его возлюбленной памяти. Они хотятъ воздвигнуть монументъ его памяти. Нѣкоторыя изъ газетъ, правда, почти всѣ, отдають ему должное. Я влагаю въ конвертъ статью изъ одной Балтиморской газеты. Но это, милая моя Анни, не возстановитъ его. Никогда, о, никогда не увижу я эти милые, ласковые глаза. Я чувствую себя *такой брошенной, такой злосчастной, лишенной дружбы, и одной*... Я получила красивое письмо отъ Генерала Морриса; онъ истинно любилъ его. У него было много друзей, но какъ мало ему въ томъ пользы *теперь*. Мнѣ нужно идти изъ дому—къ его дому сегодня, чтобы привести въ порядокъ его бумаги. О, чего только я не вынесу...

М. К.

АННИ КЪ МИСТРИСЪ КЛЕММЪ.

Понедѣльникъ, утро, Октября 14-го.

Моя любимая Мать, — Ваше милое письмо въ эту минуту достигло меня, и какъ оно обрадовало меня! Я такъ благодарна вамъ за то, что вы говорите, что пріѣдете, и такъ боялась, что ваши Нью-Йоркскіе друзья убѣдятъ васъ остаться съ ними до весны, но благодарю Небо, благословенное преимущество дорогого вашего общества эту зиму будетъ моимъ — и, милая Мать, не захотите-ли вы захватить съ собою все бумажн нашего любимца, драгоценнаго Эдди, все, что вы не отдаете издателямъ, и его напечатанныя произведенія тоже? Здѣсь такъ мало что можно получить изъ его сочиненій — „S. L. Messenger“, — „Literary World“, „Broadway Journal“, и пр., и пр., мы никогда не видимъ, они здѣсь вовсе не получаютъ. — Если у васъ будетъ чемоданъ и вы все положите туда и захватите съ собою, вамъ ничего это не будетъ стоить, милая мать, — сдѣлайте такъ, прошу васъ, потому что все, что онъ написалъ, дорого для меня, и это моя единственная отрада теперь. О, мать, любимая, любимая мать, возможно-ли, что онъ никогда, никогда болѣе не напишетъ мнѣ? Я ждала такъ долго, и теперь, зная, что этого никогда не можетъ быть, о, мать, это несправедливо, я не могу вынести этого спокойно, я не могу еще видѣть, почему, или какъ, это можетъ быть къ лучшему; Богъ да даруетъ мнѣ, чтобы я могла. — Я съ такой благодарностью вижу эти добрыя замѣтки о немъ, потому что мое сердце такъ терзалось, о мать, это такъ жестоко со стороны тѣхъ, которые завидовали ему, когда онъ былъ живъ, говорить такъ жестоко о немъ, когда онъ ушелъ — но какъ вы сказали, что въ томъ, онъ никогда объ этомъ не узнаетъ, а друзья его будутъ только еще больше любить его память. — Напишите мнѣ, въ какой

день вы будете здѣсь, чтобы я встрѣтила васъ на станціи, дорогая мать.— У меня есть небольшая сумма, отложенная для васъ,—сохранить-ли мнѣ ее до вашего пріѣзда, или послать вамъ въ письмѣ? Скажите мнѣ, любимая мать, когда вы будете отвѣчать мнѣ на это письмо.—Пріѣзжайте поскорѣй, какъ только будетъ можно, для васъ уже готова небольшая комната, гдѣ у васъ будетъ свой собственный каминъ, и я постараюсь, чтобы вамъ было уютно—приготовьтесь остаться у насъ надолго, вѣдь такъ?—захватите съ собою все, что вамъ дорого, у меня много мѣста, чтобы сложить вещи; не разставляйтесь ни съ чѣмъ, что вы хотѣли бы сохранить, изъ боязни, что это причинитъ мнѣ неудобство, потому что никакого неудобства не будетъ, только пріѣзжайте. Мистеръ Р—посылаетъ вамъ самыя ласковыя привѣтствія,—онъ ждетъ, чтобы отнести это письмо на почту. Небо да благословитъ васъ, моя любимая, любимая мать!

Ваша собственная любящая и вѣрная
Анни.

Р. S. Если у васъ есть какія-нибудь письма Мистрисъ Локки, или къ вамъ, или отъ васъ, не уничтожайте ихъ, но захватите ихъ съ собою, для этого есть особое основаніе, я объясню вамъ, когда я увижу васъ.—Не забудьте написать, послать-ли вамъ деньги и когда вы будете здѣсь.

Д-ръ МОРАНЪ КЪ МИСТРИСЪ КЛЕММЪ.

Морской Госпиталь города Балтиморы,
Ноября 15, 49.

Дорогая моя Сударыня, — Я пользуюсь первымъ-же случаемъ отвѣтить вамъ на ваше письмо отъ 9-го сего мѣсяца, которое я получилъ со вчерашней почтой...

Но перейдемъ къ требуемымъ свѣдѣніямъ. Предполагая, что вы уже знаете о болѣзни, отъ которой умеръ Мистеръ По, я долженъ только въ сжатомъ видѣ дать вамъ подробности всѣхъ обстоятельствъ его касающихся, отъ его поступленія въ Госпиталь до его кончины.

Когда его принесли въ Госпиталь, онъ не сознавалъ своего состоянія—кто его принесъ или съ кѣмъ онъ былъ. Онъ оставался въ этомъ положеніи отъ пяти часовъ пополудни—часъ его принятія—до трехъ слѣдующаго утра. Это было 3 Октября.

За этимъ состояніемъ послѣдоваль трепеть всѣхъ членовъ, и сначала безпокойный бредъ, но не буйный и не дѣятельнаго свойства—непрерывное говореніе—и отсутствующій разговоръ съ призрачными и воображаемыми предметами на стѣнахъ. Лицо его было блѣдно и все его тѣло взмокло отъ испарины. Мы не могли достигъ спокойствія его до втораго дня послѣ его принятія въ Госпиталь.

Оставивъ соответственныя распоряженія сидѣлкамъ, я былъ призванъ къ его постели какъ только наступило сознаніе, и спросилъ его объ его семьѣ, о мѣстожительствѣ, о родныхъ, и т. п. Но его отвѣты были безсвязны и неудовлетворительны. Онъ сказалъ мнѣ, однако, что у него жена въ Ричмондѣ (чего, какъ я узналъ послѣ, не было въ дѣйствительности) *), что онъ не зналъ, когда онъ уѣхалъ изъ этого города, и что сдѣлалось съ его чемоданомъ, въ которомъ была одежда. Желая подбодрить и поддержать его быстро падавшія надежды, я сказалъ ему, что, черезъ нѣсколько дней онъ будетъ, надѣюсь, способенъ наслаждаться обществомъ своихъ здѣшнихъ друзей, и что я былъ-бы очень счастливъ содѣйствовать всячески его доброму состоянію и утѣшенію. На это онъ

*) Эдгаръ По, конечно, разумѣлъ Эльмиру, которая была его невѣстой, и съ которой онъ долженъ былъ въ скорости обвѣнчаться. К. Б.

разразился очень сильной вспышкой, и сказалъ, что лучшее, что могъ-бы сдѣлать лучшій его другъ, это если-бы онъ пистолетною пулей пронзилъ его мозгъ — что, разъ увидѣвъ свое униженіе, онъ готовъ провалиться въ землю и т. п. Вскорѣ послѣ того какъ онъ далъ выраженіе этимъ словамъ, Мистеръ По, повидимому, задремалъ, и я оставилъ его не надолго. Когда я вернулся, я нашелъ его въ буйномъ бредѣ, противоборствующимъ усиліямъ двухъ сидѣлокъ удержатъ его въ постели. Это состояніе продолжалось до вечера Субботы (онъ былъ принятъ въ Среду), и тутъ онъ началъ звать какого-то „Рэйнольдса“ *); и онъ звалъ его всю ночь до *трехъ* часовъ утра Воскресенья. Въ это время очень рѣшительная перемѣна стала происходить съ нимъ. Ослабѣвъ отъ усилій, онъ сдѣлался тихимъ, и, казалось, отдыхалъ нѣкоторое короткое время; затѣмъ мягко двинувъ своей головой, онъ сказалъ, „*Господи, помоги моей бѣдной душѣ!*“ и испустилъ дыханіе.

Это, Сударыня, столь правдивый отчетъ, какой только я могъ сдѣлать по Записи его случая.

... Останки его были посѣщены нѣкоторыми изъ первыхъ людей города, многимъ изъ нихъ очень хотѣлось получить прядь его волосъ...

Почтительно вашъ

Д. Д. Моранъ, Завѣдующій Врачъ.

*) Среди друзей и знакомыхъ Эдгара По не было ни одного носящаго это имя. Гаррисонъ говоритъ, что Рэйнольдсъ былъ авторомъ „Слова объ Экспедиціи въ Южныя моря“ — каковой проектъ, когда-то, глубоко заинтересовалъ Эдгара По, и, безъ сомнѣнія, внушилъ ему замыселъ его „Повѣствованіе Артура Гордона Пима“. Къ Южному Полюсу уходилъ онъ мечтой, умирая.

МИСТРИСЪ КЛЕММЪ КЪ НЭЙЛЬСОНУ ПО.

Августа 19-го, 1860.

О, какъ верховно счастливы были мы въ нашемъ коттеджѣ, въ нашемъ миломъ домикѣ! Мы трое жили только другъ для друга. Эдди рѣдко оставлялъ свой красивый домъ. Я выполняла всѣ его литературныя хлопоты, потому что онъ, бѣдняга, ничего не понималъ въ денежныхъ дѣлахъ. Какъ бы онъ могъ, выросшій въ роскоши и экстравагантности?

Онъ проводилъ большую часть утра въ своей рабочей комнатѣ, и послѣ того какъ онъ кончалъ свою дневную задачу, онъ работалъ въ нашемъ красивомъ саду, богатомъ цвѣтами, или читалъ и произносилъ стихи намъ. Каждый, кто зналъ его *интимно*, любилъ его. Люди свѣдущіе говорили, что это лучший изъ всѣхъ *живущихъ* разговорщиковъ. У насъ было очень мало знакомыхъ, кромѣ какъ среди *литераторовъ*, но это было такъ очаровательно.

[Подписи нѣтъ].

МИСТРИСЪ КЛЕММЪ КЪ НЭЙЛЬСОНУ ПО.

Августа 26-го, 1860.

... Разсказъ о томъ, что онъ былъ невѣренъ ей *) или недобръ съ нею, совершенно ложенъ. Онъ былъ глубоко преданъ ей до послѣдняго ея смертнаго часа, какъ всѣ наши друзья могутъ свидѣтельствовать. Я прилагаю два письма Эдди... Второе было написано въ то время, когда вы великодушно предложили взять къ себѣ мою любимицу,

*) Виргинія. К. Б.

Виргинію. Я написала тогда Эдди, прося его совѣта, и это сго отвѣтъ. Развѣ чувство, нашедшее здѣсь выраженіе, имѣетъ такой видъ, что онъ могъ-бы когда-нибудь перестать любить ее? И онъ никогда не пересталь.

[Подписи нѣтъ].

ЭДГАРЪ ПО КЪ МИСТРИСЪ ПО **).

Іюня 12-го, 1846.

Мое милое Сердце—моя милая Виргинія,—Наша мать объяснить тебѣ, почему я сегодня, эту ночь, не съ тобой. Я увѣренъ, что бесѣда, мнѣ обѣщанная, окончится чѣмъ-нибудь *существенно-благимъ* для меня—ради себя, милая, и ради нея—заставь свое сердце хранить всю надежду, и еще немножко вѣрь. При моемъ послѣднемъ великомъ разочарованіи, я потерялъ бы мое мужество *если бы не ты*—моя маленькая, моя любимая жена. Ты мое *величайшее и единственное* побужденіе теперь биться съ этою несродственной, неудовлетворяющей, и неблагодарной жизнью.

Я буду съ тобою завтра... по-полудни, и не сомнѣвайся въ томъ, что, пока я не увижу тебя, я сохраню въ *любящей памяти* твои *послѣднія слова* и твою пламенную мольбу!

Спи хорошо, и Богъ да даруетъ тебѣ мирное лѣто съ твоимъ глубокопреданнымъ Эдгаромъ.

**.) Единственное, дошедшее до насъ, письмо Эдгара По къ Виргиніи. К. В.

АННИ КЪ МИСТРИСЪ КЛЕММЪ.

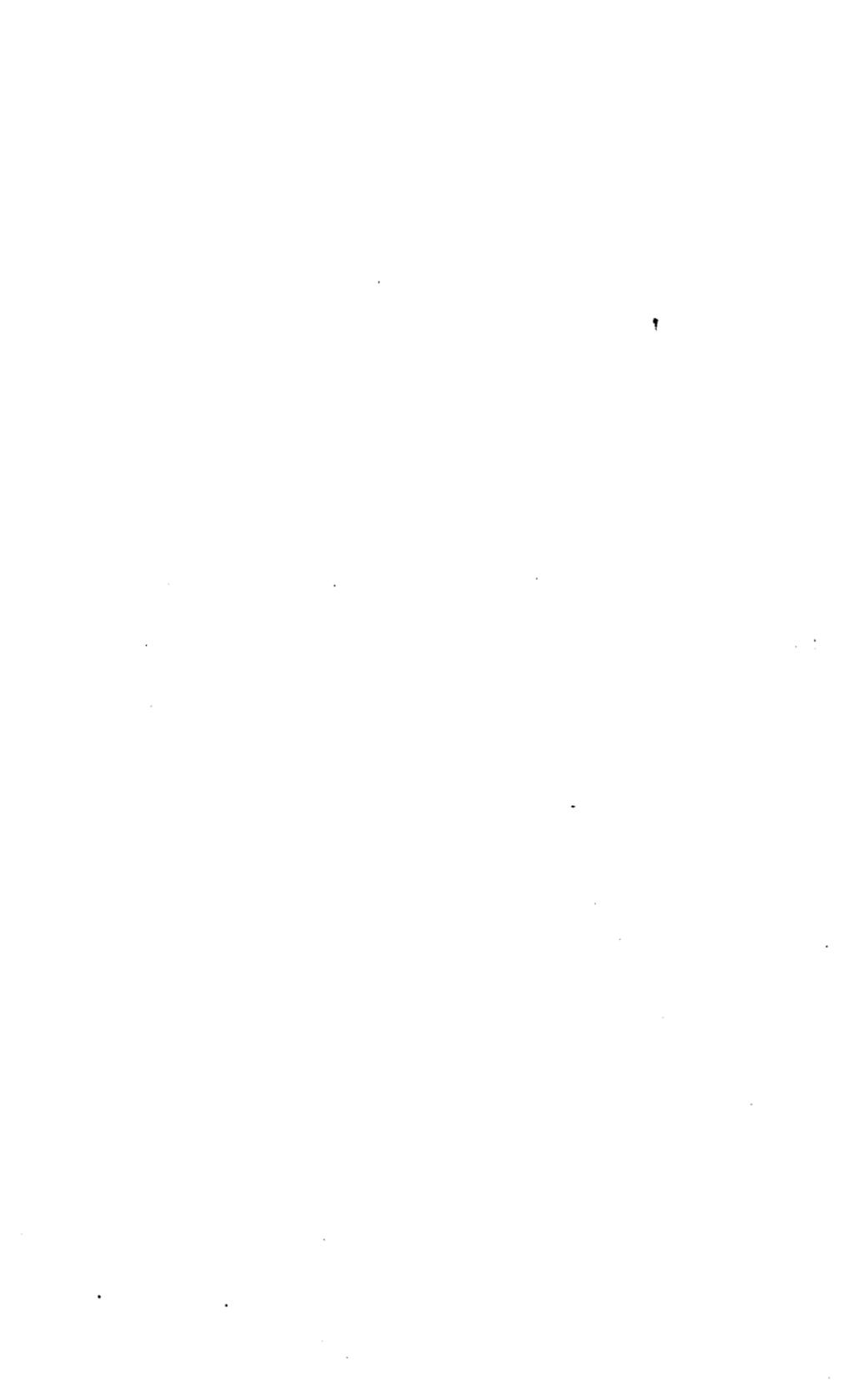
Воскресенье, вечеръ, Юня 15-го [годъ не означенъ].

Моя любимая Мёдди, — несмотря на то, что я не получила отвѣта на мое послѣднее письмо къ вамъ, я не хочу пропустить случая вамъ написать. — Я одна въ домѣ и о, какъ хочу я, чтобы моя родная, драгоценная Мёдди могла сѣсть рядомъ со мною, хоть на одинъ часъ, въ этотъ вечеръ — думаете-ли вы, что мы когда-нибудь встрѣтимся на землѣ? Иногда я думаю, что это невозможно, тогда я чувствую, что я должна увидеть васъ и что какой-нибудь добрый ангелъ устроить для насъ свиданіе — я такъ томлюсь желаніемъ услышать вашъ голосъ, зовущій меня опять, „Анни“, „милая Анни“, какъ вы звали меня такъ часто, и какъ онъ звалъ меня, о такъ ласково — Мёдди, былъ-ли когда-нибудь какой-нибудь голосъ такой нѣжный? Межь тѣмъ какъ годы уходятъ и я вижу другихъ, которыхъ называютъ утонченными и изящными среди людей, я вижу болѣе полно его превосходство — я напрасно ищу лба, который могла бы сравнить съ его — я ищу его манеры держаться — этого изящества въ соединеніи съ достоинствомъ — опять и опять я отвѣчала тѣмъ, которые спрашивали меня, не есть ли такой-то и такой-то человекъ „совершенный джентльмэнъ“, я отвѣчала, что никогда доселѣ я еще не видала никого, кромѣ одного, кого я судила достойнымъ носить этотъ титулъ, и, Мёдди, я знаю, я никогда не увижу другого, потому что никогда не можетъ быть другого подобнаго ему. — Мёдди, я должна вамъ сказать что-то грустное, кто-то укралъ у меня его портретъ дагерротипъ. Съ тѣхъ поръ какъ мы поселились въ этомъ домѣ, я всегда держала его въ выдвижномъ ящикѣ одного маленькаго стола въ гостиной, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими. Около шести мѣся-

цевъ тому назадъ, я хватилась его и долгое время думала, что это навѣрно кто-нибудь взялъ, чтобы сдѣлать снимокъ, и положить его обратно, но теперь, когда я спросила каждаго, о комъ только могла подумать и не могу найти разгадки, я такъ, такъ несчастна;—правда, у меня есть портретъ пастелью, но онъ и приблизительно не такъ хорошъ. О, Мёдди, спрячьте портретъ, принадлежащій вамъ, подъ замокъ, и держите его всегда въ сохранности! Можете ли вы, тамъ гдѣ вы находитесь, получить фотографическую карточку съ него? Я не буду притязать на что-нибудь большее, потому что у меня есть другое драгоценное сокровище, медальонъ съ прядью его волосъ — онъ всегда у меня подъ замкомъ, и портретъ обыкновенно также былъ подъ замкомъ, но мнѣ нужно было вынимать его такъ часто, что, наконецъ, я оставила его внизу въ гостиной на нѣсколько недѣль, никогда ни разу не помысливъ, что онъ можетъ тамъ не быть въ сохранности.— О, Мёдди, если вы только можете понять, какой несчастной это меня дѣлаетъ, я увѣрена, вы бы пообѣщали, что, если я переживу васъ, портретъ, вамъ принадлежащій, будетъ моимъ—я обѣщаю вамъ хранить его, я даже никому не покажу его. Столь многіе изъ его поклонниковъ просили меня дать имъ принадлежащій мнѣ портретъ, чтобы скопировать его, но я никогда не давала его — я такъ боялась, что что-нибудь можетъ съ нимъ случиться. Я пообѣщала, что я сама буду копировать его, и дѣйствительно намѣревалась такъ сдѣлать, потому что мало кому я съ удовольствіемъ дала-бы портретъ, кто могъ-бы сполна оцѣнить его. Мнѣ грустно, что я печалю васъ, говоря объ этомъ, но, Мёдди, это не отъ небрежности, а то я никогда-бы не могла простить себѣ—можетъ быть, его еще вернуть, я не могу не надѣяться—но возможность, что этого можетъ не быть, заставляетъ меня такъ тревожиться о томъ, чтобы вы берегли свой съ удесятеренной заботой—если вы можете заставить его скопировать, я пошлю вамъ

денегъ, если снимки будутъ хороши — такъ мало хорошихъ фотографовъ, и такъ много дрянныхъ портретовъ, что я почти боюсь довѣриться кому-нибудь — но вы мнѣ можете сказать, что вы объ этомъ думаете — [*Вальсъ прерывается*].

ПОСЛѢСЛОВІЕ ПЕРЕВОДЧИКА

ПРОЩАЛЬНЫЙ ВЗГЛЯДЪ.

Слова отошедшихъ людей. Воскресшія тѣни. Долго спавшая мумія, въ красивыхъ своихъ, и душистыхъ, пеленахъ, вдругъ ожившая отъ взгляда Любви.

Оживляетъ Любовь, и прощаетъ, если нужно прощать, и не помнить злого, а лишь красиво-благое, и стираетъ—стираетъ нѣжною рукою прахъ, и пепель, и все, что есть сѣраго цвѣта.

Красива поэтесса Елена Уитманъ, и звенящею болью, но и музыкой боли, и безмѣрною пыткой, но и долгимъ служеньемъ души душѣ—полна любовь связавшая навѣки два имени—Елена и Эдгаръ.

Чаровательница, и рабыня своихъ женскихъ страховъ, женщина полюбившая ангела, демона, духа, кого-то, кто былъ больше чѣмъ человѣкъ, и потому испугавшаяся,—нѣжная сибилла, заманившая и себя и другую душу въ колдованія любви, а когда другая душа явила себя вулканической, смутившаяся и потерявшая смѣлость повиновенія голосу собственнаго сердца,—безъ обмана обма-

нувшая, безъ неправды обманутая, — изломанная игрушка неосторожно начатой игры, священно-вѣчной, въ которую играютъ всѣ Мiры, воспламененные въ своихъ полетахъ по Небу, — и въ возмездіе прикованная еще на годы, на десятки лѣтъ, къ Землѣ, межъ тѣмъ какъ въ Небо могла улетѣть съ небеснымъ, — миръ тебѣ, тѣнь красивая, ты долго молилась въ ночной своей часовнѣ, и думала, что это молитва о падшемъ, и не знала, что это мысль о взнесенномъ, и не знала, что это молитва — о себѣ.

На одномъ изъ сохранившихся оттисковъ, когда-то только что отпечатанной, „Эврики“, на бѣломъ листкѣ, четкимъ почеркомъ Эдгара По, начертаны слова:—

„Мука соображенія, что мы утратимъ нашу личную тождественность, самоотдѣльное тождество, прекращается сразу, когда мы отдадимъ себѣ въ дальнѣйшемъ размышленіи отчетъ, въ томъ, что развитіе этого явленія есть поглощеніе, каждымъ отдѣльнымъ разумомъ, всѣхъ другихъ разумовъ (то-есть Вселенной), въ свой собственный. Чтобы Богъ могъ быть всѣмъ во всемъ, *каждый* долженъ сдѣлаться Богомъ“.

Эти сверхчеловѣчески прекрасныя слова, этотъ радостный зовъ на вершины высочайшаго зрѣнія, величайшей мощи, волея безграничнаго, и блеска чистѣйшихъ кристалловъ — этотъ кличъ Вѣстника, что пришелъ не отсюда — заблудившаяся Елена Уитманъ называетъ гордымъ самоутвержденіемъ, и говоритъ, что здѣсь изобличается таинственное отъединеніе отъ Божескаго сердца, тогда какъ именно здѣсь единственно-вѣрное къ нему устремленіе, если оно должно понято умнымъ и любящимъ сердцемъ.

Эдгаръ По могъ бы сказать слова, которыхъ онъ не произносилъ:—

Кто любить медь и млеко,
Ведеть его дорога

Отъ Богочеловѣка /
До Человѣкобога. /
Но всѣ свои желанья
Исчерпавъ до свершенья,
Онъ выбереть страданье
Какъ средство достиженья.
И за стѣной Чертога
Есть путь, внѣ дней и вѣка,
Отъ Человѣкобога
До Богочеловѣка.

Онъ могъ бы также сказать, чего онъ не говорилъ:—

Кто жилъ на устьи многихъ рѣкъ,
Текущихъ въ Океанъ,
Тотъ знаетъ: Богочеловѣкъ
Самой судьбой намъ данъ.
И тотъ, кто выбралъ красный цвѣтъ,
Какъ свѣточъ маяка,
Сквозь страсть своихъ недолгихъ лѣтъ
Уходитъ онъ въ вѣка.
И тотъ, кто выбралъ черный цвѣтъ,
Какъ вѣрный свой нарядъ,
Въ душѣ онъ пламенемъ одѣтъ,
И вызвѣздилъ свой взглядъ.
Но всѣ цвѣта, какъ слитность струй,
Какъ кровь пронзенныхъ рукъ,—
Одинъ Вселенскій поцѣлуй,
Одинъ стозвонный звукъ

Въ тревогѣ суетврной и зоркой, Елена Уитманъ обращаетъ вниманіе на то, что изъ переставленныхъ буквъ, составляющихъ заветное имя *Edgar Poe* возникаетъ анаграмма *A God-peer—Пэръ Бога-Богоравный*—и видитъ въ этомъ злое означенье, которое не отъ человѣка и не отъ ангела. Но тотъ, кто въ ночи боролся съ Богомъ, — не Богоравный ли онъ, хотя бъ онъ сталъ хромцомъ въ великой этой борьбѣ, на которую съ высотъ глядѣли звѣзды, и которую слышащимъ сердцемъ своимъ воспріяла чуткая Мать-Земля? И не возлюбленъ ли Богомъ—Богоравный, боровшійся съ Богомъ?

И зачѣмъ не продолжила — зачѣмъ не окончила эту тонкость игры, это чтеніе имени — та, которая умѣла читать звѣздные узоры и повѣсти влюбленныхъ цвѣтовъ? Кончу за нее. Тѣ женщины, которыя любили Эдгара По сполна, и которыя не побоялись принять его цѣликомъ, женщина-ребенокъ, Виргинія, благородная мать ея, заслужившая почетное имя въ Вѣчности, Марія Клеммъ, и нѣжная какъ фіалка, очаровательная Анни, звали своего любимца уменьшительнымъ именемъ, Эдди. Не соблазнительно ли сблизить это имя Eddie — со столь близкимъ къ нему Англійскимъ словомъ Eddy [во множественномъ числѣ — Eddies], что значить: водоворотъ, встрѣчное теченіе, слѣдъ корабля, и прибой, и вихрь? Что въ цѣломъ Морѣ увижу я, въ страшномъ Морѣ ночью, озаренномъ ущербной Луною, кромѣ струи за кормой, если я уплываю въ Безвѣстное? Этотъ слѣдъ корабля — тонкій мостъ для мечты, серебристый и радужный, зыбкій, связующій, отъ меня уходящій къ покинутымъ, самое море ночное такъ исцѣляющій отъ пустынности его жестокой. Что обрызжетъ меня самой свѣжею влагой, какъ не приливный валъ? Что споетъ мнѣ самую цѣлительную пѣсню, долгую пѣсню Вѣчности, какъ не мѣрный и вѣрный ропотъ прибоя? И встрѣчное теченье не рождаетъ ли въ сердцѣ радость борьбы — оно не дѣлаетъ ли пловца болѣе сильнымъ и смѣлымъ, не рождаетъ ли въ немъ ликующую любовь къ Міру, въ которомъ возможна радость битвенной схватки? И водоворотъ, знакомая намъ съ Ужасомъ, не говоритъ ли намъ о великой серьезности Мірозданія — не внушаетъ ли намъ, своимъ кругообразнымъ змѣинымъ движеніемъ, желанье побѣды надъ Страхами и страсть вовлеченія въ круговороты Вселенной? А если усталъ я — если отсталъ я отъ каравана потерявшагося въ Пустынѣ, кто споетъ мнѣ послѣднюю сказку, если не вихрь? Кто, какъ не вихрь, унесетъ мою душу до Звѣздъ, нагромоздивъ надъ остывающимъ шур-

шашія атомы-песчинки, что всѣ говорятъ, какъ истекающія секунды, и шепчуть въ умирающей слухъ, и скрѣпляють, смыкають, не страшный, но ласковый, саванъ, подъ звѣздно-глубиннымъ небомъ Пустыни?

И не изъ Вихря ли раздался этотъ голосъ:—

Въ Безднѣ задуманный, въ Небѣ зачатый,
Взявшій для глазъ своихъ Солнце съ Луной,
Скрывшій въ себѣ грозовые раскаты,
Льдяные срывы и влагу и зной,
Знавшій огней вѣковые набаты,
Праздникъ разлитья созвѣздій и рѣкъ,
Страстью ужаленный, Бездной зачатый,
Я—Человѣкъ.

Да, тотъ Человѣкъ, для котораго былъ задуманъ Рай. Первородный, единый, первый и послѣдній, лучший, лучше котораго—нѣтъ.

„...Межъ тѣмъ какъ годы проходятъ, и я вижу другихъ, кого называютъ утонченными среди людей, я ощущаю болѣе полно его превосходство—я напрасно ищу...“

Сердце хочетъ счастья, простого счастья: любить и быть любимымъ. Вѣстникъ Запредѣльнаго, глашатай глубинъ и носитель тайнъ, бессмертный Эдгаръ, взявшій въ своемъ мировомъ служеніи великую тяжесть необходимости явить, какъ можетъ быть одинока душа Человѣка среди людей и въ Мирѣ, былъ лишаемъ всего, что было ему дорого, но пламеннымъ свѣтильникомъ горѣлъ до конца. Всегда всего лишаемый, чего душа хотѣла, онъ лишенъ былъ и этой малой, но трепетно-нѣжной, радости: послать Анни напечатаннымъ свой очеркъ „Коттэдждъ Лэндора“, гдѣ объ Анни сказаны вѣрныя слова. Она прочла эти строки напечатанными—лишь когда онъ былъ мертвымъ. Когда читаешь эти строки теперь, глазами любви и пониманія, чудится, что читаешь его собственную душу, кажется, что вотъ онъ тутъ, говорить нагѣвнымъ своимъ голосомъ, этотъ великій Эдгаръ, этотъ причудливый Эдди.

«...Я постучалъ въ полуоткрытую дверь. Немедленно къ порогу приблизилась фигура молодой женщины—лѣтъ двадцати восьми—стройной, или скорѣе тонкой, и нѣсколько выше средняго роста. Въ то время какъ она приближалась ко мнѣ, походкой, изобличающей нѣкую скромную *рѣшительность*, совершенно неописуемую, я сказалъ самому себѣ: „Вотъ это, безъ сомнѣнія, природное *изящество* въ противоположность искусственному“. Вторичное впечатлѣніе, и болѣе сильное, было впечатлѣніе *энтузіазма*. Никогда до тѣхъ поръ въ сердце моего сердца не проникало такое напряженное выраженіе чего-то, быть можетъ, я долженъ такъ назвать это, *романическаго*, или немірскаго, какъ выраженіе сверкавшее въ ея глубокихъ глазахъ. Глаза Анни, (я услышалъ, какъ кто-то изъ комнатъ сказалъ ей: „Анни, милая!“) были духовно-сѣраго цвѣта, волосы у нея были свѣтло-каштановые. Я не знаю какъ, но именно это особенное выраженіе глазъ, иногда сказывающееся въ изгибѣ губъ, представляетъ изъ себя самое сильное, если не безусловно единственное, очарованіе, возбуждающее во мнѣ интересъ къ женщинѣ... женственное... и что же человѣкъ истиннымъ образомъ *любитъ* въ женщинѣ, какъ не то именно, что она *женщина*.

Съ изысканнѣйшей любезностью она попросила меня войти...»

Странникъ вошелъ въ домъ къ прекрасной. А она вошла въ его душу, и завладѣла ею, какъ ароматъ одной фіалки владѣетъ цѣлымъ лѣсомъ въ часъ утра, и дышетъ, въ лѣсу, въ ночи.

Съ кѣмъ же теперь Эдгаръ? Съ Эльмирой? Съ Виргиніей? Съ Еленюю? Съ Анни?

О, есть же красота души, и есть долины Міра въ пространствахъ Вселенной, гдѣ души любятъ съ душами, и гдѣ любить душа, всѣхъ и одну-одного, одного-одну и всѣхъ. Только взгляни въ часъ Полночи въ эти хороводы Звѣздъ.

Всѣхъ... Но мнѣ чудится лѣсъ. И мнѣ чудится ландышъ, бѣлый, душистый, со множествомъ, но изысканно-малымъ множествомъ, чашечекъ, полныхъ влюбленія, съ звенящими своими колокольчиками, страстный и сказочный. И чудится мнѣ, что тотъ ландышъ дышетъ рядомъ — съ фіалкой.